

ЛОРЕЛ
ГАМИЛЬТОН

ХОЛОД СТРАХА

ПРИКОСНОВЕНИЕ
ПОЛУНОЧИ

— Черный список
лучших черной фантастики!

Мередит Джентри, бежавшая принцесса темных фейри, стала в нашем мире частным детективом по расследованию паранормальных и магических преступлений.

Но теперь мира нет ни в королевстве фейри, посланцы которого отыскивали Мередит, ни в мире людском, испытавшем на себе страшную силу нечеловеческого колдовства.

Безжалостная схватка за трон продолжается.

Кузен и недруг Мередит, второй в линии наследования, повержен и заточен в темницу — однако его наемные убийцы по-прежнему идут за нею по пятам...

Разладом в правящей семье умело пользуются придворные интриганы, мечтающие посадить на трон собственного претендента...

Теперь опасность угрожает Мередит сразу с двух сторон.

У нее все больше врагов и все меньше союзников.

И единственный, в чью искренность она пока еще может верить, — Повелитель Бурь Мистраль, воин, обладающий древней, загадочной силой...

Лорел Гамильтон

Прикосновение полуночи

Я, обладателю моей руки и моего сердца; тому, кто помогает мне играть во тьме, а не жить в ней.

Благодарности

Всем моим друзьям, писателям и не писателям, кто пока меня любит, несмотря на то, что большинство бесед по телефону в последнее время начинаются с "Привет, пропажа". Надеюсь в будущем видеть вас почаще.

Ненавижу пресс-конференции. А особенно ненавижу, когда приличную часть правды приказано скрыть. Такой приказ исходил от Королевы Воздуха и Тьмы, повелительницы темного двора фейри. Неблагодой Двор — это власть, которой лучше не перечить, будь ты хоть принцесса этого двора. Я как раз и есть принцесса, племянница королевы Андаис, хотя особой пользы мне это никогда не приносило. Улыбаясь плотной стене репортеров, я очень старалась не выразить на лице эти мысли.

Королева никогда еще не пускала такую толпу журналистов в самое сердце земли неблагих, в наш полый холм, в ситхен. Это наше убежище, а в убежище не водят репортеров. Но после вчерашнего покушения пришлось на это пойти — в качестве меньшего зла. Резон был в том, что внутри ситхена магия защитит меня успешней, а то вчера в аэропорту меня едва не застрелили.

Пресс-атташе нашего двора, Мэдлин Фелпс, указала на первого репортера, и допрос начался.

— Принцесса Мередит, вчера у вас на лице была кровь, но сегодня единственный след от случившегося — рука на перевязи. Какие травмы вы вчера получили?

Моя левая рука действительно покоилась на зеленой холщовой перевязи, почти незаметной на фоне жакета. Я была одета в рождественские цвета, в красный и зеленый цвета Йоля^[1] — радостно, празднично и по сезону. Зеленый жакет и красная блузка. Волосы у меня еще краснее, чем блузка. Самая неблагая моя черта — алые волосы сидхе^[2], *сидхе скарлет*, лучший цвет для тех, кто хорошо смотрится в черном. Ничего общего с золотистым или апельсиново-рыжим цветом человеческих волос. Цвет жакета подчеркивал яркую зелень двух концентрических кругов в моих трехцветных радужках. Третий круг, золотой, временами вспыхивал под светом прожекторов, словно настоящий металл. Глаза у меня точь-в-точь как у благих сидхе — единственная черта, напоминающая о том, что моя мать принадлежит к золотому двору. Ну, как минимум наполовину принадлежит.

Я не узнала репортера, задавшего вопрос. Новое для меня лицо, может, только после вчерашнего и появился. Поскольку вчерашнее покушение состоялось практически на глазах — точнее, на объективах, — прессы, часть репортеров пришлось оставить снаружи, потому что все они в зале не помещались. Пресс-конференции привычны мне с детства, но такой массовой никогда еще не было. Даже когда убили моего отца, журналистов собралось меньше. Меня учили, что к репортерам следует обращаться по имени, если они тебе знакомы, но тут я могла только улыбнуться и сказать:

— Отделалась растяжением. Мне вчера крупно повезло.

Вообще-то рука пострадала не в том покушении, которое попало на пленку. Нет, ее повредили во втором — или это было третье? — покушении на мою жизнь. Но две последние попытки произошли внутри ситхена, где мне вроде бы полагалось быть в полной безопасности. Единственное, почему королева и мои телохранители считали, что мне безопасней находиться здесь, чем в мире людей, — это потому, что заговорщики, стоявшие за покушениями на меня и на королеву, были арестованы или убиты. У нас вчера едва не свершился дворцовый переворот, а пресса об этом и не подозревала. Одно из древних людских наименований для фейри — скрытый народ. Вполне нами заслуженное.

— Принцесса Мередит, у вас на лице вчера была ваша собственная кровь?

На этот раз женщина, и знакомая.

— Нет, — ответила я. На лице у журналистки стало проступать понимание, что от нее отделались односложным ответом. Глядя на ее мимику, я улыбнулась по-настоящему. — Нет, Шейла, это была не моя кровь.

Она улыбнулась мне — этакая блондинистая штучка, выше ростом, чем я на любых каблуках.

— Можно мне еще вопрос, принцесса?

— Нет-нет, — вмешалась Мэдлин, — только по одному вопросу.

— Все в порядке, Мэдлин. Пусть спросит.

Наша пресс-атташе повернулась ко мне, дернув переключатель на поясе, чтобы микрофон не уловил ее слова. Я поняла намек и подвинулась к ней, прикрыв свой микрофон ладонью.

Мэдлин наклонилась ко мне через стол. Длина юбки позволяла ей сделать это, не ослепляя сидящих в зале репортеров зрелищем белья. Покрой ее платья, как и цвет, полностью соответствовали моменту. В ее обязанности входило всегда знать, что допустимо, а что — нет. Она была у нас представителем от людей в куда большей степени, чем любой посол из Вашингтона.

— Если Шейла задаст уточняющий вопрос, это начнут делать все. Нам станет трудней работать, мне и вам.

Она была права, но...

— Скажите им, что это — исключение. И пусть задает.

Мэдлин подняла искусно подправленные брови, но сказала: "О'кей". С улыбкой поворачиваясь к репортерам, она стукнула по рычажку микрофона.

— Принцесса разрешит Шейле задать уточняющий вопрос, но дальше мы вернемся к прежнему правилу. По одному вопросу от человека.

Она указала на Шейлу и поощрительно кивнула.

— Спасибо за возможность уточнить вопрос, принцесса Мередит.

— Прошу вас.

— Если это была не ваша кровь, то чья же?

— Моего телохранителя Холода.

Камеры дружно блеснули вспышками, так что я на миг ослепла, и всеобщее внимание переместилось мне за спину. Мои стражи встали у стены шеренгой, охватывающей наш помост и загибающейся в зал. Одеты они были на все вкусы — от пиджачных пар до полной брони в стиле готского клуба. Единственное, что объединяло все костюмы, — это оружие. Вчера мы пытались соблюсти приличия в отношении оружия — все стволы под одеждой, только выпуклости в неположенных местах заметны. Сегодня пистолеты под плащами и пиджаками остались, где и были, но к ним прибавились и пистолеты на виду, и еще мечи, ножи, топоры и щиты. Да и число стражей сегодня было больше чуть не втрое.

Я оглянулась на Холода. Королева велела мне не заводить любимчиков среди стражей. Она дошла до того, что запретила мне даже томным взглядом выделять кого-нибудь одного в присутствии других. Мне это требование показалось странным, но она — королева, и спорить с ней небезопасно. И все же я оглянулась. В конце концов, он спас мне жизнь. Неужто это не стоит одного-единственного взгляда? Для королевы, моей тети, у меня найдется оправдание: пресса сочла бы странным, если бы я не выразила ему благодарности. Что было правдой. Только посмотрела я на него потому, что мне хотелось на него

посмотреть.

Волосы у него были серебряные, как рождественская мишура, блестящие и металлические. Они спадали занавесом до щиколоток, и я знала, какие они мягкие и живые и как приятно ощущать их живое тепло всем телом. Верхние пряди он убрал назад, скрепив их костяной заколкой. Волосы сверкали и переливались на фоне серого костюма от "Армани", сшитого в расчете на атлетическую фигуру и широкие плечи стража — а еще на пистолет в наплечной кобуре и пару-тройку ножей. Но на два пистолета в наплечных кобурах и плотно прикрепленный к бедру короткий меч в кожаных ножнах костюм не был рассчитан. Над плечом у Холода сквозь сияние его гривы проглядывала рукоятка второго меча. Ножам страж просто щетинился, а ведь у Холода всегда припрятаны еще один-два клинка, никому не видные. Ни один портной не сумеет сшить костюм, способный скрыть такую прорву оружия. Холоду даже не удалось застегнуть пиджак, и пистолеты, меч и один из ножей блестели под вспышками.

Зал гремел криками "Холод, Холод!", пока Мэдлин выбирала, кому спрашивать. Репортер опять оказался из незнакомых. Ничто так не привлекает прессу, как покушение на убийство.

— Холод, насколько серьезно ваше ранение?

Холод ростом повыше шести футов, и поскольку я сидела и микрофоны были рассчитаны на мой рост, ему пришлось наклониться. Он грациозен в любом бою и с любым оружием, но сейчас, сложившись вдвое над микрофоном, казался неуклюжим. Я подумала, приходилось ли ему хоть раз говорить в микрофон, но он уже отвечал на вопрос:

— Я здоров.

Он выпрямился, и у него на лице я увидела облегчение, когда он отвернулся от камер — видимо, решив, что отделался от них. Ага, как же.

— Но разве не ваша кровь была на принцессе?

Его ладонь сжимала рукоятку короткого меча. Прикасаться к оружию без необходимости — признак нервозности. Он опять склонился к микрофону, на этот раз неловко задев мое больное плечо. Не думаю, что журналисты заметили эту маленькую оплошность, но для Холода это было невероятно неуклюже. Он оперся рукой о стол, чтобы восстановить равновесие, и посмотрел на меня глазами цвета серого зимнего неба. Взгляд безмолвно спрашивал: "Я сделал тебе больно?"

— Нет, — сказала я одними губами. Он с облегчением вздохнул и повернулся к микрофонам.

— Да, это была моя кровь.

И он снова отступил назад в уверенности, что теперь-то им достаточно. Вообще-то мог бы знать, что это не так. За эти годы он не сосчитать сколько раз служил живой декорацией для королевы на подобных мероприятиях и мог бы теперь понять, что был несколько излишне краток. Ну, на этот раз он хотя бы не попытался тут же вернуться на свое прежнее место у меня за спиной.

Следующего репортера я знала. Саймон Мак-Крэкен. Он не первый десяток лет писал с дворах фейри.

— Если вы не ранены, Холод, то откуда взялась ваша кровь и как она попала на принцессу?

Он знал, как сформулировать вопрос так, чтобы мы не смогли увернуться от ответа. Сидхе не лгут. Мы можем раскрасить правду во все цвета радуги и убедить собеседника, что

черное — это белое, но никогда не лжем впрямую.

Холод опять склонился к микрофону, опираясь на стол рукой. Это движение чуть приблизило его ко мне — ровно настолько, что его брюки задели край моей юбки, а меч оказался зажат между нами. Неудачно, если ему придется вытаскивать оружие. Я посмотрела на его руку, такую большую и сильную руку, и увидела, что пальцы у него побелели. Он сжимал стол, как сжимают край кафедр, когда нервничают.

— В меня стреляли. — Ему пришлось откашляться, прежде чем продолжать. Я чуть повернула голову, как раз чтобы разглядеть его дивный профиль, и поняла, что он не просто нервничает. Холод — Убийственный Холод королевы — убийственно боялся. Страх перед аудиторией. О черт! — Рана уже зажила. Моя кровь попала на принцессу, когда я закрывал ее от опасности.

Он попытался выпрямиться, но я остановила его. Прикрыв микрофон ладонью, я нагнулась к уху Холода, глубоко вдохнула аромат его кожи и шепнула:

— Встань на колени или сядь рядом.

Страж вздохнул так глубоко, что плечи дернулись, но встал на колени возле меня.

Я подвинула микрофон к нему поближе и запустила руку ему под пиджак, на поясницу, чуть ниже расширения ножен большого меча. Когда фейри нервничают, любые фейри, им становится спокойней от прикосновений. Даже могучие сидхе чувствуют себя лучше при телесном контакте, хотя не все из нас это признают из боязни нарушить границу между знатью и обычными фейри. Но в моих жилах течет слишком много крови малых фейри, чтобы меня заботили такие пустяки. Мои пальцы ощутили струйку пота, стекающую по ложбинке спины.

Мэдлин решила подвинуться ближе к нам, но я покачала головой. Она взглянула на меня вопросительно, но промолчала и тут же выбрала очередной вопрос.

— Так вы перехватили пулю, предназначавшуюся принцессе Мередит?

Я наклонилась к микрофону, щекой прижавшись к щеке Холода, но осторожно, стараясь не повредить макияж. Камеры взорвались вспышками белого света. Холод дернулся, и я знала, что камеры это зафиксируют. Ох, черт. Вспышки нас ослепили, перед глазами плясали белые и синие пятна. Мышцы Холода напряглись, но вот этого я бы не заметила, если бы не прикасалась к нему.

— Приятно вас видеть, Сара, и да, он поймал мою пулю, — сказала я.

Кажется, Сара ответила на мое приветствие, но я не была уверена, потому что все еще не могла толком ничего разглядеть, и в зале было слишком шумно. Меня приучили обращаться по именам к тем репортерам, кого я знала. Это создает дружескую атмосферу. А на пресс-конференции атмосфера нужна как можно более дружеская.

— Вы испугались, Холод?

Он чуточку расслабился под прикосновением моей руки.

— Да, — признал он.

— Вы боялись умереть? — выкрикнул кто-то без спроса.

Холод тем не менее ответил:

— Нет.

Мэдлин вызвала кого-то еще, и он спросил:

— А чего тогда вы боялись?

— Я боялся, что пострадает Мередит. — Он облизнул губы и снова напрягся. Я поняла, в чем дело: он назвал меня по имени, без титула. Ошибка для телохранителя, но он,

разумеется, был не просто телохранителем. Каждый страж формально мог стать моим принцем. Но мы — сидхе, мы не заключаем браки, пока не зачат ребенок. Бесплодным парам не разрешено жениться. В общем, телохранители не просто "хранили" мое тело...

— Холод, вы бы пожертвовали жизнью ради принцессы?

Он не раздумывал ни секунды.

— Конечно. — Тон ясно показывал всю глупость вопроса.

Репортер из задних рядов, стоявший рядом с телекамерой, задал следующий вопрос:

— Холод, как вам удалось залечить пулевую рану менее чем за сутки?

Холод опять болезненно глубоко вздохнул.

— Я — воин сидхе.

Репортеры ждали продолжения, но я знала, что продолжения не будет. По мнению Холода, то, что он сказал, объясняло все. Он получил всего лишь сквозную пулевую рану из обычного стрелкового оружия. Чтобы остановить война-сидхе, нужно гораздо больше.

Я спрятала улыбку и наклонилась к микрофону, чтобы изложить это прессе, но тут пот на спине стража вдруг перестал быть теплым и мокрым. Словно струйка холодного воздуха пробежала по его телу. Холодного настолько, что я от неожиданности отдернула руку.

Взглянув на его большую ладонь на столе, я увидела то, чего боялась. От пальцев расползлась белая каемка инея. Слава Богине, что скатерть на столе белая — только поэтому никто еще ничего не заметил. Может, кто-нибудь углядит позже, когда станут просматривать отснятый метраж, но с этим я уже ничего не могла поделать. Мне было о чем беспокоиться и без таких дальних хлопот. В какой-то мере случившееся было моей виной. Я нечаянно снабдила Холода силой, которой он прежде не обладал. Сила — это благословение Богини, но с новой силой приходят новые соблазны и новая ответственность.

Вынув руку из-под пиджака Холода, я накрыла ладонью его руку, одновременно обратившись к удивленно переговаривающимся репортерам. Я ожидала, что рука стража окажется такой же холодной, как струйка силы, бежавшая по его спине, но рука, к моему удивлению, была гораздо теплее.

— Сидхе исцеляются почти от всех ран, — напомнила я.

Иней расползлся дальше. Край морозного пятна коснулся микрофона и пополз вверх. Микрофон затрещал, и я сжала руку Холода. Только теперь он заметил, что натворил его страх. Да я и так знала, что это он не нарочно. Он сжал руку в кулак, но моя ладонь осталась у него на руке, наши пальцы переплелись. Я не хотела, чтобы кто-то заметил иней до того, как он растает.

Я повернулась к Холоду лицом, и он посмотрел на меня. В его радужках падал снег, словно в рождественских стеклянных игрушках. Я наклонилась и поцеловала его. Поцелуй оказался для него неожиданностью — ведь он слышал предостережение королевы насчет фаворитизма, — но Андаис простит меня, если мне удастся заставить ее выслушать мои объяснения. Она бы сделала то же самое, а то и похлеще, лишь бы отвлечь прессу от нечаянного проявления магии.

Мы всего лишь целомудренно соприкоснулись губами, потому что Холод чувствовал себя неловко в присутствии всех этих чужих людей. Кроме того, моя красная помада размазалась бы на манер клоунского грима, решились мы на глубокий поцелуй. Сквозь сомкнутые веки вспышки камер казались оранжевыми.

Я отстранилась первой. Глаза Холода еще были закрыты, губы расслаблены, почти приоткрыты. Он моргнул. Вид у него был ошарашенный, может — из-за вспышек, может —

из-за поцелуя. Хотя — Богиня знает — я целовала его и прежде, и гораздо... ощути-
меей. Неужели мой поцелуй все еще значит для него так много, хотя мы целовались уже столько
раз, что и не сосчитать?

Его взгляд говорил "Да" так ясно, как не могли бы сказать никакие слова.

Фотографы бросились ближе к столу и остановились только у линии стражей. Они
снимали мое лицо и лицо Холода. Иней растаял, пока мы целовались, оставив только едва
заметные влажные пятна на белой ткани вокруг наших рук. Мы скрыли волшебство, зато
продемонстрировали лицо Холода всему миру. Что нужно сделать, когда мужчина
показывает всему миру, как на него действует ваш поцелуй? Правильно, поцеловать его еще
раз. Что я и сделала, уже не заботясь ни о клоунском гриме, ни о приказе королевы. Я просто
хотела видеть такое выражение у него на лице, когда мы целуемся. Всегда и везде.

Мы с Холодом оба перемазались в красной помаде, но мы сидхе, и гламор — одна из самых мелких наших способностей. Чутьочку концентрации — и моя помада приобрела вид только что нанесенной, хоть я и чувствовала, что она размазана по подбородку. Я набросила магию и на лицо Холода, чтобы он выглядел нормально, а не так, словно дорвался до горшка с красной краской и окунулся в него лицом.

Вообще-то использовать магию против прессы — незаконно. Верховный суд объявил, что это противоречит первой поправке — свобода слова и все такое. Но нам позволялось использовать немножко волшебства для себя, в косметических целях. В конце концов, чем это отличается от макияжа и пластических операций, к которым прибегают знаменитости? Вспомнив про секреты кинозвезд, суд мудро решил не трогать это осиное гнездо.

Я бы могла с самого начала воспользоваться гламором вместо косметики, но это требовало концентрации, а мне хотелось сохранить все свои умственные способности для общения с прессой. Кроме того, в случае нового покушения на меня гламор не устоял бы. У королевы хватило тщеславия и мелочности, чтобы подумать об этом и приказать мне воспользоваться косметикой — на всякий случай. Видимо, чтобы на мой труп было приятно взглянуть. А может, я слишком цинична. Может, она просто не доверяла моим способностям в плане гламора. Кто знает?

Я сказала Холоду, что с него достаточно вопросов на сегодня, и тут же репортеры налетели на него, как пираньи: "Холод, Холод..." Нашлись даже такие, кто выкрикнул вопросы в стиле "Как она в постели?.. Сколько раз в неделю вам удается ее трахнуть?". Люблю таблоиды. Особенно кое-какие из европейских. По сравнению с ними американские "желтые" листки кажутся попросту застенчивыми.

Подобные грубые вопросы мы оставили без внимания. Холод снова занял свой пост у стены. Я чувствовала окружавшее его слабое волшебство. Если он отойдет подальше, гламор развеется, но на таком расстоянии я могла удерживать чары. Не вечно, но достаточно долго, чтобы мы успели развязаться с этим бардаком.

Мэдлин выбрала одно из уважаемых изданий, "Чикаго трибюн", но вопрос заставил меня пожалеть, что она не обратилась к таблоидам.

— Мой вопрос состоит из двух частей, Мередит... Вы позволите?

Репортер был так любезен, что мне стоило сразу заподозрить неладное.

Мэдлин взглянула на меня, и я кивнула. Он спросил:

— Если сидхе могут залечить практически любую рану, почему ваша рука не исцелилась?

— Я не чистокровная сидхе, так что выздоравливаю медленней, почти как люди.

— Да, вы частично человек и частично брауни^[3], это известно. Но правда ли в таком случае, что некоторые знатные сидхе Неблагого Двора считают, будто в вас недостаточно крови сидхе, чтобы править ими? И даже если вы взойдете на трон, они не признают вас королевой?

Я улыбалась бесконечным вспышкам и с бешеной скоростью ворочала мозгами. Кто-то ему это сказал. Кто-то, кому стоило бы сперва подумать. Некоторых сидхе действительно пугала моя смертность, моя смешанная кровь, они думали, что, взойдя на трон, я их погублю. Что моя смертная кровь лишит их бессмертия. Это стало мотивом для как минимум одной,

если не двух последних попыток убить меня. Целый дом сидхе и глава другого дома были сейчас под арестом в ожидании приговора. Никто не обговаривал со мной, что отвечать на подобный вопрос, поскольку никому и присниться не могло, что кто-то из сидхе или малых фейри осмелится хотя бы намекнуть об этом прессе.

Я отважилась сказать полуправду.

— Среди вельмож есть такие, кто считает мою смешанную кровь недостатком. Но расисты существуют везде, мистер...

— О'Коннел, — представился он.

— ...мистер О'Коннел, — закончила я.

— Так вы считаете это проявлением расизма?

Мэдлин попыталась остановить меня, но я ответила, потому что хотела знать, как много ему известно.

— А что это, если не расизм, мистер О'Коннел? Им не нравится мысль, что какая-то грязная полукровка займет трон.

Если он теперь продолжит развивать тему, то будет выглядеть расистом. Репортер из "Чикаго трибюн" не может позволить себе выглядеть расистом.

— Это некрасивое обвинение, — сказал он.

— Да, — согласилась я. — Некрасивое.

Мэдлин вмешалась в наш диалог:

— Нам нужно двигаться дальше. Следующий вопрос.

Она указала на кого-то другого, немного нетерпеливо, но, в общем, она действовала правильно. Нам нужно было сменить тему. Хотя среди других тем были не менее болезненные.

— Правда ли, что полисмена чарами вынудили выстрелить в вас, принцесса Мередит?

Вопрос пришел от мужчины в первом ряду — смутно знакомого, как многие, кто часто мелькает на экране.

Сидхе не лгут. Наш национальный спорт — умение говорить околичностями. В принципе лгать мы можем, но тем самым навлекаем на себя проклятие. Когда-то за ложь изгоняли из волшебной страны. Правильным ответом на вопрос репортера было бы "да", но мне не хотелось так отвечать. Так что я попыталась увильнуть.

— Бросьте вы эту "принцессу", парни. Я три года работала детективом в Лос-Анджелесе и как-то поотвыкла от титулов.

Мне очень хотелось избежать вопроса о том, кто наложил чары на полицейского. Это было частью попытки дворцового переворота. Нам ужасно не хотелось признавать, что вельможа-сидхе заставил одного из охранявших меня полицейских напасть на меня.

Мэдлин превосходно поняла намек и вызвала нового репортера.

— Здесь сегодня настоящий парад бойцов сидхе, прин... Мередит. — Женщина улыбнулась, опустив титул. Я так и думала, что это им понравится. А мне не нужен был титул, чтобы помнить, кто я такая. — Вы увеличили охрану из опасения за свою безопасность?

— Да, — ответила я, и Мэдлин кивнула следующему.

Это был другой репортер, но он вернулся к больному вопросу.

— Что заставило полицейского выстрелить в вас, Мередит? Чары?

Я тянула паузу, пытаясь придумать ответ, но тут Дойл оставил свое место и подошел ко мне. Он наклонился к микрофону, весь словно черная статуя, вырезанная из одного куска

мрамора: черный деловой костюм, черная рубашка с высоким воротничком, туфли, даже галстук — все одной и той же невообразимой черноты.

— Можно мне ответить на этот вопрос, принцесса Мередит?

По краям его ушей от мочек до острых верхушек сияли многочисленные серебряные сережки-гвоздики. Вопреки убеждениям всяких там псевдоэльфов с хрящевыми имплантатами в ушах острые уши Дойла выдавали его низкое происхождение, смешанную кровь, как у меня. Длинные черные волосы Дойла запросто могли бы скрыть его "уродство", но он почти никогда к такой уловке не прибегал. Сегодня волосы были собраны в обычную его косу. Маленький алмаз в мочке уха блестел прямо у моей щеки.

Почти все его оружие было также монохромно, как и одежда, так что разглядеть ножи и пистолеты, черные на черном, было нелегко. Он был Мраком королевы, ее убийцей на побегушках больше тысячи лет. А теперь он мой.

Я постаралась удержать на лице такое же непроницаемое выражение, как у Дойла, и не выдать облегчения.

— Прошу, прошу, — сказала я.

Он наклонился к установленному передо мной микрофону.

— Вчерашнее покушение на жизнь принцессы еще расследуется. Прошу прощения, но ряд деталей пока нельзя обсуждать публично. — Его низкий голос резонировал в микрофоне. Я заметила, как некоторые журналистки вздрогнули, и вздрогнули не от страха. До сих пор я не знала, что у него хороший голос для микрофона. Дойл, как и Холод, еще никогда не говорил на микрофон, но его это в отличие от Холода не смущало. Его вообще мало что смущало. Он был Мрак, а мрак нас не боится, это мы боимся мрака.

— Что вы можете рассказать нам о попытке убийства? — спросил другой репортер.

Я не совсем поняла, к кому из нас был обращен вопрос. Глаза этого репортера скрывали темные очки, но я поклялась бы, что чувствую на себе его взгляд. Я наклонилась к микрофону:

— Немногое, к сожалению. Как сказал Дойл, дело еще расследуется.

— Знаете ли вы, кто организовал покушение?

Дойл опять наклонился к микрофону.

— Прошу прощения, леди и джентльмены, но если вы станете упорствовать в вопросах, на которые мы не можем отвечать из опасения помешать внутреннему расследованию, пресс-конференцию придется закрыть.

Дойл хорошо повернул дело, вот только употребил неудачное слово: "внутреннее".

— Значит, это кто-то из сидхе околдовал полицейского? — крикнула какая-то женщина.

Черт, подумала я.

Дойл заварил эту кашу, он же и попытался все уладить.

— Сказав "внутреннее расследование", я имел в виду, что оно касается принцессы Мередит, потенциальной наследницы трона королевы Андаис. Вряд ли какое-то еще дело могло бы с таким же правом считаться внутренним, особенно для тех из нас, кто принадлежит принцессе.

Он нарочно попытался переключить их внимание на мою сексуальную жизнь. Гораздо менее опасная материя.

Мэдлин посодействовала ему, выбрав следующим репортера одного из таблоидов. Если кто и ухватится за тему секса вместо внутренней политики, то именно таблоиды. Наживку

заглотили.

— Что вы подразумеваете, говоря, что вы принадлежите принцессе?

Дойл наклонился ниже, прикоснувшись ко мне плечом. Очень нежно и очень выразительно. Наверное, его жест привлек бы больше внимания, если бы не наш с Холодом недавний поцелуй, но Дойл знал, как обращаться с прессой. Надо начинать понемножку, оставляя себе место для маневра. Он начал учиться общению с репортерами только в последние недели, но, как и во всем, учился быстро и хорошо.

— Ради нее мы пожертвуем жизнью.

— Охранники президента тоже клянутся пожертвовать ради него жизнью, но они ему *не принадлежат*. — Репортер подчеркнул голосом слово «принадлежат».

Дойл наклонился еще ниже, с продуманной естественностью опершись на спинку моего кресла. Я оказалась будто в раме из его тела. Камеры взорвались вспышками, снова ослепив меня, и я позволила себе прислониться к Дойлу — частью ради картинки, а частью потому, что мне это нравилось.

— Видимо, я оговорился, — сказал Дойл, а мои рождественские краски засияли еще ярче рядом с его чернотой.

— Вы занимаетесь сексом с принцессой? — спросила женщина-репортер.

— Да, — просто ответил он.

Тут они все выдохнули буквально единой грудью. Другая женщина крикнула:

— Холод, а вы спите с принцессой?

Дойл отступил назад, пропуская Холода к микрофону, хотя я предпочла бы, чтобы он этого не делал. Храбрости Холоду хватало, и он подошел и склонился над микрофоном, надо мной. Но Холод играть на камеру не умел. Лицо у него оставалось надменным, прекрасным и на вид спокойным даже под прицелом теле— и фотокамер. Он всегда считал, что играть на публику — ниже нашего достоинства, но теперь я знала: за этим утверждением — не высокомерие, а страх. Фобия, если угодно, боязнь камер, репортеров и толпы. Он нагнулся несколько скованно и сказал:

— Да.

Вряд ли для кого-нибудь из них это было новостью. Было объявлено, что я вернулась к фейри в поисках мужа. Сидхе не слишком плодovиты, так что знатные сидхе заключают браки только в случае зачатия ребенка. Мы с королевой уже объяснили это на другой пресс-конференции, во время моего первого визита домой. Но стражей тогда к микрофонам не пустили, и что-то в том, что стражи признали факт секса публично, возбуждало интерес прессы. Как будто от этого признания клубнички добавлялось.

— Вы оба занимались сексом с принцессой одновременно?

— Нет. — Холоду удалось не скривиться.

Нам повезло, что репортер не спросил, не спалили они со мной одновременно. Потому что ответ был бы положительным. Фейри часто спят одной большой кучей, как щенки. И не всегда из-за секса, чаще ради ощущения безопасности и уюта.

Он отступил к стене, напряженный и раздосадованный, а репортеры продолжали закидывать его пикантными вопросами. Выручила Мэдлин:

— Господа, господа, наш Убийственный Холод чуточку стесняется микрофона. Выберите кого-нибудь еще.

Они так и сделали.

Они выкрикивали имена и вопросы. Двое-трое из стражей ни разу в жизни не

сталкивались с прессой, и не знаю, смотрели ли Адайр или Готорн вообще хоть раз кино или телевизор. Они оба были в полной броне, при этом латы Адайра казались то ли золотыми, то ли медными, а броня Готорна переливалась густо-алым — металла такого цвета вообще на земле нет. У Адайра латы были металлические, у Готорна металлическими только казались, а из чего они были сделаны на самом деле, я не знала. Что-то магическое. Оба воина предпочли не снимать шлемы. Адайр, наверное, потому, что королева обкорнала его волосы в наказание за попытку увильнуть от моей постели. Волосы Готорна по-прежнему спадали роскошными черно-зелеными локонами до самых щиколоток. Не знаю, почему он остался в шлеме. Они оба должны были буквально вариться под светом прожекторов, но, надев шлемы, они в них и останутся, пока не упадут в обморок. Ну, Адайр точно останется, насчет Готорна мне трудно было сказать. Что такое фотоаппарат, они знали, потому что королева была без ума от своего "Поляроида", но за этим исключением они современной техники в глаза не видели, сидя взаперти внутри холма. Мне стало интересно, что они чувствовали, когда их бросили на растерзание львам в облике репортеров. На лицах ничего не отражалось. Они были Воронами королевы, они умели прятать чувства.

По счастью, к ним никто не обратился — наверное, потому, что никто их не знал.

В конце концов Мэдлин выбрала вопрос и жертву.

— Брэд, у вас вопрос к Рису.

Репортерша встала попрямее, а остальные опустили на стулья, как разочарованно поникшие цветы.

— Рис, как оно было — работать настоящим детективом в Лос-Анджелесе?

Рис стоял довольно далеко, почти на краю помоста. Он был самым маленьким из чистокровных сидхе, всего пять с половиной футов^[4]. Белые кудри, примятые кремовой широкополой шляпой с чуть более темной лентой, спадали ему до талии. Плащ, который он накинул поверх костюма, был в тон шляпе. Рис выглядел словно помесь стриптизера, пирата и пижона-сыщика годов из шестидесятых. От стриптизера была бледно-голубая шелковая футболка, обтягивавшая мускулистую грудь и рельефный живот, от пирата — повязка через глаз. Повязка не ради пижонства, а чтобы поберечь нервы репортеров от зрелища шрамов, оставшихся на месте вырванного гоблинами глаза. Шрамы здорово портили мальчишескую красоту его лица. Оставшийся глаз сверкал тремя кольцами лазури. Рис мог бы скрыть шрамы гламором, но когда он понял, что я не обращаю на них внимания, тоже перестал беспокоиться. Он считал, что шрамы придают ему крутизны, и был прав.

Рис всегда обожал "фильм-нуар", и журналистка явно это припомнила. Профессионально; мне понравилось.

Рис оперся рукой о стол, а другой обхватил мои плечи, как это делал Дойл. Но Рис лучше умел играть на камеру, потому что делал это дольше. Он снял шляпу и встряхнул волосами, рассыпав по плечам густые белые кудри.

— Это было прелестно.

— Как в кино? — предположил кто-то.

— Порой да, но не очень часто. Под конец мне больше приходилось работать телохранителем, чем сыщиком.

Следующий вопрос был интересней.

— Ходили слухи, что кое-кто из звезд, которых вы и другие стражи охраняли, желал больше тела, чем охраны?

Ответить было нелегко, потому что очень многие клиенты просили или выражали

готовность к сексу. Стражи либо "не замечали" предложений, либо отказывали. Так что, формально говоря, отвечать следовало положительно, но в этом случае всеми звездами и звездочками, которых охранял Рис, завтра же занялась бы "желтая" пресса, и это случилось бы по нашей вине. Наш бывший босс, Джереми Грей, такого не заслужил. Как и наши клиенты. И после этого нужные клиенты перестали бы обращаться в агентство Грея, зато нахлынули бы не те, что надо, — и обманулись бы в своих ожиданиях.

Я наклонилась к микрофону и сказала с намеком:

— Боюсь, что Рис был слишком занят охраной *моего* тела, чтобы обращать внимание на чьи-то еще тела.

Это заслужило мне общий смешок и отвлекло репортеров. Мы вернулись к обсуждению секса между нами, а об этом мы могли говорить спокойно.

— Рис хорош в постели?

— Да, — улыбнулась я.

— А принцесса?

— Очень.

Вот видите, как легко отвечать.

— Рис, вы когда-нибудь делили постель с принцессой и кем-нибудь еще из стражей?

— Да.

Тут репортеры сорганизовались. Первый попытался спросить, с кем, но Мэдлин заявила, что он уже задал свой вопрос. Тогда этот же вопрос задал следующий, кого она выбрала:

— Рис, с кем вы делили принцессу?

Рис мог бы уклониться от ответа, но решил сказать правду, потому что почему бы и не сказать?

— С Никкой.

Объективы и всеобщее внимание обратились на Никку: будто львы углядели новую подраненную газель. Эта конкретная газель была шести футов ростом, с коричневой кожей и роскошными прямыми и густыми каштановыми волосами, спадавшими до пят. Волосы подхватывал только тоненький медный обруч. Выше талии Никка был обнажен, если не считать расшитых золотом подтяжек, которые украшали его грудь и подчеркивали не сразу заметный желтый рисунок на коричневой ткани брюк. Спереди на брючном ремне висели два девятимиллиметровых пистолета — потому что никто не придумал, как надеть на Никку наплечную кобуру, или доспехи, или хотя бы мечи, не повредив его крылья.

Крылья выступали у него над плечами и даже немного выше головы, простирались в стороны и вниз, самыми краями едва не касаясь пола. Это были крылья огромной ночной бабочки, фантастические — словно как-то темной ночью штук шесть разных видов гигантских сатурний сошлись в оргии с фейри. Всего два дня назад крылья были только родимым пятном на спине Никки, но во время секса со мной они вдруг вырвались из его тела и стали настоящими. Спина у него теперь была гладкой и однотонно-коричневой.

Он подошел к нам, пока я в очередной раз моргала из-за одновременно сработавших фотовспышек. Рис остался рядом со мной, и Никка возвышался над нами обоими. Он удивленно смотрел на толпу репортеров, поскольку не привык быть в центре внимания — и когда служил королеве, и когда перешел ко мне.

— Никка, вы действительно спали с принцессой и Рисом?

Он наклонился к микрофону, так что теперь они с Рисом стояли по обе стороны от

меня. Крылья развевались над моей головой.

— Да, — сказал он и выпрямился.

Камеры щелкнули, и репортеры продолжили хором орать вопросы, пока Мэдлин не сделала выбор.

— Каким образом вы приобрели крылья?

Хороший вопрос. К сожалению, мы не знали на него хорошего ответа.

— Хотите правду? — спросила я. — Мы не знаем.

— Никка, что вы делали, когда у вас выросли крылья?

Никка встал на колени и крылья распахнулись, так что на миг я оказалась на их фоне, словно на фоне специально продуманной декорации. Вспышки меня совершенно ослепили.

— Занимался любовью с Мередит.

Репортеры просто не смогли справиться с собой и захихикали, будто старшеклассники. Американские журналисты, да и большинство европейских, никогда не привыкнут к тому, что фейри не считают секс чем-то постыдным. У нас признавать, что ты имел секс с кем-то, если только твой любовник не чувствует из-за этого неловкости, не является чем-то неприятным или скандальным.

— Рис был с вами?

— Да.

Ну, если быть точными, то Рис был возле постели, а не в ней, но Никка не видел нужды в таких тонких разграничениях.

— А еще кто-нибудь был с вами в постели, когда это произошло?

— Да.

Ответ очень характерный для Никки и очень в духе сидхе. Либо вы уводите разговор в сторону, либо отвечаете точно на заданный вопрос, и ни слова больше. Никке не очень удавалось увильнуть от ответов, так что он держался правды.

— Кто? — крикнул кто-то.

Никка посмотрел на меня, чего делать не стоило. Этим взглядом он дал понять репортерам, что я могу не захотеть назвать имя. Черт. Большинство женщин-сидхе не любят говорить, что они спали с кем-то из малых фейри, но я этого как раз не стыдилась. Репортеры могли сделать слишком далекоидущие выводы, хотя никаких оснований для них не было. Проклятие.

Проблема заключалась в том, что Шалфея^[5] на сцене не было. Он не был сидхе, и его королева потребовала его к себе. Да и наша королева не желала, чтобы он оставался со мной. Говоря словами Андаис: «Оральные секс — ладно, но трахать тебя он не будет. Эльф-крошка, плевать, какого он там роста, не усядется на мой трон». Так что Шалфею пришлось держаться подальше. Что придавало делу дополнительный интерес.

— Третий, или четвертый, если точнее, — поправила я с улыбкой, — здесь отсутствует. Он не уверен, что желал бы внимания прессы.

— Он тоже ваш любовник и потенциально — король?

— Нет.

Это было правдой.

— А почему? — крикнул кто-то из толпы.

Я бы этот вопрос пропустила мимо ушей, но Никка ответил:

— Он не сидхе.

О преисподняя! Вопросы тут же посыпались градом. Я нагнулась к Никке и попросила

его вернуться на прежнее место. Рис тоже удалился, сиюсь не расхохотаться. Наверное, это и вправду было смешно. Но Никку я буду теперь держать подальше от микрофонов. Я не стыдилась того, что было между мной и Шалфеем, но моя тетушка вряд ли хотела излагать это прессе в подробностях. Ее это вроде бы смущало.

Мэдлин наконец отыскала вопрос, на который, по ее мнению, я захотела бы ответить. И ошиблась.

— Кто из них лучший в постели, Мередит?

Я поборола желание укоризненно взглянуть на Мэдлин. О чем она думала, принимая такой вопрос?

— Посмотрите на них. Разве можно выбрать только одного?

Смех в зале. Но от темы они отступить не желали.

— Нам показалось, что вы предпочитаете Холода остальным, принцесса.

Это не было вопросом, так что я не стала отвечать. Другой репортер сказал:

— Пусть так, принцесса, но если не один, то назовите нескольких.

Это было хитрее.

— Каждый, с кем у меня был секс, для меня — особенный.

И это было правдой.

— А со сколькими у вас был секс?

Я наклонилась к самому микрофону.

— Не могли бы вы сделать шаг вперед, джентльмены?

Рис, Никка, Дойл и Холод послушно шагнули вперед. И еще трое вместе с ними.

У Галена кожа почти такая же белая, как моя, но при определенном освещении в его бледности проявляется зеленый оттенок. А вот кудри у него зеленые при любом освещении, и только в темноте они кажутся просто светлыми. Он остриг волосы выше плеч, оставив всего одну тонкую косичку — как напоминание о том, что когда-то они спадали до пят. Из всех мужчин волшебного народа только сидхе позволялось отращивать волосы до такой длины. Гален остриг волосы добровольно в отличие от Адайра. Или Аматеона, который стоял рядом с Адайром. Густые рыжие волосы Аматеона были заплетены во французскую косичку, так что репортерам трудно было бы догадаться, что теперь они едва достают до плеч. Он подчинился приказу королевы быстрее, чем Адайр. Остричь волосы было наказанием, позором, этой угрозой королева добилась от них подчинения своему приказу — и это ясно говорит, насколько странным был поступок Галена. Он был самым младшим из Воронов королевы, всего на семьдесят пять лет старше меня. Среди сидхе мы считались практически ровесниками. С моих лет четырнадцати, может быть, даже еще раньше, его открытое мужественное лицо казалось мне самым красивым в мире. Я так хотела, чтобы отец разрешил мне помолвку с Галеном, но он выбрал другого. Та помолвка продлилась семь лет, но детей у нас не было, и наконец мой жених сказал мне, что я для него — слишком человек. Не настолько сидхе, как ему нужно. Что заставило меня еще больше недоумевать, почему отец предпочел его Галену.

Гален обратил ко мне прекрасные зеленые глаза и улыбнулся, и я улыбнулась ему в ответ. Как и прочие, он был вооружен до зубов, но в нем была мягкость, которую большинство стражей утратили за столетия до его или моего рождения. Он отдал бы за меня жизнь и готов был на это еще тогда, когда я была ребенком, чего об остальных не скажешь. Но в политике он был сущим младенцем, а при дворах фейри это фатально.

Кто-то тронул меня за плечо, и я вздрогнула. Это Мэдлин прикрыла рукой мой

микрофон и прошептала мне на ухо:

— Вы смотрите на него слишком долго. Может быть, не стоит повторять инцидент с Холодом?

Она шагнула назад, уже улыбаясь журналистам, и щелкнула кнопкой на поясе, включая свой микрофон.

Мне пришлось еще какое-то время смотреть в сторону, а не на репортеров, потому что я покраснела. Краснею я вообще-то нечасто и — по людским стандартам — не слишком ярко. Кожа сидхе не краснеет так, как человеческая. От репортеров я отвернулась — зато мое смущение видел Гален. Бывает, что от конфуза никуда не деться, можно только выбирать, чего именно конфузиться.

Мэдлин пояснила:

— Принцесса Мередит немного устала. Так что простите, ребята, давайте понемножку закругляться с вопросами.

Поднялся гвалт, снова ожили вспышки — что было некстати, потому что Гален подошел ко мне. Он опустил передо мной на колени рядом с креслом, но при его росте репортерам его голова и плечи были видны. Потом он кончиками пальцев очень нежно взял меня за подбородок. Я подняла на него взгляд — и тут же забыла, что на нас нацелены камеры. Он наклонился ко мне, и я забыла, что на нас смотрят. Я подалась вперед, легла щекой ему на ладонь... И забыла обо всем на свете.

Я не знаю, как это объяснить. Мы месяцами спали в одной постели. Он был безнадежен в политике, и выказывать у всех на глазах такое предпочтение ему было опасно — для него же, — но я не думала ни о чем, когда мы поцеловались. Я просто не могла думать, а все, что я видела, — это радость у него на лице, в его глазах. Он любил меня с той поры, как мне исполнилось семнадцать, и любовь светилась в его глазах, словно ничего не изменилось, словно и дня не прошло с того времени.

Королева приказала мне не выбирать любимчиков. Она разозлится на меня, на него, на нас всех, но после "инцидента с Холодом", как это назвала Мэдлин, что это меняло? Я была не права, но я все равно поцеловала Галена. Все равно хотела его поцеловать. Все равно в этот миг мир сузился в одну точку, и этой точкой было лицо Галена, его ладонь на моей щеке, его губы на моих губах.

Это был нежный, целомудренный поцелуй — может быть, он понимал, что если он даст себе волю, то я потеряю контроль над гламором, скрывавшим мой и Холода клоунский вид. Гален отстранился, и в глазах его светилось знакомое мне выражение легкого удивления, словно он никак не мог поверить, что может целовать меня, прикасаться ко мне. Раз или два я ловила то же выражение в зеркале, на собственном лице. — Мы тоже получим поцелую? — В низком голосе слышался рокот волн. Баринтус двинулся к нам в водовороте собственных волос цвета океана. Бирюза Средиземного моря, глубокая синева Тихого океана, свинцово-синий цвет моря перед грозой, соскальзывающий в черноту, где вода глубока и густа, как кровь спящих великанов. Цвета текли и переливались из одного в другой, и его волосы казались такими же бесконечно изменчивыми, как сам океан. В давние времена он был богом моря. Только недавно я узнала, что он звался когда-то Мананнан Мак Лир^[6], и это знание следовало держать в тайне. Сейчас он был Баринтусом, павшим богом моря. Он грациозно нес себя по сцене, все свои семь футов. Глаза у него были голубые, но с вертикальным зрачком, как у кошки или у глубоководного животного. На глазах имелось третье веко — прозрачная перепонка, защищавшая глаза под водой, — и оно часто мигало,

если Баринтус нервничал. Сейчас оно дергалось чуть заметно.

Я подумала, догадывается ли кто-нибудь из толпы репортеров, чего стоило этому очень замкнутому мужчине потребовать поцелуя, выставить себя на всеобщее обозрение?

Гален сообразил, что повел себя недопустимо, и попросил прощения взглядом. К сожалению, читать по его лицу было проще простого. И репортерам тоже. Королева сказала: "Никаких фаворитов". Похоже, мне придется доказать, что у меня их нет. А после того, что только что устроили мы с Галеном, это будет непросто.

Многие из окружавших меня мужчин могли играть на камеру, и это ни им, ни мне ничего бы не стоило. Баринтус был не из таких. Он дружил с моим отцом, и, по американским стандартам, секса между нами не было. Даже в понимании Билла Клинтона. Если б я была на месте Баринтуса, я бы не шагнула вперед, но он придерживался более высокой планки в отношении правды, чем большинство даже не людей, а сидхе.

Я посмотрела Баринтусу в глаза, и поскольку я сидела, а он стоял, мне пришлось для этого запрокинуть голову.

— Если хочешь.

Я произнесла это легко и с улыбкой. Вот только мы с Баринтусом ни разу еще не целовались, а первый поцелуй не должен сниматься сотней камер.

Положение спас Рис.

— Если Баринтусу достанется поцелуй, то и мне тоже.

Дойл добавил:

— Тогда уж всем, чтобы без обид.

Баринтус чуть улыбнулся.

— Я склонюсь перед обстоятельствами и получу свой поцелуй в уединенном месте.

— А Гален и Холод свои уже получили, — проныл Рис и сделал вид, что собирается открутить ухо возвращавшемуся на место Галену.

Баринтус поклонился с благородным изяществом и собрался скользнуть обратно, но ему это не удалось. Прозвучал вопрос:

— Лорд Баринтус, вы решили из "делателя королей" сделаться королем?

Ни один сидхе не назвал бы Баринтуса в лицо "делателем королей" — или королев, если на то пошло. Но прессе, увы, уши не открутишь.

Баринтус предпочел встать на колено возле меня, а не наклоняться к микрофону. В этой позе его голова оказалась почти на одном уровне с моей.

— Я сомневаюсь, что останусь в гвардии принцессы.

— А почему?

— Я нужен и в других местах.

Правда была в том, что, прежде чем принять Баринтуса в Неблагом Дворе после изгнания от благих, королева Андаис взяла с него обещание никогда не пытаться занять ее трон, даже если ему его предложат. Он был когда-то Мананнаном Мак Лиром, и королева, как и ее придворные, боялась его мощи. Так что он дал ей самую торжественную клятву, что никогда не сядет на ее трон.

Он поклонился всем присутствующим и просто отошел обратно к стене, ясно дав понять, что с него на сегодня вопросов достаточно. Китто, полусидхе-полугоблин, вернулся на место еще раньше. Он был всего четырех футов ростом, и потому большинство журналистов расценивали его как ребенка. Он был достаточно стар, чтобы помнить дохристианские времена, но его внешность вводила прессу в заблуждение — очень уж

заурядно он выглядел в своих джинсах и футболке, с темными очками на глазах, с бледной кожей и короткими черными кудрями. У королевы не было в запасе выходных костюмов для мужчин его роста. Королевской портнихе не хватило времени даже подготовить ему обычную перемену. Он тихонько устроился у стены.

— Принцесса Мередит, как же вы выберете мужа из этих роскошных мужчин? — спросил репортер.

— Приз достанется тому, от кого я зачну ребенка, — сказала я, улыбаясь.

— А если вы полюбите другого? Что, если вы полюбите не того, от которого забеременеете?

Я вздохнула и позволила улыбке уйти с лица.

— Я — принцесса и наследница трона. В королевских браках любовь никогда не бралась в расчет.

— Но ведь по традиции положено иметь одного жениха, пока не наступит беременность, и менять его, только убедившись в бесплодии?

— Да, — сказала я, мысленно прокляв этого знатока наших обычаев.

— В таком случае почему у вас такой гарем из мужчин?

— А если бы вы получили такой шанс, вы бы им не воспользовались? — спросила я, вызвав смех. Но сбить их с курса не удалось.

— Вы выйдете замуж за того, кого не любите, лишь потому, что он стал отцом вашего ребенка?

— Наш закон высказывается на этот счет совершенно ясно. Я выйду замуж за отца моего ребенка.

— Кем бы он ни был? — не мог поверить другой репортер.

— Таков закон.

— А если одна из подруг вашего кузена принца Кела забеременеет раньше вас?

— В таком случае, по воле королевы Андаис, он станет королем.

— Так это своего рода гонка?

— Да.

— А где сейчас принц Кел? Его не видели уже около трех месяцев.

— Я не сторож своему кузену.

На самом деле он был в заключении — за многократные попытки убить меня и за другие преступления, которые королева не желала даже называть двору. За кое-какие из них полагалась смертная казнь, но Андаис выторговала у меня жизнь своего единственного ребенка. Его изолировали на полгода, подвергнув пытке той самой магией, которую он использовал против людей — потомков сидхе. Слезами Бранвэйн, одним из самых тайных наших зелий. Это афродизиак, преодолевающий любую волю. Он заставляет стогать от жажды прикосновений, от жажды разрядки. Кела приковали к полу и намазали Слезами. При дворе заключали пари, выдержит ли эту пытку тот слабый рассудок, с которым он родился. Не далее как вчера королева поддалась на уговоры одной из женщин его гвардии и послала ее утолить его жажду, сберегая душевное здоровье Кела. И тут же было совершено три покушения на мою жизнь и одно — на жизнь королевы. Это нельзя было счесть простым совпадением, но королева любила своего сына.

Мэдлин оглядывала меня с подозрением.

— Вы хорошо себя чувствуете, принцесса?

— Прошу прощения, я немного устала, кажется. Что, я пропустила вопрос?

Она улыбнулась и кивнула.

— Боюсь, что так.

Она повторила вопрос, и я пожалела, что все-таки расслышала его.

— Вам известно, где находится ваш кузен?

— Он здесь, в ситхене, но чем он занят в эту минуту, я не знаю. Прошу прощения.

Мне нужно было уйти от этой темы и вообще с этой сцены. Я подала сигнал Мэдлин, и она закрыла пресс-конференцию, пообещав устроить фотосессию через день-другой, когда принцесса окончательно выздоровеет.

Волшебное созданище с крылышками бабочки впорхнуло под объективы. Фея-крошка. Шалфей, с которым я "спала", мог вырастать почти в человеческий рост, но большинство его сородичей всегда были размером с куклу Барби или даже меньше. Королева не обрадуется, узнав, что малютка оказалась прессе. Когда журналистов пускали в ситхен, самые далекие от людского облика фейри должны были держаться подальше от них, особенно от камер, под угрозой монаршего гнева.

Малютка была голубовато-розовая, с блестящими голубыми крыльями. Фея пролетела сквозь строй прожекторов, прикрывая глаза крошечной ладошкой. Я думала, что она подлетит ко мне или к Дойлу, но она выбрала Риса.

Она спряталась в его длинных белых кудрях и прошептала что-то стражу на ухо, закрываясь его шляпой, как щитом. Рис поднялся и подошел к нам, улыбаясь.

Дойл стоял совсем рядом со мной, но я не сумела разобрать, что прошептал ему Рис.

Дойл кивнул, и Рис вышел первым, унося крошечную фею, так и оставшуюся под защитой его кудрей. Я хотела спросить, что же такое важное стряслось, что Рис не стал дожидаться ухода прессы. Кто-то крикнул:

— Куда вы, Рис?

Но Рис только махнул рукой и улыбнулся в ответ.

Дойл помог мне встать, и стражи сомкнулись вокруг меня разноцветной стеной, но репортеры не хотели нас отпускать.

— Дойл, принцесса, что случилось?

— Что сказала малышка?

Пресс-конференция была закончена, и вопросы мы проигнорировали. Может, стоило бы дать им какое-то объяснение, но Дойл то ли не считал это нужным, то ли не знал, что сказать. Его рука, на которую я опиралась, была напряжена, а значит, сообщение Риса его потрясло. Чего же все-таки боится Мрак?

Стена разноцветных широкоплечих мальчиков сопровождала меня со сцены и из зала. Оказавшись в коридоре, вдали от прессы, я прошептала:

— Что случилось?

Современная технология — чудесная штука, но мне не хотелось, чтобы наш разговор уловил какой-нибудь сверхчувствительный микрофон.

— В одном из коридоров у кухни лежат два трупа.

— Фейри? — спросила я.

— Один, — ответил Дойл.

Я споткнулась на своих каблуках, попытавшись остановиться, когда он продолжал тащить меня вперед.

— А второй?

Он кивнул:

— Вот именно.

— Что, репортер?! Кто-то из них решил прогуляться?

Холод наклонился к нам из общего строя.

— Это невозможно. Здесь везде заклятия, которые не выпустят человека за пределы безопасной зоны внутри ситхена.

Дойл смерил его взглядом.

— Ну так скажи, откуда взялся в нашем ситхене мертвый человек с фотокамерой в руке.

Холод открыл рот... и закрыл его.

— Не знаю.

Дойл качнул головой:

— И я не знаю.

— Да, — протянул Гален. — Похоже на катастрофу.

В ситхене неблагих фейри лежит мертвый журналист, а толпа живых журналистов еще слоняется поблизости. Катастрофа — это еще слабо сказано.

При дворах я видела больше насилия, чем за всю свою карьеру частного детектива в Лос-Анджелесе, зато в Л-А я видела много больше смертей. Не потому, что я часте расследовала убийства — частным сыщикам не поручают такие расследования, во всяком случае, не по свежим следам, — а потому, что большинство обитателей волшебной страны бессмертны. Бессмертные, по определению, умирают не слишком часто. Мне хватило бы одной руки, чтобы посчитать по пальцам, сколько раз полиция вызывала нас на место убийства, и пальцы еще остались бы. Даже в этих случаях нас звали только потому, что "Детективное агентство Грея" обладало лучшим на Западном побережье штатом практикующих магов. Магия ничем не отличается от прочих инструментов: если с ее помощью можно творить добро, то найдутся и те, кто сумеет обратить ее во зло. Наше агентство специализировалось на "Сверхъестественных проблемах — Волшебных Решениях". Этот девиз значился на наших визитных карточках и на бланках агентства.

И еще я приучила себя, что мертвое тело — всегда "оно". Потому что как только начинаешь думать об убитых "он" или "она" — они сразу становятся для тебя личностями, людьми, а они больше не люди. Это трупы, и если не брать во внимание очень специфические обстоятельства, они являются всего лишь инертной материей. Потом, после всего, можно посочувствовать жертве, но на месте преступления, особенно в первые моменты, для нее же лучше, если ты обойдешься без сочувствия. Сочувствие мешает думать. Сопереживание выводит из строя. Отстраненность и логика — вот спасение на месте убийства. Все другое ведет к истерике, а я — не только самый квалифицированный детектив среди присутствующих, я еще принцесса Мередит Ник-Эссус, обладательница рук плоти и крови, Погибель Бесабы. Бесаба — это моя мать, и из-за моего зачатия ей пришлось выйти замуж за моего отца и какое-то время жить при Неблагом Дворе. Я принцесса, а в один прекрасный день могу стать королевой. Будущие королевы истерик не устраивают. Будущим королевам, которые к тому же опытные детективы, истерика вообще не позволительна.

Проблема была в том, что одну из убитых я знала. Я помнила ее взгляд и походку. Я знала, что она любила классическую литературу. Когда ей пришлось покинуть Благой Двор и присоединиться к нам, она поменяла имя, как это делали многие, даже не изгнанники. Фейри меняют имена, чтобы не вспоминать каждый день о том, кем они были и как низко пали. Она назвалась Беатриче, по имени возлюбленной Данте в его "Божественной комедии". Дантов ад. Она говорила: "Я в аду, и имя у меня должно быть соответствующее". В колледже я выбрала одним из факультативных курсов мировую литературу. Закончив учебу, я подарила большую часть книг Беатриче, потому что она их стала бы читать, а я — нет. Я могла в любой момент купить заново те немногие книги, которые мне по-настоящему нравились. Беатриче не могла. Она не могла сойти за смертную и не любила, когда на нее пялились.

Сейчас я на нее пялилась, но это не имело для нее значения. Для нее теперь вообще ничто не имело значения.

Беатриче выглядела как увеличенная копия крошечной феи, прятанной в волосах Риса. Когда-то она тоже могла уменьшаться до такого размера, но с ней что-то случилось при Благом Дворе, что-то, о чем она никогда не говорила, и она потеряла способность менять размер. Она навсегда осталась примерно в четыре фута и два дюйма ростом^[7], и

нежные стрекозиные крылья за ее спиной стали бесполезны. Феи-крошки не умеют левитировать, они летают по-настоящему, а при таком росте крылья уже не могут их поднять.

Кровь растеклась под ее телом широкой темной лужей. Кто-то подкрался к ней сзади и перерезал ей горло. Так близко мог подобраться только тот, кому она доверяла, — ил и убийца прикрылся магией. Чтобы лишить ее бессмертия, тоже нужно было владеть магией не на среднем уровне. Не так уж много тех, кто способен и на то, и на другое.

— Что же случилось, Беатриче? — тихо сказала я. — Кто сделал с тобой такое?

Гален подошел ко мне.

— Мерри!

Я взглянула на него.

— Тебе нехорошо?

Я покачала головой и перевела взгляд на второе тело. Вслух я сказала:

— Сейчас все пройдет.

— Врунишка, — тихо произнес он и попытался обнять меня, поддержать. Я не оттолкнула его руки, но отступила назад. Не было времени льнуть к кому-то. У нас в обычае поддерживать друг друга прикосновениями, но горстка стражей, которых я взяла с собой в Л-А, проработала на агентство Джереми всего несколько месяцев. Я провела там несколько лет. На месте преступления не обнимаются. Не ищут утешения. Просто делают свою работу.

Лицо Галена немного вытянулось, словно я его обидела. Я не хотела задеть его чувства, но у нас была чрезвычайная ситуация. Он не мог этого не видеть. Ну почему я в который раз должна тратить нервы на чувства Галена, вместо того чтобы заниматься делом? Бывали минуты, когда я слишком хорошо понимала, почему отец не выбрал Галена мне в женихи, как бы дорог мне ни был страж.

Я подошла ко второму телу. Убитый лежал у пересечения коридора с другим, более широким. Он лежал на животе, руки раскинуты в стороны. На спине расплылось большое пятно крови, и кровь еще струилась по его телу.

Рис сидел на корточках возле тела и посмотрел на меня, когда я подошла. Фея выглянула из массы его волос и тут же спряталась, словно в испуге. Феи-крошки обычно летают стайками, как птицы или бабочки. Поодиночке они, как правило, застенчивы.

— Разобрался, как его убили? — спросила я.

Рис указал на узкую дыру в спине мужчины.

— Ножом, думаю.

Я кивнула.

— Клинок вытащили и унесли. Почему?

— Потому что в нем было что-то особенное, что могло бы выдать убийцу.

— Или он просто не хотел терять хороший клинок, — предположил Холод. Он сделал к нам два шага, перейдя из большого коридора в меньший. Перед этим он расставил людей с приказом никого не подпускать к месту убийства. Со мной было достаточно стражей, чтобы перекрыть оба конца коридора, что мы и сделали.

Когда мы подошли сюда, коридор охранялся летающими горшками и кастрюлями, за что спасибо Мэгги-Мэй, главной поварихе Неблагого Двора. Брауни могут заставить летать предметы, а сами левитировать почему-то не умеют. Мэгги пошла вместе с Дойлом, чтобы попытаться добиться толка от служанки, которая нашла тела. У той случилась истерика, и Мэгги не могла понять, то ли девушка увидела что-то по-настоящему ужасное, то ли просто

испугалась мертвецов. Дойл надеялся это выяснить. Он полагал, что служанка отреагирует на его появление так, словно он продолжает оставаться Мраком королевы, убийцей на посылках, и скажет правду из страха и по привычке. Если она просто напугана, бедняжка при виде него скорее всего рухнет в обморок, но я разрешила ему попытаться. Если что, я смогу сыграть хорошего копа после того, как он сыграет плохого.

Баринтуса я послала рассказать королеве о случившемся, потому что у него было больше всего шансов не понести наказание за плохую весть. Королева нередко перекладывала вину за дурные вести на гонца.

— Может быть, — согласился Рис. — Или просто по привычке. Ударил, вытащил клинок, вытер его и положил в ножны. — Он показал на пятно на плаще мужчины.

— Верно, он вытер клинок, — произнесла я.

— Почему "он"? — посмотрел на меня Рис.

Я пожала плечами.

— Ты прав, могла быть и "она".

Я не услышала, как вернулся Дойл, но почувствовала его присутствие на миг раньше, чем он заговорил.

— Убийца метнул нож з убегающего.

В общем, я была согласна, но мне захотелось узнать, почему он так решил. Если честно, я не хотела быть главной в этом расследовании, но у меня было больше всего опыта. Так что груз ложился на мои плечи.

— Почему ты так думаешь?

Он потянулся к плащу мужчины, и я предупредила:

— Не трогай его.

Дойл удивленно посмотрел на меня, но выпрямился.

— Вот здесь, где пола плаща завернулась, видно, что сейчас отверстия в плаще и в рубашке над раной не совпадают. Он убежал, а потом, когда нож вытащили, его карманы обшарили и сдвинули плащ.

— Спорим, перчаток на убийце не было.

— Мало кто подумал бы об отпечатках пальцев и анализе ДНК. Мы здесь скорее станем беспокоиться о магии, чем о науке.

Я кивнула.

— Точно.

— Он увидел что-то, напугавшее его, — подытожил Рис, вставая. — Он бросился в эту сторону, пытаясь убежать. Но что он увидел? От чего он убежал?

— На тропах ситхена бродит немало жутких тварей, — заметил Холод.

— Да, но он — журналист, — возразила я. — Он пришел сюда, именно чтобы найти что-то странное или жуткое.

— Может, он увидел смерть малой фейри? — предположил Холод.

— То есть убийство Беатриче? — переспросила я.

Холод кивнул.

— Хорошо, допустим, он стал свидетелем. Он побежал, в него метнули нож и убили. — Я помотала головой. — Здесь чуть ли не все носят ножи. И почти каждый может броском пришить муху к стене. Это не слишком сужает круг подозреваемых.

— Зато смерть Беатриче сужает заметно. — Рис бросил на меня выразительный взгляд. Можно ли обсуждать это при новых стражах, которым мы еще не вполне доверяли?

— Нет смысла скрывать, Рис. Бессмертных нельзя убить ножом, и все же она мертва. Здесь потребовалось заклинание, мощное заклинание, и сотворить его мог только сидхе, да еще кое-кто из слуга^[8].

— Королева запретила слуга появляться сегодня. Они могут вызвать кривотолки одним своим видом, попадись они на глаза репортерам.

Из всех фейри слуга меньше всего походили на людей. Кошмарные твари, которых боялись даже сами неблагие. Единственные, кто мог на нас охотиться. Дикая охота, жуткая стая, которая могла преследовать фейри, даже сидхе, пока не загонит. Иногда они убивали жертву, иногда приводили к королеве. Сидхе боялись слуга, и угроза их преследования служила одной из причин бояться королевы. Я согласилась разделить постель с их царем, чтобы скрепить наш союз против моих врагов. Об этой сделке не было широко известно. Кое-кто из сидхе и даже из малых фейри считал бы это извращением. Я думала об этом как о политической необходимости. Кроме того, я старалась не слишком заикливаться на технических подробностях. Шэлто, их царь, Властитель Всего, Что Проходит Между, был наполовину сидхе, но другая его половина и близко не стояла к гуманоидам.

Я качнула головой.

— Не думаю, что кто-то из слуга сумел бы сегодня скрытно бродить по ситхену. Только не с теми чарами, которыми заперли коридоры.

— Точно так же, как этот репортер не мог покинуть разрешенную территорию, — бросил Холод, и я не могла не согласиться.

— Давайте скажем вслух то, что все уже давно сказали про себя, даже те, кому претит сама мысль об этом: Беатриче и репортера убил сидхе.

— Что по-прежнему оставляет нам несколько сотен подозреваемых, — уныло сказал Рис.

— Служанка очень напугана, — заметил Дойл. — Я не разобрался, боится она чего-то конкретного или всей ситуации.

— Значит, ты напугал ее еще больше, — сделала вывод я.

— Не нарочно, — пожал плечами Дойл.

Я подозрительно на него глянула.

— Я говорю правду, Мередит. Но Душистый Горошек испугалась прихода Мрака королевы. Она, кажется, решила, что я пришел ее убить.

— Почему она подумала, что королева хочет ее смерти? — удивился Рис.

У меня возникла мысль на этот счет, пугающая мысль, потому что королеве она точно не понравилась бы. Я не высказала ее вслух в надежде, что новые стражи до нее не додумаются, хоть и знают так же точно, как и мы, что виновником был сидхе. Андаис приставила ко мне нескольких мужчин, которых я не знала, и парочку тех, кому я откровенно не доверяла. Мысль состояла в том, что виновен был кто-то из людей Кела. Что, если служанка, Душистый Горошек, видела, как кто-то из приспешников Кела покидает место двойного убийства? Она бы не усомнилась в желании королевы обеспечить ее молчание.

Проблема была в том, что я не могла понять, какую выгоду получал Кел или кто-то из его слуг от убийства Беатриче. Репортер, похоже, был случайной жертвой — просто оказался не в то время не в том месте.

— Тебе что-то пришло на ум, — догадался Рис.

— После, — сказала я, стрельнув глазами в сторону мужчин, стоявших всего в паре

футов от нас.

— Да, — кивнул Дойл. — В более уединенном месте.

— Нужно убрать тела, — сказал кто-то за нашими спинами. Волосы Аматеона, забранные в тугую медно-рыжую французскую косичку, оставляли его лицо открытым, но оно не нуждалось в дополнительных украшениях, потому что глаза его состояли из перемежающихся лепестков красного, синего, желтого и зеленого цветов, вроде разноцветной ромашки. У меня часто голова шла кругом, когда я встречала его взгляд, как будто мои собственные глаза не выдерживали такого зрелища. У Аматеона был тонкий профиль, но подбородок квадратный, так что страж умудрялся выглядеть и мужественно, и изящно. Как будто его лицо, как и глаза, не могло выбрать что-то одно.

— Репортера станут искать, Аматеон, — напомнила я. — Мы не можем просто убрать труп и надеяться, что все обойдется.

— Почему? Почему бы нам просто не сказать, что мы не знаем, куда он делся? Или что кто-то из малых фейри видел, как он покидал холм?

— Потому что это ложь, — процедил Рис. — Сидхе не лгут, или ты забыл об этом за годы ваших с Келом развлечений?

Лицо Аматеона потемнело от подступающего гнева, но он сдержался.

— Чем мы занимались с Келом — не твое дело. Но я уверен, что королева пожелает скрыть это от прессы. Убийство репортера при нашем дворе разрушит всю хорошую репутацию, которую она так тщательно создает последние лет тридцать.

Наверное, в этом он был прав. Королева не захочет признать случившееся. А стоит ей догадаться о моих подозрениях насчет Кела, и она закопает все еще глубже. Она слишком сильно его любит и всегда любила слишком сильно.

То, что Аматеон предложил спрятать тела, еще больше заставило меня задуматься, не стоят ли за убийством интересы Кела. Аматеон всегда был на его стороне. Кел — последний чистокровный потомок династии, правящей нашим двором уже три тысячи лет. Аматеон — из тех, кто считает меня выродком и позором для трона. Так почему же он решился участвовать в борьбе за мою постель с перспективой сделать меня королевой? Потому что так приказала королева Андаис. Когда он отверг предложенную ему честь, она постаралась довести до него свои аргументы — весьма болезненные — в пользу тезиса, что двором правит она, а не Кел, а Аматеон будет делать то, что ему скажут, или пусть пеняет на себя. Частью этого "пеняет на себя" стали обрезанные по плечи волосы — все еще длинные по меркам людей, но позорище для него. Было и другое, болезненное уже для тела, а не для гордости, но он не делился такими подробностями, а я и не хотела их знать, если честно.

— Если бы погибла только Беатриче, я могла бы с тобой согласиться, — сказала я. — Но на нашей земле погиб человек. Мы не сможем это скрыть.

— Сможем, — возразил он убежденно.

— Ты никогда не общался с прессой так, как приходилось мне, Аматеон. Был ли этот репортер одиночкой, или он пришел сюда в составе группы, которая уже наверняка начала его искать? Даже если он пришел один, другие журналисты должны его помнить. Если бы кто-то из нас убил его в мире людей, мы могли бы скрыть виновника, и стало бы просто одним нераскрытым преступлением больше. Но его убили на нашей земле, и этого нам не скрыть.

— Ты говоришь так, словно собираешься рассказать прессе о его смерти!

Я отвернулась от его непонимающих глаз.

Он потянулся к моей руке, но Холод просто шагнул и встал между нами, так что его жест остался незаконченным.

— Ты объявишь об этом прессе? — поразился он.

— Нет, но нам придется сообщить полиции.

— Мередит... — начал фразу Дойл.

Я оборвала его:

— Нет, Дойл. Его зарезали ножом. Мы не сумеем вычислить, чей это был клинок. А хорошая команда криминалистов с этим может справиться.

— Есть заклинания, которые приведут от раны к оружию, ее нанесшему, — сказал Дойл.

— Да, и ты воспользовался ими, когда нашел на лугу тело моего отца. Но обнаружить убившее его оружие тебе не удалось.

Я приложила все усилия, чтобы произнести эти слова спокойно, чтобы за ними не встал образ. Моего отца убили, а столица Испании — Мадрид... Просто факт в ряду фактов, ничего больше.

Дойл глубоко вздохнул.

— В тот день я подвел принца Эссуса и тебя, принцесса Мередит.

— Ты не смог раскрыть преступление, потому что его совершил сидхе. Достаточно владевший магией, чтобы отвести твое заклинание. Ты же понимаешь, Дойл: виновный в этих убийствах владеет магией не хуже нас. Но с современной криминалистикой он не знаком. От науки он защититься не сможет.

Тут вперед выступил Онилвин. Он был сложен тяжелее любого другого сидхе, высокий, но грузный, и все же двигался грациозно, словно позаимствовал походку у кого-то постройнее. Волосы длинным волнистым хвостом спадали у него по спине поверх черного костюма и белой рубашки. Черный — это цвет королевы и Кела. Очень популярный цвет при Неблагом Дворе. Волосы у Онилвина такие темно-зеленые, что отливают черным. А глаза — светло-зеленые с искорками у зрачка.

— Неужели ты собираешься пустить в нашу землю человеческих воинов?

— Если ты о человеческой полиции, то да, именно это я и собираюсь сделать.

— Ты откроешь нас людям из-за смерти кухарки и одного человека?

— Не думаешь ли ты, что смерть человека не так важна, как смерть сидхе? — Я посмотрела прямо ему в глаза и порадовалась, увидев, что он осознал свою ошибку. Он припомнил, что я — частично человек.

— Что значит одна смерть или даже две по сравнению с вредом, который твое решение причинит двору в глазах мира? — Он пытался исправить впечатление, и попытка была недурна.

— Ты думаешь, что смерть кухарки менее важна, чем смерть вельможи? — спросила я, игнорируя его старания.

Тут он улыбнулся — очень свысока, такой характерной для него улыбкой.

— Разумеется, я считаю, что жизнь благородного сидхе стоит больше, чем жизнь слуги или жизнь человека. Так думала бы и ты, будь у тебя чистая кровь.

— Тогда я рада, что моя кровь смешанная, — заявила я. Я разозлилась по-настоящему и пыталась не дать злости перейти в силу, не начать светиться, не поднять ссору на новый уровень. — От этой служанки, которую, кстати, звали Беатриче, я видела больше добра, чем от благородных сидхе любого из дворов. Беатриче была мне другом, и если сейчас ты не

можешь предложить ничего полезнее своих классовых предрассудков, то я уверена, королева Андаис найдет тебе занятие среди собственных стражей.

Его кожа из бледно-зеленой стала попросту белой, и при виде его страха мне на секунду стало очень приятно. Андаис прислала его в мою постель и накажет его, если я его туда не возьму. Накажет и меня, но сейчас мне до этого не было дела.

— Откуда мне было знать, что она для тебя что-то значит, принцесса Мередит?

— Считай, что я тебя предупредила, Онилвин... — Я повысила голос, чтобы меня услышали по всему коридору: —...И вас тоже, кто меня еще не знает! Онилвин решил, что смерть служанки ничего для меня не значит.

Мужчины в дальнем конце коридора повернулись ко мне лицом.

— Когда я жила при дворе, я много времени проводила с малыми фейри. Большинство моих здешних друзей — не сидхе. Вы постарались объяснить мне, что для вас я недостаточно чистокровная. Ну что ж, теперь только себя вините за мою демократичность, столь несвойственную знатной особе. Подумайте над этим хорошенько, прежде чем сказать мне какую-нибудь глупость в стиле Онилвина. — Я повернулась спиной к названному стражу и сказала потише: — Припомни все это, Онилвин, прежде чем опять откроешь рот.

Он буквально упал на одно колено и склонил голову; впрочем, скорее всего он хотел скрыть свою злобу.

— Я во всем повинуюсь принцессе.

— Вставай и уйди от меня куда-нибудь подальше.

Дойл отослал его в дальний конец коридора, и он ушел без возражений, хотя звездочки в его глазах пылали от гнева.

— Я не согласен с Онилвином, — проговорил Аматеон. — Не во всем по крайней мере. Но ты действительно собираешься привести сюда полицию людей?

Я кивнула.

— Королеве это не понравится.

— Да, не понравится.

— Так зачем ты рискуешь ее гневом, принцесса? — Он был искренне удивлен. — Нет на свете ничего и никого, ради чего я готов был бы вызвать на себя ее гнев. Даже ради собственной чести не стал бы.

Он был одним из тех, кто превратил мое детство в ад, но совсем недавно я разглядела другую сторону Аматеона. Испуганную, ранимую и беспомощную. А тех, о ком я знаю, что они тоже чувствуют боль, мне всегда было трудно ненавидеть.

— Беатриче была мне другом, но еще — что важнее — она принадлежала к моему народу. Править людьми — значит защищать их. Я хочу поймать того, кто это сделал. Я хочу найти его и покарать. Я хочу, чтобы он, она или они больше ни с кем такого не сделали. А репортер был нашим гостем, и убить его вот так — это оскорбление всему двору.

— Но ведь тебе безразлична честь двора, — удивился он, искренне пытаюсь понять меня.

— Нет, не безразлична.

Он сглотнул так громко, что мне было слышно.

— Ни одна смерть не напугает меня настолько, чтобы ввести людей-полицейских в наш дом, даже моя собственная.

— Почему ты так боишься полиции?

— Я не боюсь полиции. Я боюсь гнева королевы, а она разозлится, если их пригласить.

— Никто не будет убивать людей, которых я клялась защищать, Аматеон. Никто.

— Но ты еще не клялась! Тебе не давали присягу, ты не сидишь на троне!

— Если я не сделаю все, что в моих силах, чтобы поймать убийцу, чтобы защитить всех в этой земле, от мала до велика, то я не достойна никакого трона.

— Ты спятила, — сказал он, выпучив глаза. — Королева тебя убьет за такие слова.

Я оглянулась на тело Беатриче и подумала о другом теле, много-много лет назад. Королева не спрятала тело моего отца от журналистов по одной-единственной причине: они нашли его раньше. За милями от холмов фейри, разрезанным на куски. Они нашли его и сфотографировали. Его телохранители не только опоздали спасти его жизнь: они не уберегли ни его тело от позора, ни меня от этого ужаса.

Полицейские что-то пытались расследовать, потому что его убили не в наших землях, но им никто не помогал. Их не пустили ни в один из наших холмов. Им запретили допрашивать кого бы то ни было. Их остановили еще до начала работы потому что королева была уверена: мы сами найдем убийцу. Мы их не нашли.

— Я напомню тете, что она сказала, когда был убит мой отец, ее брат.

— А что она сказала?

Аматеону ответил Дойл:

— Что мы сами отыщем того, кто убил принца Эссуса, что поди будут только пугаться у нас под ногами.

Я посмотрела на него, и он ответил мне прямым взглядом.

— На этот раз я скажу ей, что у людей есть наука, от которой сидхе не спрятаться. Что единственная причина, по которой полицию нужно держать в стороне, — это если она не хочет, чтобы убийцу нашли.

— Мерри, — вмешался Рис. — Я бы на твоём месте сформировал это по-другому.

Он несколько побледнел от моих слов. Я покачала головой:

— Ты не принцесса, Рис. А я — принцесса.

Он улыбнулся, все еще бледный.

— Ну, не знаю... Наверное, в короне я бы миленько смотрелся.

Я невольно рассмеялась. А потом обняла его.

— Ты бы смотрелся восхитительно.

Он обнял меня в ответ.

— Ты согласишься это с королевой, прежде чем сделать заявление для прессы или позвать полицию, правда?

— Да, и говорить стану только с полицией. Сперва надо постараться выставить отсюда журналистов.

Он обнял меня крепче.

— Благодарение Консорту!

Я высвободилась из его объятий и буркнула:

— Я знаю, чего хочу, Рис, но я не самоубийца.

— Ты надеешься, что она любила брата достаточно, чтобы чувствовать свою вину, — сообразил Аматеон, и я стала думать о нем немного лучше.

— Что-то в этом роде, — подтвердила я.

— Ей никто не дорог, кроме принца Кела, — заявил он.

Я обдумала это утверждение.

— Может, ты прав, а может, ошибаешься.

— И ты, в надежде, что я ошибаюсь, согласна рисковать жизнью?

— Нет, не жизнью. Но я рискну.

— Ты так уверена, что не ошибаешься?

— Насчет королевы — не уверена. Но я права в том, что касается расследования. Я знаю, что мы должны сделать, и я намерена добиться от королевы согласия.

Он вздрогнул.

— Если ты не против, я лучше останусь здесь — посторожу коридор.

— Я не хочу, чтобы со мной шли те, чей страх перед королевой больше желания поступить по совести.

— О черт, Мерри, тогда с тобой никто не пойдет, — сказал Рис.

Я взглянула ему в глаза. Он пожал плечами.

— Мы все ее боимся.

— Я пойду с тобой, — заявил Холод.

— И я, — сказал Гален.

— На мой счет сомнения есть? — спросил Дойл.

От большинства остальных высказался Адайр.

— Я считаю это глупостью, хоть и вызывающей восхищение глупостью, но мое мнение значения не имеет. Ты — наш амерадур, а этот титул я не произносил уже много лет.

Амерадур — это титул вождя, избранного по любви, а не по крови. Амерадур — это значит, что человек отдаст жизнь за твою победу. Этим титулом в Уэльсе звали Артура... Да, того самого Артура. И моего отца так называли — некоторые из его людей.

Я не знала, что сказать, потому что сделала слишком мало, чтобы заслужить этот титул. Пока — слишком мало.

— Я не заслужила такой чести ни от тебя, Адайр, ни от кого-то еще. Не зови меня так.

— Вчера ты пожертвовала собой ради нас, принцесса. Ты приняла всю мощь самой королевы на свое смертное тело. Когда ты обратила против нее свою магию — это был один из самых храбрых поступков, какие я только видел, клянусь своей головой.

Я не знала, то ли смутиться, то ли попытаться объяснить, что храбростью там и не пахло. Я тогда перепугалась до смерти.

— Ты — наш амерадур, и мы пойдем за тобой, куда бы ты нас ни повела. До конца, каким бы он ни был. Я умру, но не позволю кому-либо причинить тебе вред.

— Ты подумай, что говоришь! — воскликнул Аматеон.

Я с ним согласилась:

— Не клянись уберечь меня от любого вреда, Адайр, не нужно. Поклянись защищать мою жизнь, если ты должен это сделать, но не беречь от любого вреда.

Но, кажется, ни он, ни Аматеон меня не слышали. Я была объектом обсуждения — и только.

— Она спасла нас вчера ночью, — заявил Адайр. — Она спасла нас всех. Она рисковала жизнью, чтобы спасти нас. Как ты можешь стоять здесь и не дать ей обет?

— Мужчина, утративший честь, не может давать обеты, — горько сказал Аматеон.

Адайр положил ему на плечо руку в латной перчатке:

— Так походи с нами к королеве, обрети вновь свою честь!

— Вместе с честью она отняла у меня и храбрость. Я слишком боюсь предстать перед ней с такими новостями. — У него на щеке блеснула одинокая слеза.

Глядя на отчаяние в его глазах, я сказала единственное, что пришло мне на ум:

— Я попробую сыграть на ее чувстве вины. Вины за нераскрытое убийство ее родного брата. Но если этого будет недостаточно, я напомню ей, что она обязана мне жизнью своего консорты и своей живой игрушки, человека.

— Напоминать монархам об их долгах не всегда мудро, — заметил Дойл.

— Да, но мне нужно ее согласие, Дойл. Если она запретит — мы ничего не сможем сделать, так что мне придется добиться ее согласия.

Он тронул меня за лицо.

— Я вижу в твоих глазах одержимость. Смерть твоего отца тяжелой несправедливостью легла тебе на сердце.

Я закрыла глаза и легла щекой в его теплую ладонь. Его рука загрубела от веков упражнений с мечом и ножом. И от этого она казалась как будто более настоящей, более твердой, более надежной. А кое-кто из сидхе, из тех слишком высокородных, у которых не бывало мозолей, считали это признаком нечистоты. Грязные расисты!

В объятиях Дойла я могла позволить себе вспомнить тот кошмарный день. Забавно, как хорошо защищается мозг. Я видела окровавленную ткань и носилки. Я держала руку отца, холодную, но еще не окоченелую. Мои руки были в его крови, потому что я его трогала, — но это был не *он*. Это была просто холодная плоть. Ощущение ужасающей пустоты, когда я до него дотрагивалась, было похоже на то, как войти в дом, ожидая найти его полным знакомых и любимых людей, и обнаружить только голые стены, даже мебель увезли... Ты бредешь из комнаты в комнату и слышишь, как твои шаги отдаются эхом в этой пустоте. Твой зов отражается от голых стен, на которых еще остались невыцветшие пятна от памятных фотографий — как меловые контуры тел на месте преступления. Он ушел — мой высокий, красивый, мой замечательный отец. Он должен был жить вечно, но чары могут украсть жизнь даже у бога, у того, кто когда-то был богом.

Но если я слишком упорно старалась припомнить этот день, пыталась заставить себя вспоминать — то я вспоминала не тело отца и не кровь. Мне вспоминался меч. Один из телохранителей отца вложил его мне в руки, как передают флаг на похоронах солдата. На рукояти было золотое тиснение с обеих сторон — дерево и вокруг него танцующие журавли. А иногда с ветвей дерева свисали крошечные человечки, и их кровь текла по золоту. Маленькие жертвы буквально проливали кровь на рукоять меча^[9]. В тот день рукоять меча была голой и холодила мне руки. На ветвях деревьев не было маленьких жертв — потому что величайшая из жертв уже была принесена.

К этой тисненной золотом кожаной рукояти я почти весь прижималась щекой. Я вдыхала запах выделанной кожи, запах масла, использовавшегося для чистки, и над всем этим был *его* запах. Отец веками носил на себе этот меч, и ножны впитали запах его кожи. Я бралась за рукоять и нащупывала пальцами неровности, образовавшиеся даже в волшебном металле от постоянных касаний его ладони.

Много ночей я спала, прижав к себе этот меч, словно все еще чувствовала руку отца на рукояти меча, его тело рядом с мечом. Я поклялась на клинке моего отца, что отомщу за его смерть. Мне было семнадцать.

Умереть от горя нельзя, хоть и кажется, что можно. Сердце на самом деле не разрывается, хотя иногда грудь болит так, словно оно разорвалось. Горе ослабевает со временем. Так устроен мир. И приходит день, когда ты улыбаешься вновь — и чувствуешь себя предательницей. Как я могу быть счастлива? Какя могу радоваться в мире, где больше нет моего отца?.. И тогда ты плачешь опять, плачешь потому, что больше не грустишь по

нему так, как грустила когда-то, и потому, что перестать горевать — это потерять его еще раз.

Мне уже тридцать три. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как я спала, прижимая меч своего отца. Меч просто исчез примерно с месяц спустя после его смерти. Ушел, как ушли многие наши древние реликвии, как будто с уходом Эссуса больше не было руки, достойной им обладать. И тогда меч предпочел растаять и кануть в туман. А может быть, великие реликвии не выбирают свою судьбу. Может быть, Богиня призывает их к себе, когда их задача выполнена. Или, может, они возвращаются домой к Богине, пока вновь не появится достойный. При этой мысли я ощутила тонкое веяние тепла и радости — голос Богини. Мягкий, чуть слышный голос, который подтверждает, что ты набрела на правильную мысль или задала правильный вопрос.

Я попробую сыграть на чувстве вины, чтобы добиться от Андаис разрешения вызвать полицию. Мне не слишком верилось, что королева может поддаться на эмоциональный шантаж, но она еще не знает о возвращении одной из величайших реликвий дворов фейри. Чаша, которую человеческие желания превратили из котла изобилия в золотой кубок, вернулась к нам оттуда, где скрывалась, — где бы это место ни находилось. Она явилась мне во сне, а когда я проснулась — сон оказался явью. Чаша была одним из величайших сокровищ Благого Двора, и благие могли предъявить на нее права, что стало одной из причин держать в тайне ее возвращение. Чашу нельзя удержать силой, она сама выбирает, где ей быть. Я была почти уверена, что она не останется в Благом Дворе, даже если мы ее отдадим. А если она станет исчезать оттуда и появляться у нас, благие решат, что мы ее крадем. Или по крайней мере обвинят нас в этом, потому что король Таранис никогда не признает, что чаша просто считает их недостойными. Нет, мой дядя обвинит во всем нас, а никак не себя и не свой сияющий двор.

Если королева не дрогнет из-за вины и не поддастся на родственные чувства, то, может, подействует новость о возвращении чаши.

Я все еще надеялась когда-нибудь узнать, кто убил моего отца, но следы давно остыли. Шестнадцать лет как остыли. Следы у тел Беатриче и репортера, напротив, были еще буквально горячими. Место преступления не было затоптано. Список подозреваемых не был бесконечным. Рис говорил о нескольких сотнях, как будто это много. А мне приходилось помогать полиции в нескольких делах, когда под подозрение попадало чуть ли не все население Лос-Анджелеса. Что такое по сравнению с этим несколько сотен?

Мы можем с этим справиться. Если мы проведем современное полицейское расследование, мы можем их поймать. Они такого не ожидают и не знают, как защититься от современной науки. У нас получится. Ладно, девяносто девять и девять десятых, что получится — только дурак уверен на сто процентов, когда дело касается убийства: что в подготовке убийства, что в его расследовании. И то, и другое одинаково рискованно и опасно для здоровья.

Королева стояла посреди комнаты, прикрытая только мехом и длинными черными локонами. Из лохматого серого меха выглядывали белая гладкая шея и тонкое нагое плечо. Мех я бы определила как волчий, если б где-то еще водились такие громадные волки. Она подождала, пока мы в полной мере оценили зрелище, и лишь потом повернула к нам голову. Темный как уголь, свинцовый как грозовые тучи и бледно-бледно-серый — такими цветами сияли ее глаза, три идеальных круга вокруг зрачка. Тех же цветов был мех, оттенявший ее лицо и делавший глаза еще больше и ярче. Лишь секунду спустя я поняла, что она подвела глаза для пушшего эффекта.

До меня впервые дошло, что я запросто могла добиться с помощью гламора того, для чего ей приходилось пользоваться гримом. Я никогда в жизни не видела, чтобы королева прибегала к мелкому личному гламору, и сейчас у меня мелькнула мысль: а способна ли она на такое? Или она потеряла эту способность вместе со многими другими? Я удержала на лице спокойное выражение, никак не выдав свои мысли. Мне и так хватит проблем, без высказывания вслух сомнений в ее магических возможностях. Ох, да, это точно обеспечило бы мне сеанс очень специфического проявления родственных связей. Точнее, наверное, было бы сказать, сеанс очень болезненного связывания. Мне нравится боль, но и близко не та, какую любит тетя Андаис.

— Ну, Мередит, вижу, ты навлекла на наши головы новые беды.

Я открыла рот, чтобы начать речь, заготовленную по пути, — и проглотила слова, потому что, если ей втемяшилось в голову обвинить меня, хоть и косвенно, в этих убийствах, я пропала. Не то что мне не разрешат вызвать полицию — скорее всего я даже не уйду из этой комнаты на собственных ногах. У нас в Неблагом Дворе говорят: "К королеве идешь на свой страх и риск". Что за извращенное чувство справедливости заставило меня забыть эту поговорку?

Я упала на колено, и стражи последовали моему примеру, попадая вокруг меня изящными смертоносными цветами. Дойл и Холод пошли со мной, но Риса мы оставили приглядывать за телами. Он бы пошел тоже, но после меня он больше всех занимался детективной работой в Лос-Анджелесе. Адайр с Готорном в их разноцветной броне были тут. И Гален, разумеется. Он никогда не отпустил бы меня одну навстречу опасности.

Усна удивил меня — и Дойла, кажется, тоже, — настояв, что пойдет с нами. Не то что мы сомневались в его храбрости, напротив, он часто по-дурацки рисковал собой только забавы ради. Думаю, это как-то было связано с тем, что мать зачала его, превратившись в кошку, а его отец был... ну, котом. Что дало Усне совершенно особое мировосприятие. Он был мужчиной-сидхе до последнего дюйма, за исключением того, что его длинные волосы и белая кожа были украшены крупными рыжими и черными пятнами, как у трехцветных кошек-калико.

Никке я велела остаться, потому что его чудесные новые крылья казались мне слишком уязвимыми. Я бы не вынесла, если б Андаис распустила их на ленточки в назидание мне. И как только я осознала, что именно поэтому я не взяла Никку с собой, я поняла, что почти ждала этих обвинений. Ей нужно было на ком-то сорвать злость, а раньше, когда я была моложе, я была ее любимой мишенью. Но только в тех случаях, когда при дворе не было моего отца, когда он не мог вмешаться. После его смерти мои дела стали плохи в очень

многих отношениях.

— Отвечай, Мередит, — сказала королева, почему-то не злобно, а устало.

— Я не знаю, как ответить, тетя Андаис. Насколько мне известно, я не делала ничего, что могло бы навлечь смерть на Беатриче и репортера.

— Беатриче, — повторила она и шагнула ко мне, к нам. Ее белые ступни были босы, их украшал только серебристо-серый лак на ногтях. Из-под меха мелькали длинные тонкие ноги. У нее не было бедер, о которых стоило бы говорить. Женщины-сидхе — идеальные модели для нынешнего времени: у них отсутствуют округлости, и не из-за диет. Сидхе не нуждаются в диетах, они просто по натуре сверхъестественно худые.

Андаис была высока даже для женщины-сидхе — шесть футов, того же роста, что и большинство ее гвардейцев. Она возвышалась надо мной всем этим ростом, искусно обнажив одну ногу и полусогнув ее так, что вся изящная линия от бедра и до кончиков пальцев обрисовывалась темно-серым мехом.

— Кто такая Беатриче?

Мне хотелось бы думать, что она со мной играет, но она не играла. Она на самом деле не знала имени собственного кондитера. Она знала главного повара — Мэгги-Мэй, — но, кроме нее, наверное, ни одного кухонного работника. Она правила этим двором, и между ней и кем-то вроде Беатриче была целая иерархическая лестница слуг и малых фейри.

Если бы не я, никто из присутствующих не знал бы имени погибшей. Это меня взбесило. Мне было трудно не выдать себя голосом, когда я ответила:

— Убитая фейри. Твой кондитер. Ее звали Беатриче.

— Мой кондитер? У меня нет кондитера. — Ее голос был полон презрения.

Я вздохнула.

— Кондитер Неблагого Двора в таком случае.

Андаис отвернулась, взвихрив мех вокруг себя, будто легкую накидку. А ведь он должен весить столько, что у меня на такое движение сил не хватило бы. Я сильнее человека, но совсем не так сильна, как чистокровные сидхе. Интересно, она проделала этот трюк, чтобы напомнить мне о моей слабости или просто ради красивого жеста?

Она проговорила через плечо:

— Но все, что есть в Неблагом Дворе, принадлежит мне, Мередит, ты не забыла?

Я вдруг поняла, что она пытается вызвать меня на ссору. Она это делала впервые на моей памяти. Раньше она просто набрасывалась на мишень своего гнева — я это была или кто другой. Она когда-то пыталась забавы ради. Она спорила со мной, если я ей противоречила, или начинала спор первой, но спор, а не ссору! Я не знала, как реагировать.

— Я не забыла, тетя, что ты — королева Неблагого Двора.

— Да, Мередит, напомни мне, что я — твоя тетя. Напомни, что твоя кровь нужна мне, чтобы сохранить нашу династию.

Мне не понравилась формулировка, но ее слова не были вопросом, так что я не рискнула отвечать. Я стояла на колене и молчала.

— Если б тебе вчера хватило силы для самозащиты, сегодня в моем ситхене не было бы никаких репортеров. — В ее голосе появились первые злобные нотки.

— Обеспечивать безопасность принцессы — моя задача, — вмешался Дойл.

Я потянулась к нему здоровой рукой, не успев подумать, что же делаю, но он был чуть дальше, чем я могла дотянуться. Я качнула головой. "Не переключай ее ярость на себя", — попыталась я сказать взглядом.

— Наша задача, — подал голос Холод с другой стороны.

Я взглянула на него в полном отчаянии. Если Андаис настроена злиться, я не хотела, чтобы ее гнев обрушился на них двоих. Не потому даже, что я их люблю, а потому, что они мне нужны. Если у нас еще есть какая-то надежда разобраться со всеми этими загадками и сохранить мне жизнь назло всем врагам — мне нужны капитан моей стражи и его лейтенант.

Она вдруг очутилась прямо передо мной, я не заметила ее движения. То ли она затуманила мое сознание, то ли и вправду была такой быстрой, даже запеленутая в этот мех. Она опустилась на колени передо мной: море меха с проблесками белого тела.

— Ты украла у меня моего Мрака, Мередит. Ты растопила сердце моего Убийственного Холода. Ты похитила двоих моих лучших воинов, словно тать в ночи.

Я облизнула внезапно пересохшие губы и сказала:

— Я не думала присваивать что-то, представляющее для тебя ценность, тетя Андаис.

Она легонько тронула меня за лицо. Я невольно вздрогнула — не потому, что это было больно, а потому, что я ждала, что будет больно.

— Да, Мередит. Напомни мне, что я пренебрегала моим Мраком и моим Холодом. — Она ласково провела по моему лицу пальцами, а потом тыльной стороной ладони. — Пренебрегала так многим из того, что принадлежало мне.

Она обхватила пальцами мой подбородок и стиснула его. Она могла бы раздробить мои кости в мелкую крошку.

— Я чувствую гламор, девочка. Сбрось его. Я хочу видеть, что ты скрываешь.

Я сбросила гламор с себя и Холода, и наши перемазанные в помаде лица явились миру.

Она вздернула меня на ноги за подбородок, как за ручку. Было больно, и синяки наверняка останутся. Она подняла меня так резко, что я не сохранила бы равновесие. Только ее жесткая хватка удержала меня в вертикальном положении.

Мужчины поднялись одновременно со мной.

— Я не велела вам вставать! — заорала она.

Они остались стоять. Я не могла повернуться и посмотреть, что именно они делают, но все вот-вот должно было понестись к чертям.

Бас Баринтуса прозвучал откуда-то из глубины комнаты. Все это время здесь был Баринтус, а я его не видела. Нужен очень сильный отвлекающий фактор, чтобы не заметить синеволосого полубога семи футов ростом. Андаис таким отвлекающим фактором, без сомнения, была. Когда ее рука до синяков стискивала мой подбородок, а серые глаза вперялись в мои с расстояния в пару дюймов — она не то что привлекала внимание, она пугала до жути.

— Королева Андаис, Мередит всего только повиновалась вашим приказам.

— Молчи, Делатель Королей!

Она обернулась на его голос, и я поняла, что, должно быть, она поставила его на колени, потому что в той части комнаты никого не было видно.

Андаис снова повернулась ко мне, и глаза ее засветились, словно в них включили лампу. Словно луна взошла за серыми тучами, и ее лучи пробиваются сквозь трехцветные радужки, а не сами глаза светятся. Такой эффект я никогда не видала у других сидхе.

— Тогда почему твои губы и лицо Убийственного Холода перепачканы красным?

Она сбросила на пол укутывавший ее мех, одновременно мазнув большим пальцем по моим губам с такой силой, что я с трудом удержалась от болезненного вскрика. Помады на

губах еще хватило, чтобы запятнать ее белоснежный палец.

Она стояла перед нами — нагая, белая и жуткая. Если она и была красива, я этого не видела. Андаис часто раздевалась догола перед тем, как приступить к пыткам, — чтобы одежда не пострадала. Ее нагота не обещала ничего хорошего.

До меня наконец дошло, что она решила разозлиться на меня за то, что я продемонстрировала равнодушие к отдельным стражам на глазах у журналистов. Она хотела оскорбить меня и наказать за поцелуй с Холодом, вместо того чтобы разбираться с убийствами. Замещение — обычный психологический механизм, но не сказать, что здоровый.

Никакая логика меня не спасла бы. Все заготовленные аргументы не значили ровно ничего для ее неконтролируемого гнева.

— Или ты думаешь, что я отдаю приказы для того, чтобы их не выполняли?!

Я очень осторожно заговорила сквозь ее пальцы:

— Мне было необходимо отвлечь камеры...

Она отпустила меня так резко, что я чуть не упала. Дойл поймал меня за руку и привлек к себе, поставив меня подальше от нее и ближе к основной группе стражей. Я не могла не счесть предосторожность разумной. Королева была на себя не похожа. Андаис были свойственны и вспыльчивость, и садизм, но она никогда не позволяла ни тому, ни другому так сильно влиять на дела двора. У нас на руках был убитый журналист — это при том, что живые журналисты вместе со всей техникой все еще находились внутри волшебного холма. Ситуация чрезвычайная, и нужно было действовать быстро, какую бы программу действий мы ни выбрали. Даже если бы мы решили все скрыть и делать вид, что ничего не знаем, это надо было делать быстро. Чем больше народу узнает секрет, тем труднее будет его сохранить.

Если же мы вызовем полицию с командой криминалистов — то каждая минута важна для обнаружения следов. Может быть, с каждой секундой мы теряем часть улик.

— Мэдлин сказала мне, что наш Холод потерял свою уверенность перед камерами. — Она описала небольшой круг по комнате и вернулась к Холоду. Как будто любой предмет, любая тема были предпочтительней разговора об убийствах. Она что, думала, что виноваты люди Кела? Поэтому она не хотела выбирать план действий? Боялась узнать правду, боялась того, к чему это приведет?

— Так репортеры ушли? — мягко спросила я.

— Они почти уже уехали себе тихо и мирно, — сказала она, и ее голос поднимался с каждым словом и шагом, — но тут одна группа обнаружила, что их фотограф потерялся. Фотограф! — Это слово она прокричала. — Как он проломился сквозь заклинания, которые должны были не выпустить его с охраняемой территории?

Она не обращалась ни к кому конкретно, так что никто и не ответил.

— Фотокамеру нашли? — спросила она почти нормальным голосом.

— Да, моя королева, — подтвердил Дойл.

— Он заснял преступление?

— Возможно, — сказал Дойл.

— Нам нужно послать пленку на проявку, — добавила я.

— Что, никто из фейри ее проявить не может?

— Нет, моя королева.

— Что еще нашли на этом репортере?

— Мы не обыскивали тело, — сказала я.

— Почему?! — спросила она, и в голосе снова проступил почти истерический гнев.

Я сглотнула и сделала медленный вдох. Сейчас или никогда. Рука Дойла сжала мне локоть, словно предупреждая: "Не надо". Но если я когда-нибудь стану королевой, Андаис придется уступить мне свое место. Она бессмертна, а я нет, так что она все равно останется при дворе. Мне нужно было уже сейчас обозначить какие-то рамки будущих отношений, или я так и не стану королевой по-настоящему. Никогда не буду по-настоящему свободна от ее гнева.

— На теле есть улики, которые сможет найти команда специалистов. Чем меньше мы будем его трогать, тем лучше ученые сделают свою работу.

— Что это ты лепечешь, Мередит?

Дойл крепче сжал мне руку.

— Ты помнишь, что ты мне сказала, когда убили моего отца?

Она остановилась и посмотрела на меня. Глаза были настороженными.

— Я многое тогда говорила.

— Ты сказала, что непустишь полицию в холмы фейри. Что никто не станет говорить с полицейскими или отвечать на их вопросы, потому что мы найдем убийц с помощью магии.

Она застыла на месте и вперилась в меня злым взглядом, но ответила:

— Я помню эти слова.

— Магия потерпела неудачу, потому что убийцы владели ею не хуже или даже лучше тех, кто накладывал чары на раны и тело.

Она кивнула.

— Я давно думаю о том, что кто-то из этой улыбающейся, льстивой толпы моих придворных — убийца моего брата. Я это знаю, Мередит, и для меня непрекращающаяся пытка, что эта смерть осталась безнаказанной.

— Как и для меня, — отозвалась я. — Я хочу раскрыть эти убийства, тетя Андаис. Я хочу, чтобы убийца или убийцы были пойманы и наказаны. Я хочу показать прессе, что при Неблагом Дворе существует правосудие и что мы не боимся нового знания и новых путей.

— Опять ничего не понимаю, — буркнула она, скрестив руки под тугими маленькими грудями.

— Я хочу связаться с полицией и вызвать команду криминалистов.

— Кого?

— Ученых, которые специализируются на помощи в раскрытии преступлений в человеческом мире.

Она покачала головой.

— Я не хочу, чтобы здесь слонялась человеческая полиция.

— Как и я, но нам нужно только несколько человек. Ровно столько, чтобы собрать улики. Все сидхе — титулованные персоны, все имеют дипломатический иммунитет, так что формально мы можем диктовать, до какого предела мы позволим полицейское вмешательство.

— И ты думаешь, что так мы сможем поймать того, кто все натворил?

— Да. — Я чуть отступила от Дойла, так что больше не льнула к нему. — Тот, кто это сделал, заботился о магическом преследовании, но ему не могло прийти в голову, что мы используем в земле фейри достижения современной криминалистики. Он не готовился к такому, да в общем, он и не мог себя защитить от такого. Во всяком случае, не абсолютно.

— Что ты имеешь в виду — не абсолютно?

— Мы все, даже сидхе, оставляем клетки кожи, волосы, слюну; все это можно использовать, чтобы выследить человека. Наука может воспользоваться частичками, которые меньше тех, что нужны для заклинания. Не прядью волос, а корнем одного волоска. Не фунтом плоти, а невидимой глазу частичкой.

— Ты уверена, что это получится? Уверена, что если я позволю это вторжение, это нарушение наших границ, то человеческая наука раскроет это преступление?

Я облизнула губы.

— Я уверена, что, если там есть, что находить, они это найдут.

— Если, — повторила она эхом и снова забегала по комнате, только уже помедленней. — "Если" — значит, что ты не уверена. "Если" — значит, дорогая племянница, что нам все это придется вынести, и все же убийца будет гулять на свободе. Если мы пустим полицейских, а они ничего не смогут узнать о смерти репортера, это уничтожит нашу добрую репутацию, которую я так старательно создавала в последние два десятка лет.

— Я думаю, они смогут что-то узнать, но даже если нет — на прессу произведет впечатление наша готовность впустить полицию в холмы фейри. Так никто еще не делал, даже при сияющем дворе.

Она глянула на меня через плечо, но шла при этом к Баринтусу. Медленно. Он и правда стоял на коленях у ее кровати на черном меховом коврикe.

— Так, думаешь, мы обскачем в мнении прессы Тараниса с его сияющим народцем?

— Я думаю, это покажет, что мы никому не хотим вреда и что мы, неблагие, не поощряем преступлений, в противоположность тому, что о нас говорили веками.

Она уже стояла напротив Баринтуса, но обращалась по-прежнему ко мне.

— Ты и правда веришь, что журналисты простят нам смерть своего собрата только за то, что мы вызовем полицию?

— За шанс изложить всю эту историю кое-кто из них сам прирезал бы собственного фотографа на алтаре с соответствующими молитвами и песнопениями.

— Умно, Мередит, очень умно. — Тут она обратила внимание на Баринтуса. Она погладила его по щеке жестом любовницы, хотя я знала, что она никогда не спала с ним. — Почему ты никогда не пытался сделать королем моего сына?

Неожиданный вопрос, если только до нашего прихода Баринтус с королевой не вели совсем другую беседу.

— Ты не хочешь, чтобы я ответил, королева Андаис, — сказал он со вздохом.

— Хочу, — сказала она, поглаживая его по щеке, — хочу.

— Тебе не понравится ответ.

— Мне в последнее время многое не нравится. Ответь мне, Делатель Королей. Я знаю, что если б мой брат Эссус того пожелал, ты бы помог ему меня убить и усадил его на трон. Но он не хотел убивать собственную сестру. Не хотел брать такой грех на душу. Но ты уверен, что он был бы лучшим правителем, чем я, так ведь?

Опасный вопрос. Баринтус повторил:

— Ты не хочешь знать правду, моя королева.

— Я ее знаю. Я знала ее столетия назад, но чего я не знаю — это почему ты ни разу не взглянул на Кела. Он подкатывался к тебе после смерти Эссуса. Он предлагал тебе помочь меня убить, если ты поможешь ему пораньше занять трон.

Наверное, тут все в комнате перестали дышать. *Этого* я не знала. Выражения лиц остальных подсказали мне, что никто из них не знал. Разве что Адайр и Готорн — их лица были скрыты забралами шлемов.

— Я предупредил тебя о заговоре, — сказал Баринтус.

— Да, а я велела тебя пытаться.

— Я помню, моя королева.

Ее улыбка противоречила словам, как и непрекращающиеся ласковые поглаживания лица и плеч Баринтуса.

— Ты повернулся к Мередит, как только она подросла. Если б у нее тогда была магия, которой она обладает теперь, ты бы предложил ей то, что предлагал Эссусу, так ведь?

— Ты знаешь ответ, моя королева.

— Да, — проговорила она, — знаю. Но у Кела всегда хватало силы. Почему ты не посадил его на трон? Почему ты предпочел полукровку, метиску моему сыну, настоящему сидхе?

— Не спрашивай, — умолял он.

Она дважды залепила ему оплеуху, достаточно сильно, чтобы он покачнулся, даже стоя на коленях. Достаточно сильно, чтобы из губы у него потекла струйка крови.

— Я твоя королева, черт возьми, и ты ответишь на мой вопрос. Отвечай! — провизжала она ему прямо в лицо.

Баринтус ответил. Кровь струилась по его подбородку.

— Я предпочту видеть на троне тебя, а не Кела.

— А Мередит? Что скажешь ты о дочери моего брата?

— Она будет хорошей королевой.

— Лучше Кела?

— Да, — сказал он, и это короткое слово упало в тишину комнаты, как камень, брошенный с огромной высоты. Звук от его падения доносится снизу, но происходит это очень, очень не скоро.

Мы услышали этот звук:

— Мередит, ты не сделаешь с Баринтусом ничего, что дало бы тебе шанс от него забеременеть. Ничего, слышишь?

— Да. — Мой голос звучат сдавленно и хрипло, словно я его сорвала.

— Свяжись с полицией. Сделай, что сочтешь нужным. Я объявлю двору и прессе, что с этой маленькой проблемой разбираешься ты. Больше мне с этим не надоедай. Не надо докладов, если я сама не спрошу. Теперь убирайтесь. Все. Пошли вон.

Мы пошли. Все, даже Баринтус. Пошли и были за это благодарны.

Я позвонила майору Уолтерсу из полицейского департамента Сент-Луиса, тому, кто днем раньше обеспечивал нам охрану в аэропорту. Звонила я по единственной наземной линии в ситхене. Телефон стоял в кабинете королевы, всегда производившем на меня впечатление серебряно-черной версии кабинета Людовика XIV, как если б французский король имел пристрастие к готским танцклубам для развращенных богачей. Кабинет был элегантным, темным, дорогим и восхитительным в том стиле, от которого мурашки бегут по спине; современным, но с привкусом древности: кабинет нувориша, но сделанный как надо. У меня он вызывал легкую клаустрофобию. Слишком много оттенков серого и черного на таком маленьком пространстве, будто некий предприимчивый продавец готских драпировок убедил владельцев завесить его товаром каждый дюйм свободного пространства.

Белая телефонная трубка на черном секретарском столе казалась человеческой костью. А может, я просто проецировала на нее свои общие ощущения. Сегодняшнее настроение королевы мне было непонятно. По пути сюда я спросила Баринтуса, есть ли у него догадки о причинах такого странного состояния Андаис, и он сказал — нет. Нет догадок.

Почему я звонила в полицию Сент-Луиса, если формально земли фейри находились в Иллинойсе? Потому что майор Уолтерс был нынешним полицейским посредником между волшебной страной и человеческими властями. Когда-то, почти двести лет назад, к нам было приписано целое полицейское подразделение. Почему? Да потому, что не все американцы согласились с решением президента Джефферсона пустить фейри в Америку. Жители тех мест, которые оказывались в соседстве с нами, были особенно взволнованы. Они не хотели чтобы в их штат переселились монстры из Неблагого Двора. В то время Сент-Луис был ближайшим к нам крупным городом с действующим полицейским департаментом. Так что, хоть мы и жили в Иллинойсе, полицейские проблемы переадресовывались в Миссури и Сент-Луис. Полиции досталась радостная обязанность защищать нас от обозленных людей, а также караулить границы наших владений, чтобы мы не могли за них выйти, сея разрушение и хаос. Если бы дворы фейри не подмазали соответствующим образом кой-какие правительственные инстанции и кой-каких влиятельных личностей, мы, может быть, так и не переселились бы в эту страну. После последней европейской войны между людьми и фейри никто не хотел с нами связываться. Мы казались слишком опасными соседями.

Чего никто не мог сообразить — от самого Джефферсона до крикливой толпы, — это что полицейское оцепление не могло бы остановить ни одного самого слабого фейри. Удерживали нас в границах фейриленда и заставляли правильно себя вести клятвы, данные нашим королям и королевам, и страх перед ними. Зато полиция не давала людям нам докучать.

Постепенно, поскольку ничего страшного не происходило, число полицейских кордонов снижалось, пока их не убрали совсем; с тех пор мы обращались к полицейским только в случае нужды. Когда люди по соседству поняли, что нам от них ничего не нужно и мы предпочитаем жить сами по себе, нам все реже и реже приходилось прибегать к помощи полиции. Вскоре приписанным к нам полицейским стали поручать другую работу в других местах, отзывая их иногда по "делам фейри", как это стали называть. К нашим дням полицейское подразделение сократилось до одного-единственного полицейского. В последний раз ему пришлось работать, когда убили моего отца, но поскольку убийство

произошло на земле, принадлежащей правительству, полиции перекрыли кислород дважды — сначала ФБР, а потом мы. Ну, не мы, а королева. Я бы пустила в холмы хоть дивизию солдат, если б думала, что они поймают убийц моего отца.

Поскольку посредник оказался так неэффективен в деле моего отца, я думала, что этот пост упразднят. Но я ошиблась.

Дойл выяснил, что майор Уолтерс все еще является нашим посредником. Последний реликт из подразделения, созданного лично Томасом Джефферсоном. У майора было самое высокое звание из всех, кто прежде занимал этот пост. Он вызвался на эту должность добровольно, потому что его предшественник среди прочего обеспечивал нашу охрану на пресс-конференциях, что в результате принесло ему тепленькое место шефа безопасности крупной корпорации. Имеющим деньги нравится, когда их охраняет кто-то, прежде работавший на королей. Резюме такого работника приобретает красивую виньетку. Дойлу даже удалось узнать, что у Уолтерса имелся целый список из возможных работодателей. Интересно, как изменится мнение больших корпораций об Уолтерсе после вчерашнего. Работа на королевских особ прекрасно смотрится в резюме, но если королевская особа пострадала, находясь под вашей охраной, — это уже далеко не так прекрасно. Не-а, президенты корпораций явно будут слегка нервничать под защитой человека, у которого собственный подчиненный выстрелил в принцессу Мередит. Люди верят в магию, но не в тех случаях, когда ею пытаются объяснить проколы. Обвинять они предпочитают кого-то, а не что-то.

Уолтерсу нужно будет реабилитироваться. Он должен оправдаться в глазах общественности. Хотя и я, и мои стражи знали, что он не мог предотвратить случившегося, люди в это не поверят. Майор был главным. Он плохо справился. Вот так все и будут думать.

Кристина, секретарь моей тетушки, была маленькая, фигуристая и более пышная, чем это предписывается нынешней модой. В свое время она была как раз как надо. Золотистые локоны спадали ей на плечи, а красивое личико оставалось вечно юным. Один из наших вельмож соблазнил ее несколько веков назад, но потом она ему наскучила. Чтобы остаться в волшебной стране, ей надо было стать полезной, и она научилась стенографии, а потом и обращению с компьютером. Наверное, она была одним из самых технически подкованных людей при обоих дворах.

Она предложила нам позвонить в "Бюро по делам людей и фейри". Логично, наверное, но люди из бюро полезны скорее при социальных или дипломатических проблемах. А если надо что-то реально сделать, не зови политика или бюрократа. Зови копа.

Я сделала глубокий вдох, быстро помолилась Богине и набрала номер, который мне дала Кристина.

Он взял трубку на втором гудке.

— Ваше величество? — произнес он.

Наверное, у него стоял определитель номера.

— Не совсем, — сказала я. — Вообще-то принцесса Мередит.

Первая его фраза была профессиональной, вторая — содержала налет подозрительности.

— Чем я заслужил такую честь, принцесса?

Прозвучало это почти враждебно.

— Кажется, вы на меня злитесь, майор Уолтерс.

— В газетах сказано, что вы не доверяете способности моих людей вас защитить. Что у

копов квалификации не хватает.

Я не ожидала, что он будет так прямолинеен. Он оказался больше копом, чем политиком.

— Могу ответить только, что я не дала прессе ни намека на то, что сомневаюсь в способностях ваших людей.

— Тогда почему нас отстранили от охраны второй пресс-конференции?

Гм-м, это была скользкая тема.

— Мы оба знаем, что ваш сотрудник выстрелил в меня не по своей воле, а под действием чар, ведь так?

— Да, наш экстрасенс обнаружил на нем остатки магического воздействия.

— Мне безопасней находиться в ситхене, но вашим людям — нет. Кто-то наложил чары на полицейского в здании со стальными балками и перегородками, среди сплошной техники. Дайте тому же чародею действовать внутри ситхена, в волшебной стране — и вашим сотрудникам будет угрожать гораздо большая опасность подпасть под чары.

— А репортеры — им такая опасность не грозит?

— Они не вооружены, — возразила я. — Много вреда они не нанесут.

— Значит, мы просто не проходим по вашим стандартам? — Он был зол, и я не совсем понимала, на что именно он злится.

Секретарь королевы, должно быть, услышала достаточно из нашего разговора, чтобы дать мне намек. Она постучала пальцем по заголовку в "Сент-Луис постдиспетч": "Полиция не смогла защитить принцессу".

Ох.

— Майор Уолтерс, мне только что показали газету. Прошу прощения, что не поняла, какое воздействие окажет эта ситуация на вашу жизнь. Я немного заикнулась на опасности для собственной жизни.

— Мне не нужны ваши извинения, принцесса. Мне нужно, чтобы мои люди могли защищать вас во время открытых мероприятий.

— Сколько грязи на вас уже вылилось? Вас пытаются сделать козлом отпущения?

— Это не ваше дело, — отрезал он, что было равнозначно положительному ответу.

— Думаю, мы можем помочь друг другу, майор.

— Каким образом?

— Вы сидите?

— Угу, — сказал он невесело.

Я коротко пересказала ему все, что знала об убийстве Беатриче и репортера, и сообщила, что королева поручила мне разобраться с этим. На том конце трубки молчали так долго, что я наконец не выдержала:

— Вы еще здесь, майор?

— Здесь, — выдавил он.

— Мне жаль, что "дела фейри" вдруг так ужасно осложнились. Прошу прощения, что это нарушает ваши планы.

— Что вы можете знать о моих планах?

— Я знаю, что вы собирались занять место шефа службы безопасности в крупной корпорации после почетной отставки в начале будущего года. Я знаю, что вы приняли должность нашего посредника, заботясь о своем резюме. Я знаю, что печальный инцидент с покушением на меня вряд ли зачтется вам в плюс на вашей новой работе.

— Вы чертовски много знаете для принцессы.

Я не стала это комментировать, не зная, было это комплиментом или оскорблением.

— Но что, если я со всей очевидностью продемонстрирую свое к вам доверие, майор Уолтерс?

— Что вам от меня нужно? — Подозрительность из него так и сочилась.

— Мне нужна команда криминалистов. Я обеспечила сохранность места преступления, но мне сейчас нужны достижения науки, а не магии.

— Не вы ли только что прочли мне лекцию об опасности, которой подвергнутся мои люди, явившись к вам в холм?

— Да, и потому я приглашаю только вас лично, криминалистов и, может, еще одного-двоих сверх того. Мои стражи смогут защитить от магии индивидуально каждого из вас, если группа будет достаточно маленькой.

— Пресса обрушилась на весь департамент, особенно пресса Сент-Луиса.

— Теперь мне это известно. Давайте покажем им, что принцесса Мередит и ее стражи не верят всей этой грязи. Я действительно доверяю вам, майор Уолтерс. Вам и хорошей команде криминалистов. Так как, майор? Будете играть на нашей стороне, или оставить вас в покое? Я могу сделать вид, что этого звонка не было, и начать новую попытку с шефа местной полиции.

— А почему вы с него не начали? — поинтересовался Уолтерс.

— Потому что вы — наш посредник. Я уважаю этот титул. По протоколу я должна звонить вам. Кроме того, вы почти так же заинтересованы в успешном раскрытии дела, как и я.

— Почему вы так думаете?

— Не будьте наивны, майор. Департаменту припекли пятки. Они найдут, на кого повесить вину, и скорее всего это будете вы. Давайте покажем департаменту, что вы сохранили мое доверие, — и они от вас отстанут. Они все отдадут, лишь бы раскрыть новое преступление и получить преступника. Они с ног сойдутся, пытаясь достать вам все, что понадобится.

— Похоже, вы знаете, как здесь вертятся винтики.

— Политика есть политика, майор, и я выросла в самой ее гуще. — Я присела на край стола и попыталась расслабить плечо. Поврежденные мышцы напряглись во время беседы с королевой. Интересное обстоятельство. Но теперь у меня болела рука, и это было совсем неинтересно. О чем я жалела в связи с моей частично человеческой природой — так это о невозможности исцеляться мгновенно.

— Мне нужен коп, майор Уолтерс, а не политик. Мне нужен тот, кто понимает, что за болтовней уходит время. Ценные следы, может быть, теряются прямо в эту минуту. Мне нужен человек, который будет больше думать о том, как распутать дело, а не о его политических последствиях. Я думаю, что такой человек — вы, а сейчас, когда ваша политическая звезда так тесно связана с моей, у вас двойной стимул.

— Почему вы так в этом уверены? Почему вы думаете, что я просто не брошу все к черту?

Я подумала и сказала:

— Из-за выражения вашего лица, когда вчера в аэропорту вам пришлось разделить власть с Баринтусом. Из-за того, что вы едва не выругали меня сейчас по телефону, вместо того чтобы льстить и угождать. Я не могла быть в этом уверена при таком высоком чине, как

у вас, но вы больше коп, чем политик, Уолтерс. А если б вы знали, как мало я люблю политиков, вы бы поняли, какой это комплимент.

— Вы довольно ловко играете в политические игры для того, кто их не любит.

— Я умею делать множество вещей, которые мне не нравятся, майор Уолтерс. Как и вы, без сомнения.

Опять молчание.

— Если мы не распутаем это дело, мне конец, и не важно, сколько доверия мне вы продемонстрируете. Вы или кто другой.

— Но если распутаем... — бросила наживку я.

Он утробно хохотнул.

— Тогда я стану звездой и солнцем департамента, а президенты корпораций будут распахивать друг друга локтями, чтобы предложить мне зарплату побольше. Да-а...

— Так вы со мной, или этого звонка не было?

— Я с вами.

Я улыбнулась.

— Хорошо. Можете братья за телефон и достаньте мне криминалистов как можно быстрее.

— Как мне объяснить шефу, почему вы решили пустить нас в ваши драгоценные земли? — спросил он. Да, он определенно был скорее копом, чем политиком.

— Объясните, что виновник наверняка обладает дипломатическим иммунитетом, но мы надеемся, что следствие послужит развитию взаимного сотрудничества и торжеству правосудия.

— Вы хотите получить гада, который это сделал?

— Да, — подтвердила я.

— Наверное, вы меня не помните — я был всего лишь одним из копов в оцеплении, — но я видел вас, когда погиб ваш отец. Вам отдали его меч.

Если у меня и были сомнения в том, что я обратилась к нужному человеку, то теперь они рассеялись. Вслух я сказала:

— Да, отдали.

— Поймать этого парня — не значит поймать убийцу вашего отца.

— Это очень пронизательное замечание для того, кто видел меня всего дважды.

— Ну, я видел вас чаще — там и тут, по случаю.

— Признаю ошибку, и все же вы слишком пронизательны, неуютно пронизательны.

— Простите. Как-нибудь, когда мы поймаем этого парня и если принцессы фейри не отказываются выпить с простыми полицейскими майорами, я расскажу вам, почему я стал копом.

Теперь была моя очередь проявить пронизательность.

— Вы потеряли близкого человека, и гада, который это сделал, не нашли.

— Вы знали, — сказал он тоном обвинителя.

— Нет, клянусь.

— Тогда это чертовски верная догадка.

— Скажем так: человеку с ноющей раной легче угадать такую же рану у другого.

Он хмыкнул, а потом проворчал:

— Да, наверно, так. Чем вы займетесь, пока я буду поднимать всех на ноги?

— Буду допрашивать свидетелей.

— Знаете, было бы неплохо, если б допросы проводил я.

— Большинство фейри, кто мог что-то видеть, никогда не покидали наши земли. Они побаиваются людей, особенно людей в форме. Все они помнят последнюю войну с людьми.

— Это было почти четыре века назад, — поразился он.

— Я знаю.

— Я к этому никогда не привыкну.

— К чему?

— Что вы, ребята, выглядите такими юнцами, а помните эту страну еще до того, как сюда приплыл мой прапрапрадед.

— Не я, майор. Я всего лишь простая смертная девушка.

— Да уж... Мне с вами будет непросто, — хмыкнул он.

— Я расскажу вам, если удастся вытрясти из свидетелей что-то полезное.

— Я предпочел бы сам решать, что полезное, а что нет.

— Тогда поторопитесь, майор, но я не могу обещать, что с вами все станут говорить. Я даже не пообещаю, что вы будете сидеть в той же комнате, где я стану говорить со свидетелями. Кое-кто из них при виде человека-полицейского просто откажется отвечать.

— Тогда зачем мне ехать?

— Затем, чтобы стать плечом к плечу, когда на нас набросятся журналисты, и показать, что мы сотрудничаем в этом расследовании. И прихватите с собой того полисмана, который в меня стрелял.

— Зачем, во имя Господа?

— Потому что его карьера в противном случае тоже рухнет.

— Он не будет представлять для вас опасность?

— Мы дадим ему амулет, укрепляющий психические щиты. Если я найду, что он недостаточно крепок для выполнения своих обязанностей, я дам вам знать, и мы проводим его наружу.

— Почему вы беспокоитесь о судьбе одного-единственного молодого копа?

— Потому что он мог прожить всю жизнь спокойно, если б держался подальше от фейри. Самое меньшее, что мы должны попытаться сделать, это сгладить последствия.

— Я сейчас начну звонить, но вы меня озадачили, принцесса Мередит. Вы чуть ли не слишком хороши, чтобы быть настоящей. — И он повесил трубку.

Я сделала то же самое. Слишком хороша, чтобы быть настоящей. Мой отец учил меня всегда поначалу действовать лаской, потому что кнут можно попробовать потом. Но если ты попробовал на ком-то кнут, ласке он уже никогда не поверит. Так что ласка, ласка и еще раз ласка, пока не настанет время перестать быть ласковой — а тогда бей насмерть. Я подумала, последовал ли он собственному совету в тот летний день, или промедлил, потому что считал другом того, кто обернулся против него. Я бы многое отдала за то, чтобы найти упомянутую персону и задать ей этот вопрос.

Мне хотелось сделать еще один телефонный звонок. Посмотрев в улыбающееся милое личико Кристины, я попросила:

— Вы не могли бы на минутку выйти, Кристина?

Она моргнула большими голубыми глазами, глубоко вздохнула, встала, подобрала длинные юбки и молча вышла. Не знаю, обиделась ли сна, по ней всегда было трудно сказать. Она улыбалась и улыбалась опять, глядя на все, что вытворяла перед ее глазами королева, и это заставляло меня задумываться на ее счет. Получала ли она удовольствие от таких зрелищ, или просто не знала, как еще реагировать?

После ее ухода со мной остались Дойл, Баринтус и Усна. Холод, Гален, Готорн и Адайр стояли за дверью, чтобы нам никто не помешал. Да и места в кабинете было не так много. Нам было бы неудобно. Всем присутствующим я доверяла, кроме Усны. Его я просто еще не знала толком.

— Усна, подожди нас в холле.

Он слегка улыбнулся, но спорить не стал. Правда, у двери помедлил.

— Ты не хочешь, чтобы я прислал кого-нибудь на замену? Я прикинула и кивнула:

— Галена.

Он коротко поклонился, открыл дверь и позвал Галена. Гален вопросительно глянул на меня, когда дверь за ним закрылась.

— Я хочу позвонить Джиллету. Гален покачал головой.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

— Кто такой Джиллет? — спросил Баринтус.

— Один из федеральных агентов, расследовавших убийство принца Эссуса, — ответил Дойл.

— Не знаю, почему я удивлена, что ты это помнишь, но я удивлена, — сказала я.

Дойл посмотрел на меня — как всегда темный, замкнутый и непроницаемый.

— Джиллет был самым упорным из следователей-людей.

— Да, — согласилась я.

— Ты с ним общалась? — спросил Дойл.

— Скорее он со мной. Мне было семнадцать, и мне тогда казалось, что он едва ли не единственный, кто больше хочет раскрыть убийство моего отца, чем угодить королеве или своему начальству.

Дойл набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

— И Гален об этом знал?

— Да, — сказал Гален.

— И тебе не приходило в голову, что стоило бы рассказать капитану стражи, что принцесса сотрудничает федеральным агентом?

— Мерри от этого становилось легче, а сразу после смерти Эссуса я сделал бы что угодно, лишь бы ей стало легче.

— А потом? — спросил Дойл.

— Они дважды в год обменивались открытками. Это все.

Дойл обратил ко мне темный взгляд. Я пожала плечами и тут же пожалела, потому что это было больно.

— Он посылал мне открытку на годовщину смерти отца. А я ему — на Йоль.

— И никто не заметил? — поднял брови Дойл.

— Королева мной не слишком интересовалась, а ты интересовался тем, чем тебе велела интересоваться королева. Вы все так поступали.

Он потер глаза руками.

— Рука сильно болит?

— Болит.

Он снова глубоко вздохнул.

— Тебе нужно отдохнуть, принцесса.

— Ты злишься не на меня и не на Галена, — сообразила я. — Ты зол на себя, что не знал об этом.

— Да, — сказал он с едва заметной злостью в голосе.

— Кому еще из стражей я могла доверять после смерти отца?

— А мне? — спросил Баринтус.

Я посмотрела на него — на лучшего, самого близкого друга отца.

— Ты был почти так же убит горем, как и я, Баринтус. Мне нужен был кто-то, разделяющий мою скорбь, но не поглощенный ею. Для меня таким человеком стал Гален. — Я потянулась к Галену, и он взял мою руку, словно это был самый естественный жест в мире.

— Если ты выйдешь замуж за того, к кому влечет тебя сердце, — обронил Дойл, — я боюсь за судьбу двора.

Я вгляделась в него, пытаюсь прочитать мысли по непроницаемому лицу. А потом сжала руку Галена сильнее и притянула его к себе. Когда-то Дойл был бы прав. Когда-то в моем сердце царил только Гален и никто другой, но с тех пор я подросла достаточно, чтобы понимать, что значит связать со мной жизнь. Там, где я, — опасное место. Коварное и предательское.

Я обнимала Галена не потому, что его имя огненной надписью пылало у меня на сердце, а потому, что надпись погасла. Я об этом тосковала, но в то же время чувствовала что-то сродни облегчению. Я поняла то, что мой отец знал несколько десятилетий назад: для Галена титул короля стал бы смертным приговором. Мне нужен был рядом кто-то жесткий и опасный, а не тихий и нежный.

Я смотрела в глаза Дойлу, обнимая Галена. Знал ли Дойл, что список моих сердечных привязанностей стал длиннее и что его имя в этот список входит? За его поступками могли стоять ревность, зависть или злость. Он так хорошо скрывал эмоции, что я не могла понять, что именно он прячет, только что это какое-то сильное чувство и открывать его он не спешит. Но даже эта малость означала, что Дойл теряет свой легендарный контроль над собой.

— Я позвоню Джиллету. — Я повернулась к телефону, и, поскольку у меня действовала всего одна рука, мне пришлось отпустить Галена. Он все еще прижимался к моей спине, его тело льнуло к моему. Он вписывался в мое тело, как всегда, словно мы были рождены друг для друга. Если бы мне не было нужно в постели ничего, кроме нежной любви, лучше Галена я никого не нашла бы, но за проведенные вместе месяцы мы обнаружили, что наши представления о страсти не совпадают. Он не понимал моего желания некоторой грубости, или боли, или просто чуть большей силы и настойчивости. Гален лишь смотрел на меня удивленно-непонимающими глазами, когда я просила о чем-то таком.

Я набрала номер Джиллета по памяти, хотя его номер за эти годы несколько раз менялся. Мне всякий раз приходилось учить его наизусть из опасения, что кто-нибудь удосужится пролистать мою записную книжку. Я могла бы и не беспокоиться, как выяснилось, — реакция Дойла со всей очевидностью показала, что мне никто не уделял такого внимания. Это было немного грустно и несколько разочаровывало. Столько усилий потрачено, чтобы скрываться от людей, которые ничего и не искали.

Я ждала, пока ответит сотовый телефон Джиллета. Когда-то я пообещала ему, что дам знать, если кто-то погибнет при обстоятельствах, сходных со смертью моего отца. Новые убийства не так уж были похожи, но обещание есть обещание. Я чувствовала себя наполовину глупо, а наполовину приподнято, как будто сама возможность сделать этот звонок что-то меняла. Мне было за тридцать, но какая-то часть моей души все еще оставалась семнадцатилетней и жаждала справедливости. Пора бы уж было поумнеть.

Он ответил:

— Джиллет.

— Привет, — сказала я.

— Мерри?

— Да.

— Как твои дела?

С годами он стал опекать меня. Он словно чувствовал какой-то долг перед памятью моего отца. Если б он знал... Я не говорила ему обо всех покушениях на мою жизнь. О бесконечных дуэлях, которые вынудили меня покинуть страну фейри на годы, так что все решили, что я умерла.

Сейчас был наш первый разговор после моего "воскрешения".

— Немного хуже, чем у утопленника, но, в общем, все в порядке.

— Я решил тогда, три года назад, что до тебя тоже добрались. Почему ты не позвонила?

— Потому что стоило тебе произнести мое имя у темного окошка, и Королева Воздуха и Тьмы его услышала бы. Наша беседа донеслась бы до нее. Ты был бы в опасности. Все были бы в опасности.

Он вздохнул в трубку.

— А теперь ты опять принцесса и ищешь себе мужа. Но ты ведь звонишь не просто потрепаться?

— Ты что-нибудь слышал?

— Болтовню о том, что репортеры ушли из вашего холма, но затормозили на парковочной стоянке. Пресс-конференция закончена, так чего же столько наших и заграничных журналистов торчат посреди кукурузного поля в Иллинойсе?

Я обрисовала ему проблему.

— Я мог бы привезти команду меньше чем в...

— Нет, команду — нет. Я уже вызвала местных криминалистов. Приезжай сам, но без дюжины агентов в придачу. Все случилось внутри ситхена, не на федеральной земле.

— Мы можем тебе помочь.

— Возможно. А может, только увеличите число жертв. У нас и так на руках мертвый репортер, убийства фэбээровца нам уже не потянуть.

— Мы же годами об этом говорили, Мерри. Не перекрывай мне кислород хоть ты.

— Моего отца убили шестнадцать лет назад. Это все ушло на второй план, Рэймонд. Новые смерти сейчас важнее. Слушая тебя, я начинаю сомневаться, что тебе стоит

вмешиваться.

— Ты мне не доверяешь, — горько сказал он.

— Я теперь наследница трона, Рэймонд. Благополучие двора перевешивает личную жажду мести.

— Что сказал бы твой отец, если б услышал такое из уст собственной дочери?

— Сказал бы, что я стала мудрее. Он бы со мной согласился. — Я уже жалела, что позвонила ему. Я поняла, что особый агент Рэймонд Джиллет существовал скорее в детском воображении. Детских фантазий я больше себе позволить не могла.

Вдруг навалилась усталость, руку пронзило болью от запястья до плеча. Я повернулась и присела на стол. Галену в результате пришлось отодвинуться, и это меня порадовало. Он легко поглаживал мне бедро, чуть сдвигая при этом юбку. Ласка меня успокаивала, а мне сейчас нужно было успокоиться.

Дойл смотрел на меня, и взгляд смягчал выражение его лица. Мне пришлось отвернуться от доброты и нежности, которую я разглядела в его глазах. Не знаю почему, но от его взгляда у меня перехватило горло.

— Не приезжай, Джиллет. Мне жаль, что я позвонила.

— Мерри, ты что? Я ждал почти двадцать лет!

— Когда мы с этим разберемся и если я останусь жива и все еще буду иметь карт-бланш, я тебе позвоню, и мы обсудим твой приезд. Но только если ты станешь заниматься исключительно убийством моего отца.

— Думаешь, ФБР в деле о двойном убийстве ни к чему не пригодится?

— Я не знаю, что у нас уже есть. Если нам понадобится что-то покруче местной лаборатории, я дам тебе знать.

— И может, я отвечу на звонок, а может, нет.

— Как захочешь, — сказала я, пытаюсь не выдать, как у меня сдавило горло и как жжет в глазах. — Но подумай вот о чем, Джиллет. Почему ты связался тогда с семнадцатилетней девчонкой — потому, что меня пожалел, или просто потому, что разозлился на королеву, отстранившую тебя от расследования? Что тобой двигало — жалость, жажда справедливости или просто злость? Ты ей покажешь! Ты все разгадаешь без помощи королевы. Ты воспользуешься дочерью Эссуса...

— Все было не так!

— Тогда почему ты злишься на меня теперь? Я не должна была звонить тебе, но я пообещала... Детское обещание позвонить тебе, если снова произойдет подобное убийство. Это убийство не повторяет то, давнее, в деталях, но тот, кто его совершил, так же владел магией. Если мы его найдем, мы можем ближе подобраться к убийце моего отца. Я подумала, что тебе хотелось бы знать.

— Прости, Мерри, я просто...

— Просто то убийство жгло тебе душу все эти годы?

— Да, — ответил он.

— Я позвоню тебе, если всплывет что-нибудь полезное.

— Позвони, если тебе понадобятся более опытные специалисты, чем местные. Я могу обеспечить тебе анализ ДНК, о котором они могут только мечтать.

Я невольно улыбнулась.

— Я сообщу майору Уолтерсу о высоком мнении, сложившемся у ФБР о местной полиции.

Он очень сухо рассмеялся.

— Прости, если я только осложнил тебе дело. Кажется, я на всем этом немного зациклился.

— Пока, Джиллет.

— Пока, Мерри.

Я положила трубку и тяжелее оперлась на стол. Гален прижал меня к себе, стараясь не потревожить больную руку.

— Почему ты не разрешила ему приехать?

Я подняла голову и взглядела в него — искала на этом открытом лице проблески понимания. Его глаза оставались зелеными, широко раскрытыми и невинными.

Я хотела заплакать, мне нужно было заплакать. Джиллету я позвонила, потому что убийство оживило старых призраков. Не настоящих призраков, а ту душевную боль, которая, кажется, уже умерла — но снова возвращается мучить тебя, как глубоко ты ее ни похорони.

Дойл шагнул ко мне.

— Я вижу, ты становишься все более достойной трона, Мередит, с каждым днем, с каждой минутой. — Он легко тронул меня за руку, словно не был уверен, что мне сейчас хочется прикосновений.

Мое дыхание вырвалось с громким всхлипом, и я бросилась ему на грудь. Он обнял меня, яростно и почти до боли крепко. Он держал меня, пока я рыдала, потому что понимал, чего стоило мне отказаться от давней детской привязанности.

Баринтус подошел к нам и обнял обоих, притягивая к себе. Я подняла глаза и увидела слезы, бегущие по его лицу.

— Ты сейчас была дочерью своего отца, как никогда раньше.

Гален обнял нас с другой стороны, так что мы стояли, связанные общим теплом и близостью. Но я уже поняла, что Гален, как и Джиллет, был детской фантазией.

Они обнимали меня, а я рыдала. Слово "плач" для этого не подходило. Рыдания уносили остатки моего детства. Мне было тридцать три; поздно вато избавляться от детских привязанностей, но иногда раны бывают так глубоки, что тормозят нас. Удерживают от взросления, не дают идти дальше, не позволяют видеть вещи такими, как они есть.

Я позволила им обнимать себя, пока я плакала, пока Баринтус плакал вместе со мной. Я позволила им обнимать себя, но в глубине души я знала, что Гален — и только Гален — не понял, что произошло. Он был самым доверенным моим другом среди стражей. Мой друг, моя первая любовь — но он спросил, почему я не разрешила Джиллету приехать.

Я плакала, а они меня утешали, но оплакивала я не только смерть моего отца.

Остатки макияжа, которые не сумели смыть слезы, я сняла сама. Стерла помаду, которая так и оставалась размазанной, как у клоуна, и даже выделила салфетку для снятия макияжа Холоду, чтобы он тоже привел лицо в порядок. Чистенькие, аккуратные и презентабельные, мы пошли снова к месту преступления. Внутри меня была пустота, словно я утратила кусок души. Но думать об этом было не время. Вот-вот должен был приехать Уолтерс с группой криминалистов. Нам нужно было провести допросы до их появления, на случай, если нам захочется что-то скрыть от людей. Мало ли какие темные тайны всплывут по ходу дела? Правосудие — это хорошо, но портить нашу репутацию в глазах людей ни к чему.

Дойл остановился так резко, что я на него налетела. Он оттолкнул меня назад в ту же подставленные руки Галена и Усны: они будто уловили его сигнал, для меня незаметный. Дойл и Адайр заслоняли мне вид спереди, Гален и Усна, так внезапно оказавшиеся рядом, — с боков, так что я не видела, что их всех напугало. Баринтус, Готорн и Холод прикрывали тыл. Эти трое развернулись, словно опасались, что кто-то может подкрасться сзади. Что там такое? Что случилось? А я из себя даже каплю страха выжать не могла, и не в храбрости, пожалуй, тут было дело, а в усталости. Я просто слишком устала, и эмоционально, и физически, чтобы тратить адреналин на страх. Если б на нас в эту минуту действительно напали — может, мне было бы все равно.

Я попыталась стряхнуть с себя оцепенение и крикнула:

— В чем дело, Дойл?

Ответил Баринтус:

— В коридоре Вороны королевы, они преградили нам путь.

Наверное, семь футов роста позволяли ему видеть поверх голов.

До меня дошло, что мои стражи сейчас опасаются практически любого сидхе. Вполне обоснованно. Один из сидхе организовал это убийство, а я должна поймать убийцу. Чудесно. У кого-то еще появился хороший повод меня убить. Ну, одним больше, одним меньше...

Адайр передвинулся в центр коридора, закрывая меня бронированной спиной, в то время как Дойл пошел вперед. Баринтус ответил на мой вопрос прежде, чем я успела его задать:

— Дойл говорит с Мистралем.

Мистраль был повелителем ветров, буреносцем и новым капитаном Воронов королевы. Он заместил Дойла, когда стало ясно, что на прежнюю должность Дойл не вернется.

— Что там такое? — спросил Гален, и тревоги в его голосе хватило на нас обоих.

Усна склонился надо мной, приносясь к моим волосам.

— Хорошо пахнешь.

— Не о том думаешь, — буркнул Гален, глядя в коридор, куда ушел Дойл. Он достал пистолет, держа его у бедра стволом вниз. Если б я выбирала между мечом и пистолетом, я бы сделала тот же выбор. Когда я только вернулась в страну фейри, пистолеты внутри холмов были под запретом, но последние покушения заставили мою тетю решить, что нашим стражам нужно предоставить все возможные преимущества. Так что наши мужчины могли носить пистолеты, если умели ими пользоваться. Дойл и Мистраль определяли, кому можно доверить огнестрельное оружие. Кое-кто из стражей относился к

пистолетам примерно как другие отнеслись бы к ядовитым змеям. Может, от них и бывает польза, но а вдруг укусят?

Усна держал по короткому мечу в обеих руках, направив их в разные стороны: вперед и назад по коридору. Его серые глаза — самая заурядная черта его внешности — настороженно следили за обстановкой, но лицом он все так же тыкался мне в макушку. Он потерся щеками о мои волосы. Прodelывая это, он оглядывал коридор, но одновременно он еще и оставлял на мне запаховую метку. Очень по-кошачьи и не вовремя, если б это был человек. Но это был Усна, и я знала, что он заметит каждую мелочь, даже когда трется о мои волосы, пытаясь оставить на мне свой запах.

Я находила его поведение странно успокаивающим. Гален — нет.

— Прекрати, Усна.

Тот издал тихий звук — что-то среднее между рыком и мурлыканьем.

— Ты слишком волнуешься, мой маленький пикси^[10].

— А ты волнуешься недостаточно, мой маленький котик. — Но говоря это, Гален ухмыльнулся. Нам обоим стало немного лучше из-за поддразнивания Усны.

— Тихо, вы оба, — скомандовал Холод. Они заткнулись с несколько пристыженным, но довольным видом. Усна перестал тереться лицом о мои волосы. А значит, он это делал скорее чтобы подразнить Галена, чем чтобы завести меня.

Дойл отсутствовал слишком долго. Если б случилось что-то по-настоящему страшное, Баринтус или Адайр предупредили бы нас, но все же Дойла не было слишком долго. Неестественное спокойствие начало ускользать от меня прочь на маленьких кошачьих лапках тревоги.

В Калифорнии у меня была лицензия на ношение оружия. А еще дипломатический статус, который оправдал бы наличие у меня оружия при любых обстоятельствах, учитывая частоту покушений на мою жизнь. У меня были пистолеты. Но пойти вооруженной на пресс-конференцию Андаис мне не позволила. Я — принцесса, а принцессы не защищаются сами, у них хватает людей, обязанных их защищать. Я находила это утверждение архаичным и недалновидным — и довольно забавным в устах королевы, когда-то почитавшейся как божество битвы. Зажатая между Галеном и Усной, внутри живой стены, образованной остальными стражами, я поклялась себе, что в следующий раз покину свою комнату вооруженной до зубов.

Дойл вернулся. Адайр пропустил его и вновь встал по центру коридора этакой золотой стеной. Я поняла вдруг, что именно этим он и был — стеной плоти и металла, защищавшей меня от смерти. Он назвал меня своим амерадуром: еще одно эхо воспоминаний об отце, потому что отец был последним из сидхе обоих дворов, носившим этот титул. Зваться амерадуром почетней, чем королем, потому что этот титул значит, что твои люди выбрали тебя и последовали за тобой по любви той любви, которая в битвах связывает мужчин с тех времен, как стоит мир. Клятвы обязывают стража рисковать жизнью за своего патрона — королеву или принцессу, — но титул амерадура означает, что на риск идут с охотой. Он означает, что вернуться из битвы живым, когда твой вождь погиб, — хуже, чем смерть. Позор, который невозможно пережить. Двое из телохранителей моего отца оборвали собственную жизнь от стыда, что позволили своему принцу погибнуть. Пожертвовать жизнью за амерадура — высочайшая честь.

Вид Адайра, такого прямого, такого гордого, готового на смерть, заставил меня задуматься о моем новом титуле. Заставил меня испугаться. Я не хотела, чтобы кто-то

умирал за меня. Я этого не стоила. Я — не мой отец и никогда им не стану. Я не могла бы пойти с ними в битву и надеяться выжить. Как я мол быть их амерадуром, если не способна вести их в бой?

На темном лице Дойла ничего было не прочитать. Что бы он ни думал о новой кличке, придуманной мне Адайром, он держал это при себе. Его лицо было настолько непроницаемо, что я могла быть уверена только в одном — немедленная опасность мне не грозит. В остальном же выражение его лица могло значить что угодно. Мне хотелось наорать на него, только бы узнать, что он чувствует, но он заговорил раньше, чем я сорвалась.

— Королева послала их привести тебя к ней, когда ты закончишь — цитирую — "разбираться с этими убийствами". Достаточно туманное указание, так что они хотя бы не заберут тебя немедленно. — Дойл сардонически улыбнулся. — Вообще-то Мистраль сейчас сторожит место преступления.

— Что? — спросили в один голос я и Гален.

— Королева отменила свое разрешение? — спросил Баринтус. — Теперь распоряжаться будут она и Мистраль?

— Нет, — ответил Дойл. — Рясу пришло на ум еще одно заклинание для розыска убийцы. Он хотел испробовать его, но ему нужно было кого-то оставить вместо себя. Когда явились Мистраль и остальные, он расставил их на посты.

— Не слишком ли быстро он решил? — неодобрительно глянул Холод.

— Насколько я знаю Риса, он наверняка взял с Мистраля СЛОВО, — сказал Усна, — а раз Мистраль дал слово, его честь в наших руках. Он не пойдет против чести хоть за все радости Летней страны.

Дойл коротко и резко кивнул.

— Я доверяю слову чести Мистраля, как своему собственному. — Он взглянул на меня, и что-то мелькнуло на его бесстрастном лице, но я не поняла, что именно. Месяцы совместной жизни, недели — секса, а я все еще не умела расшифровывать его взгляд. — Он просит твоей аудиенции, принцесса. Говорит, что у него послание от королевы.

— У нас нет времени, — сказал Холод.

Я была с ним согласна, но знала еще, что игнорировать послания или посланцев королевы — не очень умно.

— Мы ушли от нее меньше часа назад, что еще ей понадобилось?

— Ты, — сказал глубокий голос за спинами стражей.

Дойл вопросительно взглянул на меня, и я кивнула. Короткий жест Дойла — и они с Адайром расступились, как половинки занавеса.

Волосы Мистраля — серые, как небо, беременное дождем, — были убраны с лица и завязаны в хвост. Глаза цвета грозových туч мелькнули передо мной лишь на секунду, а потом он упал на одно колено, подставив мне только затылок.

Никогда до сих пор ни один сидхе по своей волг не выказывал мне такого... уважения. Я пялилась на его широкие плечи, туго затянутые в кожаный доспех, и думала: с чего это он?..

— Поднимись, Мистраль.

Он покачал головой, серые волосы волной плеснули по его спине: кожаная завязка, перехватывавшая их на затылке, едва справлялась со своей задачей.

— Это самое меньшее, что я тебе задолжал, принцесса Мередит.

Я не могла понять, о чем он говорит.

Я взглянула на Дойла. Он приподнял брови и слегка повернул голову — его вариант пожатия плечами.

— Почему ты считаешь, что должен мне поклониться? — спросила я.

Мистраль приподнял голову ровно настолько, чтобы взглянуть на меня исподлобья.

— Если бы мне могло прийти в голову, что ты примешь так серьезно тот единственный взгляд, я был бы более осторожен, принцесса. Клянусь.

Теперь я поняла, что он имел в виду. Тот презрительный взгляд, которым он наградил меня прошлой ночью, подвиг меня на противостояние Андаис, охваченной злыми чарами. Чарами, вынуждавшими ее терзать собственных людей и превращавшими ее в угрозу всем, кто был рядом. Это был очень умно составленный план убийства. Мистраль тогда сказал мне одним взглядом, что я — обыкновенная, ни на что не годная придворная дамочка и что он всех нас ненавидит. Но не эта ненависть бросила меня в драку, а мое презрение к себе. Потому что я была с ним согласна насчет своей никчемности. В тот момент я и решила, что лучше погибну сама, но не буду стоять и смотреть, как их убивают.

— Ты так уверен, что я бросилась в бой из-за одного твоего взгляда? — Я хотела пошутить, но я забыла, как давно Вороны королевы, или часть из них, не слышали шуток от женщины.

Он тут же склонил голову и сказал неуверенно и неловко:

— Прошу прощения, принцесса. Я был слишком самонадеян.

Мое поддразнивание не только пропало даром, но еще и смутило его — вот уж никак не ожидала такого эффекта. Я потянулась к его склоненной голове рукой — правой, той самой, на которой было надето кольцо королевы. Знак ее королевского достоинства, ее первый дар мне... и магический артефакт.

Мои пальцы коснулись лица Мистраля мгновением раньше, чем металл кольца. Он поднял на меня глаза цвета грозовых туч, его губы раздвинулись, словно он хотел заговорить, но тут металл задел кожу, и времени на слова не осталось.

Я знала, что наши тела остались стоять коленапреклоненными в коридоре внутри холма неблагих. Я это знала, потому что уже испытала такое, когда соединились магия кольца и магия чаши. Но мне и Мистралю казалось, что мы стоим на вершине холма, увенчанного большим засохшим деревом. Этот холм и это дерево уже являлись мне в видениях и снах — в той или иной форме. Мистраль стоял на коленях передо мной, а я касалась рукой его щеки. Он положил руку поверх моей, удерживая ее на своем лице, и оглядел долину, простиравшуюся вокруг, куда доставал глаз, — прекрасную зеленую долину, но странно пустую.

— Что ты сделала, принцесса?

— Не я, — поправила я его.

Он озадаченно посмотрел на меня:

— Не понимаю.

— Посмотри на дерево.

Он повернулся, теперь скорее держа меня за руку, чем прижимая ее к своей щеке. Дерево стояло огромное и черное, кора трещала и облетала с него под усиливающимся ветром. В первый раз, когда это дерево мне привиделось, оно было таким старым, что расщепилось посередине. Теперь же ствол был целый. Я не сразу поняла, что ни дерево, ни холм не реальны. Этого места не было ни на одной карте. Дерево воплощало Богиню, силу и магию волшебной земли; холм был Холмом. Мы стояли в центре мира, но центр этот

менялся по мысли богов. В этот миг центр был здесь, и мы с Мистралем находились в нем. Мы стояли рука в руке, и ветер несся над нашими головами.

Ветер пах яблоневым цветом и розами — сладко, чисто и хорошо. В пронизанном ароматами цветов ветре я слышала голос. А может, не голос, а только мысль. Кажется, Мистраль его не слышал, так что голосом он был только для меня.

— *Поцелуй его*, — сказал ветер, — *поцелуй его. Дай ему испить из чаши.*

"Но чаша не здесь", — подумала я.

— *Ты и есть чаша.*

Ох, ну конечно. В тот момент это казалось совершенно логичным, хоть я и осознала, что мгновением позже это может оказаться полной бессмыслицей.

— Мистраль! — позвала я, и ветер стал сильнее и нежнее от звука его имени.

Он посмотрел на меня, и в глазах его было что-то похожее на страх. Неужели так много лет прошло с тех пор, как его касалась Богиня? До, сказал голос в моей голове, *так много.*

— Поцелуй меня, Мистраль, — сказала я.

Он напряженно вглядывался в мое лицо.

— Кто ты?

— Мерри.

Он покачал головой, хоть и позволил мне притянуть его к себе. Моя рука в этом средоточии видений и снов оказалась здоровой. Я обхватила руками гладкую мощь его спины поверх кожаного панциря. Он обнял меня за талию, но все еще качал головой.

— Нет, ты не принцесса.

— Я — Мерри, но и не только она. — Мой голос вдруг обрел ту звенящую мягкость, которую мне уже приходилось слышать, словно в ушах отдается еще чей-то голос.

— Кто ты? — прошептал он.

— Испей из чаши, Мистраль.

Цветочный ветер обнял нас невидимыми руками, обвил нас, прижимая друг к другу так крепко, как только позволяла одежде. Мистраль обнимал меня, но он боялся, а страх редко в ком возбуждает страсть. Королева никогда этого не понимала.

Он наклонился к моему лицу, но тело его напряглось в попытке сохранить расстояние между нами. Ветер толкнул его, заставляя нагнуть голову. Я вспомнила, что когда-то он был повелителем ветров, буреносцем. Когда-то он правил ветрами, как человек правит лошадьми, но сейчас сам шел в упряжке, подхлестываемый ветром, и ему это не нравилось.

Мистраль сопротивлялся нажиму медвяного ветра. Он пытался отстраниться от меня, но ветер держал не хуже цепей, и все, что ему удалось при всей его силе, — это не дать нашим губам соприкоснуться.

— Зачем ты противишься тому, чего сам хочешь? — спросил голос моими губами.

— Ты не можешь быть чашей. Ты не можешь быть Богиней, она давно нас покинула!

— Если я не настоящая, то ты меня не поцелуешь.

— Ты не можешь быть настоящей!

— Ты всегда был моим Фомой Неверующим, Мистраль. Поцелуй меня, поцелуй и узнай истину. Что есть явь — твои сомнения или я?

Ветер сжал нас так плотно, что стало трудно дышать.

— Поцелуй меня! — Голос вырвался из моих губ и эхом отдался в ветре, в одуряющем запахе цветов.

Его губы коснулись моих, и как только это случилось, он перестал сопротивляться. Он

весь отдался поцелую — губы, рот, руки, тело. Ветер вновь стал просто ветром, но Мистраль этого не заметил. Он поднял меня сильными руками, прижимая к себе. Одной рукой он сжал меня с почти сокрушающей силой, вырвавшей стон из моих губ. Видимо, этот звук его подстегнул. Прежде поцелуй был глубоким, но еще нежным; теперь он впился в меня, будто хотел просочиться внутрь моего тела сквозь отверстие моих губ. Он пустил в ход зубы, прикусывая мне нижнюю губу, пока я не вскрикнула.

Аромат цветов исчез, и ветер пах озоном. Каждый волосок у меня на теле встал дыбом. Мистраль бросился наземь, я оказалась под ним. Не знаю, сделал он это, чтобы защитить меня или чтобы прижаться ко мне напряженным телом, — но в следующий миг с ясного неба прямо в сухое дерево ударил ослепительно белый зигзаг молнии.

Разряд за разрядом ударяли в дерево, и с каждым ударом осыпалась мертвая кора, а из-под нее выступала кора молодая, светлая.

Мистраль накрыл меня собой, защищая от молний, взрывающих землю вокруг дерева, сотрясавших ствол, пока с него не слетела вся мертвая ткань. И вот дерево стояло нагое, обновленное и живое. Сломанные, истрепанные ветви принялись удлиняться, наполняться соком, на концах ветвей набухли почки. У нас на глазах распускались бутоны, бело-розовые, нежные, и яблоневый аромат поплыл в воздухе. И еще раз напоследок прозвучал Ее голос:

— Иди же, мой Фома, и стряхни омертвелое с живых.

Мы оказались снова в коридоре, где Мистраль все так же стоял передо мной на коленях, и моя ладонь касалась его щеки, а моя раненая рука висела на перевязи.

Люди Мистраля толпились недалеко от нас, но Дойл и Баринтус не давали им подойти. Не думаю, что прошло много времени, но я разобрала слова Баринтуса:

— Принцесса вернула мне часть моей прежней силы одним прикосновением. Неужто вы отберете такой шанс у своего капитана потому только, что не уразумели, что происходит?

Мистраль улыбнулся мне, свирепо оскалив зубы. Глаза его казались слепыми от клубящейся в них грозы. Вдруг он вскочил на ноги и дернул меня на себя с такой силой, что потревожил мою больную руку. Я застонала.

Из глубины его груди вырвался звук, начавшийся едва ли не мурлыканьем, но переросший в низкое рычание отдаленного грома.

Он зарылся пальцами мне в волосы и зажал пряди в горсть, внезапно и крепко. Это было больно — острая несильная боль, на один короткий волосок от настоящей, пугающей боли.

Он пристально посмотрел мне в глаза; лицо его наполнилось диким, обнаженным вожделением, самодостаточным и первичным, словно свет и тьма. Той божественной искрой, что вонзилась в первичную тьму и породила жизнь. Эта сила была сейчас в ладонях Мистраля, в нажиме его тела, твердого и нетерпеливого даже в плену его кожаных одежд.

Я чувствовала его своим телом. Его напор, сила его рук бросали меня в дрожь. Мистраль крепче потянул за волосы, вынуждая меня сопротивляться естественной реакции тела — или же причинить себе настоящую боль. Мое тело хотело освободиться от захвата, но он давал мне выбор: справиться с собой — или сделать себе больно. Он знал, как нужно играть в эту игру. Хорошо знал.

Чувствовать себя пойманной, беспомощной перед его силой, его вожделением и желаниями собственного тела — было почти слишком. Я зажмурила глаза от усилия, пытаюсь не бороться с его жестким захватом.

Он прошептал мне в лицо, и я никак не могла сосредоточиться и сфокусировать взгляд

на его глазах:

— Хочешь оседлать грозу? — Его дыхание обжигало мне кожу.

Его голос не обещал нежности, не обещал уступок. Я знала тот род секса, который он предлагал, и от одной мысли все у меня напряглось, а из горла вырвался стон.

— Да, — прошептала я, — да.

Раскат грома прокатился по коридору, отдаваясь эхом от каменных стен. Звук словно срезонировал в моем теле, будто я стала камертоном, лежащим на краю огромного металлического кубка, и в рыке Мистралья послышался отзвук этого грома.

— Хорошо, — сказал он и швырнул меня на колени.

Глава 8

Одна рука Мистраля вцепилась мне в волосы, удерживая на коленях; другой он сдирал с себя одежду. От одного этого зрелища мое тело выдало такую реакцию, что я упала бы на четвереньки, если б он меня не удержал. Мои любовники не подпускали мои губы к себе, потому что от такого не беременеют. Это никого из них не сделает королем, и они не собирались терять семя на непроизводительные части моего тела. Я предлагала им такое как часть предварительной игры, но в большинстве случаев они отказывались даже от этого из боязни потерять шанс. Мне оставалось только тосковать по этому ощущению.

Мистраль не заботился ни о шансе стать королем, ни о моей беременности. Он просто хотел меня, бездумно, без расчетов, весь во власти собственного долго сдерживаемого желания. Я почти полюбила его за то, что он думал первым делом об удовольствии, а не о политике... ну, немножко даже полюбила.

Моя кожа понемногу начала светиться. Легкий танец этой магии стал просачиваться по его руке, в его тело. Нежное белое свечение начало разгораться у него под кожей, как будто свет откуда-то из-за горизонта. Не яркое сияние, как у меня, но что-то менее громкое, менее уверенное в себе, и я подумала, всегда ли он светился так робко? Но тут голова его запрокинулась, спина выгнулась, а кожа брызнула светом. Холодный белый огонь вспыхнул в нем, будто магний, и на миг я просто ослепла.

Если б я не прикасалась к нему, не чувствовала успокаивающую боль от его хватки на волосах, я бы поверила, что он весь превратился в свет, в силу, в магию, и никакой твердой материи от него не осталось, но прикосновение было столь плотным, что дышать было трудно. Я начала сопротивляться его захвату, мое тело пыталось добыть воздуха.

Тогда я толкнула его, и рука у меня на макушке поддалась, разжалась. Набрал достаточно воздуха, я лизнула его, и он весь вздрогнул.

На фоне сияния возникло его тело — четко прорисованный контур, выступающий из невыносимой яркости. Волосы выбились из-под кожаной ленты и упали вокруг него водопадом белого света. Все его тело словно звенело силой и светом. Он вздрогнул и изогнулся надо мной, посмотрел на меня широко открытыми, безумными, бешеными глазами.

По коридору пронесся ветерок, и взметнулись белые сияющие волосы, ореолом окружив тело Мистраля. Ветер крепчал, пока не стал дуть по коридору в обе стороны, — и я поняла, что это его магия.

Недавние страхи забылись, и я подалась к нему в интимнейшем из поцелуев. Он не противился, когда я его отпустила. Только уставился на меня бешеными глазами, и в них блеснуло пламя. Целая секунда понадобилась мне, пока я поняла, что это была молния. Из глаз Мистраля ударила молния, и потянуло озоном, как перед грозой, когда буря еще не разразилась, но ветер уже несет ее запах, предвещая великое и страшное.

Он глухо зарычал, и в ответ по коридору громыхнул гром.

Кожа у меня сияла, словно в меня забралась луна и пыталась теперь выйти наружу. По стенам побежали цветные тени. Мистраль вздернул меня на ноги за волосы, вспыхнувшие рубиновым светом, и я знала, что мои глаза сияют золотом и зеленью, как рождественские фонарики.

Он рывком развернул меня к стене, и только выставленные вперед руки не дали мне

приложиться об нее лицом.

Он так и держал меня за волосы, но другой рукой скользнул под юбку и нащупал край трусиков. Он зажал шелк в горсти, и я едва успела задержать дыхание перед тем, как он сорвал их с меня. От яростной силы движения я чуть не упала, и только его хватка удержала меня на ногах. А до меня вдруг дошло, что я опираюсь на раненую руку, и она нисколько не болит. Мистраль отдернул меня от стены за волосы так резко, что я не удержалась на ногах, но он поддержал меня за локоть другой рукой, как будто не хотел быть так груб и все вышло случайно. Он поставил меня на колени и разжал руку. Я тут же упала на четвереньки.

— На спину, — скомандовал он, и хриплый голос громовым эхом отразился от каменных стен. — Ложись на спину.

Я повернулась, но недостаточно быстро, и он схватил меня под колени и перевернул на спину. В его глазах сверкнула молния, такая яркая, что вокруг заплясали зайчики. Глаза застлало, а когда я снова смогла что-то видеть, его кожа, его волосы — все белело, пронизанное светом и силой. Единственным цветовым пятном остались его глаза — цвета грозового неба в промежутке между двумя ударами молний.

Его пальцы сжали меня до боли. Он лишил меня возможности двигаться.

— Не помогай мне, — прорычал он, и его голос почти потерялся в раскате грома. — Будешь помогать — меня надолго не хватит, а я хочу, чтобы долго. Хочу, чтобы... — и он вонзил в меня пальцы так сильно, что я вскрикнула, — ...долго!

Я кивнула: не думаю, что у меня получилось бы сказать что-то вслух. С воплем, с выгнувшейся спиной, меня настиг оргазм.

Я думала, моя разрядка спровоцирует его, но когда мое наслаждение утихло, он был далеко не удовлетворен. Я смотрела, как в такт его ритму разгорается наше двойное сияние. Мое сияние всегда казалось мне лунным светом, но наше совместное надо было сравнивать уже с солнечным. От моих глаз и волос сыпались блики: будто алую кровь, и изумруды, и яркое золото превратили в свет.

Он двигался так, словно всю ночь мог. Пахло озоном. Все волоски у меня на теле стояли дыбом, и воздух вокруг нас будто загустел. Напряжение нарастало — и вдруг прорвалось. Я всадила ногти Мистрально в предплечья, частью от удовольствия, частью — от боли.

В обе стороны по коридору шарахнула молния. Она вылетела не совсем из тела Мистраля, но из его сияющего ореола, а тело его дернулось внутри меня, и еще одна молния пронеслась по коридору. Гром бился о стены с такой силой, что казалось, они вот-вот рухнут. А мне было все равно.

Я лежала недвижимо под силой и мощью его тела, ослепшая и оглохшая от выброса магии. Мое тело стало светом, стало волшебством, стало наслаждением. Я забыла, что у меня есть кожа, и мышцы, и кости. Я превратилась в наслаждение.

Когда я снова ощутила свое тело, Мистраль лежал на мне всем своим весом, но сдвинулся плечами в сторону, давая мне дышать. Я слышала, как колотится его сердце, пока он пытается снова обрести дыхание. Волосы у него опять стали серыми, а кожа вернула обычный бледный цвет, не такой чисто-белый, как у меня. Кожаный доспех на той руке, которая мне была видна, зиял дырой, и под ним виднелась кровь. Я попыталась поднять руку и дотронуться до раны, но я пока еще не была способна на такие движения.

Уловив какое-то движение позади, я повернула голову в ту сторону, где оставались Дойл и прочие. Дойл стоял на коленях у дальней стены, потрясенный. Почти все остальные лежали на полу, некоторые, кажется, в обмороке. Я видела, как поднимается на четвереньки

Холод, трясая головой, чтобы прийти в себя.

Из-за угла вышел Рис, за ним следом — Китто. В руках Рис держал пистолет — очевидно, он решил, что на нас напали. Не могла бы его упрекнуть за такое предположение.

— Секс, — прохрипел Дойл. — Секс и магия. — Он прокашлялся и попробовал снова: — Богиня и Консорт благословили нас всех.

— Черт, — воскликнул Рис, — а мы все пропустили!

Гален заговорил низким голосом, еще густым от пережитых ощущений. Он лежал навзничь, и на штанах у него темнело пятно.

— Это было больновато. Я предпочитаю секс помягче.

Я услышала стоны с другой стороны коридора и сумела повернуть голову. Люди Мистралья все лежали плашмя, кое-кто пытался сесть. Адайр попробовал подняться на ноги, опираясь на стену, и рухнул с металлическим лязгом. На нагруднике его брони чернела жженая отметина.

— Благослови нас Богиня! — выговорил кто-то задыхающимся от наслаждения голосом.

— Она только что это сделала. — Мистраль медленно приподнялся и поглядел на меня. Он улыбался, и глаза его были голубыми, как весеннее небо в легких пушистых облачках. Я и не знала, что в его глазах могло помещаться такое мирное небо...

Готорн в зеленой броне приподнялся, опираясь на стену плечами. На груди у него тоже чернел ожог.

— Когда в следующий раз соберешься швыряться молниями, предупреди тех из нас, кто носит металл. Мать Богов, как же больно...

— И как хорошо, — добавил другой голос.

Готорн стащил шлем, открыв бледное лицо и заплетенные в косу темно-зеленые волосы. Он кивнул:

— И как хорошо. — Он посмотрел на меня, и на секунду в его трехцветных глазах — розовый, зеленый и красный круги — я увидела дерево. Дерево на холме, и дерево было все в цвету. Он моргнул, и глаза снова стали обычными.

Я вспомнила наше видение, вспомнила, как молнии сорвали мертвую кору. Неужели мы и здесь избавились от омертвелого? Не подарили ли мы им всем больше, чем только удовольствие и боль? Время покажет. А сейчас у нас на руках было двойное убийство. Полиция уже ехала сюда, а мы и не приступали к опросу свидетелей.

Я коротко помолилась: "О Богиня, не можем ли мы притормозить с волшебными откровениями, пока не покончим с расследованием или хотя бы пока не примем полицию как положено?" Ответа не последовало, даже коротенького теплого толчка, который давал мне понять, что я услышана. Значит, ответ отрицательный. Не то что я не понимала, что вернуть магию в волшебные земли важно, может, даже важнее, чем расследовать убийства. Но я не хотела бы, чтобы полицейские застали нас здесь вповалку, как после безумной, пошедшей вразнос оргии.

Кто-то задвигался в дальнем конце коридора. Фигура, которая поднялась и села у стены, была женской — совершенно явно женской даже под доспехами. Женщина сняла шлем и глотнула воздуха. Ее черные кудри были обрезаны очень коротко, совсем не так, как в последний раз, когда я ее видела, но лицо я узнала. Бидди. Получеловек-полусидхе, она состояла прежде в гвардии Кела, хоть и никогда не была его поклонницей. Когда-то она принадлежат к свите моего отца и, когда Кел взял к себе многих его телохранителей, перешла вместе с ними. Что она делала здесь?

Перед ее лицом возникло темное облачко и поплыло вдоль яркой серебряной брони. В облачке различалась фигурка, маленькая фигурка... Перед Бидди темным призраком клубились очертания младенца.

Кольцо у меня на пальце вдруг нагрелось, словно кто-то подышал на него.

Я оглядела коридор. Бидди сидела у поворота в зал, что был дальше, чем коридор в кухню. Под этим углом я не должна была так ясно ее видеть. Но она выделялась у меня перед глазами, словно ее обвели по контуру толстой линией.

Мистраль прошептал у меня над ухом:

— Ты это видишь?

Я прошептала в ответ:

— Я хотела спросить у тебя то же самое.

— Ребенок, — сказал он.

— Младенец, — прошептала я.

— Беги к ней быстрее, видение долго не продержится. Где-то здесь ее пара. Отец этого призрачного ребенка.

— Что это перед Бидди? — спросил Гален, приподнявшись на локтях.

Мистраль поднялся с меня.

— Иди к ней, Мередит, спеши, пока не ушла магия кольца. — Он вздернул меня на ноги, не обращая внимания на собственные незастегнутые штаны. — Торопись! — Его тон заставил меня полететь по коридору. Я спотыкалась на высоких каблуках: секс был слишком хорош, чтобы легко восстановить равновесие. Я споткнулась и едва успела схватиться за стену; кто-то поймал меня на лету, не дав упасть, и я повернула голову.

— С тобой все в порядке, принцесса? — спросил Готорн.

Я кивнула:

— Да.

Я смотрела через коридор на плотную тень перед Бидди. Я чувствовала, как призрачный ребенок шепчет мне: "Я здесь". Еще и еще руки ловили меня и помогали мне, пока я неслась и спотыкалась. Кое-кто из присутствующих тоже видел ребенка, их руки подталкивали и торопили меня. Кольцо давило мне на руку теплой тяжестью. Тяжестью возникающих чар, готовящихся к внезапной вспышке. Мне надо было дотронуться до Бидди до того, как разразится эта вспышка. Я не знала, откуда мне это известно, но была абсолютно уверена, что кольцо нужно приложить к ее коже до того, как сотворится заклинание. Если я не успею, что-то будет утрачено.

Бидди с трудом встала на ноги, хотя ее трехцветно-серые глаза смотрели еще слегка расфокусированные, и она тяжело опиралась на стену. Мои ноги вспомнили наконец, как нужно двигаться, но в кольце уже росло давление, оно словно оживало на моей руке. Я побежала во весь дух, и Бидди испуганно распахнула глаза. Она не ощущала чар, но понимала, что происходит что-то странное.

Я протянула к ней руку. Бидди машинально потянулась ко мне и поймала мою ладонь как раз в миг, когда заклинание сработало. Будто весь мир задержал дыхание, будто остановились и время, и волшебство, а мы с Бидди оказались где-то по другую сторону от всего. Ни звука вокруг, даже биения моего собственного пульса. Она уставилась на меня огромными от испуга глазами, а может, не от испуга, а от чего-то неведомого мне. Эти чары предназначались не мне, я была только сосудом для них. Я не знала, что происходит с Бидди. Понятно было, что это не больно и что это к добру, но то, что она слышала сейчас,

предназначалось только для ее ушей. Богиня говорила с ней, а я, проводник для магии, держала ее за руку, не слыша ни слова, потому что мне просто не нужно было знать, о чем они говорят.

Звуки вернулись с ощутимым хлопком. Перепад давления был достаточно заметным, чтобы мы пошатнулись, когда магия выпустила нас из своих объятий. Мы инстинктивно крепче схватились за руки, словно только прикосновение плоти могло удержать нас от падения. Глаза Бидди были широко распахнуты, лицо — бледным от шока. Девушка была высокой и широкоплечей, и часть брони еще оставалась на ней. Перчатки, шлем и другие детали валялись на полу, как будто она начала разоблачаться задолго до того, как я к ней потянулась. На ней сейчас были остатки брони и белье, которое даже сидхе должны надевать под металл. Короткие волосы растрепались из-за шлема и из-за магии, отбросившей ее к стене. Она все равно была красива — ее красоту ничто не могло бы испортить, — но я видывала ее и в лучшем состоянии. А по лицам мужчин, глазевших на нее, можно было решить, что более желанной женщины, чем Бидди сейчас, на земле не существует.

Лица у них были потрясенными, словно они видели что-то, мне недоступное. Зрелище женской красоты, которое лишило их дара речи, буквально оглушило и обездвижило. На меня эта магия не подействовала, потому что, если бы красота Бидди околдовала меня так же, как их всех, я не смогла бы найти в этом длинном коридоре ее избранника.

На миг я подумала, что это Дойл, и от этой мысли мое сердце сжалось, но я подумала так лишь потому, что его лицо не выглядело таким ошеломленным, как у остальных. На самом деле оно выражало скорее подозрительность, словно он пытался определить, что же такое он видит или, может, обоняет, потому что он принохивался к воздуху. Холод застыл у стены, но у него на лице тоже не наблюдалось потрясения. Он был зол, мрачен — но остался самим собой. Лицо у Галена было такое же потерянное, как у остальных. Я поняла, что Мистраль видит то же, что и я, потому что он пошел по коридору, чуть опережая мой взгляд, как будто знал, что искать. Кольцо было на моей руке, но он был участником и одним из истоков магии, которая творилась сейчас.

Он приостановился возле Дойла и Холода и оглянулся на меня, словно хотел убедиться, что я их заметила. Я не понимала, почему это для него важно, но он удовлетворенно кивнул, убедившись, что я их видела.

Рис стоял в конце коридора, грустный, но не зачарованный. Я смотрела на каждого из мужчин по очереди с тем же гиперфокусом, что на Бидди в начале действия чар. Магия искала что-то определенное.

Китто скорчился у ног Риса, словно магия ударила по нему, и на лице его было то же потрясение, что и у остальных. Я думала, что ищу того, кто не будет захвачен этим воздействием, но Мистраль показал мне, что нужен, напротив, тот, на кого оно подействовало больше всего.

Он остановился перед красочным сиянием крыльев Никки и протянул руку к нему, все еще коленапреклоненному. Никка взял руку, но его лицо — теперь я это видела ясно — было слепо к Мистралю, слепо ко всему, кроме того, что он видел в Бидди.

Его лицо никогда не казалось таким красивым, как сейчас, — нежная, почти женственная красота, обычно незаметная из-за бросающихся в глаза широких плеч воина и шести футов роста. Во сне он иногда выглядел мягким и нежным, каким был на самом деле, но, бодрствуя, должен был изображать мужественную суровость.

Мистраль поднял его на ноги, и Никка вдруг пришел в себя: в полном сознании, с мощной гладью груди, с огромными крыльями, сияющим многоцветьем обрамляющими его нежную красоту.

Признаюсь, на секунду мне стало досадно — досадно, что я его потеряю, что он никогда уже не украсит мою постель. Но этот эгоистичный импульс утонул в чувстве такого тепла, такого умиротворения, что я не могла уже сожалеть. Нет, по-настоящему я не сожалела. То, что я только ощущала в Никке, находясь с ним в постели, сейчас было видно явственно. Он был слишком нежным для моих вкусов и еще менее, гораздо менее, годился для вкусов королевы. Стань он королем, единственное, что его ждало бы, — это смерть.

Я посмотрела на Бидди, и в ее глазах увидела то же, что и в глазах Никки. Оба они видели в глазах друг друга целый мир — прекрасный, добрый, безопасный мир. У меня на глаза навернулись слезы.

Мы вчетвером стояли в конце коридора, женщины напротив мужчин. Я думала, Бидди и Никка потянутся друг к другу, но они остались недвижимы. Мы с Мистралем соединили их руки. Образ ребенка, которого я видела прежде, возник снова, но теперь он уже не был призрачным. Я видела улыбающееся личико с теплыми карими глазами Никки и черными кудрями Бидди. Я видела, как малыш смеется; казалось, я могла бы коснуться его по-детски округлой щеки. Я прижала ладонь с теплым кольцом на пальце к рукам Никки и Бидди, и большая рука Мистраля накрыла мою руку сверху. Мы связали их руки магией и слезами, которые я пролила. Я видела их ребенка и знала, что он — настоящий, и все, что нужно, чтобы видение стало плотью, — это позволить им быть вместе.

Мистраль будто подглядел мои мысли.

— Если королева им разрешит.

Я непонимающе моргнула ему в лицо, когда мы отняли руки и позволили Никке и Бидди впервые обнять друг друга. Они поцеловались, сплелись руками и телами, и первый их поцелуй закончился смехом.

Я нахмурилась, глядя на Мистраля. Слезы еще не высохли на моих щеках.

— Кольцо ожило. Она этого хотела. Во дворы возвращается жизнь.

Он печально покачал головой.

— Она больше хочет продолжения своей династии, чем процветания дворов. Будь все иначе, она бы давно уже сделала иной выбор.

— Мистраль прав, — донесся низкий голос Дойла.

Он подошел к нам, и я окинула их обоих хмурым взглядом:

— И что, она потребует, чтоб Никка оставался со мной, пока я не забеременею?

Они переглянулись и одновременно кивнули. И мне не слишком понравилось, насколько одинаково траурные были у них физиономии.

— Как минимум, — сказал Мистраль вслух.

Я посмотрела на Никку и Бидди, равнодушных к нашим тревогам. Они прикасались друг к другу так, словно каждый из них впервые видел — он женщину, а она мужчину: с легким удивлением, будто не могли поверить, что могут прикасаться вот так к этому созданию.

Я вздохнула, и будто ветер пробежал по коридору. Магия еще была здесь, еще наполняла предвкушением чуда все вокруг. Я ее чувствовала. Но такая сильная — она была так хрупка! Я поняла, что кольцо, как и чаша, когда-то решило покинуть нас, уснуть. Оно сочло тогда, что мы недостойны его магии. Если королева Андаис не позволит Бидди и Никке быть вместе, магия снова может уйти, и уйти навсегда. Может обречь нас на смерть как народ —

потому что боги не так часто дают второй шанс, обычно они отвращают лицо свое и отдают благословение другому народу. Нам достался этот второй шанс, и я не хотела, чтобы Андаис пустила его на ветер.

Не успев подумать, я сказала вслух:

— Знала бы я, что мы застрянем в этих чудесах, не звонила бы в полицию.

Я встряхнула головой и попыталась придумать, как бы обойти одержимость королевы судьбой ее династии. Ничего не приходило на ум.

— Есть идея, — пожал плечами Рис, — но я не уверен, что она придется тебе по вкусу.

— Ну, Рис, с таким предисловием — как я могу устоять? Давай излагай.

— Если ты скажешь королеве, что хочешь получить в свою постель их обоих одновременно, она может согласиться.

— Да, — кивнул Дойл. — Может. Она сама так поступает довольно часто. — Он взглянул на меня серьезными черными глазами: — Это может изменить ее мнение о тебе к лучшему.

— В каком плане? — нахмурилась я.

— Она сочтет тебя более похожей на себя. Она ищет в тебе сходство с собой. Признаки родства, знак, что ты действительно кровь от ее крови.

Холод согласно кивнул.

— Лично мне это не нравится, но ее позабавит. Может получиться.

— Если Бидди на это пойдет, — усомнилась я, глядя на счастливую парочку.

— Чтобы быть с тем, с кем тебя связало кольцо, — сказал Мистраль, — сделаешь что угодно. Сделаешь все, только бы быть с твоей истинной любовью.

Печаль в его глазах была почти физически ощутима. Мне не нужно было спрашивать, чтобы понять: когда-то кольцо нашло его истинную половинку, и потом он потерял ее.

— Ну и хорошо, — сказала я. — Решено.

Холод тронул меня за плечо — и тут же уронил руку, словно не смел до меня дотронуться. Я взяла его руку и положила обратно. Чем заслужила грустную улыбку.

— Я знаю, что ты не любительница женщин. С твоей стороны большая уступка, что ты будешь брать Бидди в постель ночь за ночью, пока они не зачнут ребенка.

Я сжала его ладонь.

— У них будет ребенок после первой же ночи. Я уверена. И даже королева не разлучит их, когда она забеременеет.

— Андаис знает, что ты не любишь женщин, — заметил Дойл. — Она может поставить условие, что должна видеть все собственными глазами.

Я вздохнула и пожала плечами.

— Ну что ж.

Дойл и Холод оба уставились на меня.

— Мередит, — произнес Холод, — ты действительно станешь устраивать для нее это представление?

— Я хочу, чтобы они были вместе, Холод, и если на первый раз мне нужно будет к ним присоединиться и позволить королеве понаблюдать, пусть так.

— Когда ты предложишь это королеве? — спросил Дойл.

— После допроса свидетелей и после того, как полиция нормально приступит к работе. И только если она не разрешит им просто стать парой.

Я одернула свою короткую юбку. Мне нужно было найти белье. Если ты сверкаешь на

весь свет, это не прибавляет тебе авторитета у полиции.

— Наверное, всем нам стоит переодеться, — сказал Дойл.

Я не удержалась и взглянула ему на пах. В неярком свете ситхена понять что-нибудь было трудно. Он хохотнул типично по-мужски:

— Черное прекрасно маскирует следы.

Холод на миг распахнул свой серый пиджак, продемонстрировав пятно:

— А серое — нет.

Я недоуменно взглянула на них.

— Вы хотите сказать, что магия заставила кончить всех в коридоре?

— Всех, кто здесь был, — уныло сказал Рис. — Мы опоздали на какие-то секунды.

Здесь и там по коридору послышались голоса, подтверждающие высказывание Риса и проклинаящие светлые тона своей одежды.

— Мы не можем все сразу отправиться переодеваться, — сказал Дойл. — Кому-то придется остаться и работать. Человеческая полиция уже едет, а это все отняло у нас немало времени.

Часов у меня не было. Ни у кого не было, потому что в волшебных холмах часы вели себя странно. Настолько странно, что определять по ним время было бесполезно. В таком случае как все узнавали, где и когда им надлежит быть? Прикидывали — и нередко теряли уйму времени, традиционно опаздывая.

— Ладно, раздели всех на партии, чтобы переоделись по очереди, и пусть кто-нибудь добудет мне свежее белье.

Мистраль поднял мои разорванные трусики.

— Боюсь, от этого пользы уже немного. Прости... — Он протянул их мне.

— Я не жалею, — улыбнулась я, снова прижимая его пальцы к шелку.

Сожаление в его глазах сменилось польщенным выражением. Рука сжалась на клочке ткани. Я заметила, что где-то посреди всех событий он нашел время привести в порядок свою одежду.

— Можно мне сохранить их как знак расположения моей леди?

— Можно, — кивнула я.

Он поднял руку к лицу в старомодном салюте, но выражение его глаз заставило меня вздрогнуть. Он улыбнулся и повернулся к своим людям, чтобы поднять их и раздать приказы.

Холод отвернулся от меня. Я поймала его за руку:

— Что случилось?

— Ничего, мне нужно переодеться.

Но он прятал глаза. У Холода бывали такие внезапные смены настроения. Было бы времени побольше, и я добилась бы ответа, но люди были уже на подходе, и времени как раз не было. Я пообещала себе выяснить, в чем загвоздка, если это у него не пройдет. Оставалось надеяться, что это лишь мимолетный каприз.

— Пусти его, — сказал Дойл. — Ему нужно время привыкнуть.

— К чему привыкнуть? — удивилась я.

Дойл улыбнулся, но улыбка вышла не очень веселой.

— Я объясню позже, если еще будет нужда, но сейчас нам стоит заняться допросами.

Ты вызвала в ситхен полицию, принцесса, и мы должны подготовиться.

Он был прав, но я хотела знать, в чем дело. Не может быть, что в сексе с Мистралем: они оба видели, как я занимаюсь сексом с другими. Но если не в этом, то в чем? Я качнула

головой, пригладила юбку и выбросила это из головы. У нас было нераскрытое преступление, если Богиня даст нам на него хоть немного времени. Я вряд ли могла распоряжаться стихийной магией, которая возвращалась к нам, но я могла хотя бы притвориться, что распоряжаюсь расследованием. Хотя тянущее чувство под ложечкой подсказывало мне, что я вряд ли распоряжаюсь что одним, что другим.

Те стражи, на которых следы были заметнее, пошли переодеваться. Другие отправились поджидать полицейских к двери ситхена, потому что сами люди вход не нашли бы. Дверь не стояла на месте, и чужаков она не любила. Только магией можно было открыть дверь для смертной ноги, которая ни разу не переступала наш порог. Разбиваясь на партии, мы вдруг обнаружили потерю в наших рядах — в коридоре не было Онилвина. Он не пошел с Рисом — и не вернулся с ним, естественно. Он просто исчез. А поскольку он веками был подручным Кела, мне не понравилось, что исчез он сразу после такого крупного магического происшествия. Я поневоле задумалась, не отправился ли он с доносом к своему истинному хозяину — или к кому-то, кто информировал Кела в его тюремной камере.

Мы пробрались между двумя телами, все еще ожидающими прибытия полиции. За несколько шагов от большой кухонной двери я услышала крики и лай. Акцент Мэгги-Мэй от злости стал совсем жутким.

— Ты, че-ортов стра-аж, дуби-ина — вот ты хто! Па-ашел с ма-аей кухни!

Маленькие терьеры точно повторяли интонации хозяйки.

— Да я и пытаюсь! — завопил мужской голос.

Мы подошли к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как чугунная сковородка размером с небольшой щит впечаталась в спину Онилвина. Он пошатнулся, и разнокалиберные горшки и кастрюли тут же повалили его на четвереньки. Медные и жестяные кастрюли колотили его, как боксерскую грушу, сияя полированными боками, но наибольший ущерб причиняли темные чугунные сковородки всевозможных размеров. Холодное железо — давнее, испытанное оружие против фейри. Сидхе, может, и высшие из фейри, но холодное железо действует и на нас.

Мэгги-Мэй стояла посреди смерча кастрюлек, горшков, ковшиков, ложек, вилок и ножей, словно разъяренный коричневый снеговичок в центре стеклянного шара, который только что встряхнула шаловливая ручонка. Снежинки в этом шарике были металлическими и весьма опасными.

К атаке горшков и сковородок подключились массивные ковши. Онилвин уже лежал ничком, руками пытаясь прикрыть голову. Три фейри-терьера то и дело порывались куснуть его. Самый толстый из псов вцепился в его сапог и пытался затрепать несчастное кожаное изделие до смерти. Меч Онилвина валялся на полу возле большой черной плиты. Если вам взбредет в голову напасть на брауни, не делайте этого на их территории.

— Она превратилась в богарта! — крикнул Гален сквозь лязг металла.

Я внимательней взгляделась в лицо Мэгги. У всех брауни лица напоминают череп, потому что у них нет носа, только ноздри. Но если на лице у брауни появляется дьявольская ухмылка, будто череп оскалился, — то перед вами создание зла, богарт. Брауни способны за день сжать поле пшеницы или за ночь выстроить амбар. А что будет, если такая сила обратится на разрушение, безумное разрушение? В заброшенных уголках Шотландии до сих пор рассказывают о лэрде, который изнасиловал и убил крестьянскую девушку. Он не знал, что ее семья находится под опекой брауни. Сам лэрд и все, чем он владел, были разорваны на мелкие кусочки.

Мэгги-Мэй еще не совсем превратилась в богарта, но явно была на пути к этому.

— Нет, — подтвердил мое наблюдение Дойл, — еще нет, но нам необходимо отвлечь

ее, пока в дело не пошли ножи.

— А жаль... — задумчиво сказал Рис. Я подумала то же самое, но истинные богарты становятся слугами, духами злого Воинства, и перестают принадлежать к собственно Неблагому Двору. Мэгги-Мэй заслуживала лучшей доли, как бы я ни относилась к Онилвину.

Рис громко крикнул:

— Мэгги-Мэй, это Рис! Ты за мной посылала, помнишь?

Ложки взвились в воздух и полетели на помощь ковшам. Остались только здоровенные железные вилки, которыми можно было бы ухватить целый бычий бок, и ножи. Мы могли опоздать.

Я выкрикнула единственное, что пришло мне в голову. Может, это и приведет ее в чувство:

— Тетушка Мэгги, что тебя так рассердило?

Горшки начали замедляться и оседать, как тяжелые снежные хлопья под мягким ветерком. Ветерок, на редкость разумный, выстроил их ровными рядами на громоздком деревянном столе.

— Чево ты га-аваришь? — спросила она с подозрением.

— Я спрашиваю, тетушка Мэгги, что тебя расстроило?

Она нахмурилась.

— Я тебе не тетушка Мэгги, де-евица.

— Ты сестра моей прабабушки по материнской линии. А значит, я твоя внучатая племянница.

Вид у нее был по-прежнему недовольный, но она медленно кивнула и сказала:

— Йе, это правда. Да только ты — принцесса сидхе, какая в там кровь у тебя в жилах ни бежала. Сидхе нас за родичей не держа-ат.

— Почему? — спросила я удивленно.

Она потерла безносое личико заросшими шерстью пальцами и нахмурилась еще больше.

— Принцесса Мередит, тебе нужно думать головой, с кем говоришь и кто тебя слышит. — Она многозначительно посмотрела на Онилвина, с трудом поднимающегося на ноги. По его бледной коже текла кровь.

— Да, он приспешник Кела. Но Кел знает мою родословную.

— О крови в своих жилах сидхе знают только то, что хотят знать. — По мере того как она успокаивалась, акцент пропадал. Произношение как у жителя Среднего Запада, интонации как у телевизионного диктора. Она специально работала над голосом, чтобы общаться по телефону с другими любителями фейри-терьеров в Америке и по всему миру. Новую породу терьеров, официально признанную Всеамериканской кинологической ассоциацией, вряд ли выведешь, если никто не может понять, что ты говоришь.

— Если я отрекусь от родства, я не перестану быть той, кто я есть, — сказала я. — Это мне не прибавит ни дюйма роста и ни капельки красоты.

— А хоть и так, — согласилась Мэгги, разглаживая ладошками совершенно бесформенное платье. — Но не кровь брауни приведет тебя на трон.

Я потянулась к большой чугунной сковороде, приземлившейся на стол. И взялась рукой за ее холодную металлическую ручку. Для меня это был всего лишь инертный металл. Я подняла тяжеленную сковороду, перехватив ручку подальше для баланса.

— Зато кровь брауни позволяет мне проделывать такие фокусы.

Она прищурилась:

— Йе, или человеческая.

— Или человеческая, — согласилась я.

Онилвин покачнулся и снова повалился на колени. Был бы он человеком, наверное, не выжил бы.

— С чего это ты и твои собаки на него напустились? — спросила я.

Двое терьеров уже терлись у ее ног, но толстяк все еще рычал на Онилвина. Тут я увидела, что собака вовсе не толстая, а беременная. Сука на сносях, с таким тяжеленным животом, что на зов Мэгги она пошла, переваливаясь с боку на бок.

— Дульчи подошла понюхать его ногу, — объяснила Мэгги. — Она немножко порычала на него. Она бы не укусила, ни за что. — Ее узкие сильные ладошки сжались в кулаки. Ей приходилось сдерживать себя усилием воли. — Он пнул ее, а у нее в животе полно щенков. Он пнул мою собаку!

Мое самое первое воспоминание — как я сижу в небольшом темном буфете в куче пишущих щенков. Один щенок такой большой, что не умещается у меня на коленях. Огромная собака сидит перед тонкой полоской света, пробивающейся через занавеску, что закрывает вход в наше убежище. Я до сих пор помню как наяву шелковистую шерсть щенков фейри-терьеров и большую собаку на страже. Мой отец как-то рассказал мне о случае, которого полторагодовалая я не запомнила. Тогда моего отца отозвали куда-то вместе с Баринтусом, и он оставил меня под присмотром Мэгги-Мэй. Неожиданно в кухню зашел стольник королевы — проверить какие-то блюда для вечернего пира. Если бы королева узнала, что отец спрятал меня в кухне, кухня перестала бы служить мне убежищем.

Я тогда сидела в буфете со щенками и их матерью, как делала частенько. Я была с ними очень ласкова и осторожна даже в том возрасте, как говорила мне Мэгги. Когда вошел стольник, она только задернула занавеску, спрятав и меня, и щенков. Стольник не поверил, что там лишь щенки, попытался взглянуть — и сука цапнула его за руку. Она охраняла своих детей и меня.

Вплоть до сего дня запах и ощущение теплой шкурки терьеров дарят мне чувство покоя. Не знаю, что бы я сделала или что сказала бы Онилвину о его поведении, потому что он решил за меня.

Рис и Гален заорали хором:

— Нет!

Онилвин взмахнул рукой и призвал свою магию, направив ее в Мэгги-Мэй. Дойл и еще кто-то бросились к нему, но ближе всех к Онилвину была я.

Я ничего не успела подумать — просто среагировала. Моя ладонь все еще лежала на ручке сковороды, и я ударила его прямо в лицо со всей силой, на какую была способна. Силы у меня меньше, чем у чистокровных сидхе или даже у брауни, но я могу пробить дыру в дверце машины и при этом не пораниться. Я как-то это проделала, чтобы впечатлить одного несостоявшегося грабителя.

Из-под сковородки во все стороны брызнула алая кровь. Онилвин свалился на бок, тонко взыв. Нос у него стал похож на раздавленный помидор, а что еще я ему повредила, не было видно — кровь залила все.

Кухню заполнила гулкая тишина. Кажется, я удивила всех, себя в том числе.

Рис покачал головой, присев над поверженным стражем:

— Похоже, он тебе и впрямь не понравился.

— Да, — твердо заявила я и поняла, что даже мысль, что Онилвин до меня дотронется,

вызывала тошноту. Он был одним из главных моих мучителей во времена моего детства. Я все еще достаточно ненавидела Кела и его прихлебателей, чтобы при виде изуродованного лица Онилвина чувствовать исключительно удовлетворение. Даже жаль, что у него все заживет.

Маленькая сука, которую он пнул, подбежала к нему, рыча. Она нюхнула его кровь и громко чихнула, как от противного запаха. Потом повернулась к Онилвину задом и поскребла пол лапами, обдав стража душем из крови, — вызывающий жест, жест доминанта. Потом она вернулась к своей хозяйке, и все три терьера сели рядом у ног Мэгги — три улыбающиеся морды, три крутящихся хвоста. Мэгги-Мэй улыбнулась мне, обнажив крупные желтые зубы.

— Ох, а-ах... Ты точно нам родня.

Я кивнула и протянула ей окровавленную сковородку.

— Ага, родня. — Я ей улыбнулась, и она зашлась в смехе. Потом неожиданно обвила меня руками, крепко сжала. Я удивилась сперва, но почти тут же обняла ее так же сильно. Наконец есть кто-то, кто обнимает меня без всякого расчета. Просто так. Без причины — просто потому, что это приятно. В последнее время мне явно недоставало таких объятий.

Неожиданно послышался высокий, тонкий звон. Мы все огляделись, но определить источник звука не смогли. Звон раздался еще раз. Словно металлической палочкой ударили по хрустальному бокалу, и он зазвенел тем высоким, напоминающим серебряный колокольчик звоном, который издает только лучший хрусталь.

Рис уже вытаскивал из ножен короткий меч.

— Я оставил Кристалла дожидаться полицию снаружи. — Он посмотрел на обнаженный клинок и спросил: — Ты звонил?

На лезвии смутно проступило лицо Кристалла.

— Рис, я не знаю, как с ними быть.

— А что такое? — спросил Рис.

— Наверное, здесь нужен кто-то более опытный в обращении с нынешней полицией и нынешними политиками.

Рис качнул головой.

— Я не спрашиваю, что тебе нужно. Я спрашиваю, в чем дело.

— Насколько я могу понять, люди спорят, кто из них главный.

— Главный в чем?

— Во всем. У них, похоже, нет строгой иерархии. Это как в игре в "слишком много принцев".

Рис вздохнул.

— Буду как только смогу.

— Прости, Рис, но мы все здесь не слишком часто бывали за пределами волшебной страны.

— Все в порядке. Я сейчас буду.

Рис стер изображение с клинка движением ладони и посмотрел на Дойла.

— Я не подумал, что там нужен кто-то Солее продвинутый. Надо было подумать.

— Не извиняйся, — сказал Дойл. — Лучше пойдешь займись этим.

Рис поклонился и пошел к двери. Он прошел мимо меня, но в этот момент мое внимание привлекло какое-то движение у противоположной стены.

Я поглядела туда, за спину Мэгги-Мэй. Это трепыхалась занавеска под раковиной, за которой я пряталась в детстве. За этим клочком ткани прятался кто-то покрупнее фейри-терьера.

Адреналин так плеснул мне в вены, что в пальцах закололо. Я думала, что все вокруг обыскали на предмет присутствия возможного убийцы. Я что, ошибалась?

Старательно контролируя свои движения и выражение лица, я высвободилась из объятий Мэгги-Мэй. Надо было предупредить Дойла и других стражей, не вспугнув того, кто там скрывался.

Дойл уже был рядом со мной, словно я выдала себя замешательством или невольным жестом. Он открыл рот, но я притронулась пальцем к его губам. Поняв намек, он молча стоял рядом и не спрашивал, что меня напугало. Вслух — не спрашивал. В темных глазах светился вопрос: "Что случилось?", но вслух он не произнес ни слова.

Я указала взглядом себе за спину, старалась показать верное направление, но не была уверена, что мне удалось. Он опустился на колени у подвывающего Онилвина и спросил:

— Почему ты ушел без спроса, Онилвин? Почему ты пошел к свидетелям без нас?

Единственным ответом было мычание.

Дойл разместился так, что раковина оказалась в его поле зрения. Я боролась с желанием оглянуться.

Дойл склонился к Онилвину:

— Так что, тебя брауни и полусмертная принцесса так отделали, что язык не ворочается?

Я не заметила, чтобы он подал какой-то знак, но Гален громко позвал:

— Душистый Горошек, Маг, выходите и поговорите с нами.

Он обошел стол, и я подумала было, что под раковиной спрятались две маленькие феи, а мне стоит лечиться от паранойи.

Но он подошел к полкам над раковиной. Маг, бледно-голубая фея, которая прилетала предупредить Риса, и еще одно крошечное крылатое создание выглядывали из-за фарфоровых чашек. Голосок Маг, тоненький и щебечущий, как у птички, ответил:

— Мы боялись, что Мэгги в своем гневе забудет о нас, Гален Зеленый Рыцарь.

Гален уже был рядом с ними и смотрел на крошек, задрав голову:

— И потому вы спрятались за чашками.

— Если только она не превратилась бы в настоящего богарта, она не тронула бы хороший фарфор. Нет-нет, никогда! — Маг осторожно выбралась из шкафчика и вспорхнула на плечо Галена, развернув небесно-голубые крылья. Теперь я ее вспомнила. Она была любимицей то у одного сидхе, то у другого. Но когда она надоела своему последнему хозяину, Мэгги предложила ей работу на кухне, чтобы она могла заработать на достойную жизнь и не выпрашивать подачек у верзил. "Верзилы" — это было оскорбительное наименование сидхе среди малых фейри. Маг перебралась на кухню примерно в то же время, когда я покинула двор. А вот с Душистым Горошком я была неплохо знакома. Я позвала ее:

— Душистый Горошек, не нужно прятаться.

Холод подошел к раковине с другой стороны от Галена, который болтал уже о чем-то с маленькой голубой феей у себя на плече. Ока прильнула к его шее и ласкала ухо нежными, словно цветочные лепестки, ладошками. У Маг был настоящий пунктик насчет мужчин-сидхе. Я никогда не интересовалась, да и знать не хотела, что за удовольствие находили друг в друге она и ее хозяева. Она была меньше куклы Барби и сложена более изящно и хрупко. Картинки такого рода меня не привлекают, но сейчас, глядя на них, я могла незаметно присматривать за занавеской. Гален нам всем дал предлог посмотреть в ту сторону.

Холод сказал:

— Спускайся, малышка, нам нужно поговорить с тобой.

Маленькое личико тут же спряталось среди фарфора, как мышка ныряет в свою норку. Ее голосок был похож на веяние ветерка, нежное весеннее дуновение, которое ласкает кожу и заставляет поверить, что под снегом спят цветы. Спят, а вовсе не мертвы. Я невольно улыбнулась и только потом подумала: "Гламор".

— Не помню, чтобы твой голос был так сладок, Душистый Горошек, — удивился Гален.

— Я испугалась, — сказала она так, словно это все объясняло.

— Когда феи-крошки напуганы, они защищаются чем только могут, — пояснила Мэгги-Мэй.

— То есть гламором, — сообразила я.

— Йе, — подтвердила Мэгги, глядя на нас прищуренными глазами. Она поняла, что

что-то не так.

— Иди, маленькая, — позвал Холод и даже протянул руку как предлагают опору птичке.

— Я боюсь тебя, Убийственный Холод, так же, как боюсь Мрака, — проговорил голосок из-за чашек.

— А меня ты тоже боишься, Душистый Горошек? — спросила я.

Она сказала после небольшой паузы:

— Нет, тебя я не боюсь.

— Тогда иди ко мне, — предложила я и протянула ей ладонь, показывая, что предпочитаю менее интимные контакты, чем Гален.

— Ты защитишь меня от Мрака и Убийственного Холода? — спросила она.

Я поборолла желание улыбнуться. Чтобы противостоять приятному голоску, требовалась немалая концентрация. Непосредственный контакт мог еще больше осложнить дело, но мне хотелось убрать ее подальше от раковины. Она была "гражданской", как принято говорить у полицейских, а гражданские на линии огня были мне ни к чему.

— Конечно, я не дам им тебя обидеть.

— Обещаешь?

Дойл вмешался:

— Она не может обещать, ведь мы не знаем, не виновна ли ты.

— Виновна... — повторила она тонким от испуга голосом, словно бубенчики зазвенели под ветром, — в чем виновна, Мрак?

Дойл стоял на коленях рядом с Онилвином, который не отреагировал ни на подначку, ни на вопрос. То ли ему и вправду было так больно, то ли он симулировал.

— Нередко бывает так, что тот, кто нашел тело, сам его туда и положил.

Я нахмурилась. Неудивительно, что Дойл напугал малышку.

Он ответил мне спокойным взглядом, словно не видел в своих словах ничего страшного. Душистый Горошек истерически зарыдала. Воображаемый ветер, игравший бубенчиками, из теплого превратился в ледяной, предвещающий бурю. Чашки задребезжали от ее отчаянной попытки забраться поглубже на полку.

Мне пришлось повысить голос, чтобы она наверняка меня услышала:

— Я обещаю, что ни Дойл, ни Холод тебя не обидят.

— Мерри! — удивленным тоном произнес Дойл.

За чашками помолчали, потом спросили очень невыразительным голосом:

— Слово?

— Да, — подтвердила я. Я не думала, что она в чем-то замешана, но на всякий случай я пообещала только, что к ней не притронутся Дойл и Холод. Если она решила, будто обещание распространяется на всех моих стражей, — ну, это не моя вина. Я была достаточно сидхе, да вообще достаточно фейри, чтобы не напоминать ей об остальных и не чувствовать вины. Все фейри от мала до велика были обучены этой игре. Проиграл — значит чего-то не учел. Сам виноват. Фея выбралась из-за фарфоровой чашки и подошла к краю полки. У нее была редкая для фей-крошек кожа, на вид совсем как человеческая. Темно-каштановые волосы локонами спадали вдоль личика. Только тоненькие черные антенны, как у бабочек, нарушали сходство с дорогой куклой. Антенны и еще крылья на спине.

Платье у нее казалось сшитым из коричневых и пурпурных листьев, хотя при ходьбе "листья" двигались совсем как ткань. Она взлетела, направляясь ко мне. Дойл показал мне

глазами, чтобы я отступила подальше от стола, подальше от занавески.

Кто-то из стражей позвал:

— Мэгги-Мэй, не подойдешь ли сюда на минутку?

Наверное, если б Мэгги не заподозрила уже неладное, она бы возразила, но тут безропотно позволила увести себя подальше от опасности.

Душистый Горошек изменила траекторию полета, чтобы успеть за мной, и встала мне на ладонь маленькими ножками. Ступни у нее не были такими младенчески-мягкими, как у Шалфея, но весила она, как и он, больше, чем следовало ждать от создания с кукольным тельцем и крыльями бабочки.

Иви и Готорн загородили меня от раковины. Они перекрыли мне вид, но их тела защищали меня будто щиты. Возражать не стоило.

Иви прошептал:

— Надеюсь, мне все же удастся тебя трахнуть до того, как меня из-за тебя прикончат.

Готорн стукнул его в грудь кулаком в латной перчатке. Иви охнул, а потом я услышала звук рвущейся ткани и крики.

Душистый Горошек стрелой взлетела мне на плечо и спряталась в волосах, визжа от ужаса. Такое мелкое создание — и так много шума. Я слышала, как мужчины что-то кричат, но что — было не разобрать сквозь пронзительный визг феи. Широкие спины мужчин обеспечивали мне защиту, но также скрывали от меня происходящее, так что я ничего не видела и не слышала и могла только надеяться, что ничего слишком страшного не происходит. Я посчитала хорошим признаком, что стражи пока просто стояли передо мной, а не уложили на пол, прикрыв сверху собственными телами. Смертельной опасностью, надо полагать, еще не пахло.

Душистый Горошек цеплялась за волосы и воротник жакета, непрерывно визжа прямо мне в ухо. Я ужасно хотела схватить ее и заставить замолчать, но побоялась, что сломаю ей крылья. После смерти Беатриче я уже не знала, какие травмы у малых фейри исцеляются, а какие — нет. Я загородила ухо ладонью, но тут же отдернула руку, потому что накололась на что-то вроде шипа или булавки. Малышка перестала визжать и принялась извиняться. Видимо, я задела пальцем ее браслет из розовых шипов. На кончике пальца показалась капелька крови.

Лопотание феи перекрыл бас Дойла:

— Почему ты прячешься от нас?

Ему ответил грубый мужской голос:

— Я не от вас прятался, я прятался от него.

Я попыталась выглянуть из-за Иви с Готорном, но они передвинулись одновременно со мной, старательно меня прикрывая. Я крикнула:

— Дойл, можно уже смотреть?

— Готорн, Иви, дайте принцессе взглянуть на пленника.

— Пленника? — переспросил грубый голос. — Меня незачем брать в плен, принцесса!

Голос показался мне смутно знакомым.

Стражи расступились, и я наконец увидела низенькое, заросшее шерстью существо, повисшее в руках Галена и Холода. Это был хоб^[11], близкое к брауни создание.

Гарри Хоб, если точнее. Он работал на кухне — с перерывами — множество лет. Перерывы случались, когда Мэгги-Мэй ловила его пьяным на работе. Ростом он был всего фута три^[12] и так покрыт густой темной растительностью, что я не вдруг сообразила, что

одежды на нем нет.

— Почему ты боялся Онилвина? — задал следующий вопрос Дойл.

— Я думал, он пришел убить меня, как убил мою Беа.

Наверное, мы все дружно вздохнули и забыли выдохнуть.

— Ты видел, как он это сделал? — спросил Дойл. Его голос упал в тишину, словно камень в колодец. Мы ждали, когда камень долетит до дна.

Онилвин ответил раньше.

— Я этого не делал.

Голос у него был глухим — не от эмоций, а из-за сломанного носа и обилия крови.

— Я не так хорошо ее знал, чтобы хотеть убить. — Он с трудом поднялся на ноги, и Адайр с Аматеоном тут же шагнули вперед без всякого приказа и взяли его за локти, словно он уже был арестован. Похоже, я была не одинока в своей неприязни к Онилвину.

Он продолжал настаивать на своей невиновности тем же глухим голосом, словно у него был жуткий насморк, только я знала, что его душит его собственная кровь.

— Молчи! — приказал Дойл, не то чтобы прикрикнул, но подействовало не хуже.

Онилвин умолк было, но едва Гарри Хоб начал говорить: "Я видел...", прервал его:

— Он врет.

Гарри вернул себе внимание слушателей, заорав так громко, что в буфетах задрезжали чашки:

— Я вру?! Я? Чтобы врать в волшебной стране, надо быть сидхе!

Дойл встал между ними и жестом велел замолчать обоим.

— Хоб, ты видел, как Онилвин убил Беатриче? — Дойл повернулся к издавшему какой-то звук Онилвину: — Если ты еще раз прервешь его, я велю тебя отсюда вытащить.

Онилвин хмыкнул и сплюнул кровью на кухонный пол.

Мэгги-Мэй двинулась к нему, заноса над головой железную кастрюльку.

— Нет, Мэгги, — остановил ее Дойл. — Хватит с нас твоих богартовых шуток.

— Богартовы шуточки? Ой, Мрак, если ты решил, что это были богартовы шуточки, ты настоящего богарта и не видел-то никогда. — В ее золотых глазах появилось что-то по-настоящему пугающее.

— Не вынуждай меня выставить тебя из твоей же кухни, Мэгги-Мэй.

— Ты не па-асмеешь!

Он просто глянул на нее, и этого хватило. Она попятилась назад, что-то ворча себе под нос, но кастрюлю поставила на место и отошла в дальний угол. Собаки клубились у ее ног мохнатым прибором.

Дойл снова посмотрел на Гарри Хоба.

— Спрашиваю еще раз: ты видел, как Онилвин убивал Беатриче или репортера?

— А зачем он явился на кухню вперед всех вас, как не затем, чтобы доделать дело? Почему ты его не спросишь?

Голос Дойла стал еще ниже и окрасился гневом, едва не превратившись в рычание:

— Я спрашиваю тебя в последний раз, Гарри. Не ответишь мне просто и прямо, велю Холоду трясти тебя, пока не посыплется ответы.

— Ой, нет, Мрак, зачем же угрожать старому Гарри?

— Старому Гарри? — оскалился в ухмылке Дойл. — Не перед нами тебе козырять возрастом. Я тебя помню младенцем, Гарри. Я помню, когда у тебя была ферма и человеческая семья, за которой ты приглядывал.

Гарри набычился, взглянул на него почти так же враждебно, как на Онилвина.

— Не надо будить тяжкие воспоминания, Мрак, — хмуро сказал он.

— Так ответь мне, и никто здесь не узнает, как ты потерял свой дом.

— Ты не расскажешь, — буркнул Гарри.

— Скажи мне правду, Гарри Хоб, или я скажу ту правду, которую ты не хочешь слышать.

Гарри уставился в пол. Он будто стал меньше и уязвимей, зажатый между двумя высокими стражами. Может, он играл в расчете на сочувствие, но если так — он плохо выбрал зрителей.

Дойл опустился на колени перед ним, заглядывая в глаза.

— Ну, Гарри, в последний раз: ты видел, как Онилвин убивал Беатриче и/или репортера?

Это "и/или" было сказано очень правильно, не то Гарри имел бы пространство для уверток, в случае если он видел только одно убийство, но не два.

Он ответил, не поднимая глаз:

— Нет.

— Что значит "нет"?

Теперь Гарри поднял голову, темные глаза горели гневом:

— Нет, я не видел, чтобы лорд деревьев убивал мою Беатриче или человека.

— Тогда почему ты от него прятался?

— Я не знала, что он здесь схоронился, — сказала Мэгги-Мэй. — Может быть, Мрак, что он прятался не от древесного лорда.

— Очень хорошо, — оценил Дойл, поблагодарив ее кивком. Он встал и повторил вопрос с поправкой Мэгги: — Почему ты прятался, Гарри?

— Я увидел его. — За руки его держали, так что он мотнул головой в направлении такого же обездвиженного Онилвина.

Мы ждали продолжения, но он, похоже, решил, что этого достаточно. Дойл поторопил его:

— И почему ты решил спрятаться, едва его увидев?

— Подумал, что он был ее любовником-сидхе, вот как.

Я не могла удержаться. Я засмеялась. Гарри ответил мне мрачным взглядом.

— Прости, Хоб, но Онилвин даже меня не считал подходящей для себя партией. Утверждал, что во мне слишком мало крови сидхе. Не представляю, что он взял бы в любовницы вообще не сидхе.

— Благодарю, принцесса, — по-прежнему глухо проговорил Онилвин.

Я смерила его взглядом, которого он заслуживал, и сказала:

— Это был не комплимент.

— Тем не менее, — возразил он, — спасибо за правду.

— А кто, кроме ее любовника-сидхе, поперся бы сюда в одиночку? — спросил Гарри.

— Хороший вопрос, — сказала я и взглянула на Дойла. Он коротко кивнул и спросил:

— Почему ты оставил нас, Онилвин?

— Мне не доставляло удовольствия смотреть на принцессу в компании с другим. Королева очень давно излечила меня от вуайеризма.

Этого никто не стал оспаривать, но Дойл спросил:

— Так что ты решил начать опрос свидетелей самостоятельно, без приказа капитана

или хотя бы разрешения твоего офицера?

— Вы все были, как мне показалось, очень... заняты. — Сарказм различался совершенно ясно, сломанный нос никак не помешал.

— Ты слабовато ударила, Мерри, — бросил Гален, и выражение лица у моего нежного рыцаря было совсем не нежным.

— Ты хотел узнать ответы или скрыть их? — поинтересовался Дойл.

— Я никому не любовник. И уж точно не рискнул бы отдаться на милость королевы ради меньшего, чем любовь сидхе — Высокомерия в его голосе хватило бы на десятерых.

— Кто-нибудь из вас знал, что у Беатриче был любовник-сидхе? — обратился Дойл ко всем присутствующим.

Мзggi-Мэй сказала:

— Не-а, я всем моим говорила держаться от верзил подальше. От такого одно только горе.

— Значит, если б Беатриче закрутила с сидхе, она бы тебе не сказала, — предположила я.

— Йе, навряд ли.

Я посмотрела на хрупкую голубую фигурку, почти спрятавшуюся за шеей Галена.

— Маг?

Галену пришлось напомнить:

— Принцесса задает тебе вопрос, Маг.

Она слишком увлеклась, перебирая кудри у него на затылке, чтобы замечать что-то еще. Она не была глупа, но я за ней такое уже замечала: от прикосновения к сидхе она будто пьянела.

Она выглянула из-за его шеи, нервно трепеща крыльями.

— Что?

— Ты знаешь любовника Беатриче?

— Вот он, — показала она на Гарри.

— А любовник-сидхе у нее был?

Глаза феи широко распахнулись.

— Сидхе? У Беатриче?.. — Она покачала головкой. — Если б я знала, я бы попросила ее позволить мне его потрогать.

— Беатриче никогда не рассказала бы Маг, — вмешалась Душистый Горошек.

Я поискала ее глазами — она сидела на кастрюле, свисавшей с крючка на ближней стене.

— А тебе она сказала?

— Да.

— Кто он? — выпалил Гарри.

Никто его не одернул, потому что вопрос этот интересовал всех.

— Она мне не сказала, объяснила, что он заставил ее пообещать никому не говорить, или он разорвет их отношения.

— Зачем ему это было нужно? — удивился Дойл. — Если только он не...

Закончил фразу Холод:

— Не королевский страж.

— Кто же рискнул бы смертью под пытками за меньшее, чем плоть сидхе? — не поверил Аматеон.

Я неприязненно на него поглядела.

— Я не заслужил такого взгляда, принцесса, это просто правда.

Я начала было возражать, но остановилась. У меня был любовник из малых фейри в Лос-Анджелесе, и мне было с ним чудесно, но... но я жаждала другой плоти. Если однажды ты испытал любовь сидхе, все другое действительно с ней не сравнится. Я хотела бы поспорить с Аматеоном, но не могла. Не могла спорить, оставаясь верной правде.

— Не буду с тобой спорить, Аматеон, — сказала я.

— Потому что не сможешь, — возразил он. Он по-прежнему твердо держал Онилвина за локоть, но смотрел только на меня.

Я кивнула, признавая его правоту.

— Но если не страж, — спросил Гален, — то с чего ему беспокоиться, что кто-то узнает о его отношениях с Беатриче?

Я взглядела в него, пытаюсь найти хоть малейший признак, что он понимает наивность своего вопроса, но в его лице не было даже намека на такое. Маг прильнула к его шее и объявила нам:

— Это так мило!

— Что? — не понял Гален.

— Хватает таких, кто водится с нами, низкорослым народцем, — сказала Мэгги-Мэй, — но мало кто пожелает признаться в том вслух.

Гален нахмурился:

— Почему?

Аматеон поинтересовался:

— Ты при том же дворе живешь, что и мы?

Гален пожал плечами, едва не сбросив Маг. Он помог фее удержать равновесие, протянув ей палец для опоры.

— Любовь — это драгоценность, как можно ее стыдиться?

Если бы я уже не любила его, я полюбила бы в эту секунду.

— Ты прав, мой друг, — сказал Дойл, — но наши свободные собратья не всегда думают так же.

— Высокомерие, такое высокомерие — стыдиться того, за что мы все отдали бы полмира, — воскликнул Адайр.

— Кто же признается, что спит с пернатой? — бросил Онилвин.

— Для...ли подходят, а для любви — нет? — едко спросила Мэгги-Мэй. Кое-кто из мужчин отвел глаза. Дойлу встретить взгляд яростных золотых глаз ничто не помешало.

— Гарри Хоб был ее любовником?

— Йе, — кивнула Мэгги.

— Да, — одновременно сказали Маг и Душистый Горошек.

Дойл повернулся к Гарри.

— Не каждому хобу доводится делить подружку с сидхе.

— Подружку? Не-а, я любил девчонку.

— И как ты относился к необходимости делить ее с другим?

— Беатриче поссорилась с Гарри, — сообщила Душистый Горошек.

— Но мы помирились, — быстро сказал Гарри.

Душистый Горошек подтвердила, что это правда.

— Она порвала с сидхе, — добавил хоб.

— Бросила сидхе ради тебя? — Маг залилась высоким щебечущим смехом.

— Не смейся над ним, Маг, — сказала Мэгги-Мэй. — Бывает, что любовь важнее, чем магия или власть.

— Ты знала, что Беатриче рассталась с Гарри? — спросила я.

— Йе, и что она приняла его обратно — тоже.

— Если Беатриче порвала с сидхе, — заметил Дойл, — почему Гарри ждал его появления здесь, на кухне?

— Беатриче сказала, что он заставлял ее делать ужасные вещи. Она сперва соглашалась, а потом передумала.

— Что за ужасные вещи? — спросил Дойл.

— Она мне не сказала. Сказала только, что никто бы не поверил, что он может творить такие кошмарные вещи.

Мы были неблагие, а не благие, а значит, смело могли признаваться в очень многих вещах. Что же могло быть так ужасно, что это сочли бы невероятным? От какого извращения в ужасе отвернулась Беатриче?

— Ее сидхе потребовал еще одно свидание, чтобы попытаться убедить Беатриче изменить решение. Я умолял ее не ходить.

— Почему? Ты боялся за ее жизнь? — спросил Дойл.

— Нет, нет. Если бы мне только пришло такое в голову, я бы никогда не отпустил ее к нему на свидание, — ответил Гарри.

— Тогда в чем причина?

— Я ревновал, а кто бы не ревновал? Я боялся, что он снова ее сманит. Да поможет мне Богиня, я только о своей ревности и думал.

Наверное, Дойл подал какой-то знак, потому что Холод и Гален отпустили руки Гарри. Он потерял руку, которую держал Холод.

— И ты спрятался при виде Онилвина, потому что принял его за ее любовника.

— Мы думали, что он пришел убить Гарри, — сказала Душистый Горошек. — Если бы она рассказала кому-то свою тайну, то только Гарри. Я сказала ему спрятаться.

— Если ты боялся одного Онилвина, почему ты не выбрался из укрытия, когда вошли мы все? — спросил Дойл.

— А ты хотел бы, чтобы кто-то узнал, что ты спрятался, вместо того чтобы броситься на мужчину, которого считал убийцей твоей любимой? Неужто я хотел бы, чтоб Мрак или Убийственный Холод узнали, что я такой трус?! — В его глазах заблестели слезы. — Я сам не знал, что я такой трус.

— Онилвин, — позвал Дойл, — так почему ты решил нас опередить? В чем истинная причина?

Онилвин открыл рот, но ему пришлось громко прокашляться, прежде чем заговорить.

— Если начистоту, то я знал, что принцесса меня терпеть не может. При таком богатом выборе мужчин она спокойно может держать меня вдали от спальни. А я хотел скова прикоснуться к женщине. Я думал, что, если найду что-нибудь, если разберусь с этим убийством, это мне зачтется.

Я ошеломленно уставилась в его окровавленное лицо со злыми глазами. Он встретил мой взгляд.

— И почему я тебе не верю? — спросила я.

Глаза мрачно взглянули на меня с кровавой маски его лица.

— Разве я сознался бы тебе в такой слабости, если б это не было правдой?

Это меня озадачило.

— Но ты ведь меня тоже ненавидишь?

— Я готов почти на все, лишь бы положить конец своему голоду, принцесса. Что бы я ни чувствовал к тебе когда-то, шанс утолить эту жажду перевешивает все. Любую верность, которую, как я думал, я питал.

Мы глядели друг на друга, и не знаю, что бы я ответила, потому что Дойл вдруг спросил:

— Запах чувствуете?

Дойл принялся к воздуху, и секунду спустя я тоже почувствовала запах. Свежая кровь. Я шагнула к Дойлу.

— Что ты учуял, Мрак? — спросила Мэгги-Мэй.

Он взялся за рукоять меча, и другие стражи мгновенно потянулись к оружию. Не думаю, что кто-то из них почувствовал запах крови, как мы, но они полагались на инстинкты Дойла.

— Ничего страшного, — ответил он, но меч из ножен продолжал вытаскивать, что никого, понятно, не успокоило. С обнаженного меча потекла кровь.

Гарри попятился прочь от Дойла и его истекающего кровью меча, и я его за это не осудила. Душистый Горошек опять завизжала, а Маг уткнулась лицом в шею Галена.

— Спаси нас Богиня, — ахнул Холод. — Что это?

— Кромм Круах, — ответил Дойл.

Мгновением позже я припомнила, что так звали Риса в то время, когда его почитали как бога. Кромм Круах, Красный Коготь. Глядя, как кровь капает на выскобленный добела пол кухни, я начала понимать, откуда пошло это имя.

Мэгги-Мэй кивнула:

— Кромм Круах, йе. Ну и что он говорит?

Кровь на полу образовала буквы: "У тебя что, нет немагического оружия?"

— Ох, — сказал Дойл, и клянусь, он выглядел почти смущенным. — Одолжишь мне кухонный нож, Мэгги-Мэй?

Она прищурилась, но кивнула:

— Йе.

Он взял один из длинных, жутких на вид тесаков и прижал палец к лезвию. Металл тут же затуманился.

На блестящей поверхности проступило лицо Риса.

— Знаешь, сколько крови я потерял, пытаясь до тебя достучаться?

— Я не подумал, что со мной только зачарованные клинки.

Я еще раз получила редкую возможность насладиться смущением Дойла от собственной непредусмотрительности.

— Чьей кровью ты воспользовался? — спросил Гален.

— Своей, чьей еще? Раны уже затянулись, но больно было чертовски, а копы просто выпали в осадок.

— Сколько людей тебе еще нужно? — спросил Дойл.

— Не знаю. Зависит от того, сколько полицейских Мерри впустит в холм.

Я подошла еще ближе к Дойлу, чтобы Рис яснее мог меня видеть.

— А сколько их там?

— Считать только местных копов или фэбээровцев тоже? — уточнил Рис.

— Кого? Фэбээровцев?!

— Угу.

— Я их не звала.

— Они говорят, ты звонила агенту Джиллету.

— Звонила, но не для того, чтобы вызвать ФБР.

— Что ж... агент Джиллет позвонил в местное отделение бюро и пригласил их на

вечеринку. Он сообщил им или, может, намекнул, что тебе нужна их помощь.

— Ты хочешь спросить, пускать ли фэбээровцев в ситхен?

— Не совсем... Дело в том, что территория вокруг земель фейри является федеральной собственностью, и фэбээровцы пытаются доказать местным, что у тех нет права здесь находиться.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты преувеличиваешь, — взмолилась я.

Изображение смазалось на миг; я сообразила, что он покачал головой.

— Я не преувеличиваю. Тут у нас наблюдается самая типичная разборка на тему "Кто здесь главный?".

— Можешь дать мне поговорить с фэбээровским начальником?

— Нет. Ты представляешь вообще, сколько раз мне пришлось себя порезать, чтобы добыть достаточно крови для первого послания? Ни один из них и близко не подойдет к этому лезвию. Если ты хочешь поговорить со смертными, тебе нужно найти способ попривычней для них. Впрочем, не думаю, что телефонный звонок что-то решит.

— Что ты предлагаешь? — спросил Дойл.

— Веди сюда принцессу, потому что вызывала — или не вызывала — их она. Если у меня и был какой-то кредит доверия, он канул в окровавленный снег. Теперь они меня боятся. — Он вздохнул так сильно, что лезвие затуманилось на миг. — Я успел забыть страх в глазах людей... По этой части Кромм-Круахова наследия я не скучал.

— Прости, что тебе пришлось пойти на такие меры по моей вине. Мы с принцессой вскоре прибудем.

— Жду, — сказал Рис, и лезвие стало снова лишь отполированным до блеска металлом.

— Похоже, твой агент Джиллет тебя недопонял.

Я покачала головой.

— Он все понял. Он просто не видел меня с тех пор, как мне было лет восемнадцать-девятнадцать. Он действует так, словно имеет дело с подростком.

— Он надеется, что ты допустишь его к расследованию, если он надавит как следует, — догадался Дойл.

Я кивнула.

— С фэбээровцами не стоит ссориться, — заметил Гален. — Вдруг местная лаборатория не справится с тем, что здесь найдут? — Он шагнул ко мне; Маг пришлось оторваться от его шеи, чтобы удержать равновесие.

Это было правильное замечание. Правильное и сделанное ясной головой. Я улыбнулась, сделала шаг ему навстречу и погладила его по лицу. По той щеке, у которой не сидела Маг.

— Мой миротворец...

Он прижал мою руку к щеке.

— Я не творю мир. Только пытаюсь сохранить то, что от него еще осталось.

Я встала на цыпочки, а он наклонился, так что я смогла нежно поцеловать его в губы. Маг удовлетворенно причмокнула, словно ей доставляло удовольствие находиться так близко от нас.

— Очисти пространство, Маг, — велела я. Она надула губки, но отлетела подальше. Я позволила себе на миг прислониться к Галену, отдохнуть в кольце его сильных рук. Живи мы в другие времена, в более мирные и спокойные времена, — и Гален подходил бы как нельзя лучше. Да, если бы мы действительно добивались мира... Только вот это было не совсем так.

— Что ты решишь с ФБР? — Дойл понял, что я не намерена точно последовать совету

Галена.

— Я познакомлюсь с местным агентом и передам ему сообщение для Джиллета.

— И какое же сообщение?

— Что я не ребенок и ему не управиться со мной такими методами.

Холод нахмурился.

— Ты позвала в ситхен человеческую науку, чтобы расследовать эти убийства. Это все хорошо, но я достаточно уже знаю об их системе, чтобы согласиться с Галеном. Нам не следует вступать в конфронтацию с ФБР.

— Потому что позже они могут нам понадобиться, — добавила я.

— Именно так, — кивнул Холод.

Редкий случай, чтобы Холод и Гален так точно сошлись во мнениях. Это значило, что скорее всего они правы.

— Я постараюсь не задеть их гордость, но если мы проявим слабость, они не уйдут и будут затягивать все, что можно. У нас нет времени на их подковерные игры. К тому же это наш ковер.

— Тогда давай напомним об этом их командирам, — посоветовал Дойл. — И полицейским, и федеральным. — С этими словами он предложил мне руку, и я оперлась на нее, чувствуя твердость мускулов под кожей куртки. И тут я припомнила, что мое зимнее пальто так и осталось в аэропорту, если кто-то не додумался его оттуда вытребовать. Мне нужно было найти какую-то теплую одежду, чтобы выйти на декабрьский морозец. Я задумалась, у кого мне занять пальто.

Онилвина мы послали к целителю. Я так и не решила, верить ли ему. Вздумал ли он опередить всех в надежде снискать мое расположение, или у него на уме было что-то еще? Что-то более зловещее? А может, я просто искала причину не ложиться с ним в постель. Может, и так. А может, мое недоверие к Онилвину было не напрасным.

Дойл с Холодом проводили меня в мою комнату переодеться, а заодно и прихватить что-нибудь потеплее. Не знаю, кто одолжил мне меховой плащ, но он был по размеру, подол едва касался пола. Кремово-золотистый мех с янтарным блеском, переходящим в почти красный. Исключительно красивый мех, но у меня к нему возникло смешанное чувство, как обычно к меховым пальто: я считаю, что мех гораздо лучше выглядит на живом звере. Вообще-то я попробовала объявить, что хочу что-то кожаное или даже вязаное, но сидхе веками не держали домашних животных, а потому шерсть и кожа стали дефицитным товаром. Кроме того, Холод заверил меня, что хозяина этого меха съели после того, как убили.

— А что это за зверь? — поинтересовалась я. Я никогда не видела такого меха.

— Тролль, — спокойно ответил он.

Я перестала гладить мех. Живых троллей я не встречала, но знала, что они являются разновидностью фейри. Тролли — разумные создания; пусть не самого большого интеллекта, но они обладают собственной культурой!

— Но это же не звери... Это уже похоже на каннибализм!

— Он и не говорил, что это зверь. Это ты так решила, — заметил Дойл. — Ну, мы идем? Полицейские ждут.

— Что, вы оба не могли догадаться, что если я не люблю носить шкуры пушных зверей, то изделие из разумного существа понравится мне еще меньше?!

Холод вздохнул и снова уселся в огромное черное кресло, удручающе хорошо вписывавшееся в новую обстановку моей комнаты, выбранную королевой. Мебель замечательно подошла бы для порновидео в готическом стиле, а может, для похорон, где покойнику уделяется несколько необычное внимание.

— Этого тролля убил я. Мех — мой трофей. Не понимаю, что тебя смущает. — В черном кожаном кресле Холод казался призрачно-бледным, а меховое пальто придавало ему странно декадентский вид. Это длинное пальто из серебристых лис вернули служащие аэропорта. Я предположила, что кожаные вещи пропали, потому что никто не мог с уверенностью назвать их владельцев, а мех остался, ибо кому, кроме одного из моих стражей, могла принадлежать шуба до пят, скроенная на широченные плечи?

Я повернулась к Дойлу.

— Это все равно что носить пальто из человеческой кожи.

Дойл схватил меня за локоть, больно, до синяков. На лице его была написана та же ярость, с какой его рука сжимала мою плоть.

— Ты — принцесса Неблагого Двора. Когда-нибудь ты станешь править нами. Тебе нельзя проявлять столько слабости, если ты надеешься выжить!

В его черных глазах сияли яркие цветные точки, будто рой психоделических светлячков. У меня закружилась голова, но в следующее мгновение я твердо стояла на ногах и могла спокойно смотреть в его глаза. Если бы он хотел меня зачаровать, наверное, мне не удалось бы так легко сбросить наваждение, но эту силу вызвал гнев, а не воля. Гневу противостоять легче.

Холод вскочил на ноги.

— Дойл, все не так страшно...

Голос его звучал неуверенно, и я знала почему. Перед ним стоял Дойл, его капитан, — надежный, стойкий, бесстрашный Дойл. Он никогда не выходит из себя, никогда!

Дойл притянул меня к себе, и я ощутила, как накапливается в воздухе энергия — его сила готова была развернуться. Он прорычал мне в лицо:

— Не хочешь носить кожу нашего достойного врага? Нас ждет полиция, наши люди стоят на холоде, а тебе, видишь ли, пальто не нравится! Какие тонкие чувства для женщины, которая только что трахнулась на полу у всех на глазах с первым встречным!

Я глазела на него с открытым ртом, слишком потрясенная, чтобы как-то среагировать.

— Дойл! — Холод шагнул к нам и протянул ко мне руку, словно хотел оттащить меня от Мрака. Но рука упала, потому что Холод, как и я, не мог представить, что сделает Дойл, если попытаться вырвать меня из его рук. Дойл был так не похож на себя, что я испугалась, и Холод, видимо, тоже.

Дойл запрокинул голову и закричал. В этом звуке было такое страдание, такое беспредельное одиночество... Крик завершился воем, от которого у меня волосы встали дыбом. Он вдруг резко отпустил меня, почти толкнул к Холоду. Холод поймал меня и поставил себе за спину, загородив широкими плечами от своего капитана.

Дойл рухнул на пол, черная кожа плаща разметалась вокруг него, коса свернулась змеей.

Я не сразу поняла, что он рыдает. Мы с Холодом обменялись недоуменными взглядами. Ни один из нас не мог понять, что случилось со стойким Дойлом.

Я шагнула к нему, но Холод удержал меня и покачал головой. Он был прав, но сердце у меня сжималось. Слышать этот плач сломленного человека от Дойла было невыносимо.

Холод опустил на колени рядом с ним и положил белую руку на черное плечо Мрака.

— Капитан... Дойл, что тебя гнетет?

Дойл закрыл лицо руками и согнулся едва не до самого пола. Он свернулся в комок, а голос его прозвучал глухо от слез и еще более глухо — от ярости.

— Я не могу... — Он поднялся на четвереньки, низко повесив голову. — Я не могу это вынести.

Он взглянул вверх, на Холода, и схватил его за руку, почти как прежде схватил меня, — но едва ли не с мольбой:

— Я не смогу снова вернуться к тому, что было. Я не смогу стоять рядом с ней и смотреть, как ее уводит другой. Я не так силен или не так великодушен.

Холод кивнул и привлек черного стража в свои объятия. Он сжимал Дойла с неистовой силой, а обращенное ко мне лицо было полно страдания.

Я что-то упустила. Что-то важное. Что-то случилось не только с Дойлом, но и с Холодом. Это был не приступ дурного настроения, это была скорбь. Но что они оплакивали?

— Да что же случилось? — спросила я.

Дойл покачал головой, прижатой к плечу Холода.

— Она не понимает. Она не знает, что это значит.

— Что?! — Страх сжал мой желудок, пробрался по спине. Кожа похолодела от жуткого предчувствия.

Холод посмотрел на меня блестящими от непролитых слез глазами.

— Кольцо выбрало твоего короля, Мередит.

— Что? — переспросила я.

— Мистраль, — выдохнул Дойл, подняв голову. Теперь я могла видеть его лицо. — Кольцо выбрало Мистраля. А я не могу тебя ему отдать.

Я непонимающе уставилась на него.

— Да о чем вы говорите?! Выбрать мне короля можно только одним способом, а я не беременна!

— Ты уверена? — спросил Холод. Его лицо было очень спокойно, совершенно лишено бурления эмоций, которых я могла бы от него ждать. Но это было понятно: Дойл разваливается на глазах, значит, он, Холод, тем более должен сохранить самоконтроль.

— Да, то есть... — Я задумалась над его словами. — Слишком рано для уверенности.

Дойл мотнул головой так сильно, что тяжелая коса проехала по коже плаща.

— Кольцо не оживало ни для кого из нас. Ты ни с кем из нас не имела такого секса. Что еще можно подумать, как не то, что кольцо сделало свой выбор?

— Не знаю, но... — Видя его боль, я не знала, что сказать. Я переводила взгляд с одного на другого. Они поверили, это было ясно по их лицам. Я смотрела на них, на свет и тьму, переплетенные в объятии, и сердце сжималось от боли. Мне вдруг стало трудно дышать. Комната показалась тесной и душной. Если я забеременела от Мистрала, я потеряю их, их обоих. Я буду связана с Мистралем, я буду принадлежать ему и только ему. Секс с ним был хорош, даже великолепен, но это был всего лишь секс, и...

— Я не люблю его.

Едва выговорив, я поняла, как по-детски прозвучали эти слова. Ребяческая жалоба, хныканье.

— Короли не женятся по любви. — В низком голосе Дойла еще различались слезы.

— Подождите, я думала, что кольцо находит твою истинную половинку, твою настоящую любовь.

— Так и есть, — подтвердил Холод.

— Никка и Бидди влюбились друг в друга по уши, — тараторила я. — Они смотрят друг на друга так, словно больше в мире никого нет.

Они оба кивнули. Холод добавил:

— Так всегда бывает с теми, кого выбрало кольцо.

— Но мы с Мистралем так друг на друга не смотрим!

— Ты не видела его лицо после того, что было, — сказал Дойл. — Я видел.

— И я, — эхом отозвался Холод.

Я отмахнулась от их слов.

— Он занимался сексом впервые за несколько веков. И не просто сексом, это был магический секс, спровоцированный Силой. Вот в чем дело. Кто угодно глядел бы на меня как он, это была не любовь, просто вождление.

Холод нахмурился. Дойл смотрел без всякого выражения, словно недавний взрыв эмоций его опустошил.

— Я уж точно не чувствую чего-то такого по отношению к Мистралу.

Холод смотрел на меня с явным подозрением.

— Точно?

Я покачала головой.

— Если бы кольцо его выбрало, то я влюбилась бы в него, так ведь?

Холод кивнул.

— А я в него не влюблена.

— Как ты можешь не хотеть того, что мы видели в том коридоре? — спросил Дойл голосом, почти совершенно лишенным эмоций, словно он уже просто не мог говорить на эту

тему.

— Это было здорово, но неужели ни один из вас не подумал, что это был мой первый секс в холмах фейри, да еще с кольцом на руке? Может, поэтому он был таким волшебным?

Дойл моргнул и попытался собраться. Я просто видела, как он борется с отчаянием, едва не овладевшим им. Холод высказался за них двоих:

— Но ты наверняка занималась сексом в стране фейри с кем-то из нас.

Я покачала головой.

— Не думаю, а если и так, то на мне не было кольца. Даже в Лос-Анджелесе я его нечасто носила.

— Потому что его сила была слишком непредсказуема, — проговорил Дойл и взглянул на меня. — Мы поступили глупо, спрятав его в шкатулку?

Кольцо у меня на пальце коротко сжалось и снова замерло. Я сглотнула слюну и кивнула.

— Кольцо думает именно так.

Дойл растер руками следы слез на лице.

— Ты действительно не любишь Мистралья?

— Не люблю.

И все же ты можешь быть от него беременна.

— Кольцо дарит плодородие, но не только его, — сказал Холод. — Если Мередит не любит Мистралья, то он, видимо, не ее пара.

— А он считает, что пара?

Дойл собирался на глазах, мобилизуя все свои темные резервы:

— Скорее всего.

— Я знаю, что Рис думает именно так, он мне сказал, — заметил Холод.

— А Гален?

— Он был зачарован властью кольца. Те, кто подпал под власть заклятия, скорее всего не могли ясно мыслить.

— Только ты, Рис, Дойл и сам Мистраль не казались опьяненными магией.

— Мистраль эту магию сам творил вместе с тобой, а Рис опоздал.

— А вы? Почему вы?

Они обменялись взглядами — и ответил мне Холод, а Дойл отвел глаза.

— Кольцо не имеет власти над теми, кто уже любит.

— Если это истинная любовь, — проговорил Дойл, а потом взглянул мне в глаза, и я почти пожалела, что он это сделал. В его глазах была боль, намек на которую я уже ловила раз или два. Боль, возникшая, когда ни один из стражей не подарил мне ребенка в Лос-Анджелесе.

Я смотрела на них, впервые понимая, что, если встанет выбор между тронном и перспективой потерять двоих этих мужчин, я не знаю, что я выберу, я не была уверена, что во мне хватит королевской закваски, чтобы принести такую жертву. Но пока Кел жив, он будет пытаться меня убить. Да и не могла я отдать ему всех остальных фейри, даже если он поклянется оставить в покое меня и тех, кто мне дорог. Я не могла отдать ему во власть мой народ. По сравнению с ним Андаис казалась разумной и мягкосердечной. Я не могла отдать нас на откуп садизму Кела — для этого я была слишком дочерью своего отца. Но я стояла и чувствовала, как весь мир превращается в ничто при одной мысли потерять Дойла и Холода.

Мне пришло в голову одно соображение:

— Так, значит, если Гален был очарован, то он не влюблен, то есть не любит настоящего?

Они обменялись пораженными взглядами и кивнули одновременно.

— Может, кто-то из молодежи поспорил бы, — сказал Холод, — но да, так и есть.

Я попыталась представить своего славного, нежного Галена в объятиях другой и не почувствовала сожаления. Мне даже спокойней стало при мысли, что кольцо когда-нибудь отыщет ему половинку, так что он не будет грустить обо мне.

Я улыбнулась.

— Почему ты улыбаешься? — спросил Дойл.

— Потому что эта мысль не причиняет боли. — Я подошла к ним и притронулась кончиками пальцев к лицам обоих. — Мысль потерять вас двоих... вот это как рана в сердце.

Я приложила ладони к их щекам, постаравшись, правда, не коснуться лица Холода кольцом. Я хотела прикасаться к ним без вмешательства магии. Кожа Дойла была теплее, чем обычно у людей, — так все время было с тех пор, как к нему вернулись способности оборотня. Кожа Холода была чуть холодней, чем у людей. Так бывало не всегда, но он часто казался холодным на ощупь. Я впервые заметила это в Лос-Анджелесе, после того, как и он благодаря чаще обрел часть своей божественности.

Я прикасалась к ним обоим — жару и холоду, свету и тьме — и думала, существует ли в волшебной стране мужчина, который заставит меня забыть их и обратить к другому ослепленные любовью глаза. Я дорожила любовью, которую мы по кирпичику выстроили за недели и месяцы. Это потребовало усилий и доверия, и я понимала, что умри вся магия в мире — и я все равно буду их любить. А после сегодняшнего вечера я была уверена, что и они любят меня так же сильно.

Я сдвинула их головы, пока они не соприкоснулись и я не смогла поцеловать обоих одновременно. Я нагнулась к ним, лицом между их лиц. И прошептала правду в шелк волос Холода и в жар кожи Дойла:

— Чтобы вы оставались в моей постели на всю мою жизнь, я бы пожертвовала страной, тронем... Всем, что я есть, и всем, чем могу стать.

Дойл первым взял мою руку, но Холод немедленно последовал примеру, и они потянули меня к себе, обернули своими телами, прижали к себе крепко и надежно. Дойл шепнул мне в макушку:

— Если бы был кто-то другой, достойный трона, я бы тебе не препятствовал.

Он прижался щекой к моим волосам. Его объятие было неистовым почти до боли.

— Я продал бы жизнь за запах твоих волос на моей подушке, но я слишком долго служил этому двору, чтобы отдать его Келу.

Руки Холода гладили мое тело, бездумно скользили по бедрам ниже края трусиков, которые я успела надеть.

— То, что рассказывают стражницы Кела... — Он вздрогнул, я ощутила его дрожь кожей.

Я немного отодвинулась, чтобы видеть их лица.

— Я думала, они слишком его боятся, чтобы болтать. Дойл притянул меня снова, но повернул так, что я полусидела-полулежала у них на коленях.

— Кое-кто из гвардии Кела имеет доступ к людским газетам и журналам, — сказал он. — Они обратили внимание, что твои стражи проводят время гораздо приятнее, чем Вороны королевы или Журавли принца.

— Я никак не могу привыкнуть к тому, что их называют Журавлями. Это птицы моего отца, имя его гвардии.

— Многие из них и были раньше гвардейцами Эссуса, — заметил Холод. Он держал мою руку в ладони. — Их просто отдали Келу после смерти Эссуса.

— А у них был выбор? — спросила я. Меньше всего до сих пор я волновалась о стражах моего отца, потому что разве они не предали его? Разве не они допустили его смерть? Теперь я подумала, сколько из них отказались бы от клятв королевских гвардейцев, если бы им дали такую возможность.

Дойл погладил меня по щеке, привлекая к себе внимание.

— То, что ты послала вчерашней ночью за всеми стража ми, подвигло кое-кого из пташек Кела заговорить с нами о своей жизни.

— Почему именно это развязало их языки?

— Твой поступок показал, что ты заботаешься обо всех своих людях, не только о тех, кто тебе нравится. Такой заботы Журавли не видели многие годы.

Я почувствовала спиной, как Холод передернулся от отвращения.

— Я думал, что нам достаточно пришлось вынести от рук королевы, но... — Он покачал головой: — Но такое...

— Нам нельзя отдать ему двор, Мередит, — повторил Дойл. — Думаю, он действительно безумен.

— Заключение и пытки дела не поправят, — сказала я.

— Верно, — согласился он.

— Расскажи ей все, — посоветовал Холод.

Дойл вздохнул.

— Ты помнишь, что королева разрешила одной из женщин Кела утолить его жажду?

Я кивнула:

— Да, и той же ночью последовали покушения на мою жизнь и жизнь королевы.

— Вот именно, и мы не уверены, что приказы отдал Кел. Возможно, так решили верные ему в отчаянной попытке спасти его раньше, чем он обезумеет настолько, что скрыть это уже ни от кого не удастся.

— Ты думаешь, что сидхе откажутся ему подчиняться?

— Если он попытается обращаться с двором, как со своей стражей, — да.

Я поглубже забила в меха, кожу и в тепло их тел.

— Что он с ними делал?

— Нет, Мередит, — ответил Дойл. — Может быть, позже, когда у нас образуется избыток времени и до сна будет еще далеко. Это не из тех историй, что рассказывают на ночь.

— Мы расследуем убийство. Можешь поверить, до кровати мы доберемся не скоро, — сказала я.

— Сейчас тебе нужно знать одно: ты стала для него навязчивой идеей.

— Идеей в каком смысле? — спросила я.

Они обменялись взглядами. Дойл покачал головой. Но Холод сказал:

— Она должна знать, Дойл.

— Ну так скажи ей сам. Почему всегда я должен сообщать такие новости?

Холод моргнул и постарался не выдать свои — и мои — мысли. Мы и не подозревали, что Дойлу не нравится сообщать дурные вести. Он был Мраком королевы, а мрак в полном

спокойствию нашептывает жуткую правду — или, во всяком случае, кажется, что в спокойствии. Недавняя вспышка словно сдернула с Дойла какую-то часть его сущности.

— Как угодно, — сказал Холод и посмотрел на меня. — Кел назвал одну из женщин своей гвардии твоим именем и поклялся, что раз уж его мать так хочет, чтобы ты забеременела, то причиной тому будет его семя.

Я смотрела в его красивое лицо и хотела спросить, не шутит ли он, но понимала, что не шутит. Теперь уже меня передернуло.

— Лучше умереть.

— Не уверен, что это тебя от него избавит, — тихо сказал Дойл.

— Что ты хочешь сказать?

— Одна из малых фейри умерла, когда он ее насиловал. — Дойл снова вздохнул, а в глазах у него появилось выражение, которое я видела нечасто, — страх. — Келу это понравилось. Он продолжал снова и снова насиловать труп, пока тот совсем не разложился.

Я почувствовала, как отхлынула кровь от моего лица.

— Во всяком случае, так говорят его гвардейцы, — поправил Холод.

— Вы видели их глаза, вы думаете, они лгали?

Холод испустил долгий вздох и покачал головой.

— Нет. — Он наклонился ко мне, обнимая крепче, окутывая водопадом серебряных волос. — Прости, Мередит, но мне казалось, тебе нужно знать.

— Я и раньше боялась Кела...

— Бойся еще больше, — буркнул Дойл. — Такому, как он, нельзя вручить ключи от Неблагого Двора. Особенно сейчас, когда к нам возвращаются силы. Чем мы сильнее, тем опасней. Мы слишком опасны, чтобы дать власть над нами сумасшедшему.

— Сила возвращается благодаря Мередит, — возразил Холод.

— Да, но когда к сидхе вернется сила, она будет подобна оружию. Оружью не важно, против кого оно обращено.

— Богиня может покинуть нас навечно, если обратить ее силу во зло, — сказала я.

— Я считаю так же, но представь, сколько вреда мы сумеем причинить, прежде чем Она отнимет у нас свои дары.

Мы сели на пол и попытались вообразить возможные несчастья. Дойл крепко меня обнял, потом встал и встряхнулся, как большой пес. Он поправил на себе кожаное пальто и сказал:

— Я думал придержать новости о симптомах безумия Кела до того, как закончим с полицией, но... — Он надвинул на глаза темные очки и тут же превратился в прежнего высокого, темного, загадочного Мрака. Только серьги в ушах светились серебром, разбавляя его черноту. — Мы проводим тебя наверх. Прошу прощения за то, что я утратил контроль над собой, принцесса, и за эту задержку.

Холод поднял меня на ноги.

— Единственный срыв за тысячу лет... По-моему, даже маловато.

Дойл покачал головой:

— По моей вине Рис и полицейские все еще стоят на холоде. Непростительно.

Я тронула его за руку, но мускулы под кожаной одеждой были каменно тверды, словно он не позволял себе расслабиться даже настолько.

— Я не считаю это непростительным...

— Если она снова начнет нас утешать, мы опоздаем еще больше, — напомнил Холод.

Дойл улыбнулся, сверкнув зубами.

— Приятно, когда тебя утешают вместо того, чтобы наказать. — Он поднял меховой плащ. — Пожалуйста, всего на один раз. Мы найдем тебе что-нибудь по твоему вкусу, но сейчас — я прошу...

Мне по-прежнему не хотелось надевать этот мех, но после того, что я только что слышала о Келе, это казалось не таким уж страшным. Я позволила ему укутать меня плащом.

— Как я выгляжу? — поинтересовалась я.

Стена пошла рябью, как лошадиная шкура, когда на нее садится муха. Дойл отдернул меня себе за спину. У Холода в руке сам собой возник обнаженный меч. Дойл наставил в стену пистолет.

Из камня выплыло на поверхность зеркало в полный рост в позолоченной раме. Оно сверкало и сияло в полутемной комнате.

Я выглянула из-за плеча Дойла, сердце билось где-то в пятках.

— Откуда оно взялось?

Дойл твердо держал пистолет наведенным на блестящую поверхность.

— Не знаю.

Почти все фейри используют зеркала в качестве чего-то вроде видеофонов. Дойл и кое-кто еще из сидхе могли пользоваться зеркалами для перемещения в пространстве. Мы ожидали, что в зеркале появится изображение или произойдет что-то пострашнее, но зеркало просто висело на стене, словно было только зеркалом и ничем больше.

Холод опустил меч.

Дойл оглянулся на нас.

— Почему оно появилось? Кто его прислал сюда?

Холод подошел ближе к загадочному предмету.

— Мередит, погляди-ка на себя.

Дойл недоверчиво поджал губы, но подвинулся, чтобы я смогла себя разглядеть. Золотисто-рыжий мех прекрасно сочетался с моими волосами и кожей и подчеркивал золотое кольцо в глазах. С накинутым капюшоном я казалась хрупкой и нежной, что-то среднее между барышней с викторианской рождественской открытки и принцессой варваров. Ну миниатюрной такой принцессой варваров.

— Теперь поблагодари ситхен за зеркало и скажи, что больше в нем не нуждаешься.

Я нахмурилась, но сделала, как он сказал.

— Благодарю тебя за зеркало, ситхен. Мне оно сейчас уже не нужно.

Зеркало осталось на стене, словно висело там от начала веков.

— Ситхен, зеркало могут использовать, чтобы причинить ей вред. Пожалуйста, убери его, — попросил Холод.

Казалось, будто сам воздух пожал плечами, потом стена опять пошла морщинами, и зеркало начало погружаться в камень. Когда стена снова стала гладкой, я вздохнула с облегчением.

— Ты хочешь сказать, что зеркало появилось потому, что я спросила, как я выгляжу?

— Тс-с, — прошептал Холод и кивнул.

— Вот это, — заметил Дойл, — очень интересно.

— Ситхен был глух к просьбам уже... — Холод запнулся, словно не мог подсчитать, как долго.

— Так долго, друг, что я тоже не вспомню, когда это случилось в последний раз.

— Так это хорошо, — попыталась выяснить я, — или плохо?

— Хорошо, — сказал Дойл.

— Но опасно, — добавил Холод.

Дойл кивнул.

— Теперь тебе стоит больше думать над тем, что ты произносишь вслух, Мередит. Бездумно сказанное слово может иметь роковые последствия, если ситхен и вправду настолько ожил.

— Что ты имеешь в виду?

— Ситхен — живой, хотя он мыслит не так, как все известные мне живые существа. Он истолкует твои слова по-своему. Ты спросила, как ты выглядишь, — и он дал тебе зеркало. Кто знает, как он отзовется на твою следующую просьбу?

— А если я закричу "Помогите!", он поможет?

— Не знаю, — ответил Дойл. — Я слышал, что он предоставляет нужные тебе предметы, но людей никогда не трогает. В его стенах скрыты зачарованные артефакты, вещи, когда-то давно просто исчезнувшие. Некоторые полагают, что эти предметы не вернулись к богам, а скрываются внутри стен. Среди них есть кой-какие вещички... Я не хотел бы, чтобы они возникли перед тобой, если рядом не будет никого, кроме нас.

— Ты хочешь сказать, мне нужна поддержка вдобавок к тебе и Холоду?!

Он кивнул.

Я хотела уже спросить, что за предмет может быть так опасен, что Убийственный Холод и Мрак королевы не смогут меня защитить, но передумала. Хватит с меня забот. Кроме того, мне уже казалось, будто кто-то пытается нарочно задержать нас, подсовывая одно более или менее значительное событие за другим. Я покачала головой.

— Все, уходим. Полиция и Рис ждут нас не дождутся.

Мы шагнули через порог и оказались в главном коридоре, прямо у входной двери. Моя комната располагалась на три уровня ниже и в совершенно другой части холма. Стражи, ожидающие нас, вытаращились во все глаза. Гален сказал:

— Этой двери здесь раньше не было.

— Не было, — подтвердил Дойл. После чего он построил всех в каре со мной в центре, упрятав меня за шеренгами стражей. Я бы сказала "мужчин", но как минимум трое были женского пола, включая Бидди. Она и Никка, наверное, малогодились бы в драке, потому что были все еще совершенно околдованы, но мы боялись оставить их без присмотра. Я была больше чем уверена, что при первой возможности они займутся любовью, а пока я не утрясла этот вопрос с королевой, это автоматически влекло смертный приговор для обоих. Дойл запретил им держаться за руки. Он подумал, что полицейские это не так воспримут.

Кабодуа и Догмэла только что влились в наш небольшой отряд. В моем окружении вдруг оказались три женщины, возможно, более привязанные к Келу, чем ко мне. Дойл что-то бормотал о том, что мне нужны фрейлины, и разве не лучше, если они будут к тому же обученными воинами? Но мне была известна истинная подоплека. Мы взяли их с собой, потому что королева могла в любой момент передумать и вернуть их обратно к Келу. Мы взяли их с собой, на снег и холод, на свидание с полицией, потому что с нами им было безопасней, чем без нас.

Полицейских было еще не видно, зато слышно. Рокот низких мужских голосов. Звуки в такие безветренные, обжигающе морозные ночи разносятся великолепно. Щеки пощипывало, а дыхание вылетало облачками пара и оседало инеем на мехе капюшона. Вчера по дороге к холмам меня согревал Баринтус, но сейчас никто обо мне так не позаботился. Снег доставал мне до колена, и джинсы над сапогами вымокли. Я попыталась вызвать ощущение летнего солнышка, чтобы добавить его к моим щитам и избавиться от холода, но я, кажется, забыла, что это такое — летнее тепло. Ночь была безлунная и ясная, и тысячи звезд сияли с неба осколками льда, бриллиантовыми осколками на бархате небес. Я сосредоточилась на том, чтобы поднять одну ногу, потом вторую, на том, чтобы пробиться сквозь сугробы, которых мои более высокие спутники даже не замечали. Принцессам не подобает шлепаться носом в сугроб, но избежать этого стоило усилий. Я подозревала, что брести по колено в снегу принцессам тоже не подобает, но с этим я ничего не могла поделать.

А споткнулась все же не я, а Бидди. Никка поймал ее на лету. Я расслышала, как она извиняется:

— Не понимаю, что со мной. Я так замерзла...

— Стоп, всем стоять, — скомандовала я. Все повиновались, большинство оглядывали окрестности, руки тянулись к оружию.

Гален спросил первым:

— Что случилось, Мерри?

— Здесь только у меня и Билли есть примесь человеческой крови?

— Думаю, да.

— Я попыталась вызвать ощущение летнего тепла и не смогла его вспомнить.

Дойл пробился назад ко мне.

— В чем дело?

— Проверь нас с Бидди на чары, на заклинание, поражающее только потомков людей.

Он стащил черную перчатку и провел рукой у меня перед лицом, не касаясь кожи, но обследуя мою ауру, мои щиты, мою магию.

Дойл низко и тихо зарычал, и от этого звука волоски у меня на затылке поднялись дыбом.

— Как понимаю, ты что-то нашел.

Он кивнул и повернулся к Бидди, почти в обмороке повисшей в руках Никки.

— Прости, Дойл. Со мной такого не бывало...

— Это чары, — объяснил он ей и снял с нее шлем, чтобы проделать с ней ту же процедуру, что и со мной. Потом он протянул шлем Никке и повернулся ко мне. Скрыть отблески злых красок в глазах ему не удалось. Он пытался унять свою силу, вызванную злостью. Злостью на себя самого, полагаю, потому что прямо у него под носом проскользнуло еще одно заклинание. Кто-то действовал против нас очень тонкими заклятиями. Что-нибудь мощное наверняка заметил бы хоть один из нас, но защититься от мелких чар много трудней.

— Чары привязаны к смертной крови. Они пьют энергию и наполняют чувством холода.

— Почему на Бидди они подействовали больше, чем на Мерри? — взволнованно

спросил Никка. Он был весь закутан в плотный плащ за исключением крыльев. Крылья были плотно сложены, наверное, так они лучше сохраняли тепло. Никка — теплокровное существо; крылья ночной бабочки этого не меняли.

Я ответила ему:

— Она наполовину человек, а во мне человеческой крови меньше четверти. Если заклинание рассчитано на смертную кровь, ей досталось больше, чем мне.

— А на людей из полиции оно подействовало? — спросил Готорн.

Дойл снова поднес ко мне ладонь, и на этот раз я ощутила теплую пульсацию магии, покачнувшую мои щиты.

— Заклинание может распространяться. Его наложили либо на Бидди, либо на принцессу, и оно перешло с одной на другую. Если мы его не удалим, оно захватит и полицейских.

Я посмотрела на него и спросила, кожей чувствуя тепло его магии, словно дыхание:

— Что оно делает с чистокровными людьми?

— Под его действием воин-сидхе споткнулся в снегу. Бидди дезориентирована и будет бесполезна в битве.

Холод вглядывался в темноту, как и цепочка прочих стражей. До меня долетел его голос:

— Нам что, надо ждать прямой атаки?

— Кто же решится напасть на человеческих стражников? — вслух изумился Аматеон. Он просто рвался наружу, в этот холод; наверное, думал — что угодно, лишь бы подальше от королевы. Но я снова припомнила, что он веками был подручным Кела. Могут ли несколько проявлений чести и доброты стереть века такой зависимости? А будучи так близок к Келу, он наверняка повидал те ужасы, о которых говорили женщины гвардии Кела, так ведь? Я сделала мысленную пометку порасспрашивать его позже, в присутствии Дойла и Холода. Онилвин остался внутри холма: он еще не оправился от побоев, полученных от меня и Мэгги-Мэй. Раны от холодного железа даже у сидхе заживают с человеческой скоростью. Ему я не доверяла вовсе. Аматеону я начинала доверять — неужели я ошиблась? Хотя уже сам вопрос говорил, что я ему не доверяю, не вполне доверяю.

— Действительно, кто? — повторила я, борясь с желанием посмотреть на Аматеона: я могла выдать языком тела, что раздумываю, не он ли это.

То ли я себя все-таки выдала, то ли он почувствовал опасность, но он сказал:

— Я поклянусь чем угодно, что ничего не знаю об этом.

— Ты сказал, что утратил честь, — напомнил Адайр. — Мужчине без чести нечем клясться.

— Довольно, — оборвал их Дойл. — Никаких склок между собой, в особенности перед людьми.

— Дойл прав. Обсудим это позже. — Я подняла взгляд на Дойла и спросила: — Ты можешь снять чары, чтобы они не перебросились с нас на полицейских?

— Да.

— Ну так действуй.

— Ты разозлилась, — удивился Гален.

— Мне уже надоел тот, кто все это проделывает. Я устала от этих игр.

— В чем-то это хороший знак, — заметил Дойл.

Я оставилась на него:

— Что ты имеешь в виду?

— Похоже, что убийца боится человеческой полиции, боится, что люди сумеют его найти. — Он засунул перчатки в карман и откинул с меня капюшон. Холодный воздух хлестнул по лицу, и я вздрогнула.

— Боюсь, что тебе станет еще холоднее, пока я не закончу.

Я кивнула.

— Убери с меня эту гадость, и я согреюсь.

Он распахнул мой плащ. Холод рванулся под полы, крадя сбереженное мехом тепло. Я изо всех сил старалась не дрожать, пока он вел вдоль меня руками, не притрагиваясь даже к одежде. Его сила трепетала над моей аурой, и казалось, что он что-то с меня соскребает, а может, смахивает, как мелких насекомых.

Он поднял руки кверху, сложив ладони ковшиком. В ладонях вспыхнуло едко-зеленое пламя. То самое причиняющее нестерпимую боль пламя, которое как-то пожирало тело человека у меня на глазах. Оно могло убить смертного или довести бессмертного до безумия жуткой болью. Сейчас Дойл воспользовался им, чтобы уничтожить прилипшее ко мне заклинание.

Из-за спины прозвучал голос Риса:

— Что тут у вас? — Он держал пистолет в руке, но руку опустил вниз, так что полицейским, наверное, не было видно оружия. Рис разглядел зеленый огонь и спросил с новым беспокойством: — Так, что я пропустил?

Гален ответил ему:

— Кто-то наложил чары на Мерри.

— На двоих, обладавших примесью человеческой крови, — поправил Холод.

— Оно перешло бы на полицейских, — прибавил Дойл. Зеленый огонь угас, и ночь сделалась чуть темнее. Дойл повернулся к Бидди, обмякшей в руках Никки. — Отпусти ее, Никка.

— Она упадет...

— На колени и в снег. Ей не будет больно. — Тон Дойла был поразительно мягким.

Никка не мог решиться. Его крылья распахнулись и сомкнулись снова.

— Все хорошо, Никка, — тихо, слегка неровно проговорила Бидди. — Дойл мне поможет.

Готорн подошел к ним и мягко вынул Бидди из рук Никки.

— Пусть капитан поможет твоей леди.

Никка позволил оттащить себя, но когда Бидди повалилась в снег, рванулся ей на помощь, и только Готорн и Адайр, стоявшие по бокам, не дали ему подхватить ее еще до того, как ее колени коснулись сугроба.

Рис присвистнул.

— Для наших славных полисменов это плохо бы кончилось.

— Да, — подтвердил Дойл, становясь в снег коленями. Полы длинного плаща разметались черным облаком на снежной белизне. Он провел руками вдоль Бидди, как прежде вдоль меня, но на уровне живота приостановился.

— Кто-то сумел наложить чары, когда на ней столько металла... — Он покачал головой: — Это говорит о большой силе.

— Или о смешанной крови, — заметила я. — Те, у кого в жилах есть кровь брауни, людей или еще одной-двух разновидностей живых существ, могут лучше управляться с

металлами к магией, чек чистокровные сидхе.

У него дернулся уголок рта.

— Спасибо за напоминание, ты совершенно права.

— Ты можешь проследить чары до их создателя? — спросила я.

Дойл наклонил голову набок, как это делают озадаченные чем-то собаки.

— Да. — Его руки замерли над телом Бидди. — Я могу их просто снять, но если я добавлю к ним собственной силы, я заставлю их полететь обратно к чародею.

— То есть ты не просто увидишь след заклятия, а само заклятие полетит к своему создателю? — спросил Рис.

— Да.

— У тебя такое давно не получалось, — сказал Холод.

— Теперь получится, — ответил Дойл. — Я чувствую это сердцем, руками, всем нутром. Мне нужно только снять закливание и добавить к нему своей магии в момент, когда оно освободится. За ним придется бежать, чтобы не выпускать из виду, но у меня получится.

— Кто пойдет с тобой? — спросил Холод. — Я должен остаться с принцессой.

— Согласен.

— Я пойду, — сказал Усна. — Ни одна собака не обгонит кота.

Дойл свирепо ухмыльнулся ему в лицо:

— Решено.

— Я тоже пойду. — Это сказала Кабодуа, когда-то богиня войны, сейчас — ренегат гвардии Кела. На ней был плащ из черных перьев, и ее тонкие черные волосы сливались с плащом, а если смотреть на нее искоса, уголком глаза, волосы тоже представлялись перьями. Она была Кабодуа, черная ворона войны, и хоть сила ее измельчала, она одна из немногих при дворах сохранила прежнее имя. По слухам, Кел не слишком ее обижал — потому что боялся. Догмэлу, что, закованная в броню, стояла рядом с ней, прозвали собачкой Кела, потому что ей доставались все мерзкие поручения, какие он только мог придумать. Она публично отказала ему в сексе, и он ей этого не простил. Кабодуа сделала то же самое, но не слишком пострадала. Что-то в ней, стоявшей в снегу — сплошная чернота и перья, окруженные аурой... мощи, наверное, — было такое, что мужчина и похрабрее Кела сильно бы задумался.

— Думаешь, угонишься за нами, птичка? — ухмыльнулся Усна.

Она одарила его улыбкой, способной заморозить чье угодно веселье.

— Не беспокойся обо мне, киска, не я буду тащиться позади.

Усна рыкнул по-кошачьи:

— Помни, кто здесь хищник, птичка!

Ее улыбка стала шире, глаза наполнились свирепой радостью.

— Я, — заявила она.

— Мы все, — отрезал Дойл. — Сбереги ее, Холод.

— Не беспокойся.

— О, на меня не смотрите, — взмахнул руками Рис. — Мне не угнаться за вашей погоней, и, видимо, безопасность принцессы мне тоже нельзя доверить.

— Помоги ей в разговоре с людьми, Рис. — Дойл бросил взгляд на Усну и Кабодуа. — Готовы?

— Да, — сказала Кабодуа.

— Всегда готов, — ухмыльнулся Усна.

Дойл повернулся к Бидди.

— Это может быть больно.

— Давай. — Она собралась с духом, ладонями зарылась в снег.

Дойл согнул пальцы, так что они показались черными когтями на фоне ее серебряной кирасы. Бидди резко выдохнула. Его магия полыхнула даже сквозь щиты, которые я постоянно удерживала, не давая магии волшебной страны подавить все мои чувства. Аура Бидди, ее метафизическая броня, вспыхнула ярким светом. Дойл запустил руки в это сияние и вынул оттуда шар света — но свет был не чистого бело-желтого цвета ауры Бидди, он был темнее, болезненно-желтым с каймой оранжевых язычков пламени. Дойл свел ладони плотнее, пока оранжевые сполохи не стали пробиваться между его пальцами.

Он встал осторожно, словно держал налитую до краев миску обжигающе горячего супа, обошел стоящую на коленях Бидди, а другие стражи рассыпались в стороны, так что между Мраком и холмами не осталось ничего, кроме снега.

Усна и Кабодуа встали по бокам от него. Усна сбросил длинный плащ и стоял в кожаном костюме, пар клубился у его рта, на лице — нетерпение, глаза светились от предвкушения. Лицо Кабодуа было словно изваяно из мрамора — прекрасное, точеное, холодное. Она не то что не сняла свой плащ, она закуталась в него еще плотнее. Я вдруг заметила, что ее дыхание не образует пара. У меня была секунда, чтобы удивиться этому, а потом Дойл вскинул руки к небу, и пламя превратилось в птицу — в сокола из рыже-красного огня. Птица взмахнула сияющими крыльями раз, другой, набирая высоту. Дойл расстегнул длинный черный плащ и дал ему соскользнуть в снег, снял оружие и побросал туда же. Сокол еще дважды взмахнул крыльями и высокомерно глянул на нас огненными глазами, словно говоря: "Не вам за мной гоняться!" И пропал из виду, мелькнув огнем в ночном небе, словно комета размером с детский мячик.

Дойл просто исчез вслед за ним. Я знала, что он побежал, но это было все равно что уследить за приходом тьмы. Никогда не увидишь момент, когда она настает. Дойл превратился в высокую черную тень, несущуюся по сугробам. Кабодуа держалась вровень с ним, хотя она вроде бы даже не бежала. Ее длинный плащ из развевающихся перьев словно плыл над снегом, и она плыла внутри него. Усна отставал от них обоих, но не намного. Он бежал грациозно и сильно, и его разноцветные волосы сияли в свете звезд, искрясь, как снег.

— Работку он выбрал не по плечу, — хмыкнул Рис.

— Да, — сказал Холод. — Невозможно обогнать мрак.

— А гнев летит быстрее ветра, — добавила Догмэла.

— Гнев? — переспросила я.

— Она — черная ворона битвы. Она — тот гнев, та злость, что заставляет мужчин бросаться в драку.

— Она начинает битву, а потом питается ею, — добавила Бидди, которой Никка помогал подняться на ноги.

— Так было когда-то, — возразил Холод, — но не теперь.

— Ты так думаешь, — сказала Догмэла. — Но Кабодуа по-прежнему рада хорошей ссоре, не ошибись, Убийственный Холод. Она устает от долгого мира.

— У нас нет мира, — нахмурился Холод.

— Может быть, — согласилась она, — но и войны нет тоже.

— Будем надеяться, что нет, — вмешался Рис. — А теперь ребята, давайте пойдем поболтаем с милыми полисменами пока они не отморозили себе значки.

— Значки? — удивилась Догмзла. — Это теперь яйца так называются на новом жаргоне?

Рис широко ухмыльнулся.

— А когда мы подойдем к ним, они все достанут свои значки и покажут их принцессе.

Мы с Холодом хором сказали:

— Рис!

— Какой странный обычай, — заявила Догмэла.

Чувство юмора у нее практически отсутствовало. Она все понимала буквально. Когда-нибудь Рис с ней нарвется. Я объяснила ей, в чем дело, пока мы шли к парковочной стоянке. Она наградила Риса убийственным взглядом. Он послал ей в ответ ангельскую улыбку.

— Следи за своим поведением, — шепнула я ему.

— Я слежу. Еще как слежу, — тихо ответил он. — Вот поговоришь с главным фэбээровцем и поймешь, что я просто святой.

— Почему?

— Потому что он все еще цел.

Я посмотрела на стража, пытаюсь понять, не дразнит ли он и меня. По лицу было видно — нет. Насколько невыносимым может быть всего один фэбээровский агент? Ладно, сейчас узнаем.

Полицейские — на все запросы и вкусы — стояли на декабрьском морозце. Может, кто-то из них сидел в машине, чтобы не совсем замерзнуть, и вышел только завидев нас, но все они производили впечатление людей, уже давно стоявших на холоде. Почему же они не сидели в обогреваемых машинах? Да потому, что их начальники мерзли снаружи. Не положено сидеть в тепле, когда твой начальник загребает ботинками снег. Площадку для парковки от снега очищали, но его, видимо, снова нанесло ветром.

Майора Уолтерса я узнала по росту и широченным плечам. Человек, едва не упирившийся в него носом, был минимум на пять дюймов ниже, и я его не знала. Но я бы поставила кругленькую сумму на то, что он из ФБР. Судя по тому, как он орал на Уолтерса, наверняка глава здешнего отделения.

Когда я запретила приезжать особому агенту Рэймонду Джиллету, я не упомянула, чтобы он не присылал людей. В следующий раз, говоря с ним, буду внимательней.

Рис попытался привлечь внимание спорящих, но удалось это только Холоду.

— Принцесса Мередит Ник-Эссус! — провозгласил он, и слова эхом раскатились в неподвижном морозном воздухе.

Спорщики замолкли на полуслове и повернулись к нам с удивленными минами, словно успели забыть, кого ждут, а потом попытались заговорить одновременно.

Я вскинула руки, выпростав их из плаща.

— Господа, господа, по очереди, пожалуйста.

Оба решили, что их очередь — первая. Ладно. Я определила порядок сама.

— Майор Уолтерс, почему вы все еще здесь, а не в холме? — Любезность из меня так и лилась.

Он ткнул пальцем в сторону второго мужчины.

— Он не дал нам и шагу ступить за пределы парковки. Говорит, это федеральная земля, а значит, им и разбираться с этим делом.

С той же улыбкой я повернулась к упомянутому фэбээровцу:

— Вы?..

— Особый агент Джон Маркес. — И он отвесил настоящий поклон. — Такая честь встретиться с вами, принцесса.

Я попыталась не засмеяться. Поклон был уж слишком хорош.

— Хотела бы я сказать то же самое, особый агент Маркес.

Его смуглое красивое лицо стало недоумевающим.

— Мы чем-то оскорбили вас, ваше величество?

Я покачала головой.

— Так обращаются только к правящим особам, а я еще не правлю двором. Я позвонила майору Уолтерсу и просила его привезти криминалистов, но ФБР я не вызывала, а потому несколько удивлена вашим прибытием.

— Страна фейри — это федеральная земля, принцесса, а значит, расследованием преступлений должны заниматься мы, как я уже указал майору.

— О, но формально эти земли принадлежат фейри, и ни вы, ни полиция не обладаете здесь юрисдикцией.

Маркес снисходительно улыбнулся.

— Но вы обратились за помощью к полиции, а поскольку ваши холмы расположены на федеральной земле, это значит — к нам.

— Только если мы обратимся непосредственно к вам, — возразила я, — а до такого обращения это лишь наше дело.

— Но вы и обратились к нам, принцесса. Особый агент Джиллет принял ваш звонок и переадресовал его местному отделению.

Об этом я догадывалась, но получить подтверждение догадке все равно было неприятно.

— Я позвонила Джиллету из любезности и в память о прошлом. Теперь мне ясно, что звонить ему вовсе не стоило.

— И все же мы здесь, и возможности наших криминалистов несравненно выше, чем у местного отделения полиции.

От группы местных полицейских отделилась женщина. Ее светлые волосы были чуточку слишком золотистыми для человеческих волос, если только они не крашенные. Милое личико скрывали темные очки, и нужно было приглядеться, чтобы различить за ними большие глаза с длинными ресницами.

— Я — доктор Каролина Поласки, главный судмедэксперт округа Сент-Луис, и я с вами не согласна.

— Вашу лабораторию с нашей не сравнить, — отмахнулся Маркес.

— Я знаю, о чем говорю. Я проходила у вас интернатуру.

— Интернатуру? Проходили-проходили и не прошли?..

Она посмотрела на него с явной неприязнью:

— А вы гляньте у себя в архивах. Я ушла потому, что моему мужу предложили в этом городе работу получше, а мне — руководство лабораторией. У вас я бы так и осталась у начальства на подхвате.

— У нас вы на руководителя не тянете по квалификации.

Мне это толчение воды в ступе надоело.

— Довольно, — прервала я спор.

Они посмотрели на меня.

— Вы хотите выяснить, кто здесь главный и на ком лежит ответственность, об этом вы спорите?

Поласки и Маркес кивнули, Уолтерс молча смотрел на меня.

Я улыбнулась.

— Это просто, господа и дамы. Главная — я, и ответственность — на мне.

Маркес одарил меня взглядом, даже в сумерках совершенно ясно говорившим, что я — всего лишь маленькая девочка и мне не стоит лезть в игры больших мальчиков.

— Но, принцесса, ваш звонок показал, что вы не считаете себя или своих людей способными справиться с расследованием двойного убийства.

— В этом расследовании решения принимаю я, агент Маркес. Я рада вашему предложению помощи и с благодарностью его приму, но между нами не должно быть недопонимания. — Я посмотрела на Уолтерса и на медэксперта тоже: — Решения принимаю я, и если кто-то с этим не согласен, ноги его не будет в наших холмах.

Маркес принялся спорить, как я и ожидала.

— Вы не входите ни в одну из полицейских структур, принцесса. Не хочу вас обидеть, но этим расследованием должен распоряжаться кто-то посерьезней частного детектива.

— Моя лицензия частного детектива недействительна за пределами южной

Калифорнии, агент Маркес.

— Значит, вы не обладаете юридическим статусом, чтобы заведовать расследованием.

Я так резко шагнула к нему, что он невольно попятился. Я посмотрела на этого мужчину, всего несколькими дюймами выше меня, и дала ему хорошенько разглядеть нежный овал моего лица, обрамленного пушистым мехом.

— Не обладаю статусом, Маркес? Я — принцесса Мередит Ник-Эссус. Единственная особа, стоящая выше меня, — это сама Королева Воздуха и Тьмы. Вы и ваши люди находитесь здесь благодаря моему терпению, и мне кажется, что я вытерпела уже достаточно.

— Вы же не прогоните всех прочь только потому, что я задел ваши чувства?

О Богиня, кажется, он начал прозревать.

— Не всех. Я возьму с собой майора Уолтерса и его людей и позволю им заняться делом.

— А когда они его провалят и вам понадобится наша помощь — вы можете ее не получить, принцесса.

А помощь нам могла понадобиться. Я надеялась, что обойдется, но кто может знать заранее? У меня возникла идея. Я повернулась к Уолтерсу:

— У вас есть сотовый телефон?

Он протянул мне трубку, хоть и несколько неуверенно.

— Можно мне сделать междугородный звонок?

— Куда вы собираетесь звонить?

— Вашингтон, округ Колумбия.

Уолтерс глубоко вдохнул.

— Прошу.

Номер я заранее узнала у секретаря королевы. Я надеялась, что использовать его не придется, но в Лос-Анджелесе я повидала достаточно подобных разборок и знала, что копы и фэбээровцы могут принести делу больше вреда, чем пользы, если перегрызутся серьезно. Маркес затевал серьезную грызню.

Услышав мое первое приветствие и просьбу, Маркес выпалил:

— Вы же не звоните президенту Соединенных Штатов?!

— Нет, — сказала я, ожидая соединения, — не ему.

Маркес еще больше нахмурился.

В трубке прозвучал женский голос, и я улыбнулась:

— Как приятно снова вас слышать, миссис президент.

Брови Маркеса взлетели выше лба.

Я впервые встретила с Джоанной Биллингс, когда ее муж был сенатором. Они приехали на похороны моего отца, и их сожаления звучали искреннее, чем у всех прочих политиков. Позже сенатор Биллингс и его жена несколько раз бывали с визитами в волшебной стране, и я уяснила, что Джоанна Биллингс — фейрифилка. Мой отец учил меня не пренебрегать возможными политическими выгодами, а кроме того, Джоанна мне нравилась. Она не попала под влияние негативного мнения прессы о Неблагом Дворе и отзывалась о нас положительно при каждом удобном случае. Мы обменивались открытками по праздникам, и я настояла, чтобы ей послали персональное приглашение на мою помолвку с Гриффином, на публичное празднование. Она даже как-то навестила меня в колледже, одна, без мужа, просто чтобы узнать, как мои дела. Тогда они с мужем уже пытались

привлечь к себе молодых избирателей, и фотография Джоанны с юной американской принцессой эльфов не была бы лишней. Я это понимала и не стала из-за этого относиться к ней хуже. Я пригласила их на церемонию окончания колледжа, и они оба приехали. Несколько раз мы проводили совместные фотосессии, и в последний раз перед своим трехлетним исчезновением я появлялась как раз у них на предвыборном собрании.

После первых дежурных фраз она сказала:

— Я думаю, в такое время вы звоните не для поддержания знакомства?

— Вы правы. — Я коротко обрисовала ей ситуацию.

Секунду или две она помолчала, потом спросила:

— Чего вы хотели бы от меня?

Я пересказала ей наш с Маркесом диалог и добавила:

— Он угрожал, что, если я сейчас не допущу его к делу, он постарается, чтобы ФБР нам вообще не стало помогать, если такая помощь нам понадобится. Не могли бы вы замолвить ему за нас словечко?

Она засмеялась.

— Вы могли действовать по дипломатической линии, могли позвонить вашему послу. Вы могли позвонить десятку разных людей, но вы позвонили мне. Вы ведь мне первой позвонили?

— Да, — подтвердила я.

Она снова засмеялась: я знала, что ей это понравилось. И еще я знала, что ей понравилось, что я не попросила ее поговорить с мужем.

— Передайте ему телефон, — предложила она, и в голосе ее уже появились те мягкие, почти мурлыкающие интонации, с которыми она выступала на радио или телевидении.

Я подала трубку Маркесу. Он уже слегка сдулся. Его участие в разговоре свелось преимущественно к: "Да, мэм. Нет, мэм. Конечно, нет, мэм". Он отдал мне трубку с видом одновременно злобным и тоскливым.

— Думаю, теперь он будет любезней, — сказала она.

— Благодарю от всей души, Джоанна.

— Не забудьте пригласить меня на помолвку, когда наконец выберете жениха. — Она на миг смолкла, потом добавила: — Так грустно получилось с Гриффином... Я видела те снимки, что он передал репортерам. У меня не хватает слов, чтобы выразить, как мне жаль, что он оказался таким подлецом.

— Я это пережила.

— Вот и хорошо.

— И вы получите приглашения и на помолвку, и на свадьбу. Она рассмеялась с искренним удовольствием:

— На свадьбу соберется весь фейриленд! Ох, не могу дождаться!

— Спасибо вам, Джоанна.

Закончив разговор, я повернулась к Маркесу.

— У вас есть еще вопросы, особый агент Маркес?

— Нет, спасибо. Думаю, на сегодня с меня хватит того, что я уже узнал, принцесса Мередит, — сказал он и наградил меня взглядом, сообщившим мне, что я приобрела новой) врага. Боже ты мой, враг, который не стремится меня убить! Это было почти приятно.

— Я могу обратиться к вам и воспользоваться вашей лабораторией, если возникнет такая необходимость? — спокойно спросила я.

— Я обещал миссис Биллингс, что мы вам поможем.

— Прекрасно, — сказала я и повернулась к майору Уолтерсу. Он изо всех сил пытался не выдать свое удовлетворение — да где там! Он просто сиял. Копам вечно достается по шапке от фэбээровцев. На этот раз дубинка перешла в другие руки, и Уолтерс этим наслаждался. Он дотерпел, пока мы скроемся с глаз фэбээровцев за снежной пеленой, и только потом зашелся смехом. Железный самоконтроль.

Холод приложил ладонь к заснеженному склону холма и вызвал дверь. Проем в холме возник с мелодичным звоном, от которого полицейские дружно улыбнулись, не исключая даже майора. В дверь, ведущую в страну фейри, все смертные входят с улыбкой, а вот выходят по-разному. Внутри холма лежал человек, которого отсюда вынесут в черном пластиковом мешке.

Дверь широко растворилась и вспыхнула светом, хотя свет вообще-то был тусклым, я это знала. Он только казался ярким нашим глазам, привыкшим к завьюженной темноте.

Полицейские ввалились в сумрачный коридор и заахали от восторга. Полицейские не выказывают восторга. По крайней мере те, которые уже достаточно долго полицейские. Лучше всего у копов получаются усталый цинизм и вечная скука: бывали, видали, нет-сувениров-не-надо.

Один из копов воскликнул:

— О Господи, какие изумительные цвета!

Стены были голые и серые. Простой камень. Никаких красок.

Майор Уолтерс глазел на эти стены, словно на лучшее зрелище в мире. На всех лицах были написаны восторг и изумление. Кто-то охал и ахал вслух, как при залпах фейерверка. Мы со стражами тупо смотрели на серый камень.

— Рис, ты не забыл предложить нашим гостям бальзам?

— Репортерам он не понадобился, — проворчал он. — Откуда мне было знать, что крутые полицейские и проницательные ученые окажутся менее устойчивы к магии холма?

— Так не должно быть, — нахмурился Холод.

— Почему? — спросила я.

— Королева и вправду дала нам склянки с бальзамом на случай, если кто-то из репортеров поддастся природной магии ситхена, но это всего лишь предосторожность. Главные коридоры ситхена больше полувека на людей так не действовали.

— Так, — сказала я, глядя на этих людей, глазающих на стены коридора, как зеваки на карнавал. — Не знаю, в чем тут дело, но это надо прекратить, или от них толку не будет. К полицейской службе они в таком виде непригодны.

— Кто-то навел чары? — спросил Арзель, откидывая темный меховой капюшон с обрамленного роскошными каштановыми кудрями лица. Кудри спадали до колен, и удерживал их густую массу только тонкий серебряный обруч. На Арзеле красовались жесткие кожаные доспехи, здесь и там прошитые серебром. Тело под доспехами было разрисовано под звериную шкуру, примерно так же, как тело Никки прежде было украшено рисунком крыльев. Рисунок выглядел так натурально, что рука тянулась погладить несуществующий мех. Лицо и большую часть тела спереди рисунок не затрагивал, и кожа там была белой словно лунный свет, как и моя собственная. По контрасту золотисто-коричневый мех казался темнее. В доспехах и плаще Арзель мог бы сойти за человека, если бы не глаза. Цвет глаз — красновато-карий — мог бы быть человеческим, но не был. У него были глаза не человека и не сидхе, а животного. Как-то раз я увидела в книге иллюстрацию: глаза медведя крупным планом, на весь разворот. Глядя на снимок, я поняла, чьи глаза смотрели на меня с лица Арзеля.

— Это не заклятие, — сказал Холод. — Мы бы почувствовали.

Арзель кивнул.

— Ты проверил?

— Да.

— И я тоже, — прозвенел колокольчиками на ветру голос Кристалла. Его лицо еще скрывалось под капюшоном белого платя.

— Намажьте их бальзамом, — распорядилась я. — Уши, глаза, губы, руки — рабочие органы.

— Рабочие органы? — переспросил Арзель.

— Принцесса имеет в виду, что нужно позаботиться, чтобы магия ситхена не помешала им выполнять свою работу, — объяснил Рис, расстегивая плащ и доставая маленькую глиняную бутылочку из внутреннего кармана пиджака.

Подойдя к доктору Поласки с уже откупоренным бальзамом, Рис попросил ее снять очки, но женщина будто не слышала — а может быть, действительно не слышала. Рис осторожно снял с нее очки. Она моргнула, когда он притронулся к ее веку.

— Чтобы видеть правду, — произнес он.

Женщина отпрянула от него и воззрилась на стену. Оглянувшись вокруг, она в ужасе закрыла глаза руками:

— Господи, господи, что это со мной?

— Сейчас я намажу второй глаз, и вам станет лучше, — сказал Рис. — Только не открывайте глаза, пока я не закончу.

Он отвел ее руки от лица, глаза она плотно зажмурила. Рис коснулся другого века и повторил:

— Чтобы видеть правду.

Он откинул ее волосы от ушей и обвел бальзамом по изгибу уха, потом второго, со словами: "Чтобы слышать правду".

— Музыка прекратилась, — сказала она, и из-под сжатых век показались слезы.

Рис дотронулся до ее губ:

— Чтобы правдиво говорить о том, что узнаете.

Он повернул ей руки ладонями кверху.

— Чтобы осязать правду.

Потом встал на колени и обвел верх ее обметанных снегом сапожек:

— Чтобы идти верно и различать дорогу.

Он поднялся и напоследок коснулся ее лба:

— Чтобы верно думать и узнавать правду.

Он не просто коснулся ее лба, он начертил защитный символ. На миг магия вспыхнула холодным светом, обрисовав круги и спирали на лбу женщины, и тут же растворилась в коже.

Полицейская моргнула и огляделась вокруг с таким видом, словно не совсем понимала, где находится.

— Да что же это такое?!

— Добро пожаловать в волшебную страну, доктор Поласки, — сказал Рис и подал ее очки.

Холод дал мне бутылочку.

— Это Дойла, он ее оставил за ненадобностью.

Я взяла бутылочку и подумала, где сейчас Дойл и что он выяснил.

— Мне стало бы полегче, если бы Доил или кто-то из них с нами связались.

— Мне тоже, — откликнулся Холод, приступая к обработке Уолтерса.

Я повернулась ко второй и последней женщине в группе. Она была немногим выше меня, почему я ее и выбрала. Когда я сняла с нее шапку, под ней обнаружились прямые каштановые волосы, завязанные в хвост, немного растрепавшийся под вязаной шапочкой. Глаза у нее были шоколадно-карие, лицо треугольное, нежное и довольно хорошенькое, но я в последнее время слишком пригляделась к сидхе. На мой взгляд она казалась будто незавершенной, словно ей, чтобы выглядеть настоящей, нужны были глаза или волосы другого цвета. Я попросила ее:

— Закройте глаза.

Она меня не услышала, но ее внимание привлекали не стены. Она смотрела на Холода, смотрела, как он притрагивается к лицу майора Уолтерса. В конце концов я все же мазнула по ее незакрытому верхнему веку, и она отшатнулась прочь.

— Доктор Поласки, не могли бы вы убедить ее постоять смирно? — спросила я. Женщина была из группы криминалистов, не из копов. Поласки подошла к нам и сказала:

— Кармайкл, это вам поможет. Закройте глаза и дайте принцессе вас намазать.

С видимой неохотой Кармайкл все же подчинилась приказу своей начальницы. Она вздрагивала под моими пальцами, как нервная лошадь, кожа дергалась. Когда я закончила с руками, она стала поспокойней и вроде бы совсем успокоилась, когда я обработала туристские ботинки под мокрыми отворотами джинсов. Когда я потянулась ко лбу девушки, ее голос был совсем нормальным.

— Если можно, нарисуйте крест, — попросила она.

— Крест не годится, — сказала я, рисуя у нее на лбу нечто гораздо более древнее.

Она распахнула карие глаза.

— То есть как не годится?

— Мы не зло, Кармайкл, мы просто другие. Вопреки общему мнению святые символы не составляют препятствия для нашей магии. Примерно так же, как поднятый крест не защитит вас от молнии.

— Ох... — Она казалась смущенной. — Я не хотела вас обидеть.

— Вы не обидели. Церковь столетиями пыталась нас очернить. Но если вам понадобится когда-нибудь защита от фейри, то чем молиться, лучше выверните куртку наизнанку. Вреда от молитвы не будет, но вот пользы будет больше от куртки.

Я дорисовала последний завиток и сделала шаг назад.

— А чем поможет выворачивание куртки наизнанку?

— Волшебство чаще всего видит лишь то, что на поверхности. Измените поверхность — и магии будет трудно вас найти.

— Почему? — спросила она.

— Ну, если маг действительно вас знает и никогда не пытался вас одурачить, выворачивание куртки не поможет.

— Никогда не пытался одурачить — это как?

— Никогда не пытался притвориться кем-то другим.

— Ох, — снова сказала она.

Я видела, как восторг пропадает с людских лиц по мере того, как полицейских одного за другим намазывали бальзамом. Один полисмен заявил:

— А раньше мне больше нравилось. Теперь вокруг один унылый камень.

— А откуда берется свет? — спросила Поласки.

— Никто точно не знает, — ответила я.

— Я думала, что бальзам нужен для того, чтобы все выглядело обычным, — вдруг сказала Кармайкл.

— Так и есть, — подтвердила я.

— А почему тогда он по-прежнему так чертовски красив? — Она указала на Холода.

Я усмехнулась, глядя, как на лицо стража напалзает высокомерный холод. От этого он не стал ни на каплю менее красив. Богиня исключила такую возможность.

— Может быть, не совсем верно говорить "обычным", — сказала я. — Бальзам помогает увидеть то, что существует в реальности.

Кармайкл мотнула головой.

— Он не может быть таким в реальности. У него волосы серебряные — не седые, не белые, они металлические. Волосы не бывают серебряными.

— У него это натуральный цвет волос, — улыбнулась я.

— А нам всем как — стоит обидеться? — поднял бровь Рис.

— Может, тебе и стоит, — усмехнулся Иви, — но многих из нас ей просто не видно под этими плащами.

Он откинул капюшон плаща и размотал шарф, закрывавший большую часть его лица. Лицо Иви было узковато на мой вкус, и плечи недостаточно широки, но его светло-зеленые волосы были украшены ветвями и листьями плюща, словно кто-то решил отобразить на волосах его имя^[13]. Когда волосы бывали распущены, они казались шелестящей на ветру листвой. И поразительной, глубокой была изумрудная зелень его глаз. Если с детства вас не окружали люди с многоцветными глазами, эта пронзительная зелень стоила одного-другого взгляда. Во всяком случае, по мнению Кармайкл, потому что ее взгляд так и прилип к стражу.

Кристалл тоже откинул плащ, открыв волосы, которые в неярком свете коридора тут же вспыхнули радугами, словно каждый волосок был хрустальной призмой, преломлявшей свет. Кожа у него была белее, чем моя, настолько белая, что казалась ненатуральной. Плащ, только чуть темнее этой кожи, он перекинул через плечо, выставив голую руку. Я на миг задумалась: а что же на нем надето под этим плащом, кроме сапог? Его рука сияла на свету будто белый металл. Живое тело так блестеть не может.

Взгляд женщины метнулся к нему, будто притянутый магнитом.

— Прекратите все: — велела я. — Оставьте ее в покое.

— Я с ней ничего не делал, — обиженно заявил Холод.

Я посмотрела в его надменное лицо и поняла, что он сам в это верит. Я знала, что он никогда до конца не поймет, насколько он на самом деле красив. Века, когда королева отвергала и презирала его, оставили неизгладимые шрамы на моем Убийственном Холоде.

Я потрепала его по руке и повернулась к Рису:

— Поскольку ты и Арзель производите на нее не такое сильное впечатление, кто-то из вас должен быть ее проводником.

— И я, — сказал Гален.

Я удивленно на него посмотрела.

Он иронически улыбнулся:

— От меня у нее глазки тоже не загораются.

— Кого из нас ты к ней приставишь? — Рис покачал головой, глядя, как Кармайкл

поворачивается от одного мужчины к другому. Выражение у нее было чем-то средним между восторгом ребенка, впервые попавшего в кондитерскую лавку, и отчаянным испугом зверька, окруженного стаей хищников.

— Выбери сам, Рис. Ты отвечаешь за безопасность полицейских внутри холма.

— Я, не Холод?

— Он отвечает за *мою* безопасность, пока не вернулся Дойл. — Говоря это, я снова подумала, где сейчас мой Мрак, куда завело его заклинание.

Холод словно прочитал мои мысли:

— Я пошлю кого-нибудь посмотреть, где он.

Я кивнула.

— Гален! — позвал он. — Найди Дойла и узнай, что он обнаружил.

Я едва не возразила. Если Дойл, Усна и Кабодуа столкнулись с превосходящим противником, Галена не хватит для того, чтобы восстановить равновесие. По крайней мере я этого опасалась.

Я уже набрала воздуху, чтобы что-то сказать, но Гален повернулся ко мне с довольно грустной улыбкой.

— Все хорошо, Мерри. Я сделаю все, чтобы вернуть его тебе в целости и сохранности.

Я открыла рот, и он приложил кончики пальцев мне к губам.

— Ш-ш-ш, — сказал он и наклонился поцеловать местечко, согретое теплом его пальцев. — Ты всему миру показала, как ты ко мне относишься. Этого достаточно. Я не претендую на обладание *всем* твоим сердцем.

Он убежал от нас трусой: ладонь на рукоятке меча, тонкая длинная косичка пляшет по спине.

— Гален! — крикнула я. Но он не оглянулся и исчез за поворотом коридора. Меня охватило предчувствие. Пророческого дара у меня никогда не было, но сейчас я почему-то так испугалась, что дыхание перехватило.

Я схватила Холода за руку:

— Его нельзя отпускать одного. Что-то не так. Вот-вот случится какая-то беда!

Холод не спорил и не раздумывал.

— Адайр, Кристалл, за ним!

Как только двое мужчин скрылись за углом коридора, мой испуг прошел. Я снова могла дышать. А в ту руку, которая еще оставалась под плащом, шлепнулось что-то тяжелое. Пальцы сомкнулись на литой металлической ножке чаши. Я отпустила Холода и сунула под плащ обе руки, чтобы удержать эту тяжесть. Раньше я не чувствовала, что чаша такая тяжеленная. Сила — это бремя.

— С тобой все хорошо? — спросил Рис.

Я кивнула:

— Да-да.

Я не хотела, чтобы все окружающие увидели, что я прячу под плащом, но я знала еще, что если мой внезапный испуг имел основания, то эти основания дала чаша. Она меня предупредила. Я все собиралась рассказать королеве о возвращении чаши, но подходящего момента никак не находилось. То есть это королева ни разу не находилась в здравом рассудке достаточно долго, чтобы начать с ней дискуссию на метафизические и политические темы. И вот у меня в ладони возникла чаша, а обычно это означало, что у реликвии есть какая-то цель. Она чего-то хотела, причем сейчас. Я что-то должна была

сделать. Если она просто хотела помочь Галену, она не лежала бы таким весом у меня на руке. Чаша была способна оказать магическую помощь и без физического присутствия. Так почему же она здесь очутилась? Что должно было случиться? Судя по напряжению у меня между лопатками, что-то скверное.

Я глубоко вздохнула и быстро показала Холоду и Рису краешек чаши, прикрывая ее от других своим плащом и шубой Холода. У Риса широко распахнулся его единственный глаз, а лицо Холода стало еще высокомерней и сердитей. Рис тут же превратил изумление в шутливую полуулыбку, которую он изображал, когда хотел скрыть свои чувства. Мне понадобились месяцы, чтобы разгадать истинное значение этой улыбки.

Радостный, полный многозначительной иронии возглас Иви дал мне понять, что он тоже заметил чашу. "Ой-ей", — сказал он. Я почти ждала, что он объявит о том, что углядел, на весь коридор, но он промолчал. Только мерил меня все тем же полным радостного изумления взглядом, словно придерживал про себя какую-то замечательную шутку.

Готорн и Аматеон стояли по бокам от него, и оба молчали. С бледного лица Аматеона отхлынула кровь. Глаза удивленно распахнулись, но не думаю, что кто-то, кроме меня и Холода, мог заметить это под капюшоном, который он снова накинул, чтобы не ошеломлять полицейскую своей красотой. Лицо Готорна скрывал шлем, было не понять даже, видел ли он чашу.

— В чем дело? — спросил Арзель.

— Ни в чем, — ответил Аматеон. — Я просто не знал, что принцесса владеет пророческим даром, только и всего.

Голос у него был чуточку сдавленным, но вполне спокойным, даже слегка скучающим. При дворах фейри не выживешь, если не умеешь скрывать свои чувства. Мы — скрытый народ и чаще всего носим это имя по праву.

Арзель склонил голову набок несколько недоверчиво, но ничего не сказал. Я не слишком хорошо знала Арзеля, но вряд ли он мог догадаться, что я скрываю чашу под плащом.

Кармайкл приблизилась к Иви, как подходят к прекрасной статуе в музее, — почти на цыпочках, боясь прикоснуться и испытывая непреодолимую тягу провести рукой по ее гладким, твердым изгибам. Замирая в ожидании крика зрителя.

— Кармайкл, — позвала доктор Поласки. — Кармайкл! — Она тронула молодую женщину за плечо, но, судя по результату, с тем же успехом могла потрогать стену.

— Рис, выбери ей другого сопровождающего вместо Иви, — попросила я.

Рис ухмыльнулся и вдвинулся между неуверенно протянутой рукой женщины и телом Иви.

— Андаис просто отрядила бы меня на его место. Приятно, когда королева делится властью.

— Она пока не королева, — напомнил Иви. В ярко-зеленых глазах еще светился смех, перекрывший его изумление.

— Что с ней такое? — спросил Уолтерс. Он пришел на помощь Поласки, взяв Кармайкл за вторую руку. Женщина им не сопротивлялась, но и не отводила взгляда от стражей.

— Эльфов шок, — ответил Рис.

— Эльфов шок? — удивился Уолтерс. — Но ведь для этого нужно переспать с кем-то из вас?

— Как правило, — согласилась я. — Но в нашей истории полно примеров того, как

люди замечали нас в просвете между деревьями в густом лесу и всю дальнейшую жизнь оставались очарованными фейри. — Я вздохнула, увидев, с каким выражением они все повернулись ко мне. — Клянусь, мне не приходило в голову, что кто-то из вас окажется таким восприимчивым к магии нашей земли.

— Принцесса права, — подтвердил Аматеон. — Прошли века с тех пор, как я видел, чтобы одно вступление на землю волшебной страны так очаровывало людей. — Он говорил это людям, но смотрел только на меня и на Холода, стоявшего у меня за спиной. В лице его теснилась сотня вопросов, на которые сказанное вслух только намекало. Если такого не случалось столетиями, то что изменилось? Я уже знала, что к сидхе возвращается сила, но не подумала, как это может отразиться на людях, которых я так легкомысленно пригласила внутрь холма. Что я наделала? И можно ли это исправить?

— Ей нужно уйти. Сейчас же, — сказала я.

Поласки уставилась на меня тяжелым взглядом.

— Что ваши люди сделали с Дженин?

— Ничего, абсолютно ничего, клянусь.

— На некоторых людей магия волшебной страны действует сильнее, чем на других, — взялся объяснять Рис, — но, как правило, не на полицию, не на тех, кто видел изнанку жизни. Повидавшие жизнь перестают верить в фей. — Он произнес это с улыбкой, но ему стоило труда не показать, насколько он был обеспокоен. Я видела его тревогу — а может, проецировала на него собственные эмоции.

— Кармайкл — не из искушенных, — сказала Поласки. — Она хороший работник, но кабинетный. — В ее лице отразились вина и боль. — Я не подумала, что ее нельзя сюда приводить.

— Мы тоже не подумали, — признала я. — Это не ваша вина. Никому из нас просто не пришло в голову, что всего лишь шаг за нашу дверь может так на человека подействовать.

— Это с ней насовсем? — спросил Уолтерс.

Я посмотрела на мужчин.

— Я о таком раньше только в легендах слышала. Так что, честно, я не знаю. Господа, кто-нибудь может точно ответить на вопрос майора Уолтерса?

— Совершенно точно? — переспросил Иви.

Я кивнула.

Он ответил с иронической ухмылкой, но я знала, что ирония обращена скорее на него самого:

— Тогда я не знаю.

— А что в этом смешного, черт возьми?

— Ничего, — сказал Иви. — Совсем ничего. Правда, мне понравилось восхищение леди, потому что я уже и не думал когда-нибудь снова увидеть в женских глазах столь мгновенно вспыхнувшую страсть.

Ирония растаяла, обнажив часть страдания, скрывавшегося за большинством шуток Иви, — страдание и печаль, будто некая глубокая рана перекроила всю его прежнюю сущность, и остались только язвительная ирония и эта печаль.

— Вы ненормальный, — заявила Поласки.

Лицо стража выразило одну из эмоций, еще оставшихся у него, — высокомерие.

— А как вы бы себя чувствовали, доктор, если бы когда-то были так прекрасны, что у мужчин при виде вас захватывало дух, а потом, в один ужасный день, они перестали бы

замечать вас вовсе? Цветок может быть прекрасен сам по себе, но человек никогда не бывает по-настоящему красив, пока не увидит отражение своей красоты в глазах другого человека.

Уолтерс подозвал одного из полицейских в форме:

— Отвези ее обратно в лабораторию, подальше от прекрасного народа.

— Миллер, поезжайте с ними, — распорядилась Поласки. — Отвезите Дженин домой, но не оставляйте одну. Оставайтесь с ней на всю ночь. С рассветом она может прийти в себя.

Я удивленно воззрилась на Поласки.

— Я читала кое-что об опасностях, грозящих при общении с вашим народом. Там не было никаких предостережений насчет неискушенных, а то я бы оставила ее в лаборатории.

— Невинные души всегда были к нам более чувствительны, — сказал Готорн.

— Она никогда не любила, — сказала я неожиданно для себя самой. — Но хочет любви.

Поласки странно на меня посмотрела.

— Откуда вы знаете?

Я пожала плечами, старательно придерживая плащ над чашей.

Иви наклонился к лицу Дженин:

— Будь осторожней с желаниями, маленькая: иногда получишь подарок и не знаешь, что с ним делать, когда снимешь ленточку. — И снова его слова были окрашены печалью.

Дженин Кармайкл расплакалась.

— Оставьте ее в покое! — прикрикнула Поласки.

— Я оставляю ее с печалью, доктор. Не с вожделением, не с весельем, не с красотой. Я сделал все, что в моих силах, чтобы, проснувшись, она помнила лишь печаль, как от дурного сна. Я хочу, чтобы она не запомнила ничего, что заставило бы ее снова искать нас.

— Вам нравится дергать людей за ниточки? — спросила Поласки.

Иви снова саркастически усмехнулся.

— Вы не первая это говорите, хотя, помнится, в последний раз женщина высказалась немного по-другому... Она сказала, что я сам дерганый.

Поласки смотрела на него, словно не могла понять, шутит он или только сказал еще одну горькую правду.

Мы ждали, когда полицейские к нам вернуться, проводив наружу свою очарованную коллегу. Это не должно было занять много времени, но коридор словно удлинился, и откуда-то появился поворот, скрывший дверь из виду. Вход в ситхен никогда на моей памяти не менялся...

— Похоже, ситхен решил обеспечить нам уединение, — заметил Холод.

Чаша под моим плащом заметно потеплела. Я выдохнула и молча кивнула. Мне не нравилось это внезапное появление чаши. Она усиливала магию, и со мной и стражами в ее присутствии происходили всякие странные и волшебные события. Чаша словно не желала дать мне спокойно заняться расследованием убийств... Вдруг она так резко дернулась, что у меня сбилось дыхание.

Готорн потянулся поддержать меня, но Холод перехватил его руку и коротко качнул головой. Не стоило делать этого открыто, когда вот-вот должны были показаться люди. Есть вещи, которые нам не хотелось бы объяснять полиции. И есть вещи, которые мы никому не могли бы объяснить.

Если бы все присутствующие чашу уже видели, говорить было бы проще, но часть стражей была не в курсе, так что нам приходилось изъясняться обиняками. Первым высказался Иви:

— Я целиком и полностью за расследование убийств. Но подозреваю, возвести принцессу на трон для нас важнее, чем играть в сыщиков.

Мне в бок выстрелил импульс силы. Волосы встали дыбом, и я повалилась на колени. Холод и Готорн не дали никому ко мне притронуться.

— Что случилось с принцессой? — взволнованно спросила Догмэла.

— И почему вы не позволяете ей помочь? — Это был Айслинг, все еще закутанный в плащ и шарф, так что из-под них виднелись только глаза. Он принадлежал королеве, а не мне, — и раньше, и сейчас. Цвета в его глазах располагались не обычными для сидхе тремя concentрическими кольцами, а по спирали вокруг зрачка. В детстве я как-то спросила его, как он может видеть такими глазами, он тогда улыбнулся и ответил, что сам не знает.

Мы с Холодом и Готорном переглянулись. Все остальные стражи смотрели на меня. Ждали моего решения.

Воздух наполнился ароматом яблоневого цвета, и меня до краев залило то ощущение мира, которое приходит только с молитвой. Я не была уверена, что поступаю правильно, но я поднялась и распахнула плащ, показав всем чашу в моих ладонях.

— Но это же... — начала фразу Догмэла.

— Не может быть, — выдохнул Айслинг.

— Но это она. — Иви смотрел на меня без малейшей иронии. Он покачал головой. — Она у тебя с того момента, как ты сюда вернулась?

Я кивнула.

— Как? — спросила Догмэла. — Как?..

— Она явилась мне во сне, а когда я проснулась, я ее увидела наяву.

Несколько стражей встряхнули головами, словно пытаясь очнуться.

Иви вдруг ухмыльнулся:

— Ты упала на колени, когда я предположил, что нам нужно стараться сделать тебя

королевой, а не играть в сыщиков.

Чаша в моих ладонях вздрогнула, и мое тело тут же среагировало. В одно мгновение кожа засияла белым светом, волосы образовали вокруг головы алый нимб, а глаза вспыхнули золотым и зеленым, так что на миг я поймала их отблеск боковым зрением. Сила исчезла так же мгновенно, как и пришла, и оставила меня с бешено колотящимся сердцем.

— М-м-м, — протянул Иви, — это было забавно.

— Ты просто хочешь ее трахнуть, — сказала Догмэла таким тоном, словно это было чем-то грязным. Необычное отношение к сексу среди фейри.

— Да, — охотно признал Иви, — но от этого мое предположение не становится менее верным.

— Полицейские вот-вот вернутся, — сказала я немного сбившимся после вспышки силы голосом.

— А когда они вернутся, ты полностью уйдешь в расследование, — проворчал Холод. — Что бы мы ни решили, это нужно делать сейчас.

Я посмотрела в его старательно холодные глаза.

— Ты хочешь сказать, что мне нужно взять тайм-аут от расследования двойного убийства, чтобы заняться сексом?!

Готорн рассудительно произнес:

— Я печалюсь о гибели Беатриче и репортера, но в чем-то Иви прав. Ни моя жизнь, ни жизнь моих соратников-стражей не изменится, если эти убийства останутся неразгаданными. А вот восхождение на престол принца Кела изменит множество жизней. — Он снял шлем, открыв заплетенные в косу волнистые волосы и зелено-розово-красные глаза. Он был красив, но все сидхе красивы. Никогда раньше я не думала, как он смотрится в сравнении с остальными стражами. Я как будто не видела его до сих пор по-настоящему, не замечала ни ясного лица, ни широких даже для сидхе плеч...

Я заметила краем глаза движение Холода.

— Мередит, что с тобой? — Его рука парила над моим плечом, как будто он хотел до меня дотронуться, но не решался.

Я оторвала взгляд от Готорна и почувствовала внезапное головокружение.

— Это чаша так действует?

— Готорн, — укоризненно произнес Холод, и единственного слова оказалось достаточно.

— Я не пытался ее околдовать! Только подумал, как бы хотел я получить то, что досталось Мистралю в том коридоре. Все, а не только глоток.

— Не могу тебя осуждать, — вздохнул Холод. — Но если твое желание так легко преобразилось в магию, то в том коридоре тебе перепал не один лишь глоток наслаждения.

— Я тоже мечтаю положить конец моему воздержанию, — вмешался Айслинг, — но перед нами — чаша! Как вы можете говорить о чем-то другом?!

— Наверное, я мечтаю сильнее, — буркнул Готорн. Аматеон пробормотал в глубоком раздумье:

— Чаша вернулась в руки Мередит. Как это могло случиться?

В его глазах, будто сделанных из цветочных лепестков, отражалась мучительная борьба.

— Хочешь сказать, сна не должна была выбрать для возвращения грязную полукровку вроде меня.

Он сглотнул так болезненно, словно давился годами предубеждений и предрассудков.

— Да, — выговорил он, скорее прошептал. Он упал на колени, словно ноги у него подкосились или его сбила с ног какая-то неведомая сила.

Он смотрел на меня, и многоцветье его глаз блистало на свету — не магией, а слезами.

— Прости меня, — сказал он тем же сдавленным полусшепотом, словно извинение вырывали у него из глотки. — Прости меня!

Не думаю, что он *меня* умолял о прощении.

Я держала чашу в руках, но когда она поплыла к Аматеону, ее двигала не моя воля.

Он спрятал лицо в ладонях.

— Я не могу...

Широкие плечи начали вздрагивать от беззвучных рыданий. Я переложила чашу в одну руку, чтобы другой тронуть его за плечо. Он всхлипнул и обхватил меня за талию, вцепившись в меня так крепко и внезапно, что я чуть не упала на него. Чаша задела краем его макушку, и этого хватило с лихвой.

Я стояла посреди огромной бесплодной равнины. Аматеон по-прежнему обнимал меня, зарывшись головой мне в живот. Не уверена, что он заметил перемену.

Снова запахло яблонями, и я повернулась туда, откуда повеяло ароматом. Холм, снова и снова являвшийся мне в видениях, возвышался неподалеку. Я различала дерево на его вершине, дерево, под которым в бушующих молниях стояли мы с Мистралем. Эту равнину я тоже видела, но никогда еще не спускалась на нее.

Аматеон поднял голову и взглянул на меня. Край чаши проехался по его волосам. Почувствовав прикосновение металла, он прижался к чаше тем же движением, каким склоняются в ласковую ладонь. И только тут заметил окружающий пейзаж.

Он потянулся рукой к земле, постаравшись, правда, не разорвать контакт с моим телом и с чашей. В руке у него оказалась горсть серой пыли, настолько сухой, что она просыпалась меж его пальцев, как песок.

Он снова взглянул на меня, глаза блестели от слез, которые он то ли не отваживался, то ли не мог пролить.

— Когда-то долина была другой. — Он снова прижался к чаше, словно ждал от нее утешения. — Здесь уже ничего не прорастет. — Он разжал руку и подставил ее ветру, тут же подхватившему пыль. — Здесь больше нет жизни.

Он протянул мне покрытую сухой мертвой пылью ладонь, как ребенок подставляет ушибленное место, чтобы на него подули — и все пройдет.

Я открыла рот, чтобы пробормотать что-то утешительное, но голос прозвучал не мой, а слова были далеки от утешительных.

— *Аматеон, ты сохранил свое имя, хотя забыл, кто ты и что ты,* — сказал голос ниже, чем мой, глубже, с более раскатистыми гласными.

— Земля умерла, — проговорил он, и слезы наконец полились из его глаз.

— *Разве я похожа на мертвую?*

Он нахмурился, потом качнул головой. Волосы снова потерлись о чашу, но мне показалось, что шелковая мягкость его волос ласкает мою кожу, кожу живота и ног. Я вздрогнула.

— Богиня?..

Я коснулась его щеки.

— *Неужели это было так давно, Аматеон, что ты меня уже не узнаешь?*

Он кивнул, и с его щеки скатилась первая слезинка. Одинокая капля влаги упала на

серую землю, оставив крошечный черный след. Но вся земля под нашими ногами словно вздохнула.

— *Ты нужен нам, Аматеон.*

И я согласилась с Богиней. Он был нужен земле, нужен мне, нужен нам.

— Я твой, — прошептал он. Он снял меч с пояса и протянул его, как предлагают жертву. А потом запрокинул голову, подставив горло. Глаза он закрыл, будто в ожидании поцелуя, но не поцелуя он ждал. Я вдруг поняла, что если земля так отреагировала на одну его слезинку, то другие телесные жидкости будут восприняты еще лучше.

И еще я поняла, какую он предлагает жертву, и от овладевшей мной Богини я знала, что его кровь вернет жизнь этой земле. Он был Аматеоном, богом земледелия, но не только им: еще он был той искрой, тем толчком, что позволяет семенам прорасти в земле. Он был магическим мостом между спящим семенем, темной землей и самой жизнью. Его "смерть" вернет это все земле.

Я качнула головой:

— Я только что спасла ему жизнь, я не отберу ее тут же. Ее голос снова прозвучал из моих губ:

— *Он не умрет так, как умирают люди, но так, как умирают злаки. Чтобы восстать и напитать свой народ.*

— Я не спорю, — сказала я, — если такова твоя воля, пусть так и будет, но не от моей руки. Я слишком старалась сохранить своих людей в живых, чтобы начать их убивать.

— *Но это не настоящая смерть. Это лишь сон и видение. Аматеон предлагает нереальную, а мистическую плоть и кровь.*

Аматеон открыл глаза и опустил голову и меч.

— Богиня права, принцесса. Это не настоящая земля, и мы здесь не наяву. Моя смерть здесь не станет настоящей смертью.

— Ты не видел те же видения, что я, Аматеон. Мне приснилась чаша, а когда я проснулась, я нашла ее в своей кровати, очень даже настоящую. Я не хочу убить тебя здесь и обнаружить там в коридоре твое истекающее кровью тело.

— *Ты оставишь эту землю бесплодной?* — спросил голос моими губами. Вести одними и теми же устами диалог за обе стороны казалось чуть слишком шизофреничным для душевного комфорта. Да еще и энергия, энергия Богини, стала как будто тяжелей и весомей, ее присутствие уже не приносило мир в мою душу.

— Чем я тебя огорчила?

— *Ничем. Я тобой очень довольна, Мередит, более чем кем-либо за очень долгое время.*

— Я слышу твои слова, но я чувствую твое... нетерпение. Я как будто раздражаю тебя чем-то, и не теперешним сопротивлением.

Она ответила мыслью, но я, смертная женщина, должна была произнести мысль вслух, чтобы понять.

— Ты думаешь, я напрасно трачу твои дары, пытаюсь разгадать эти убийства.

— *У тебя есть твоя полиция. Уже в этот самый момент Кромм Круах заставляет их применить людскую науку для твоей пользы.*

Мне понадобилась пара мгновений, чтобы сообразить, что она говорит о Рисе, называя его настоящим его именем.

— *Не настоящим,* — поправила она моими устами, — *но последним из истинных имен, которыми он обладал.*

— У Риса было имя еще старше, чем Кромм Круах?

— Да, хотя помнят его немногие.

Я хотела уже спросить какое, но почувствовала, как она улыбается, и услышала слова:

— *Ты отвлекаешься на мелочи, Мередит.*

— Прости меня, — сказала я.

— *Я не об имени Кромм Круаха, я об этих смертях. Умершие рождаются снова, дитя. Зачем так скорбеть о них? Даже истинная смерть еще не конец. Другие найдут для тебя улики и убийцу, но есть обязанности, которые ты не можешь перепоручить, Мередит.*

— Какие же?

Она показала рукой на Аматеона.

— *Оживи мою землю.*

Аматеон снова протянул мне свой меч и закрыл глаза. Голову он откинул назад, чтобы ничто не мешало удару.

— С тобой это уже бывало, — догадалась я.

Он приоткрыл глаза, чтобы взглянуть на меня.

— В видениях и наяву.

— Разве это не больно?

— Больно. — И он закрыл глаза и поднял меч повыше, словно это могло убедить меня поскорее его взять.

— *Он жертвует с охотой, Мередит. Ты не совершишь зла.*

Я покачала головой.

— Отчего это ты, в чьем распоряжении — вечность, так нетерпелива, а я, у которой есть лишь несколько жалких десятилетий, хочу выбрать долгий путь?

Я ощутила ее вздох и одновременно — ее радость. Это было неким испытанием — не из тех, где выбор между добром и злом, но выбор пути, каким пойдет возрождение. Она предложила мне быстрый, насильственный путь возвращения мощи волшебной стране. Теперь я знала так же точно, как то, что день сменяется ночью, что Аматеон умер бы. Умер бы по-настоящему. То, что он восстал бы из могилы и вернулся к своей "жизни", дела не меняло. Ведь это моя рука должна была перерезать его горло. *Моя* рука должна была пролить горячую кровь на землю, на собственное тело. Я смотрела на него, коленопреклоненного: глаза закрыты, в лице покой.

Я взяла меч из его ладоней. Его руки тут же расслабленно упали по бокам, и только легкое напряжение в пальцах выдало, что он сопротивляется невольному стремлению защититься от удара.

От ненависти и презрения к моей нечистой крови он пришел к тому, что предлагал мне в жертву свою чистейшую плоть и позволял устроить этой земле душ из столь же чистой крови.

Я наклонилась и прижалась губами к его губам. Его глаза изумленно распахнулись. Подозреваю, поцелуй поразил его больше, чем поразил бы любой удар. Я улыбнулась:

— Есть другой способ заставить траву расти, Аматеон.

Пару секунд он непонимающе на меня глядел. Потом тень улыбки скользнула по его губам.

— Ты отвергнешь зов Богини?

— Никогда, — качнула я головой. — Но Богиня приходит в разных обличьях. Зачем выбирать боль и смерть, если можно обрести жизнь и удовольствие?

Улыбка стала чуть шире. Он распрямил шею из неловкой, Наверное, причинявшей боль жертвенной позиции и перевел взгляд с меча в одной руке на чашу во второй.

— Чего ты желаешь от меня, принцесса, Богиня?

— О нет, — сказала она, и на этот раз не моими устами.

Невдалеке от нас появилась укутанная с головой фигура, ноги ее не касались земли, да и сама она была туманной — как я ни старалась, я не могла ее толком рассмотреть. Рука, которой она придерживала накидку, не была ни молодой, ни старой, ни среднего возраста. Она была всеми женщинами и ни одной женщиной. Она была Богиней.

— О нет, Аматеон, это она сделала выбор. Я оставлю решение за ней. Она не нуждается во мне, чтобы закончить дело. — Она издала тихий смешок, в котором смешались старушечья сухость, богатая мелодичность зрелой женщины и легкость девичьего смеха. — Я не во всем согласна с Андаис, но на этот раз соглашусь. Чертовы божества плодородия!

И она снова засмеялась.

— Не знала, что Андаис еще говорит с тобой, Богиня.

— Я не перестаю говорить с моим народом, это вы перестаете слушать меня, а спустя какое-то время уже не можете меня услышать. Но я говорю с вами по-прежнему. В грезах и снах, в моменты между сном и пробуждением звучит мой голос. В песне, в касании рук — я с вами. Я — Богиня, и я повсюду и везде. Я не могу уйти, а вы не можете меня утратить. Но вы можете меня покинуть и отвернуться от меня.

— Мы не хотели покидать тебя, Мать! — воскликнул Аматеон.

— Я не осталась в одиночестве, дитя. Я не могу остаться совсем одна. Но мне может быть одиноко.

— Что же мне сделать, Мать, во искупление?

— Искупление — для нас концепция чуждая, Аматеон. Но если ты захочешь сделать что-то для меня...

— Да, Богиня, да, всем сердцем!

— Оживи эту землю, Аматеон. Ороси неплодную почву своим семенем и оживи ее. — Она начала таять, как туман на солнце.

— Богиня! — позвал он.

— Да, дитя?

— Увижу ли я тебя снова?

От нее остался лишь голос — юный и древний одновременно:

— В лице каждой женщины, которую встретишь.

И она исчезла.

Он неотрывно смотрел на то место, где она была, и только звон выпавшего из моей руки меча заставил его повернуться ко мне.

— Чем я могу служить тебе, принцесса? Я весь принадлежу тебе, чего бы ты ни потребовала. Жизнью моей, кровью или мощью десницы — я готов служить тебе всем.

— Ты словно приносишь мне клятву чести, как рыцарь старых времен.

— Я и есть рыцарь старых времен, Мередит, и если тебе нужна моя честь — она принадлежит тебе.

— Ты сказал Адайру, что лишился чести, что королева отняла ее у тебя вместе с твоими волосами.

— Я касался чаши и видел лик Богини. Такие дары не дают недостойным.

— Ты говоришь, что твоя честь не утрачена, потому что Богиня считает тебя достойным

чести?

В многоцветных глазах на миг отразилось замешательство, потом он сказал:

— Да, думаю, так.

— Скажи, о чем ты подумал.

Он улыбнулся — быстрый проблеск искреннего веселья, от которого его лицо стало менее совершенным в своей красоте, но более настоящим, более драгоценным, на мой взгляд.

— Что моя честь и не была утрачена, потому что никто не может отнять у тебя честь, если ты этого не позволишь сам. Я собирался сказать, что ты вернула мне честь, но потом понял.

Я улыбнулась в ответ.

— Никто не в силах отнять у тебя честь, но ты можешь лишиться ее по своей воле.

Его улыбка поблекла.

— Да. Я позволил страху отнять у меня честь.

Я отрицательно качнула головой.

Он улыбнулся снова, почти смущенно.

— Я говорю о том, что страх стал для меня важнее чести.

Я остановила его поцелуем, обвила его спину руками, в правой все еще сжимая чашу. Его руки неуверенно потянулись ко мне, словно он не знал, с чего начать. Я думала, секс будет у нас нежным и медленным, но в моей руке был атрибут Богини, а я была Ее воплощением. Богиня не желала медлить.

Чаша потянула нас вниз, будто в земле был запрятан мощный магнит. Как только чаша коснулась земли, она утонула в почве, и вот моя рука сжимала только пустоту. Спина Аматеона накрыла то место, куда погрузилась чаша, и страж весь выгнулся, глаза непроизвольно зажмурились, пальцы впились в меня, бедра толкнули мне в пах. Сила его рук, твердость тела и бешеное желание в лице — все это бросило меня к нему, соединило наши губы, руки нетерпеливо шарили по его телу. Он вздрогнул всем телом и вскрикнул, когда моя рука скользнула к средоточию его силы. Когда он снова открыл глаза, они были почти слепы от желания.

— Пожалуйста... — Голос был таким хриплым, что я с трудом его узнавала.

— Чего ты хочешь, Аматеон?

— Служить тебе.

Я мотнула головой так близко от его лица, что задела его волосами.

— Скажи, чего ты хочешь.

Он закрыл глаза и сглотнул с таким трудом, что, должно быть, ему стало больно. Когда он опять взглянул на меня он был чуть спокойней, но все же настороженность из его лепестковых глаз не ушла. Он прошептал, словно боялся, что кто-то подслушает, если он выскажет свое желание громко:

— Я хочу, чтобы ты оседлала меня, вжала в грязь мое нагое тело. Я хочу видеть сияние твоей кожи, твоих глаз, танец твоих волос. Хочу, чтобы ты выкрикивала мое имя тем голосом, какой появляется у женщин только на вершине страсти. Я хочу наполнить семенем твое тело. Вот чего я хочу.

— По-моему, чудесно, — сказала я.

Он чуть нахмурился.

Я улыбнулась и потрогала складочку между его бровей, где образовалась бы морщинка,

если бы у него могли появиться морщины.

— Я хочу сказать: "Да, Амадеон. Давай все это сделаем".

— То есть ты исполнишь мое желание?

— Разве это не обычное наше занятие — исполнять людские желания? — прошептала я, улыбаясь.

— Нет, — удивился он, — никто из нас никогда не исполнял людских желаний.

— Это шутка, — усмехнулась я.

— Ох, я...

Я прижала палец к его губам.

— Давай заставим траву расти.

Он нахмурился.

— Возьми меня, — сказала я и отняла палец от его губ.

Он улыбнулся ярко и открыто и стал будто моложе и... человечней.

— Если это твоё желание.

— Кто теперь предлагает исполнить желание?

— Я предложу тебе все, что в моих силах исполнить.

Я села на него, и даже сквозь все слои одежды ощущение было изумительным.

— Дай мне *это*, — сказала я, и на этот раз мой голос прозвучал хрипло.

— С охотой. Вот только разденемся.

Я смотрела ему в лицо. Кажется, программу действий он только что изложил.

Наши одежды посыпались на землю как дождь, которого здесь не было целую вечность.

Аматеон упал навзничь на эту сухую, обезвоженную землю — будто драгоценность, оброненная на грубую серую простыню. Он начал светиться еще до того, как полностью разделся. Я провела рукой по его голому плечу, и кожа засияла под пальцами, словно внутри у него вспыхнула молния, словно даже легчайшего прикосновения к любой, самой нечувствительной части тела было уже слишком много. Интересно, что случилось бы, выбери я более чувствительное местечко.

Я коснулась кончиками пальцев груди, и свет стал разгораться под моими пальцами. Все его тело сияло яркой белизной, но под моими пальцами вспыхивал будто настоящий огонь — оранжево-красное пламя. Там, где я к нему прикасалась, он становился горячее; красное, жаркое пламя текло следом за моими пальцами. Я провела рукой по его животу, и одного этого было достаточно, чтобы он дернулся всем телом, часто дыша. Он зажмурил глаза, руки скребли по сухой земле — а я всего лишь погладила его живот. Я потеряла самообладание, я хотела знать, как он среагирует, когда мои руки обнимут самую чувствительную его часть.

— О нет, Мерри, девочка, не надо, или я долго не продержусь.

— Ну так не держись, — предложила я.

— Что? — непонимающе спросил он, глядя на меня затуманенными глазами.

— Пусть в первый раз будет недолго, не важно. Свою крутизну докажешь в следующий раз.

— В следующий раз, — повторил он и рассмеялся. — Я не верю в следующие разы. Все, что у меня есть, — это ты, здесь, сейчас.

Он сел и наклонился ко мне. Мы уже не касались друг друга, просто сидели почти вплотную.

— Если тебе не понравится, ты не захочешь меня снова.

Я тоже наклонилась к нему, почти к самому лицу.

— Она что, судила о вас по единственной ночи?

Он посмотрел удивленно.

— Да, — прошептал он.

— Я так не делаю.

Он улыбнулся.

— Хочешь сказать, что Холод или Дойл были не слишком впечатляющи в их первую ночь?

Я не сдержала улыбки:

— Нет.

— А кто тогда?

Я покачала головой.

— Все были изумительны, только некоторым практика прибавила блеска.

Он чуть отстранился, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Ты серьезно?

— Да.

— Они не могли *все* быть так хороши.

— Если бы и не были, я б не сказала.

— Ты не скажешь... — прошептал он.

Я потянулась к его лицу, но он снова подвинулся назад, не давая к себе прикоснуться.

— Что не скажу? — спросила я.

Он выразительно на меня посмотрел.

— А, — сказала я и улыбнулась, но очень нежно. — Нет, не скажу.

Он обвил меня руками и привлек к себе. Его спина была покрыта сухой пылью. Я думала, пыль будет шершавой, но она оказалась тонкой и скользкой, как мельчайший тальк; не мешала чувствовать теплую гладкость его кожи, но как будто добавляла текстуру, как сахарная пудра, посыпанная на теплый, роскошный пирог.

Я подалась назад, чтобы разглядеть ладони, покрытые мягкой серой пудрой.

— Такая мягкая. — Я посмотрела ему в глаза. — Она везде будет казаться такой же мягкой?

Он притянул меня к себе, и за мгновение до того, как наши губы соприкоснулись, шепнул:

— Давай узнаем.

Мы катались в пыли, пока не стали похожи на серых призраков. Сияние нашей магии мерцало сквозь пыль, как рождественская иллюминация сияет сквозь снег.

Чуть не с ног до головы покрыв нас похожей на пудру пылью, он демонстрировал мне, какие возможности, какие силы таятся в его теле, и я взмолилась:

— Пожалуйста, не дразни меня больше, Аматеон! Войди в меня, возьми меня!

— Кажется, ты собиралась быть сверху?

Голос дразнящий и полный наслаждения.

— Так ложись — и буду! — Я попыталась толкнуть его, но он прочно стоял на коленях, и мне не удалось повалить его наземь.

Его волосы обрамляли лицо густыми медными волнами, ласкали широкие плечи. Даже серовато-белая пыль не скрывала роскошный цвет его волос. Накладывающиеся друг на друга цвета в его глазах сияли каждый по отдельности, как драгоценные камни: сапфир, изумруд, рубин, янтарь и аметист. Даже черные зрачки в сиянии силы казались отполированными самоцветами.

Как только его французская косичка растрепалась, Аматеон остановился было и попытался собрать волосы, словно стыдился их длины — всего до плеч. Но я показала ему взглядом и жестами, что он — прекрасен, весь он целиком.

К моменту, когда он наклонялся ко мне, стоя на коленях, сияя магией сквозь пыльную пелену, от этой душевной раны ничего не осталось. И все же он отвергал меня.

— Пожалуйста, Аматеон, прошу, умоляю — ляг для меня или возьми меня. — Если б на нем была рубашка, я бы сграбастала его за грудки, но сейчас сграбастать я могла только одну деталь, а к ней он меня не подпускал. Он поймал мои руки и сказал:

— Я целую вечность не слышал, чтобы женщина, любая женщина, молила о моем прикосновении.

Он прижал мои и свои руки к груди и зажмурился, потом у него вырвался долгий вздох:

— Эта земля слишком долго была в запустении, Мередит, слишком долго не знала любви. Она боится, что уже слишком поздно, и в ней не осталось жизни, которую можно было бы пробудить.

— Земля — это ты, Аматеон, — возразила я. — И ты — живой. Доверься мне, и я буду тебя любить. Пожалуйста, Аматеон, дай мне любить тебя.

— Ты так легко говоришь о любви... ты подразумеваешь секс?

Я закрыла глаза и легла лбом на его соединенные с моими руки.

— Я уже не знаю, что я имею в виду. Наверное, сейчас я сказала бы что угодно и сделала бы что угодно, лишь бы ты согласился.

— На что согласился? — спросил он, в голосе снова появилась игривая нотка.

— Взять меня, — сказала я, не поднимая головы.

Он дернул меня за руки и бросил рядом с собой на землю. Я едва успела выставить руки вперед, чуть не угодив лицом в пыль. Я набрала воздуха, чтобы наорать на него, но тут он упал на меня сверху, вжав в грунт.

— Ты это чувствуешь? — спросил он.

— Да, — выдохнула я.

— Ты именно этого хочешь?

— В другой позиции...

— В какой?

— Я сверху.

— Почему?

— Я смогу контролировать. Ты слишком большой.

Он поднял меня за руку и развернул к себе лицом, падая наземь, и усадил меня на себя. Я запрокинула голову, сражаясь с собственным телом, сдерживаясь, но Аматеон сказал:

— Я хочу видеть твое лицо.

Я посмотрела ему в глаза и наконец увидела в них давно ожидаемое выражение. Темное желание, вожделение и нетерпение и еще... обладание. В его глазах светилось обладание, полная уверенность мужчины, что теперь ты уже не скажешь "нет". Что ты на этот миг, час или ночь принадлежишь ему.

Я смотрела в жар его глаз, не жар магии сидхе или волшебной страны, но вечной магии мужчины и женщины, того вечного танца, который действительно заставляет траву расти, бутоны — распускаться, зерно — наливаться соком. Все это было в его лице, та искра, которая дает начало всему.

— Аматеон... — зачарованно выдохнула я.

Он нахмурился:

— Что-то не так?

Я улыбнулась.

— Нет, все так. Все совершенно так, как надо.

И все было как надо, пока земля не начала меняться под моими коленями. Я опиралась на твердую поверхность, чтобы поддерживать ритм, но вдруг оказалось, что опора исчезла. Это был первый признак, что земля становится мягче. Аматеон начал погружаться в почву.

Я приостановилась в замешательстве, и он схватил меня за талию.

— Не останавливайся, о Богиня, не останавливайся!

Я перенесла основной упор с колен на бедра, напрягала мышцы бедер и живота, чтобы продолжать движение, пока земля уходила из-под нас. Теперь я двигалась изо всех сил, как можно быстрее, снова, и снова, и снова, пока его руки не впились мне в бока, а он не закричал:

— Мерри, посмотри на меня!

Я заглянула в его бешеные глаза за миг до того, как тело его выгнулось подо мной и все напряглось, за миг до того, как оргазм настиг и меня. Я боролась с собой, стараясь не отвести взгляда, не запрокинуть голову, не закрыть глаза, когда наслаждение залило меня, волнами тепла потекло по коже, и мы закричали одновременно. Я старалась, чтобы он видел мои безумные глаза, эту почти болезненную гримасу на женском лице. Я сделала все, что было в моих силах, но наконец сопротивляться оргазму стало невозможно, и я заорала в голос, запрокинув голову и закрыв глаза. Я кричала, а он вжимался в меня, и земля расступалась под нами, будто черные воды.

Потом я почувствовала, как он покидает мое тело, и тогда смогла открыть глаза и увидеть, что стою коленями на роскошном черноземе. Я потрогала землю, и она подалась под моими пальцами, черная и влажная.

Я оглядела долину — она вся, до самого горизонта, была черной и плодородной. Я стояла на коленях на влажной мягкой земле и ничего не понимала — и никого, кроме меня, не было.

— Аматеон, ты где?

А потом я вдруг очутилась на грубом каменном полу в полумраке ситхена, по-прежнему на коленях. Только что посреди видения и тут же — в сумрачном коридоре. Не будь я на коленях, я бы упала, а так от встречи с каменным полом мое лицо спасли выставленные вовремя руки да еще рука Холода, ухватившая меня за плечо.

— Спаси нас Консорт, — пробормотал он, давая мне первый намек на то, что стряслось что-то неладное.

И тут же я оказалась лицом вниз на полу, а Холод навалился на меня сверху, закрывая от пуль. Все было слишком похоже на вчерашнее покушение во время пресс-конференции. Сердце мигом ушло в пятки, и я боролась с двумя противоречивыми желаниями: оглядеться по сторонам и постараться представлять собой как можно меньшую мишень. Впрочем, Холод не оставил мне выбора. Пока он накрывал меня, грудью вжимая мою голову в пол, я не могла двигаться.

Он чуть приподнялся, левой рукой вытаскивая пистолет. Я видела, как он выбрал цель где-то дальше по коридору. Мне хватило обзора понять, что мы находимся не во входном коридоре. Больно прижатая к каменному полу телом Холода, я почувствовала отдачу от его выстрела, эхом прогремевшего по стенам. Он опять выстрелил и дернулся от отдачи. Раздался мужской крик, голос я не узнала.

— Сейчас я тебя отсюда выведу.

Он сказал это так, словно ждал, что я начну спорить, но я не собиралась возражать. Убраться отсюда — было как раз то, что надо. Где все остальные? Почему возле меня только Холод?

Он дважды выстрелил почти без паузы, уже ухватив меня за плечо свободной рукой. Потом вскочил на ноги и потащил меня за собой. Он уже почти увел меня в другой коридор, побольше, отделенный стеной от наших врагов, но тут я увидела, что лежало в маленьком коридоре. Я запнулась и, может, высвободилась бы из хватки Холода, если бы он дал мне шанс. Но он, наверное, предвидел это и поволок меня со всей скоростью и силой, которые давала ему принадлежность к чистокровным сидхе. Он увел меня за поворот коридора, вывел из поля зрения и из-под обстрела нападавших, которых я так и не разглядела. Разглядела я только Кристалла с одетыми белым сиянием руками и Адайра, бросающегося в схватку с мечом, уже обогранным кровью. Но не из-за этого я билась в руках Холода, приковавших меня к стене. На полу, в луже крови, растекающейся из-под тела, лежал Гален. Он не двигался.

— Пусти меня! — велела я Холоду.

Он качнул головой, с болью глядя на меня.

— Нет. Твоя безопасность важнее всего.

Я заорала на него и попыталась вырваться, но это было все равно что сражаться со стальными тисками в оболочке из мускулов. Я не могла и дернуться, если он не позволит. Он прижался ко мне всем телом, распластав по стене, я даже ударить его не могла. Он знал, что я стану сопротивляться.

Я выкрикивала единственное слово, которое сейчас имело для меня значение:

— Гален!

Я выкрикивала его имя, пока не сорвала голос, но ответа не было.

Кто-то бежал по коридору. Холод, грудью прижимая меня к стене, добыл откуда-то из-за спины еще один пистолет и нацелил стволы в обе стороны. Чтобы достать пистолет, ему пришлось немного отодвинуться, так что мне удалось дотянуться до собственного пистолета на пояснице. Он был прав, обездвигив меня, потому что первым моим побуждением было броситься к Галену. Ки мысли, ни логики — чистые эмоции. Благодаря Холоду я получила несколько секунд на обдумывание ситуации. Я навела пистолет в другую сторону от тела Галена, на звук бегущих ног. Звук стремительно приближался.

Страх отпустил меня, и я была спокойна тем бездушным, ледяным спокойствием, которое соткано частью из гнева, частью из ужаса, а частью из того, чему нет названия. Они ранили Галена — они за это поплатятся. Где-то на задворках сознания билась мысль, что вместо "ранили" надо было употребить другое слово. Я отогнала эту мысль подальше.

В последний момент, когда палец уже нажимал на спусковой крючок, я узнала Никку, Бидди и остальных стражей, оставшихся вместе с Холодом, когда мы с Аматеоном унеслись в наше маленькое волшебное путешествие. Медленно выдохнув, я аккуратно подняла ствол к потолку, и меня бросило в дрожь, как только я поняла, что едва-едва не пустила пулю в грудь Никке. Будь у моего пистолета спуск помягче... Рана в плечо или руку не страшна, но угоди пуля в сердце... Здесь шансы пятьдесят на пятьдесят.

Никка и Бидди остались с нами, он — с пистолетами, она — с мечом. Они оба были добродушнейшими из сидхе, но сейчас они выглядели мрачными, высокими и мускулистыми — и опасными, как тигры в джунглях. Опасными просто по своей природе. Я никогда не видела на лице Никки такой решимости.

Холод по-прежнему меня прикрывал. Думать, что кто-то еще из моих любимых мужчин пострадает из-за меня, было почти невыносимо. Если бы я не цеплялась обеими руками за пистолет в стараниях не пристрелить никого из своих, я бы оттолкнула Холода. Глупо, но пока я не знала, насколько сильно ранен Гален, я никем больше не хотела рисковать. Очень глупо, особенно если вспомнить, что остальные стражи только что забежали за угол. Магия перенасытила воздух, мурашками поползла по коже. Лязг металла. Мужской крик, и следом — женский вопль, не боли, а ярости. Я не хотела, чтобы кто-то подвергал себя опасности из-за меня. И не могла ничего сделать, как только подвергать опасности их всех.

Глаза горели от невыплаканных слез. Кто-то тихо стонал. Слышались звуки — чирканье металла по камню, шаги, движение, — но звуки битвы прекратились. Все кончилось. Вопрос был только — кто победил? Если б с ними были Дойл или Холод, я бы не сомневалась в исходе, но Холод стоял передо мной, весь будто пружина. Серые глаза рыскали по коридору, словно он не доверял ничьей наблюдательности, кроме собственной. В отсутствие Дойла и я не доверяла.

Эти двое никому не доверяли так, как друг другу. Когда я утвердилась в мысли, что только они могут защитить меня? Когда я начала все больше полагаться на них двоих и терять веру в остальных?

Из-за угла показался Готорн — алая броня забрызгана кровью, будто кто-то стряхнул рядом с ним ручку, только что заправленную красными чернилами. Он протирал свой клинок куском материи, явно только что отодранным от чьей-то куртки.

— Все кончено.

Адайр шел за ним следом, сунув шлем под мышку. На лбу и на шее виднелись красные ссадины: шлем был рассчитан на пышную шевелюру и теперь натирал кожу.

— Они или мертвы, или обезврежены, насколько в наших силах было этого добиться, принцесса, Холод.

Я шагнула вперед, все так же сжимая пистолет в руке. Холод меня остановил.

— Убери пистолет, Мередит.

Я посмотрела в холодное лицо, но в глазах увидела боль.

— Почему? — спросила я.

— Потому что я не знаю, что ты сделаешь, если Гален ранен смертельно, как скорее всего и есть.

Сердце в груди вдруг заколотилось с бешеной силой, я силилась вдохнуть и не могла. Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, но ничего не смогла выговорить, только болезненно сглотнула, что-то словно застряло в горле. Наконец я кивнула, убрала пистолет на место и поправила плащ, просто по привычке. Не нарушай линий одежды, если можешь. Привычка — вот что остается в те моменты, когда в голове звенит вопль, а ты в таком ужасе, что этот вопль липнет к языку, как металл на морозе.

Холод чуть отступил, убирая пистолеты, но я не остановилась посмотреть на это быстрое, отточенное одновременное движение двух рук. Я уже бежала к повороту. Только одно слово непрестанно звучало в моей голове: Гален, Гален, Гален... Я слишком боялась закончить фразу. Слишком боялась делать что угодно, кроме как бежать к нему. Мне бы надо было молиться Богине, молиться как никогда в жизни: ведь только что мы были с ней одним целым, она прислушалась бы ко мне. Но я не молилась ни одному известному мне божеству. Если я и молила кого-то, то Галена.

За поворотом я его увидела. Он лежал на спине, глаза закрыты, руки раскинуты в стороны, нога подвернута под тело, и везде — кровь. Море крови на каменном полу, на Галене и под ним. Столько крови, столько... Я наконец мысленно закончила фразу, единственную молитву, которую я могла вознести: Гален, не умирай, не умирай, Гален, прошу тебя, не умирай!

Я упала рядом с ним на колени. Яркая кровь оттеняла зелень его волос, и они казались еще зеленей, чем были. Мгновением раньше я отдала бы все на свете, только бы прижать его к себе. Теперь я медлила, рука в нерешительности застыла у его лица. Я хотела дотронуться до него, хотела, чтобы он улыбнулся и открыл глаза. И боялась дотронуться — боялась, что рука наткнется на холодную плоть, боялась узнать.

Я заставила себя коснуться его щеки. Кожа была прохладной, но не холодной. Тяжесть в груди стала чуть-чуть меньше. Я переместила руку на шею Галена, шаря по коже в поисках пульса. Ничего, опять ничего... легкое трепетание! От облегчения я вся обмякла, рука соскользнула с шеи на зеленые завитки на затылке, но они были пропитаны кровью. Я подняла вверх окрасившиеся алым пальцы.

— Откуда вся эта кровь?

Оказывается, я произнесла это вслух, потому что Адайр мне ответил:

— У нас не было времени осмотреть его раны, принцесса. Я кивнула, давая понять, что услышала.

— Надо остановить кровотечение.

Адайр присел у плеча Галена.

— Я послал за целителем.

Я качнула головой.

— Он холодеет. Надо немедленно остановить кровопотерю, не дожидаясь целителя.

— Сидхе, умирающий от потери крови, — это не сидхе.

Я повернулась на голос и увидела Киерана, лорда ножей, на коленях и со связанными за спиной руками. И все же Иви держал острие меча прямо у его горла. У Киерана была только одна рука власти, и никакой другой магии в его распоряжении сейчас не имелось, отчего многие сидхе считали его слабым. Но единственное волшебство, которым он владел, было смертоносным. Он мог использовать свою силу словно нож, глубоко рассекая тело даже на расстоянии. Теперь я знала, почему Гален упал, даже не вынув оружия. Но зачем было устраивать ему ловушку?

Мой взгляд переместился на еще три коленапреклоненные фигуры. Все три — женщины из гвардии Кела. Это меня не удивило. Чуть подальше на боку лежал роскошно одетый мужчина, он стонал, и под ним уже начала собираться лужица крови. Но руки у него тоже были связаны за спиной. Лица его я не видела, но мне не важно было, кто он. Может, позже мне станет интересно, но сейчас — если он не может вылечить Галена, то какое мне дело?

Адайр помог мне перевернуть Галена. Он был безвольно-податлив, как мертвец. Страх опять сдавил мне горло. На спине у Галена оказались две раны, чистые и глубокие. Каким-то чудом они не задели его сердце. Раны пугающе глубокие, но он не должен был так быстро истечь кровью из ран на спине, не доставших до сердца.

Мы уложили его на спину, и когда тело легло на скользкий от крови пол, еще одна порция крови выплеснулась из ноги. Я подползла к ногам и обнаружила третью рану, высоко на бедре. Ему перерезали бедренную артерию. Человек истек бы кровью минут за двадцать. Кровь должна была бить фонтаном — то, что она едва сочилась, говорило, что Гален потерял ее слишком много. А значит, даже если остановить кровотечение немедленно, он

может не оправиться. Сидхе могут перенести большую кровопотерю, залечить множество ран, но только если крови останется достаточно для жизненных процессов, для работы сердца.

Холод все это время стоял рядом со мной, оберегая меня. Я не могла возражать против такого разделения обязанностей, когда Гален лежал на полу, бледный и бессильный. Меня убить было не в пример легче, чем Галена.

Но Холод, конечно, видел то же, что и мы, — все эти раны.

— Где же твой целитель? — спросил он Адайра.

Тот качнул головой.

— Не знаю.

— Нет времени ждать, — в отчаянии сказала я. — Надо остановить кровь, чтобы сохранить хоть ту малость, что у него еще осталась.

— Я могу остановить кровотечение, — произнес женский голос. Мы оглянулись и увидели робкую улыбку на лице одной из коленапреклоненных пленниц. Волосы цвета пшеницы и трехцветные глаза: голубой круг, серебряный и внутренний круг из чистого света, если только бывает такой цвет. Я никогда не знала, как назвать цвет внутреннего кольца радужки Хафвин.

Другие пленницы закричали на нее:

— Нет! Ты не должна им помогать! Ты предаешь нашего господина! — и другие, еще менее приятные слова.

Хафвин пожала плечами:

— Нас поймали, а наш господин в заключении. Думаю, нелишне попытаться счастья на другом берегу.

Она вопросительно подняла бровь. При совершенно светлых волосах у нее были темные брови. Будь она человеком, я бы сказала, что она красится, но что значат темные брови при светлых волосах у расы, где глаза могут быть трех разных цветов одновременно?

— Ты предаешь свои обеты! — воскликнула вторая, Меланжель. У нее по лицу текла кровь из раны от удара, проломившего шлем. Была б она человеком, осталась бы без мозгов, а тут — всего лишь небольшое кровотечение.

— Я не давала обетов принцу Келу, — сказала Хафвин. — Я клялась служить принцу Эссусу. Никто не спрашивал нас, хотим ли мы служить Келу, — нас просто отдали ему после смерти принца. Я не связана клятвой верности ни с кем из живых. — Говоря это, она смотрела на меня, и в лице ее было ожидание, намек...

— Ты правда можешь его исцелить? — спросила я.

— Она может остановить кровотечение, — поправил Адайр, — и только.

— Это больше, чем может любой из нас, — заметил Готорн. — Хотя, честно сказать, мне бы в голову не пришло просить одну из убийц Галена вылечить его.

Я вгляделась в его лицо в поисках иронии, которая должна была заключаться в этих словах, но ничего не нашла. Прямой взгляд, как будто он просто констатировал факт.

— Мы ей поверим? — спросил Никка.

Я положила руку на холодеющую кожу Галена.

— Нет. И все же развяжите ее.

Немного раньше я была готова отдать Галена неведомой возлюбленной. Отдать его смерти я не хотела. Я могла жить, зная, что он улыбается другой. Но никогда не увидеть больше его улыбки, не почувствовать снова тепло его рук... Этого мне не перенести.

Холод тронул меня за плечо, привлекая внимание.

— Тебе нужно отойти в сторону, прежде чем я позволю Хафвин сюда подойти.

Я начала возражать, но он погладил меня по щеке и качнул головой.

— Это может быть хитростью, чтобы подобраться к тебе поближе. Я не стану рисковать твоей жизнью ради жизни Галена. — Он взялся за мой локоть, и у меня не осталось выбора, кроме как пойти с ним, хотя мне ужасно не хотелось отрываться от Галена. Если нам не удастся его спасти, то сейчас у меня была последняя возможность прикоснуться к нему... живому.

Хафвин в ее кожаном обмундировании опустила прямо в кровавую лужу, сняла кожаные перчатки и заткнула их за пояс. Потом поправила поудобнее короткий меч на бедре, и я едва не наорала на нее, чтобы она поторапливалась. Слишком уж она была спокойна. Впрочем, она только что пыталась убить Галена. Вправду ли она теперь хочет его спасти? Или просто играет? Сделает вид, что собиралась услужить нам, но у нее ничего не выйдет, и тогда она приобретет наше расположение, не потеряв расположения Кела и его присных. Да поможет мне Богиня, иногда мне хочется не видеть возможные мотивы действий окружающих меня людей. Так жить не слишком приятно.

Я прильнула к Холоду, обхватив его руками за талию, щекой прижавшись к груди и слыша стук его сердца. Он обнял меня в ответ, хоть из-за этого лишился возможности быстро достать оружие. Как телохранитель он должен был переставить меня в сторону, освободить себе пространство для маневра, но он был мой возлюбленный, мой друг, друг Галена, и я знала, что он обнимает меня не только ради моего душевного комфорта. Не любить Галена было невозможно. У него был дар покорять сердца. Напряжение в теле Холода лучше всяких слов сказало мне, что не только я буду горевать о Галене. Гален сумел растопить сердце Убийственного Холода — это многое говорило о зеленоволосом страже.

Хафвин прижала обе ладони к ране на бедре. По крайней мере она начала с самой опасной раны. У Хафвин была белая кожа, но с золотистым оттенком, таким же слабым, как зеленый оттенок у кожи Галена, заметным только при определенных условиях. Сейчас ее магия, вспыхнув, окрасила кожу настоящим золотом. Пряди ее волос оживали, вырывались друг за другом из скреплявшего их узла на затылке, и волосы развевались под дуновением волшебного ветра.

— Она же целитель! — выдохнул Готорн. — Почему она тратит себя на беготню с мечом?

Мы предполагали, что у Хафвин окажется небольшой целительский дар, но то, что сияло перед нами, бросая отсветы на стены, нельзя было назвать небольшим. Ни одному целителю с такими способностями не позволили бы стать воином, и уж во всяком случае — не на передовой. Слишком редким и ценным был их талант, чтобы позволить им рисковать собой.

Глядя, как поднимаются над телом Галена ее сияющие ладони, я начала надеяться. Ее голос звенел магией, когда она спросила:

— Не мог бы кто-нибудь перевернуть его, чтобы мне не тратить лишних усилий? Мне так давно не давали полностью применить свои силы, что я, кажется, слегка разучилась.

Готорн с Адайром повернули Галена на живот, Готорн придержал его голову и плечи, чтобы лицо не попало в кровавую лужу. Я отметила эту подробность, и Готорн приобрел право на мою благодарность в будущем.

Хафвин возложила руки на спину Галена, и кожа у меня пошла мурашками от силы,

которую она устремила в него. Может, она просто останавливала кровь, но по ощущениям от потока ее магии я подумала, что она делает нечто большее.

— НЕТ! — заорала одна из связанных стражниц. — Ты его спасаешь!

Айслинг приставил меч ей к горлу. Ей пришлось выбирать — или умолкнуть, или напороться на острие меча.

— Сиобхан тебя за это убьет! — прошипела Меланжель.

Сиобхан была капитаном гвардии Кела. Не так давно она напала на меня, прихватив парочку помощников. Я убила двоих ее подручных, скорее по случайности, чем намеренно, а ее саму заставила сдаться. Я думала, что она уже мертва. Она совершила покушение на наследницу трона. Ее должны были казнить. Если бы здесь не было столько лишних ушей, я бы уточнила, что с ней случилось.

Хафвин выпрямилась с улыбкой.

— Сиобхан заперта в клетку в Зале Смертности и еще долго никому не сможет угрожать.

Гален вздрогнул в руках Готорна. Первый его вдох получился громким и болезненным, и он тут же рванулся встать, явно ничего не видя вокруг, но тут же свалился обратно, и только руки Готорна не дали ему ушибиться о пол.

— Тише, тише, — сказал Готорн. — Ты среди друзей.

Холод меня отпустил к нему. Не знаю, решил ли он, что Хафвин стоит доверия, или просто понял, что без драки меня не удержат. У меня все же хватило рассудка подбежать к Галену с другой стороны от Хафвин.

Готорн уложил Галена головой и плечами мне на колени. Я прижала его к себе, глядя в зеленые глаза, в любимое лицо, ловя его улыбку. По лицу у меня бежали слезы сквозь смех. Чувства хлестали через край, я была как пьяная.

— Мне десятилетиями не разрешали лечить. Это такое счастье, я и забыла...

Я перевела взгляд на женщину, стоящую на коленях посреди лужи крови. Она тоже плакала, и я не понимала почему.

— С чего кому-то пришло в голову запретить тебе применять свою силу? — спросила я.

— Это тайна, а я ни за что на свете не хочу попасть в искусные руки Иезекииля, но часть правды я сказать могу: я пыталась исцелить того, кого принц Кел не желал видеть здоровым. Я пошла наперекор его прямому приказу. Он сказал, что я буду нести смерть, а не жизнь, пока он не простит меня.

— Что за трата силы! — воскликнул Готорн.

Она бросила на него быстрый взгляд, но я ее интересовала куда больше:

— Но сегодня ради тебя я нарушила его запрет.

— Тебя за это изнасилуют и кожу с живой снимут! — крикнула одна из ее соратниц.

Ни я, ни Хафвин не удостоили ненавистницу взглядом.

— Почему ты решила так рискнуть ради меня? — спросила я. — Ты только что пыталась убить Галена, зачем же теперь его исцелять?

— Потому что я — целитель, это моя сущность, главное во мне и я не хочу больше быть такой. — Она ткнула пальцем в свой меч. — То, что я спасла Галена, стоит чего-нибудь в твоих глазах?

Я кивнула.

— Я не стану обещать, пока не услышу, чего ты хочешь, даже ради Галена, но да, это стоит многого.

Она коротко улыбнулась.

— Хорошо.

Она глубоко вдохнула, словно набираясь сил перед трудным шагом.

— Королева Андаис объявила сегодня двору, что тебе нужны новые стражи. Она сказала, что все, кто пожелает, могут предложить тебе свои услуги, но останутся с тобой только те, с кем ты станешь спать.

— Первую часть я слышала, но вторая — что-то новенькое, — удивилась я.

— Она сказала — любые стражи, кто пожелает.

— В чем твоя просьба, Хафвин?

Она наклонилась ко мне, прижав руки к бокам, и я поборола порыв отодвинуться. Я заметила вопросительный взгляд, брошенный Готорном на Холода. Как ответил Холод, я не знаю, потому что все, что я в этот миг видела, — это лицо Хафвин. Она поцеловала меня, легко, не закрывая глаз. В поцелуе не было страсти, не было обещания — просто касание губ.

— Возьми меня, — прошептала она. — Возьми в свою постель, возьми здесь, если хочешь, где угодно — только, пожалуйста, во имя Богини, прошу, не оставляй меня Келу. Я не связана с ним никакими клятвами, так что не нарушу обетов, обратившись к тебе с просьбой. Я веками служила целителем у принца Эссуса. Когда тебе было шесть, он ушел в изгнание, и если б я знала, что королева отдаст меня Келу, я бы ушла вместе с ним. Но я тогда думала, что нет судьбы хуже, чем изгнание из волшебной страны. Я прошу тебя, дочь Эссуса, не оставляй меня здесь. Королева дала разрешение на просьбу — и я прошу, я умоляю! — В ее глазах заблестели слезы, и когда их уже было не сдержать, ска порывисто опустила голову, чтобы я этих слез не видела.

Галек потянулся к ней первым, но я отстала всего на секунду. Она упала в наши руки. Ее плечи содрогались от рыданий, но плакала она совершенно беззвучно. Сколько лет ушло, чтобы научиться плакать без единого звука? Научиться скрывать такую боль?

Я погладила ее по золотым волосам и сказала единственное, что могла сказать:

— Конечно.

Поднимаясь, Адайр пошатнулся и схватился за стену. Из-под кирасы у него капала кровь.

— Ты ранен! — воскликнула я.

— Воины Инниса искусны, как всегда, — отозвался он немного сдавленным от боли голосом.

Имя меня удивило. Иннис всегда держался нейтралитета. Казалось, ему было все равно, кто сядет на трон, лишь бы его и его клан оставили в покое. Его люди специализировались большей частью на некромантии всяческого рода. В давние времена кое-кто из них мог собрать настоящую армию из мертвецов. Специализацией Инниса было создание призрачных воинов, способных ранить и убивать. Их же ранить было можно, а вот убить — нет. Теперь я поняла, почему стражам пришлось утихомирить его так радикально: им нужно было лишить его способности колдовать.

Хафвин подняла голову от груди Галена. Слезы еще катились по бледному золоту ее кожи.

— У меня еще осталось немного силы. Если кто-то подошел к завесе так близко, как Гален, я вряд ли помогу, но я могу посмотреть твою рану. — Она взглянула на меня. — Я буду тебе полезна, принцесса Мередит, клянусь.

— Я верю, Хафвин. Займись раной Адайра, если ни у кого нет более тяжелых ран. — Я посмотрела на Кристалла, держащего меч у горла Киерана. После бравады Адайра я решила что лучше спросить прямо: — Кто еще ранен?

Канна, единственная из пленников, у кого к горлу не был приставлен меч, сказала:

— Лорд Иннис, повелитель призраков, ранен тяжело. — Она выговорила это очень осторожно. Хвост каштановых волос у нее на затылке почти совсем растрепался, и волосы уже ложились тяжелой волной вокруг бледного лица. Глаза широко распахнуты, словно от шока, но в голосе следов волнения не было.

— А мне какое дело? — спросила я.

— Он свободный лорд двора, которым ты собираешься править, — ответила она.

— Один из многих, Канна. Не вижу в нем особой ценности только потому, что у него хватило силы и связей не попасть в гвардию.

— Многие считают, что свободные лорды значат больше, чем мы, гвардейцы.

— Потому что забыли о времени, когда получить приглашение в королевскую гвардию считалось большой честью. Тогда служба в гвардии была наградой, а не наказанием.

— Ты говоришь о таких давних временах, что помнить их не можешь, — возразила Канна. — Тебя тогда еще не было на свете. Откуда тебе знать?

— Я прислушиваюсь к рассказам, Канна. Я знаю нашу историю. Многих из лучших и наиболее одаренных воинов в гвардию пригласили, а не загнали угрозами. Повинностью и наказанием служба в гвардии стала... позднее.

— Так ты оставишь свободного лорда истекать кровью до смерти?

— Если встанет выбор между человеком, рискующим жизнью, чтобы спасти моего любимого, и человеком, пытавшимся его убить, то — да, пусть умирает. Если до этого дойдет, конечно. Не ты ли, лорд Киеран, сказал, что сидхе, способный умереть от потери крови, — это не сидхе вовсе?

Кристалл чуть отодвинул меч, чтобы тот мог ответить.

— Иннис — из чистейших сидхе, не какой-то полукровка-пикси.

— Забавно, как все же одинаково выглядит кровь, пролитая на землю, — заметила я. —

Кто-нибудь из моих людей ранен, кроме Адайра?

Я вглядывалась в лицо Киерана и была вознаграждена — вид у него стал недоуменный.

— Ты действительно оставишь Инниса умирать?

— Назови мне причину, по которой этого не следует делать, — предложила я.

— Он не настолько мне близок, чтобы я за него торговался, — заявил Киеран.

— Ну так он будет лежать и истекать кровью, пока я не передумаю.

— Клан Инниса силен, принцесса. Не стоит приобретать таких могучих врагов.

Тут я расхохоталась:

— Он уже показал себя моим врагом.

— Мы нападали не на *тебя*, — сказал Киеран.

Адайр с трудом стоял, прислонившись к стене, истекая кровью.

— Посмотрите его рану, скажите мне, насколько она опасна, и я последний раз спрашиваю: кто-нибудь еще из вас ранен?

Айслинг заговорил из-под своего плаща, скрывавшего его почти целиком:

— Я позволил этой меня достать. — Он подкрепил свои слова нажатием меча на горло

Меланжель. Достаточным, чтобы пустить тоненькую алую струйку.

— Это ты едва не вдавил шлем ей в череп? — поинтересовалась я.

— Да, но уже после того, как она меня порезала. — Он был очень недоволен собой.

— Холод, замени кем-нибудь Айслинга, надо осмотреть его рану.

— Готорн, — коротко скомандовал Холод. Готорн надел шлем и занял место Айслинга.

Догмэла стояла между двумя группами, словно не могла понять, что ей делать.

Меланжель была ее капитаном. Если только она не пожелает высказать ту же просьбу, что и Хафвин ей придется вернуться под начало Меланжель. Тем, кто оказался в гуще дворцовых интриг, приходится нелегко. Догмэла была в чем-то похожа на Галена: все мысли и чувства отражались у нее на лице. Дралась она на моей стороне, но теперь никак не могла решить, к чему ее обязывает верность. Ее колебания заставили меня отнести ее к категории тех, кому не стоит слишком доверять.

Хафвин и раненые стражи отошли к стене, оставив Галена у меня на коленях. Я провела рукой по его рубашке:

— Тебе стоит начать носить кольчугу.

— Не поможет, если только она не будет зачарована, — буркнул Адайр. Хафвин и Айслинг помогали ему раздеваться, снимая детали брони. Поддевка была вся красная от крови, на боку снизу в ней зиял широкий ровный разрез. — Смотри, вот эту броню он пробил.

— Твоя броня все же делает честь своему создателю, — отметил Киеран. — Я не смог ее пробить. Мне пришлось искать шов.

— Клинок из металла не отыскал бы это отверстие, — вздохнул Адайр. Поддевка отвалилась по кускам. Льняная нательная рубашка под ней превратилась в красную тряпку.

— Вот почему магия всегда побеждает в споре с оружием, — наставительно произнес Киеран.

— Инниса не магия остановила, — возразил Кристалл.

— Человеческая магия, — отмахнулся Киеран.

— Пистолеты — это не магия, — взялся спорить Кристалл, — это оружие.

Киеран покачал головой.

— Что есть человеческая наука, как не другое имя для магии? Вот сейчас принцесса привела человеческих чародеев в ситхен. Позволила людской магии свободно разгуливать по последнему нашему убежищу.

— Это повод напасть на меня, — сказала я, — но не на Галена. Почему выбрали его?

— Может, мы напали бы на любого из твоих стражей, попадись он нам в одиночку, — ухмыльнулся Киеран.

— Нет, — возразил Гален, не поднимая головы с моих колен, — когда я выбежал из-за угла, Меланжель сказала: "Мы ждали тебя, зеленый человек", — а потом Киеран ударил меня в спину. Где вы прятались? Я должен был пройти в шаге от вас.

— Иннис может спрятаться на ровном месте, — сообщил Холод, — и спрятать еще одного-двоих, если они будут неподвижны. — Холод все еще был настороже, охраняя меня. Он не смотрел на раненых и не принимал участия в беседе. Он работал, и это было видно всякому.

— Так почему Гален, Киеран? — я повторила вопрос.

— Лорд Киеран, — поправил он.

Я покачала головой, рука соскользнула чуть дальше по груди Галена, и теперь я чувствовала стук его сердца.

— Хорошо. Лорд Киеран Ножерукий, ответь на мой вопрос.

Он смерил меня взглядом, высокомерный и красивый, как большинство сидхе. Но его красота была холодной, а может, это мне так казалось.

— Ты меня пленила, но тебе не заставить меня отвечать на твои вопросы. Отведи меня к королеве и оставь в покое.

Я уставилась на него, чувствуя биение сердца Галена под ладонью. Киеран так храбрили просто думает, что королева ничего с ним не сделает?

— Ты напал на королевского стража. Тебя не оставят в покое, лорд Киеран.

— Сиобхан чуть не убила наследницу трона и все же жива. В заключении, но жива. Домашний мучитель королевы не отваживается тронуть волосок у нее на коже, так что ее даже не пытаются. Она посидит в клетке, пока не освободят принца Кела, а потом снова станет его правой рукой. Если королева так обошлась с той, кто едва не убила ее наследницу, то что ей до нас? Подданных Нерис оставили на свободе, хотя все они — заговорщики. Они пытались убить и тебя, и саму королеву — и никак не пострадали. — Он высокомерно фыркнул, и вся его красота вдруг показалась уродством.

— Вот почему вы с Иннисом на это решились, — сказала я. — Вы видели, что люди Нерис остались на свободе, и посчитали, что и вам ничего не грозит.

— Королеве нужны союзники, принцесса.

— Какие ж вы ей союзники, когда вы лижете задницу Келу?

— Я никому не... не прислуживаю, но уж лучше ему, чем тебе. Так думают многие.

— В этом я не сомневаюсь. — Я смотрела на него, такого самоуверенного, и очень хотела сбить с него спесь. Мне была необходима информация, которой он владел, и необходимо было заставить двор меня бояться. Бояться причинить вред моим сторонникам. Если королева не вобьет в них этот страх, мне придется придумать, как сделать это самой.

Тут раздался звон, словно ударили в огромный гонг.

— Что это? — спросила я.

Гонг зазвенел снова, не успело еще затихнуть эхо первого звука.

Холод снял нож с пояса:

— Меня вызывают.

Это был Рис.

— Чем ты занята, Мерри? Я из кожи вон лезу, пытаюсь не дать Уолтерсу и другим полицейским побегать тебе на выручку. С Галеном что-то случилось? Мы слышали, как ты кричала его имя.

— Я тронут твоей заботой, — молвил Гален, не поднимая головы с моих колен.

— А, он в порядке, — хохотнул Рис.

— Тем не менее, на него напали, — сказала я.

— Кто?

— Парочка лордов и догадайся, чьи стражи?

— Дай-ка подумаю... Кела?

— Чьи ж еще...

— С чего это он так взъелся на Галена?

— Это я и пытаюсь выяснить. Как продвигается сбор улик?

— Неплохо. Я приставил телохранителя к каждому человеку, как ты и велела. Мы уже знаем, как репортеру удалось пересечь поставленные нами магические преграды.

— Как? — спросила я.

— У него подошвы были подбиты железными гвоздями.

— Холодное железо... Он хорошо подготовился.

Отражение Риса пошло волнами: он кивнул.

— Да, он шел с расчетом подглядеть что-нибудь, не предназначенное для его взгляда.

— Это входит в должностные обязанности репортера.

— Да, пожалуй. — Рис тяжело вздохнул.

— В чем проблемы, Рис?

— Майор Уолтерс настаивает на личной встрече с тобой. Он подозревает, что отражение может быть иллюзией.

— Я сейчас немного занята. — Я бросила взгляд на пленников.

— Я догадываюсь, но если ты не появишься вскоре собственной персоной, он пойдет тебя искать. Таков краткий смысл его заявления.

— Я буду, как только смогу.

— Попытаюсь его успокоить. — Клинок внезапно опустел, в нем виднелось лишь мое искаженное отражение.

Я вернула клинок Холоду и посмотрела на пленников. Если бы я точно знала, что королева не будет против, я бы сделала что-нибудь весьма радикальное по меньшей мере с одним из лордов. Но Киеран был прав: королева не разбрасывается союзниками. На мой взгляд, Киеран под определение союзника не подходил, но Андаис могла думать иначе, и я не хотела лишней раз вызывать ее гнев. И все же ход мыслей Киерана означал, что Андаис теряет власть над знатью. Это было плохо, потому что моего политического веса не хватило бы отстоять мое право на трон, хоть я и принадлежу к правящей династии. А если Андаис свергнут и трон займет узурпатор, он будет расценивать меня как угрозу.

До меня донеслись слова Хафвин с чуть заметной ноткой злости:

— Дай мне осмотреть твою рану, Айслинг.

— Я не решаюсь открыть свое тело больше, чем сейчас.

— Я целитель. На нас не действуют практически никакие контактные чары. Иначе мы не могли бы лечить сидхе.

Айслинг упорно закрывал белым плащом окровавленный перед туники.

— Сними рубашку и покажи мне рану.

Он мотнул головой, и капюшон плаща слетел назад, на плечи. Под капюшоном оказалась вуаль на манер тех, что носят арабские женщины: тонкая золотистая полупрозрачная ткань, через которую видны очертания лица. Вуаль не закрывала только бледный лоб и странные глаза в бахроме светлых ресниц.

— Совсем забыла, что ты закрываешь лицо.

Эти слова сами собой еле гели у меня с языка.

— Теперь многое забыто, — сказал он, по-прежнему не отнимая плаща от раны.

— Я забыла, что ты закрываешь лицо, но не забыла, почему ты это делаешь.

— Да, да, — раздраженно вмешалась Хафвин. — Самый красивый мужчина в мире. Настолько красивый, что женщины, а иногда и мужчины, раз на тебя взглянув, ни в чем не могут тебе отказать. — Она вцепилась в плащ и попыталась вырвать его из рук Айслинга. Оставшуюся часть она процедила сквозь зубы: — Но я не прошу тебя снять вуаль, сними только рубаху.

— Я боюсь, что на смертную подействует и это.

Хафвин бросила игру в перетягивание плаща и даже слегка попятилась, похоже, от удивления. Я поняла, что Айслинг имел в виду меня. Как я смогу здесь править, если они так и будут считать меня человеком?!

Киеран высказал мои мысли вслух:

— Даже твои собственные стражи думают, что ты всего лишь смертная!

Я бы с ним поспорила, да вот аргументов не хватало.

— Хочешь сказать, Айслинг, что я очаруюсь твоим голым животом?

— С людьми так бывало.

Я пристально на него посмотрела:

— Ты считаешь меня человеком, Айслинг?

Он потупил взгляд, что уже было ответом.

— Да, прости. И не сочти это неуважением, принцесса Мередит. Если ты достаточно сидхе, чтобы спокойно смотреть на меня, — прекрасно, но что, если нет? Против этих чар есть лишь одно лекарство.

— Какое же?

— Истинная любовь. Ты должна по-настоящему кого-то любить, тогда ты сможешь смотреть на меня безбоязненно.

— Это не совсем верно, — возразил Готорн со своего поста возле Меланжель. — Магия Айслинга может преодолеть даже истинную любовь, если он того захочет и приложит усилия. Когда-то он мог кого угодно заставить безнадежно в себя влюбиться.

— Заставить желать его, а не любить, — поправил Адайр. — Существует разница, Готорн, как тебе известно.

— Мне так давно было отказано и в том, и в другом, что, честно говоря, я эту разницу не очень помню.

Адайр сполз по стене, рубаха висела на нем кровавыми лохмотьями. Он устало улыбнулся, в улыбке сквозила боль:

— Угу, у тебя есть резон.

Мне до боли захотелось поцеловать Адайра, стереть эту грусть из его улыбки и узнать, может ли он улыбаться по-настоящему.

— Ты можешь сесть? — спросила я Галена.

— Да, но мне нравится такое положение, — ухмыльнулся он.

Я склонилась к нему, обнимая всем телом, и прошептала прямо в макушку:

— Я так рада, что ты жив.

Он потерся лицом о мои груди, благо они так удачно расположились.

— Я тоже.

Гален сел, и я подождала немного — убедиться, что ему не станет хуже. От вида его окровавленной спины у меня опять сжалось сердце. Я сглотнула, будто проглотила тяжелый ком.

Я повернулась к Адайру, раненному и истекающему кровью из-за того, что выполнил мой приказ. Не я его ранила, но я отправила его навстречу опасности. Я встала на колени перед ними потянулась к его губам. Он отдернулся — стой он на ногах, наверное, отпрыгнул бы, — словно не хотел, чтобы к нему прикасались, или боялся, что это будет больно. Зная мою тетушку, я могла понять его реакцию.

— Ты печатен, — сказала я. — Я не хочу, чтобы ты грустил.

— Я ранен слишком сильно, чтобы меня хватило на многое, принцесса. — Его глаза раскрылись ненормально широко.

Я недоверчиво покачала головой:

— Она что, правда предлагала тебе соитие, когда ты был ранен?

Он без труда понял, о ком идет речь.

— Не мне... С другими бывало.

Предлагать секс после десятилетий воздержания, когда тебе слишком больно, чтобы получить удовольствие, или когда рана слишком сильна, чтобы ты вообще на что-то был способен... Тетушка Андаис — действительно садистка.

— Я хочу поцеловать тебя, Адайр, ничего больше. Только поцеловать, потому что, кажется, тебе это нужно.

Он ошеломленно взглянул на меня трехцветно-золотыми глазами:

— Потому что мне это нужно? Я не понимаю...

— Ты разве из тех малых фейри, что дарят поцелуи тем, кто в них нуждается? — хмыкнул Киеран. — У сидхе такое не в обычае.

— Да, не в обычае, потому что мы забыли, кто мы и что мы.

— И кто же мы? — с издевкой спросил Киеран.

Я наклонилась к Адайру. Его глаза все еще были слишком большими.

— Такая сила, какую ты вызывала раньше, причинит мне боль, принцесса. — Он говорил сдавленным голосом, но за спиной у него была твердая стена, и деваться ему было некуда.

— Без силы, только прикосновение. — Я нежно, целомудренно коснулась губами губ Адайра. Он на миг перестал дышать; я чувствовала в нем гораздо больше страха, чем желания. Я отстранилась, чтобы взглянуть ему в лицо, и увидела, как страх сменяется откровенным удивлением.

— Я не понимаю тебя, принцесса.

— Потому что она не сидхе.

— Ты спросил, кто мы, Киеран. — Я повернулась к связанному мужчине. — Мы —

божества природы. Мы, в определенном роде, персонификация природы. Мы не люди — не важно, насколько напоминаем их по форме. Мы — нечто другое, и слишком многие из нас об этом позабыли.

— И ты осмеливаешься читать нам лекции о природе сидхе, когда ты из нас всех — больше всего человек?

Я встала, распрямила ноги, слегка затекшие от веса Галена.

— Когда я была ребенком, я бы что угодно отдала, лишь бы стать высокой стройной сидхе, но чем взрослее я становлюсь, тем более ценю мою смешанную наследственность. Я ценю кровь брауни и кровь людей, текущую в моих жилах, а не только кровь сидхе.

Я скомандовала:

— Айслинг, снимай рубашку. Если я слишком человек, чтобы взглянуть на твой живот, то я слишком человек, чтобы быть твоей королевой. Дай Хафвин посмотреть, кто из вас ранен тяжелее, — хватит мешать ей работать.

Он попытался возражать.

— Я — Принцесса Плоти и Крови, дочь Эссуса, будущая королева. Выполняй мой приказ. Адайр теряет силы, пока ты выкаблучиваешься, словно стыдливая девица.

Даже сквозь вуаль было видно, что я задела его за живое, а когда доходит до такого, все мужчины ведут себя одинаково. Он бросил плащ на пол и сдернул тунику через голову одним быстрым движением. Он не ждал, пока я прикажу снять нижнюю рубашку, — просто стянул ее следом, помедлив только в районе лица, чтобы не сдернуть еще и вуаль. Против вуали я возражать не стала: когда-то его лицо околдовывало не только сидхе, но и богинь.

Я загляделась не на его торс, хотя это был очень симпатичный торс, с широкими плечами и красивым животом, если не считать сочившегося кровью пореза от талии до ребер. Я загляделась на его кожу, потому что она казалась будто посыпанной золотой пылью, сиявшей и переливавшейся на свету. При свете солнца она слепила бы глаза. Я видела уже его голую спину — среди других стражей, когда волшебное зелье свело королеву с ума. Она им всем приказала раздеться, что они и сделали в страхе перед ней.

— Как я и боялся, — бросил Айслинг.

Я качнула головой:

— Я видела тебя обнаженным, Айслинг, разве что среди стражей есть еще один с кожей словно из золотой пыли.

— Когда она вступилась за нас — напомнил Адайр, — ты стоял на коленях на полу.

Айслинг вздрогнул, хотя я не сказала бы наверняка, было это из-за воспоминания о той ночи или от прикосновения рук Хафвин к ране.

— Я забыл.

— Не настолько уж она человек, оказывается, — ухмыльнулся Гален, перебравшийся к стене.

— Или великий Айслинг потерял свою силу, — предположила Меланжель, — и прячется за вуалью не оттого, что может нас околдовать, а оттого, что уже не может.

Айслинг застыл, и на этот раз я была почти уверена, что не манипуляции Хафвин тому причиной.

— Рана поверхностная. Адайру помощь нужна больше.

— Тогда приступай. Меня ждет полиция.

Айслинг обнял себя руками, словно закрываясь от удара. Меланжель расхохоталась.

Готорн придвинул меч чуть ближе к ее горлу, и смех затих, хотя и прорывался еще через

ее сжатые губы.

— Почему вы напали на Галена? Почему именно он?

— Его выбрали, потому что он — единственный зеленый человек из твоих стражей, — ответила Хафвин.

— Это и все, что ты знаешь, — прошипела Меланжель.

— Это правда, — сказала Хафвин, заставляя Адайра придержать рубашку выше раны. — Я знаю, почему из всех выбрали Галена, но не знаю, почему был нужен именно зеленый человек.

— А Меланжель знает?

Хафвин кивнула.

— Она все знает о планах гвардии. О планах принца — не все, наверное, но большую часть.

Я кивнула.

— Хорошо.

Я подошла к Меланжель, только не слишком близко — я не хотела, чтобы она меня коснулась, опасалась так рисковать, хоть ее руки и были связаны. Когда-то она могла заставить человека зачахнуть от любви к себе. И ей для этого не нужен был секс, хватало прикосновения. Она утратила эту *силу*, *илитак* утверждали, но лучше уж перестраховаться.

— Я даю тебе последний шанс, Меланжель. Скажи нам, почему из всех вы выбрали Галена, и не один раз, а дважды — потому что я знаю, Кел заплатил феям-крошкам за то, чтобы они его изувечили. Почему для Кела так важно, чтобы Гален не оказался в моей постели? — Я велела Готорну немного отодвинуться, чтобы она могла говорить, если пожелает.

— Я не предаю своего господина, потому что я Келу присягала. Я никогда не служила твоему слабовольному отцу.

Я ей сладко улыбнулась.

— Мой отец слишком велик, чтобы его память задевали булавочные уколы. Ты не ответила на мой вопрос.

— Ни магией, ни пытками ты не заставишь меня позабыть мою верность. — Она бросила презрительный взгляд на Хафвин, склонившуюся над раной Адайра.

— Айслинг, ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы подойти к нам на минутку?

— Это только царапина.

Будь он человеком, ему наложили бы не меньше десятка швов. Я бы такую рану царапиной не назвала, но это его дело. Он подошел к нам с мечом наготове.

— Убери меч, Айслинг.

Он замешкался на миг, а потом убрал.

— Что тебе нужно от меня, принцесса, если не мой меч?

— Если ты покажешь свое лицо женщине-сидхе, она скажет тебе все, о чем ты спросишь?

— Ты хочешь, чтобы я ее околдовал и допросил?

— Да.

Глаза Меланжель слегка расширились.

— Я никогда не использовал свою власть таким образом.

— Но это получится?

Он подумал.

— Да.

— Тогда давай посмотрим, не заставит ли ее вожделение позабыть о верности.

Я жестом велела стражу, охранявшему Канну, вторую женщину из гвардии Кела, повернуть ее лицом к стене. Догмэла уже ушла в дальний конец коридора. Может, она и хранила верность господину, но не настолько, чтобы присоединиться к связанным соратникам. И не настолько, чтобы попытаться их защитить. Интересно, что Меланжель и Канна разговаривали только с Хафвин, а Догмэлу будто вовсе не видели. Айслинг взялся руками за края вуали.

— Тебе тоже нужно отвернуться, принцесса.

Я кивнула и отошла на несколько шагов назад. Хотя, надо сознаться, желание посмотреть ему в лицо было почти невыносимым. Посмотреть на такую красоту, что в нее влюбляешься с одного взгляда. На такую красоту, что ради нее можно предать все, что тебе дорого. Да, посмотреть очень хотелось.

Холод слишком хорошо меня знал. Он взял меня за локоть и передвинул немного дальше за спину Айслинга. Глаза его смотрели на меня укоризненно, и я пожалала плечами. А что тут скажешь?

Айслинг снял вуаль, но все, что я увидела, — это что волосы у него золотисто-желтые, как медовые струи, и сияют искорками, как и его кожа. Волосы были как-то хитро заплетены, так что казались много короче, чем были на самом деле. Интересно, кто заплетает ему волосы, если никто не может смотреть ему в лицо?

— Она закрыла глаза, — сообщил Айслинг.

— Готорн, срежь ей веки. Потом отрастут.

Она поступила так, как я рассчитывала: при первом прикосновении ножа открыла глаза. Она моргнула, и Готорн убрал нож. Ее взгляд двигался вверх по телу Айслинга, словно притягиваемый магнитом. Я определила по выражению глаз момент, когда она увидела его лицо. Шок преобразил ее черты. Вид у нее был испуганный, словно она смотрелане на изумительную красоту, а на жуткое уродство.

Готорн отвернулся. Лорд Киеран — тоже. Только Кристалл продолжал смотреть в лицо Айслингу, не моргнув глазом. Он улыбался, словно видел что-то чудесное. Белоснежная кожа наполнилась сиянием, один этот взгляд пробудил его магию. Только когда в его волосах радугами заиграли краски, он отвернулся, будто не в силах больше вынести такое зрелище.

Меланжель закричала, и это был вопль невозместимой утраты. Эхо крика затерялось в каменных стенах, и ее глаза наполнились... любовью. Адайр ошибался, это было не только вожделение. Ее глаза горели слепым обожанием первой подростковой любви или любви новобрачных в идеальный медовый месяц. Она смотрела на Айслинга так, словно в нем для нее заключался целый мир.

Меланжель никогда не любила Айслинга и почти с ним не общалась. Сейчас же она смотрела на него, как цветы смотрят на солнце, и меня от этого затошнило. Мне не нравилась Меланжель, но это было... неправильно. Если от этого нет лекарства, то я совершила с ней нечто гораздо худшее, чем все попытки, какие я могла изобрести. Безнадежно, всепоглощающе любить того, кто тебя ненавидит... Даже в Дантовом аду не было такого наказания для грешников.

Холод, видимо, это понимал, потому что поторопил Айслинга:

— Начни допрос.

— Почему вы напали на Галена?

— Чтобы его убить.

Может, она была не настолько околдована, как казалось.

— Почему вы хотели его убить?

— Потому что принц Кел не хочет, чтобы Мередит с ним спала.

— А почему он этого не хочет?

Меланжель с силой потрясла головой, словно надеялась прочистить мозги.

Айслинг опустился на колени, приблизив к ней лицо.

— Почему Кел хочет удалить Галена из постели Мередит?

Она зажмурилась.

— Нет, — прошептала она, — нет.

— Ты не сможешь изгнать меня из своей памяти, Меланжель. Ты меня увидела. Этого уже не изменить. — Это был всего лишь шепот, но он будто прополз по моей коже. Я задрожала — а ведь это было направлено не на меня!

Холод прошептал мне на ухо:

— Когда-то она владела сходными силами; она может быть устойчива к его чарам.

— Она могла убивать прикосновением...

— А как заставить мужчину к себе прикоснуться? Заставив себя пожелать.

Звучало логично, хотя Меланжель вообще-то хватило бы и одной красоты, без колдовских ухищрений.

Айслинг наклонился к ней, и я подумала, он ее поцелует, но она попятилась назад, пока не натолкнулась на меч Готорна.

— Не трогай меня, — прошептала она.

— Ты сказала, что моя власть ослабела, Меланжель. Отчего же бояться моего прикосновения, если я — лишь призрак того, кем был? Почему Кел хочет убрать Галена из постели Мередит? — Он взял ее лицо в ладони, и она закричала, хоть и не от боли. — Я хочу испытать, чья магия сильнее, Меланжель, моя или твоя? — Он поцеловал ее — долго и страстно.

Холод напрягся всем телом. Что означало, что когда-то поцелуй Меланжель был опасен. Этого я не знала. По-настоящему опасен.

Айслинг отстранился. Лицо Меланжель было одурманено желанием.

— Моя сладкая, скажи мне, почему Келу так не нравится присутствие Галена в постели Мередит?

Она сглотнула так громко, что я услышала через полкоридора, и ответила:

— Пророчество гласит, что зеленый человек вернет жизнь двору.

— Какое пророчество? — спросил Айслинг.

— Кел спросил у провидца, представляет ли Мередит настоящую угрозу. Ответ был, что она вернет жизнь двору с помощью зеленого человека и чаши. Гален — единственный зеленый человек, которого она взяла с собой. Когда мы увидели, как она на него смотрела на пресс-конференции, мы убедились, что он — ее зеленый рыцарь.

— Никому из вас не пришло в голову, что зелеными людьми называют божеств растительности и даже Консорта могут так назвать? — спросила я.

Меланжель пропустила мой вопрос мимо ушей, но когда его повторил Айслинг, ответила:

— Принц Кел сказал, что пророчество говорит о Галене.

— А вы верите всему, что говорит Кел? — спросила я.

Айслинг произнес те же слова, и она сказала:

— Да.

— Дура, — прокомментировала Хафвин за моей спиной.

— Что еще говорилось в пророчестве? — спросил Айслинг.

— Что когда некто от плоти и крови воссядет на трон, Кел умрет.

— Как он понял слова "от плоти и крови"?

— Смертный.

— Наверное, вы по потолку забегали, когда оказалось, что принцесса владеет руками плоти и крови.

— Да, — просто сказала Меланжель.

— Есть еще что-нибудь, что нам следует знать о действиях Кела? — спросил Айслинг, и я мысленно похвалила его скрупулезность.

Она согнулась как от боли. Готорн отступил, не решаясь к ней прикоснуться. Его магия не была подобна магии Меланжель или Айслинга, так что, возможно, эта женщина представляла для него опасность. Как бы то ни было, веревка упала с ее рук, а Готорн этого не заметил, потому что смотрел в сторону. Айслинг потянулся за мечом, но он стоял на коленях в неудобной позе. Она вскинула руки к лицу и выцарапала себе глаза — мы смогли только ошеломленно смотреть. У нее по лицу потекли кровь и прозрачная жидкость.

— Теперь вы меня не заставите выдавать тайны! — заявила она злобно, обычным своим голосом.

Айслинг вдвинул в ножны наполовину вытащенный меч.

— Меланжель, ты не перестанешь меня видеть. Я тебя предупреждал.

Не могу сказать, слезы текли у нее по щекам или остатки ее глаз.

— Зрелище твоего сияющего лица будет последним, что мне довелось видеть. Я тебя за это ненавижу, но сожалеть не могу.

— Ох, Меланжель, — сказал он и коснулся ее щеки. Она легла окровавленной, мокрой щекой ему на ладонь, как это делают любовники. Она позволила ему ласкать свое лицо — всего мгновение — и выпрямилась опять.

— Ведите меня к королеве, в темницу, куда угодно — только уведите от него.

Готорн поднял ее на ноги и заново связал ей руки, тщательно проверив узлы.

— Что с ней делать, принцесса?

— Я имею право требовать суда королевы, — заявил Киеран.

— Ты — да, но не она. Если бы Кел был на свободе, ее следовало бы отвести к нему, но сейчас... — Я покачала головой и отвернулась от изуродованного лица. — Холод... — Я уткнулась лбом в его грудь. — Я не знаю, что с ней делать.

— Отправь ее в темницу. Скажи Иезекиилю не трогать ее до дальнейших твоих распоряжений.

— А с Канной?

— То же самое.

— Лорды?

— Посмотрим, что с ними сделает королева.

Холод распределил поручения между стражами. Догмэлу он послал с лордами. Толкая в спину Киерана, она сказала мне:

— Я не любительница женщин.

Реплика была настолько не к месту, что я смогла лишь пробормотать:

— Я тоже.

— Но Хафвин...

Тут до меня дошло, что, пока мы пытались найти разгадку покушений на Галена и выясняли подробности заговора Кела, она была озабочена своей добродетелью. Она хотела уйти от Кела, но не настолько, чтобы лечь с женщиной. Чтобы избавиться от Кела, я переспала бы даже с существом, вообще не похожим на человека. Я умею выбирать из двух зол меньшее. Глядя на Догмэлу, я не знала, смеяться мне или плакать. Перед моими глазами все еще стояло изуродованное лицо Меланжель. Наверное, оно мне будет сниться в кошмарах.

— Я пересплю с Хафвин и с кем угодно, кто пожелает присоединиться ко мне, но не потому, что я люблю женщин, а потому, что я никого не хочу оставлять на милость Кела, если в моих силах их спасти. А теперь уведи Киерана к королеве и доложи ей о его преступлениях честно и точно.

Она ушла, и другие ушли вслед за ней, двое стражей несли все еще бессознательного лорда Инниса. За ним тянулась кровавая дорожка.

Айслинг опять накинул на голову золотистую вуаль. Порез у него на животе почти затянулся.

— Использование силы пошло тебе на пользу, — отметила я, все еще прячась на груди Холода.

— Мне пошло на пользу, что я переиграл Меланжель в ее собственную игру. А когда-то она была почти равна мне силой.

— Она потеряла большую часть себя, — сказал Холод.

— Ее звали Сладким Ядом...

Я хотела спросить, расстроен ли он поступком Меланжель. Волновало ли его, что женщина предпочла вырвать себе глаза, только бы не глядеть ему в лицо? Но я ничего не спросила. Это я просила его применить свою силу. Ответственность лежала на мне. То, что я не предвидела последствий, меня не оправдывало. Нельзя использовать неизвестную тебе магию — именно потому, что в результате случается вот такое дерьмо. Я уткнулась лицом в грудь Холода, чтобы не смотреть на Айслинга, даже в вуали.

Айслинг засмеялся глубоким, красивым мужским смехом.

— А меня звали Прекрасным Ужасом.

По голосу было слышно, что он доволен собой.

Я хотела сказать, что не думала, что все так выйдет, но промолчала. Все равно это не оправдание.

Майор Уолтерс, полиция, криминалисты и медэксперт доктор Поласки обрушили на меня поток жалоб и упреков. Ноутбук не работает. Сотовые телефоны не работают. Никакое оборудование на батарейках не работает, даже сами батарейки не работают! И я ли это кричала недавно и почему я звала Галена?

Гламор позволяет скрыть множество грехов; у нас с Галеном у обоих хватило умения скрывать кровь. Пока никто не вздумает хлопнуть кого-нибудь из нас по плечу и не обнаружит мокрую и липкую от крови одежду — мы в безопасности.

— Мы не знаем, что происходит здесь, в холме, с современной техникой. Мне очень жаль, что она не работает, — сказала я. Я бы очень хотела, чтобы они перестали орать все одновременно, но грубить им не стоило. Копы не любят, когда у них ни черта не выходит, особенно если только что на них взъелись из-за вас все местные фэбээровцы. Не важно, что Уолтерсу понравилось, как я скормила Маркесу его собственную шляпу: все равно из-за этого жизнь полицейского могла сильно усложниться.

— Внутри ситхена встречаются довольно жуткие твари. Одна из них чуть не напала на Галена. Я перепугалась, только и всего. — Я отвернулась, надеясь избавиться от Уолтерса и его вопросов. Мне сейчас было не до словесных игр. Лицо Меланжель то и дело всплывало передо мной. Заверения Холода, что глаза у нее восстановятся, если только она будет находиться в пределах волшебной страны, но не в Зале Смертности, были слабым утешением — если она так и останется одержима безнадежной страстью к Айслингу. Мы в чем-то обездолим Меланжель, если она не сможет излечиться от этой любви.

Уолтерс схватил меня за руку. Я этого не ожидала.

— Принцесса Мередит, что вы... — Его голос затих, потому что рука, за которую он схватился, была вся в крови. Я чуть не упала, с такой силой он меня дернул, и моей концентрации не хватило. Холод тут же двинулся мне на выручку, но гламор на мкг ослаб. Уолтерс успел заметить, что я скрываю.

Он бросил быстрый взгляд на остальных копов, но все были уже заняты своей работой, пытаюсь собрать улики без всяких своих электронных помощников. Руку мою он не выпустил.

— Нам надо поговорить, — сказал он на удивление спокойно.

— Наедине, — уточнила я.

Он кивнул.

— Отпустите руку принцессы, — велел Холод.

— Все в порядке, Холод.

Я прошла за угол и еще немного по коридору. Там, где мы с Мистралем занимались любовью, серый камень сменился сияюще-белым мрамором с золотыми и серебряными прожилками. Как будто мы изменили что-то в самой природе ситхена. Королева этому не обрадуется, но пока думать об этом не стоит: проблемы надо решать по одной.

Когда вокруг нас остались только мои стражи, Уолтерс сказал:

— Покажите мне то, что я чувствую, принцесса, потому что вижу я другое.

Надо ли было мне попытаться обмануть его? Может быть, но я устала от игр. Мы так и не знали, куда исчез Аматеон. Чаша тоже пропала, и кто знает, где и когда она теперь объявится? Единственная причина, по которой Холод оказался рядом со мной, когда я

внезапно материализовалась в совершенно другом коридоре, — это что он схватил меня за руку, когда я начала таять на глазах. Не его реакция — и я бы очутилась в гуще битвы одна, без всякой защиты.

Я сбросила гламор и почувствовала мелкое удовлетворение, увидев, как поехали вверх брови майора, прежде чем он успел поймать их и водворить на место. Но по его изумлению я поняла, что выгляжу еще хуже, чем мне казалось.

— Что с вами стряслось, черт побери? — Он отпустил меня и глядел теперь на свою перемазанную в крови ладонь.

— Еще одно покушение, — ответила я, опустив, что это было покушение не на меня. — Галена ранили в ходе драки.

Более или менее правда.

Уолтерс перевел взгляд на Галена. Я кивнула, и Гален тоже сбросил гламор. Даже повернулся кругом, чтобы предоставить Уолтерсу полную картину.

— Как ему удастся стоять на ногах?

— Сидхе исцеляются быстрее, чем обычные смертные, — напомнила я.

— После такой потери крови?!

— У меня слегка кружится голова, — сообщил Гачен, — но дайте мне час-другой, и я буду как новенький.

— Господи, хотел бы я выздоравливать с такой же скоростью.

— Я бы тоже хотела, — присоединилась я.

Уолтерс посмотрел на меня удивленно.

— А, я и забыл, вы смертная вроде нас.

Я пожала плечами:

— Так говорят.

— Вы не излечиваетесь так же быстро, как они все.

— Нет.

— Но ваша рука уже не на перевязи, — сказал он, подкрепив слова жестом.

— Нет, но я исцелилась в ходе особого ритуала. — Ритуалом был секс с Мистралем, но я не думала, что моя откровенность должна заходить так далеко.

Майор покачал головой.

— Ваша кровь здесь есть?

— Нет.

— В прошлый раз — его, — он указал на Холода, — теперь — его, — он указал на Галена, — в конце концов вы добьетесь, что кого-нибудь из них прикончат.

— Надеюсь, нет.

В моем голосе отразились и усталость, которую я чувствовала, и печаль, вызванная словами Уолтерса.

— Возвращайтесь в Лос-Анджелес, принцесса. Берите ваших людей и уезжайте.

— Зачем?

— Затем, что на вас совершили два покушения за два дня, да еще это двойное убийство. Кто-то хочет вашей смерти, и ему плевать, кто еще при этом пострадает. А если кто-то по-настоящему хочет вашей смерти, он своего добьется. Может, не сегодня и не завтра, но пробудьте здесь достаточно долго — и вас убьют.

— Вы пытаетесь запугать меня, майор Уолтерс?

— Я не хочу, чтобы вы погибли, пока я за вас отвечаю. Я согласился приехать сюда

частично ради своей карьеры, признаю. Но если вы умрете, пока я буду в вашем гребаном фейриленде, моей карьере конец. Я навсегда останусь тем, кто допустил вашу гибель.

— Единственное, что вы можете сделать, пытаясь защитить меня от моих врагов, — это умереть раньше меня. Не думаю, что мне это очень поможет.

— Это вы шутите так?

Я вздохнула и потеряла лоб, изо всех сил стараясь не сорваться на крик.

— Нет, майор, я не шучу. Вам просто не под силу справиться с моими преследователями или защитить меня от них. Мне нужна ваша помощь в раскрытии этих убийств, но честно говоря, если бы я знала, как опасно стало сейчас находиться в волшебной стране, я бы вас не позвала.

— Мы — полицейские, принцесса. Мы привыкли испытывать судьбу.

Я устало покачала головой.

— Вы собрали достаточно улик? Нашли, что вам нужно?

— Доктор Поласки хочет знать, что произойдет, если нам удастся найти следы, указывающие на определенное лицо.

— Она что-то нашла?

— Она хочет знать, что... — он сделал паузу, — вы сделаете, получив наше заключение.

— Используем его для поимки и наказания убийцы.

Он покачал головой, вытер ладонь о полу куртки.

— А суд?

Я улыбнулась, и улыбка вышла неприятной, я знала.

— В волшебной стране нет формального суда, майор Уолтерс.

— То есть из-за собранных нами улик кого-то убьют?

— Наказанием за убийство обычно является смерть, так что его казнят, да.

— Тогда мы вернемся в лабораторию и свяжемся с вами позднее.

— Вы что-то нашли, — сказала я с утвердительной интонацией.

Он кивнул.

— Прежде чем отдавать это в суд, мы все прогнали бы через компьютер. Если свидетельства послужат основанием для казни без суда, мы должны быть еще осторожней.

— Что вы нашли? — спросила я.

— Рано говорить, — качнул головой Уолтерс.

— Вы же понимаете, что убийцей может быть тот, кто организует покушения на мою жизнь. Не делясь со мной своими подозрениями, вы, возможно, подписываете мой смертный приговор. К тому времени, как вы проанализируете ваши сведения, для меня может быть слишком поздно.

Его руки сжались в кулаки, он зажмурился.

— Я сказал это доктору, и не один раз. Без толку.

— То есть вы тоже не знаете.

— Я знаю, что у нас есть отпечаток руки, подходящий к нашим образцам, а образцы отпечатков мы брали только у тех, кто побывал в том коридоре.

— То есть у стражей.

— И у кухонных работников, — добавил он.

Я внимательно посмотрела на него.

— Но вы думаете, это один из королевских стражей?

— Я бы опасался именно их, будь я на вашем месте.

— Я могла бы выудить из доктора, что она узнала, или поручить это одному из моих стражей.

— Использование магии против сотрудников полиции — уголовное преступление, принцесса.

— У меня дипломатический иммунитет.

— Вам больше никто не станет помогать ни в моем отделе, ни на всей нашей стороне реки. Может, никто вообще. Ни одно правоохранительное учреждение Штатов никогда вам не поверит. Позвать нас и промыть нам мозги... — Он покачал головой. — Может, я и не согласен с Поласки, но я стану драться, чтобы она осталась при своей воле и праве решать.

Я посмотрела в его светлые глаза и поняла, что он настроен серьезно. Либо я вытяну нечто полезное из Поласки — и на меня ополчится вся полиция разом, либо я оставлю ее в покое и буду надеяться на то, что доктор знает, что делает. Если я не полагаюсь на мнение экспертов, то зачем я вообще их сюда позвала?

— Я доверюсь суждению доктора Поласки и учту вашу нестигаемую позицию. Я подчинюсь вашим правилам.

Холод слегка дернулся, словно был не согласен со мной.

— Мы все подчинимся правилам, как я пообещала. Все поняли?

Кто-то кивнул, Иви ухмылялся, будто не вполне мне поверил. А может, усмехался чему-то своему. С ним никогда наверняка не знаешь.

— Я понял, — сказал Холод. — Я с тобой не согласен, но подчинюсь твоему приказу.

Уолтерс кивнул.

— Попытаюсь поторопить доктора и ее лаборантов и сообщить вам все полезное так скоро, как смогу, но имейте в виду, что отпечатки — это лишь косвенные улики. Они не служат достаточным основанием для смертного приговора.

— В человеческом суде, — поправила я.

— Попробуйте сказать то же самое доктору Поласки. Вы из нее тогда слова не вытянете.

— Я говорю не с ней, а с вами.

— Вы думаете, что я вам все выдам?

— Я думаю, вы лучше нее понимаете, какой опасности подвергаемся мы с моими стражами.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Может, и так. Но в одном я с Поласки согласен: я не хочу, чтобы на моей совести была смерть невиновного. Смерть нельзя отменить, принцесса Мередит. Пути назад не будет. Я хочу знать наверняка, что обвинил кого следовало, прежде чем кто-то возьмется за топор.

— Как и я, майор, и я всеми силами стараюсь получить как можно больше свидетельств.

— Но вы сказали, что улики повлекут за собой казнь!

— Я сказала, что это возможно и даже вероятно, но, как и вы, я хочу быть уверена. Чистая совесть и все такое, но еще важнее, майор, что после казни преступника расследование прекращается. Если мы казним не того, настоящий преступник сможет убивать снова. Это мне совсем не нужно.

— То есть для вас не так страшно казнить невиновного, как оставить виновного на свободе?

— Убийца, которому преступление сошло с рук, нередко его повторяет.

Майор кивнул.

— Да, большинство вроде как входит во вкус. — Он взглянул на меня вопросительно: — Если здесь все, кроме вас самой, бессмертные, то почему умерла эта Беатриче?

— Вот и еще один вопрос, правда?

— Может быть... — начал Айслинг.

Я не хотела к нему поворачиваться. Я поняла, что злюсь на него. Злюсь за то, что он сделал с Меланжель. За то, что для него это было как с гуся вода. Он вообще был чуть ли не доволен.

К нашей компании присоединился Мистраль.

— Прошу прощения, принцесса. Королева Андаис крайне желает вас видеть. — Его лицо при этих словах не выражало ничего. Он был слишком уж спокоен. Что-то стряслось.

— Принцесса, почему бы вам не поговорить с доктором лично? — предложил Айслинг.

Я набрала воздуха побольше и медленно выдохнула, а потом очень осторожно повернулась и посмотрела на Айслинга.

— Неплохая мысль, — сказала я, и голос прозвучал как обычно, а вот с лицом мне, кажется, совладать не очень удалось.

Айслинг улыбнулся. Я увидела улыбку сквозь вуаль — ткань была достаточно прозрачная.

Я отвернулась от него, пытаюсь сделать это не слишком откровенно, но вряд ли кого-нибудь обманула. Разве что Мистраль не понял, почему мне не хотелось видеть эту загадочную улыбку, но он и не знал, что я натравила Айслинга с его улыбкой на другую женщину.

— Нет, — сказал Уолтерс. Мы все повернулись к нему.

— Почему? — спросила я.

— Я и это не должен был рассказывать.

— Но ведь вы распоряжаетесь расследованием? Со стороны людей, я имею в виду.

— Формально — да, но она — главный медэксперт и своими людьми командует сама. Если бы я был шефом местной полиции, я мог бы ей приказать, но я из другого подразделения.

— То есть заставить ее вы не можете, — заключил Холод.

Уолтерс покачал головой.

— Она разозлится, что я так много вам рассказал. И ей еще меньше захочется что-то вам говорить.

— Так зачем тогда вы нам это рассказали? — спросил Айслинг.

На этот раз я на Айслинга не взглянула. Я упорно смотрела на Уолтерса.

— Потому что это должен быть один из тех, кто был с вами в том коридоре. Ведь мы брали отпечатки только у них. Я не назову его имя только потому, что его отпечатки оказались в неподобающем месте, если вы намерены его тут же убить. Но я и не хочу, чтобы вас убили.

— Надо же, майор, я тронута, — холодно сказала я.

— Дайте мне слово, что подозреваемому не причинят никакого вреда, и я помогу вам уговорить Поласки.

— Я даю слово, что сделаю все от меня зависящее, чтобы ему не причинили вреда.

— Это не одно и то же, — сказал Уолтерс.

— Я только принцесса, а не королева. У меня нет абсолютной власти. Вы в том же

положении: вы можете что-то пообещать, а глава полиции округа решит по-другому, и что тогда будет?

Он покачал головой.

— Ладно, поговорите с Поласки, но она будет нами не слишком довольна.

— С чего бы ей отличаться от остальных?

— Что? — не понял он.

Я отмахнулась.

— Не обращайтесь внимания, Уолтерс, я не в лучшей форме.

— Если б я пережил два покушения за два дня, я бы тоже вышел из себя.

Я подумала над его словами. Нет, меня заботила не возможность собственной гибели: я боялась, что убьют кого-то еще. Есть рациональное зерно в том, что президенту и членам его семьи не положено спать с агентами спецслужб, которые их охраняют.

На руке Галена еще не высохла кровь. Слишком много крови. Слишком много всего случилось за такое короткое время. Пожатие руки Галена бросило меня в мелкую дрожь. Я поняла, что вот-вот сломаюсь.

— Оставьте нас ненадолго, майор, пожалуйста. — Голос у меня подрагивал.

Он начал было спорить, но, поглядев мне в лицо, просто кивнул и пошел обратно по коридору. Я держалась, пока он почти не скрылся из виду, а потом всхлипнула в первый раз и вцепилась в Галена, чувствуя, как соскальзывает гламор, как он ушел совсем. Я захлебывалась рыданиями, у меня началась гипервентиляция, дышать стало трудно, колени подгибались. Гален сел на пол, прислонившись спиной к стене, и дал мне обхватить себя ногами за пояс, дал прильнуть к нему так крепко, как я только могла.

Он гладил меня по голове и повторял:

— Все хорошо, все хорошо.

— Дыши медленно и глубоко, Мередит, — сказал Холод, опускаясь на колени рядом с нами. — Нужно выровнять дыхание, или ты упадешь в обморок.

Я сражалась с бессловесным, визжащим ужасом. Я пыталась вдохнуть и не могла.

Гален гладил меня по волосам и врал:

— Все в порядке, мы целы, я цел, все хорошо.

Вранье, все вранье! Мое тело кричало: "Не могу дышать, не могу дышать, не могу дышать!"

Холод сжал мое лицо ладонями так крепко, что было почти больно. Заставил меня поглядеть на него.

— Мередит!

Он поцеловал меня. Может, просто чтобы заставить замолчать, а может, ничего другого не пришло ему в голову. Вороны королевы обучены обращению с оружием, бою, военной стратегии, даже политике. Женские истерики в списке не значились.

Его губы накрыли мой рот, и я попыталась оттолкнуть Холода. Мне не хватало воздуха. Я вывернулась из рук Галена и полоснула Холода ногтями. Ондохнул мне прямо в рот ледяным ветром, и я замерла на месте. Мое тело просто застыло. Наверное, даже кровь в жилах остановилась. Секунда пустоты, молчания, неподвижности, холода.словно бросок в ледяную воду. Шок остановил истерику, все остановил — на миг.

Холод оторвался от моих губ, и дыхание вернулось ко мне — глубочайшим, до рези в груди вдохом. Я вдохнула несколько раз подряд, до боли глубоко, пока он держал мое лицо и смотрел мне в глаза, словно пытаюсь отыскать в них меня. В его глазах снова возник

заснеженный пейзаж, и мне казалось, будто я падаю, падаю вперед, в глаза Холода. Он моргнул, и ощущение пропало, но я решила, что когда-нибудь выясню, что произойдет, если я буду вглядываться в эти снежные глаза подольше. Но только не сейчас.

— Принцесса, — произнес женский голос, — прошу прощения, что помешала...

Я вытерла слезы рукой, и это не слишком помогло, потому что мне удалось только еще больше вымазаться в крови Галена. Наверное, я, когда повернулась к доктору Поласки, была похожа черт знает на что.

Она задохнулась на полуслове, из чего я точно поняла, как выгляжу. Полицейских медэкспертов не так-то просто испугать своим внешним видом.

— Майор Уолтерс рассказал мне немного о том, что с вами случилось. — Она покачала головой, сняла очки и вытерла лоб тыльной стороной ладони.

— Нам не хотелось бы, чтобы широкая общественность узнала о внутренних делах фейри, — сказал Холод.

— Я не проговорюсь. — Она посмотрела на меня, и у нее на лице я разглядела едва ли не жалость. — Вы сможете поговорить со мной, принцесса?

Я глубоко вдохнула, дыхание было еще неровным. Голос прозвучал хрипло, и мне пришлось откашляться, но наконец я выговорила:

— Я слушаю, доктор.

Стражи отступили, чтобы она могла подойти поближе. Я так и сидела верхом на Галене, и если эта интимная поза ей не понравилась, то она никак этого не показала. Я осталась сидеть, потому что по-прежнему хотела сжимать Галена так крепко, как только могла. Это было почти как цепляться за него, но не так, чтобы всем было видно, что я в него вцепилась. Гален обнимал меня за талию.

Поласки присела рядом с нами, чтобы глаза были на одном уровне.

— Мне нужно кое-что узнать, и спросить я могу только у вас, но я могу выдать самими вопросами, кто меня интересует больше всего.

— Понятно, — сказала я.

Она снова надела очки и качнула головой.

— Не думаю, что вы поняли. Уолтерс сказал мне, что суда над преступником не будет. Вы станете его пытаться или просто убьете. Это правда?

— Да, — ответила я.

Она подождала, надеялась, что я продолжу. Потом улыбнулась и сказала:

— Ни один человек не ограничился бы таким ответом. Он почувствовал бы желание оправдаться, что отнимает у кого-то жизнь. Он так много всякого почувствовал бы... — Она посмотрела на меня из-под длинных ресниц. — Но вы чувствуете не так, как мы.

— Дело не в происхождении, доктор. Не важно, что я фейри, а вы человек. Дело в культурных различиях. Я выросла в мире, где пытка — обычное наказание для преступника, а когда необходимо — применяется казнь, нечасто, но без проволочек. Мы не откладываем казнь лет на двадцать, дожидаясь, пока мерзавец найдет законный способ увильнуть от наказания.

— Я много страшного видела в жизни, принцесса, и спала бы спокойней, если бы кто-то уснул навеки. — Она вздохнула. — Мне нужно ваше слово, что вы не казните того, о ком я вынуждена сказать.

— Я не могу пообещать это, не солгав.

— Тогда что казни не будет до тех пор, пока я не обработаю собранные улики.

Я посмотрела на Холода и стоящего с ним рядом Мистралья.

— Как вы думаете, я могу это пообещать без страха нарушить клятву?

— Полагаю, королева учтет твоё слово чести и не захочет оскорбить человеческую полицию.

— Мне нужно твердое "да", — сказала я.

— Простое "да" может оказаться неправдой, — сказал Холод. На лице у него была самая лучшая из его масок: надменная, непроницаемая. Наверное, предназначенная доктору, не мне.

— Мистраль? — спросила я.

— Она в последнее время очень заинтересована в хорошем общественном мнении. Смерть репортера сама по себе неприятное событие. Она не захочет усугубить это казнью без суда.

— Значит, да, — подытожила я.

Он посмотрел на Холода, потом оба повернулись ко мне. Мистраль сказал:

— Она — Андаис, Королева Воздуха и Тьмы. — И пожал плечами.

— Ваше слово, что вы никого не позволите казнить, пока я не обработаю улики, — сказала Поласки.

Я подумала еще немного и сказала:

— Даю слово, что сделаю все, что в моих силах, чтобы никому не причинили непоправимого вреда, прежде чем вы снова с нами не свяжетесь.

— Непоправимого вреда. — Она чуть не улыбнулась. — Никогда не слышала такой формулировки.

Я просто смотрела на нее, надеясь, что по моему лицу ничего нельзя прочесть.

— Хорошо, я принимаю ваше слово. Не разочаруйте меня.

— Постараюсь, — сказала я.

— Могут ли малые фейри менять облик?

— Среди фейри много оборотней.

— Могут ли маленькие фейри стать большими, примерно в человеческий рост?

— Вы имеете в виду маленьких крылатых фейри, фей-крошек?

Она кивнула.

— Некоторые из них на это способны. Но немногие.

Гален принялся поглаживать мне спину. Не знаю точно, кого он старался успокоить — меня или себя.

— Немногие — это сколько?

— Еще недавно мы думали, что они утратили эту способность.

— Пока мы знаем только одного, кто может это делать, — добавил Холод.

Поласки бросила на него быстрый взгляд.

— Тогда другой вопрос. Может ли какое-то заклятие или воздействие магии холма повлиять на мое зрительное восприятие?

Мы переглянулись с Холодом и Галеном. Холод сказал:

— Я уверен, что Рис сделал все возможное, чтобы защитить вас от явных чар.

— А может ли кто-то магически воздействовать на сами отпечатки? — спросила она.

— Если понимают, для чего это нужно, — сказала я. — Так что все, кто не смотрит телевизор, отпадают. А это большинство стражей. Но если принцип понятен, то можно сделать так, что все отпечатки будут казаться похожими.

— А подменить отпечатки?

— Не думаю, но наверняка не скажу, — ответил Холод.

Мистраль произнес:

— Я не знаю, в чем дело с этими отпечатками, но похоже, это как следы животных?

— Неплохая аналогия, — сказала Поласки.

— Тогда я согласен с Холодом, изменить их на самом деле будет трудно.

— То есть скорее помутят мое представление о предмете, чем изменят сам предмет?

Мы все с этим согласились.

— Тогда мне нужно отсюда выбраться и проверить свои находки на рабочем компьютере.

— Ваши первые вопросы указывают на одну из фей-крошек при кухне, — сказала я.

Она кивнула.

— Но только в случае, если они могут стать такими же большими, как мы. Отпечаток размером почти с мою ладонь, но совпадает с отпечатками одной из фей.

— Которой? — спросила я.

Она покачала головой:

— Этого я не скажу.

— В таком случае мы посадим под замок всех фей.

— Всех?! — переспросила она.

Я кивнула.

— Для вас осторожность — это не посадить кого-то в тюрьму по ошибке. Для нас — посадить как можно больше, чтобы виновный точно оказался за решеткой.

Она вздохнула, потом опять кивнула.

— Хорошо. Это Душистый Горошек.

Я не смогла скрыть удивления.

— Это вас удивило? Почему?

— Потому что они были очень близки с Беатриче. Я давно ее знаю, по человеческим меркам. Не могу представить, чтобы Душистый Горошек причинила вред Беатриче.

— Значит, кто-то мутит мне зрение, потому что я нашла отпечаток ладони на спине Беатриче... — Она оглядела мужчин: — Можно мне показать на ком-то?

Айслинг сделал шаг вперед, но я вмешалась:

— Иви.

Иви шагнул к нам с игривым огоньком в глазах, что мне не понравилось.

Айслинг, улыбнувшись, вернулся в строй.

— Не могли бы вы повернуться? — попросила Поласки. Иви молча повернулся, подставив ей спину. — Снимите плащ, пожалуйста.

— С удовольствием, — промурлыкал он. Он расстегнул горловину плаща и дал ему соскользнуть на пол к ногам женщины. Перед ней оказался водопад его волос, травянисто— и темно-зеленых, с рисунком из белых ветвей и серебристых листьев растения, чье имя он носил.

Она потянулась убрать волосы, но застыла, как только их коснулась.

— Прекрати, Иви, — велела я.

— Я ничего не делал, — сказал он, но при этом довольно улыбался, явно обрадованный воздействием, произведенным на доктора.

— Отойди от нее, — скомандовал Холод.

— Я повинуюсь принцессе, а не тебе.

— Отойди от нее, — повторила я.

Он снова надел на лицо ироничную улыбочку, но в зеленых глазах появилось непонятное мне выражение, какая-то злобная уверенность. Все же он повиновался. Как только рука Поласки перестала дотрагиваться до его волос, женщина моргнула, будто просыпаясь.

— Прошу прощения, о чем мы говорили?

— Что происходит? — спросила я Холода.

— Он обрел заново часть своей прежней силы.

— И что это за сила?

— Сказать, что кто-то подобен волосам Иви, когда-то значило: "сопротивляться его привлекательности невозможно". "Запутаться в плюще" — значит попасть в ловушку. "Оплел, как плющ" — означает, что твой возлюбленный в какой-то степени тебя разрушает, — объяснил Холод.

— Я не помню ни одного из этих выражений, — сказала я.

— Они давно утрачены, — сказал Готорн. — Прошли столетия с тех пор, как они потеряли смысл.

— Неудивительно, что ты так доволен, — повернулась я к Иви.

— Все это пришло ко мне только потому, что я был в том коридоре, когда ты...

— Довольно, — прервал его Холод, — мы не одни.

Иви упал на колени передо мной.

— Я сделаю что угодно, чтобы оказаться в твоей постели на одну ночь, на один час! — В его глазах не было насмешки. Он был так серьезен, как только мог.

— Встань, — сказала я.

— Королева любит, когда мы на коленях.

— Ну а я не люблю.

Я посмотрела на Холода.

— Кого здесь она может коснуться без проблем — чтобы чего не вышло?

— Готорн делает только то, что ему говорят, и его магия требует больше усилий, — предложил Холод.

Я кивнула.

— Готорн, помоги доктору показать нам то, что она хочет. Он подошел к ней, обойдя стороной облако волос, протершееся вокруг коленопреклоненного Иеи.

— Ты должна выбрать на ночь двоих зеленых людей, позволь мне быть одним из них, — умолял Иви.

— Не заставляй принцессу повторять тебе дважды. Вставай, — сказал Мистраль.

Готорн подставил доктору свою бронированную спину.

— Надеюсь, броня вам не мешает.

Она неуверенно дотронулась до алого панциря, словно ждала какого-то подвоха, потом стала смелее.

— Беатриче ударили вот сюда. — Она показала место, где можно было почти наверняка добраться до сердца. — Нож вошел глубоко. — Она оставила два пальца на точке, куда вошел нож, и приложила вторую ладонь рядом. — Вот здесь остался почти идеальный отпечаток ладони, кто-то уперся здесь в тело, чтобы вытащить глубоко засевший нож. Почти такие же следы есть и на второй жертве. Но еще есть неполные отпечатки пальцев там, где

нож вытирали о ткань. Эти отпечатки могут принадлежать Душистому Горошку, но могут и кому-то другому.

— Если это точно ее отпечатки, то она и есть наш убийца, — сказала я.

— Да, но если это она, то где нож? Рис проследил его до вашей бездонной ямы. Остальная кухонная прислуга говорит, что после того, как Душистый Горошек обнаружила тела, она постоянно была у них на глазах. У нее не было времени добраться до ямы, чтобы избавиться от ножа.

— Кто-то мог сделать это по ее просьбе, — предположил Мистраль.

— Мы нашли один хороший отпечаток ладони на стене возле тела репортера. Он не подходит ни одному из стражей, но размер примерно тот же.

— Сидхе, — сказал Адайр.

— Вероятно, — согласилась она.

— Значит, либо Душистый Горошек — безжалостная убийца и имела сообщника, либо убийца заменил свои отпечатки на ее, чтобы скрыть свою вину.

Она кивнула.

— Мы не можем проверить, не зачарована ли доктор? — спросил Гален.

Холод отрицательно качнул головой.

— Среди нас никто не владеет такой тонкой магией. Люди будто пропитываются волшебством, стоит им пробыть под землей час или больше. Чтобы отделить наведенные чары от того, что просто налипло, нам нужен Доил, Кристалл или Баринтус.

— Я могу это сделать, — вызвался Айслинг.

— Нет, — сказала я.

— Ты мне не доверяешь? — спросил он с этой своей призрачной улыбкой.

— Не с доктором Поласки и ее людьми.

— Ты смотрела на мое нагое тело и не поддавалась очарованию. Наверное, я потерял часть своего воздействия на смертных.

— А может, дело в том, что Мерри — принцесса сидхе, а не смертная? — прорычал Мистраль.

— Получив шанс применить свою силу, ты стал слишком дерзок, Айслинг, — заметил Готорн.

Похоже, его не особенно любили. Может, его маленькое шоу потрясло всех так же, как и меня?

Айслинг посмотрел на Готорна.

— Ты глазел на меня без всякой преграды меж собой и моим лицом. Это деяние, достойное героя... Или устоять против моей красоты было труднее, чем ты выказал? — Он вздохнул, и раздражение исчезло из его голоса, сменившись печалью. — После стольких лет, когда наши нужды оставались без внимания, нет стыда в том, чтобы почувствовать влечение, которого раньше не испытывал. Мы все жаждем прикосновения плоти сидхе. Иногда я думал, что сойду с ума, если меня не коснется хоть кто-нибудь.

Готорн поступит очень храбро, по-братски обняв Айслинга за плечи. Мне стало интересно, отважился бы он на такое, если бы на Айслинге не было рубашки?

— У нас есть шанс прервать это долгое воздержание.

— С принцессой, — сказал Айслинг.

Готорн кивнул.

Айслинг высвободился из рук Готорна и пошел ко мне. Мне много стоило не

отдернуться назад. Он встал на колени возле меня и Галена.

— Для меня принцессы не будет, — сказал Айслинг. — Она теперь не рискнет. — Он посмотрел мне в глаза: — Ведь так, принцесса?

Я не знала, что ответить, потому что он был прав. Я не хотела, чтобы он до меня дотрагивался. Я сказала единственное, что смогла:

— Я не отказываюсь совсем, Айслинг, но я тебя боюсь. Раньше не боялась.

— Я что-то упустила? — недоуменно спросила Поласки.

— И будьте этому рады, — посоветовала я.

Она подошла ко мне.

— Вы скрываете от меня слишком многое, принцесса. Мне нужно знать, что здесь происходит, или вы от нас ничего не получите.

Проходя мимо, она задела Айслинга и повалилась вперед. Мы с Галеном среагировали одновременно, зная, что она не должна коснуться обнаженной кожи Айслинга. Я бросилась к ним и оттолкнула Айслинга прочь. Гален привстал на колени и поймал доктора Поласки, не дав ей упасть на пол.

Доктор была в безопасности с Галеном, но я оказалась в руках Айслинга и никак не в безопасности.

Айслинг удержал равновесие, поймав меня в охапку. Может, он пошатнулся больше, чем следовало, чтобы иметь повод покрепче за меня схватиться, но не его вина, что рука у меня соскользнула и проехала по голой коже под его туникой. Страх тут же перехватил мне горло, пробежал по спине слабыми электрическими разрядами, добрался до кончиков пальцев. Я как наяву видела лицо Меланжель, ее пустые окровавленные глазницы и ждала, когда меня охватит магия. Я неотрывно смотрела в странные глаза Айслинга: зрачки, окруженные четырьмя витками спирали. Райский свет из его глаз не лился. Чего-то недоставало.

Я провела руками по изгибу его спины, такой теплой, такой твердой, такой настоящей. Он склонился надо мной, словно чтобы поцеловать через газовую вуаль. Я отклонилась, и его руки напряглись, притягивая меня. Если бы я не видела, что он сделал с Меланжель, я бы просто позволила ему себя поцеловать, но некоторые вещи, раз увидев, не выгонишь из памяти.

Запахло розами. Меня вдруг обволокло сладким, почти приторным запахом роз. Айслинг застыл в нерешительности.

— Ты чувствуешь запах?

— Да, — прошептала я.

В моей голове зазвучал голос:

— *С Аматеоном я велела тебе торопиться, но ты свернула с поспешного пути и выбрала долгую дорогу. Ты рисковала потерять то, что тебе дорого.*

— Гален, — прошептала я.

Руки Айслинга выпустили меня, но я сама в него вцепилась, почувствовав внезапную слабость.

— *Теперь я говорю тебе, что это должно подождать, или ты снова потеряешь.*

— Дойл...

— *Мрак нельзя утратить, поскольку он всегда с нами, но есть более уязвимые стихии.*

Торопись.

— Кто? — спросила я.

— С кем ты говоришь? — спросил Айслинг.

— *Торопись,* — повторил голос у меня в голове и исчез с последним дыханием аромата роз.

— Где?! — спросила я.

Ответ пришел без слов. Нечто похожее на чувство, охватившее меня, когда я сказала Холоду, что Галена нельзя отправлять на поиски Дойла в одиночку. Но сейчас это была не паника, а уверенность. Я просто знала, куда мне нужно бежать. Ни сомнений, ни раздумий, просто знание.

— С кем ты говоришь? — снова спросил Айслинг дрожащим, почти испуганным голосом.

— Я не боюсь дотрагиваться до тебя, — сказала я, — но сейчас не время. Нам нужно как можно быстрее попасть в тронный зал.

— Почему? — Гален встал, все еще непринужденно придерживая доктора Поласки, как касался бы другого сидхе. Женщина смотрела на меня так, словно впервые увидела.

— Почему все вокруг пахнет цветами? — спросила она.

Я качнула головой и крикнула Риса, направляясь к коридору. Страж появился у поворота, бросив на время экспертов, полицию и тела.

— Отпечаток Душистого Горошка нашли там, где его не должно было быть, но возможно, какой-то сидхе использовал магию, заменив ее отпечатком свой. Посади ее в клетку, только без грубости, пока мы с этим не разберемся.

— Но...

— Не спорь, Рис, просто сделай.

Его лицо приобрело редкое для него высокомерно-холодное выражение.

— Как прикажет принцесса.

— У меня нет времени нянчиться с твоим самолюбием, Рис!

Я побежала. Не зная почему, я помчалась по коридору, с его пятнами блистающего мрамора среди серого камня, будто вкраплениями самоцветов в материнской породе.

Холод и Гален бежали по бокам от меня. Мистраль — за нами по пятам, а остальные следом. С нами было меньше десятка стражей, но число сейчас ничего не решало. Происходило что-то жуткое, и главным было успеть вовремя. Я вспомнила, как в моей комнате появилось зеркало, когда я пожелала взглянуть на себя в меховом пальто. Переходя на самый быстрый бег, на какой была способна, я прошептала: "Нам нужно сейчас же попасть в тронный зал!" Несколько секунд ничего не происходило, а потом камни поехали у меня под ногами. Я не замедлила шаг, не стала останавливаться, не споткнулась — просто верила, что ситхен приведет меня туда, куда мне нужно. Я бежала, а мир теки изменялся вокруг меня, серый камень перетекал в белый мрамор, словно стены стали жидкими. Потом мы бежали по земле, сухой, вытоптанной, мертвой. Я успела узнать бассейн и фонтан напротив огромных двойных дверей в приемную перед тронным залом, но сейчас фонтан оказался в центре огромного сада во французском стиле. А раньше там был только пустой коридор.

Кристалл и стражи, которых я послала к королеве сопровождать пленников, стояли посреди этого сада и испуганно на меня смотрели. Я не знала, что в этом саду так перепугало Кристалла, и не стала спрашивать. Меня обуревал панический страх, адреналин играл в венах, как хорошее шампанское. Двойные двери открылись сами по себе. Сердцебиение так ускорилось, что я задыхалась. Я держалась на ногах и бежала, преодолевая боль в боку.

Вьющиеся розы приемной, наполнявшие ее тьму алыми бутонами, извивались и расплзались перед нами, словно гигантские шипастые змеи. Я летела как на пожар, и розы даже не попытались нас задержать. Последние двери были прямо перед глазами. За ними находился тронный зал.

Я прошептала: "Откройте", — и двери откатнулись внутрь. Я вбежала из сумрака роз в сияние двора и споткнулась, почти ослепнув от контраста яркости. Ничего не было видно, кроме заливавшего все света и смутных полутеней. От изнеможения у меня перед глазами вспыхивали белые и серые звезды. Сквозь грохот крови в висках я слышала крики королевы Андаис.

Я заорала:

— Остановитесь! — На крик ушел весь оставшийся в легких воздух, и Гален поймал меня за руку, а то бы я упала. Зрение постепенно возвращалось ко мне.

Двор был принаряжен как для бала, а может, для торжественных похорон. Много

черного, много серебра, россыпи драгоценностей.

Андаис стояла на ступенях к трону и в упор смотрела на меня, на нас. Баринтус, стоявший у подножия лестницы, повернулся так, чтобы видеть и нас, и королеву. В этот миг я поняла, что происходит, но не почему. Почему — было мне не важно.

— По какому праву ты препятствуешь мне бросить кому-либо вызов, племянница? — В ее голосе было столько гнева, что сам воздух вокруг меня загустел. Она была Королева Воздуха и Тьмы. Она могла сделать воздух таким плотным, что мои смертные легкие не смогли бы им дышать. Таким способом она меня чуть не убила прошлой ночью... или уже позапрошлой?

— Я прошу личной аудиенции, тетя Андаис. — Я едва выговаривала слова, и если бы Гален не держал меня за локоть мертвой хваткой, ноги могли бы подогнуться подо мной. Сверхъестественный дар и магия — штуки хорошие, но так бегать я не привыкла.

Она улыбнулась.

— Меня не просят стоя, Мередит. — Королева прошла к трону, длинная черная юбка тянулась за ней покровом темноты. Она отработанным жестом расправила юбки, раскинув их изящным полукругом. Цвет ткани оттенял великолепие белой кожи и черных волос, трехцветно-серых глаз с выразительным макияжем. Бриллианты и полночно-синие сапфиры украшали ее шею и обтянутое перчаткой запястье.

Я упала на одно колено. Гален помог мне сделать это грациозно и склонился рядом со мной. Все пришедшие со мной сделали то же самое.

— Я молю об аудиенции, тетя Андаис, Королева Воздуха и Тьмы.

— Почему вы с Галеном покрыты кровью?

— Мне многое нужно рассказать, моя королева, но часть из этого лучше было бы поведать с глазу на глаз.

— На тебя совершили еще одно покушение?

— Не на меня, нет.

Она мотнула головой, словно у нее над ухом жужжало насекомое и она пыталась его отогнать.

— Ты говоришь загадками.

— Я выскажусь яснее наедине.

— Тогда сначала уладим дела публичные, — заявила она и указала на Баринтуса, стоявшего на прежнем месте. — Кольцо признало его, и ты помогла ему нарушить данный мне обет.

— Кольцо узнало лорда Баринтуса. Ты сказала, что мне нужно спать с возможно большим количеством твоих стражей и так часто, как это возможно. Разве не таков был твой приказ?

Ее лицо заострилось от злости.

— Может быть, мои слова были сказаны поспешно, а может, ты не знала, что Баринтус дал мне клятву, прежде чем я позволила ему присоединиться к нашему двору. Эта клятва связывала только его из всех стражей, и вот он ее нарушил.

— Он не совершил ничего, что могло бы сделать его моим королем.

— Осторожней, Мередит! Я знаю, что у вас был секс.

— Более магический, чем реальный, ничего, что могло бы подарить мне ребенка.

— Он излился в твое тело!

— Нет. Излился, но наша одежда оставалась нетронутой, и он не проник в мое тело

даже кончиком пальца.

— Ты клянешься в этом? — спросила она.

— Клянусь.

— Мне сказали, что Баринтус сменил имя Делателя Королей на звание претендента на трон.

— Я утверждаю, что он не разорвал клятвы, данной этому двору. Кольцо узнает кого желает и раздает свои дары всем, кому хочет, но Баринтус не нарушил обет.

— Почему ты не сказал мне этого, Баринтус? — спросила она.

— Ты не поверила бы мне, королева Андаис.

Она размышляла об этом секунду или две, потом очень сухо кивнула.

— Наверное, нет.

Она посмотрела на меня. Таким взглядом ястреб окидывает траву, где почти наверняка спряталась вкусная жирная перепелка.

— Мне много понарасказывали о твоей деятельности. Теперь мне интересно, что из этого правда и что — преувеличения, предназначенные посеять вражду между мной, моими союзниками и тобой.

— Я не смогу судить, пока не узнаю, что тебе сказали, тетя Андаис.

— Мы в тронном зале, Мередит, титулуй меня как должно.

— Моя королева... — Я наклонила голову, чтобы она не видела моего лица. Это требование ничего хорошего не предвещало. Совсем ничего.

— Кольцо выбрало пару среди стражей? — Ее голос был ну очень спокойным.

Я порадовалась, что смотрю в пол, потому что с тех пор так много всего случилось, что я почти забыла о Никке и Бидди. Убийства, метафизика, Богиня, чаша, исчезновение Аматеона, нападение на Галена, пророчество Кела о зеленом человеке, лорды, ждавшие за дверьми, так много — а она начала с этого. Почему?

— Да, ваше величество, кольцо выбрало пару.

Придворные, сидевшие в креслах по обеим сторонам зала, взволнованно зашептались.

— Опиши, что произошло.

Я повиновалась. Я рассказала о призрачном младенце и о том, что я видела и чувствовала. Кто-то воскликнул:

— Кольцо снова живет!

Андаис смерила неосторожного взглядом:

— У тебя есть что добавить к беседе, лорд Лери?

— Только что это, без сомнения, прекрасная новость.

— Я буду решать, что называть хорошей новостью.

Лорд Лери поклонился:

— Как велит королева.

Она вновь обратила внимание ко мне.

— Кольцо ожило спустя столетия. Оно выбрало плодовитую пару, а ты не считать, что мне стоит об этом знать!

— С тех пор, как кольцо их выбрало, случилось множество событий, ваше величество. Я думала, что мне важнее найти убийцу или убийц.

— Здесь я решаю, что важнее, а не ты. — Она поднялась. — Я еще королева!

Я упала на оба колена, и Гален сделал то же самое.

— Я никогда не подвергала это сомнению.

— Лгунья, — прошипела она, и от этого единственного слова по залу заметалось эхо.

Да, дело было по-настоящему худо.

— Чем я вызвала твой гнев, королева Андаис? Скажи мне, и я сделаю все, что могу, чтобы загладить вину. — Я не поднимала головы, неотрывно глядя на отдраенный каменный пол. Я не доверяла своему лицу. Страх мог ее возбудить, а недоумение — разозлить. У меня не находилось выражения, которое я не побоялась бы ей показать.

— Мистраль! Подойди ко мне, капитан моих стражей.

Он встал с колен и повиновался приказу. Я смотрела, как он поднимается по ступеням к трону. Он вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли, когда она вцепилась рукой в его густые темно-серые волосы и дернула, вынуждая стать на колени.

— Ты занималась с ним сексом?

Я попыталась найти подвох в вопросе и не смогла. Я ответила честно:

— Да, моя королева.

Она отпустила его так резко, что он чуть не покатился вниз по ступеням, но успел подставить руку и застыл в неловкой позе, роскошные волосы почти скрыли лицо. Он потупил глаза, но не прежде, чем раскат грома прогремел по тронному залу.

Придворные беспокойно задвигались, оглядываясь по сторонам. Андаис опустилась на

колени рядом с Мистралем, перебирая пряди его волос. Он вздрогнул от ее прикосновения, как породистая лошадь.

— Это ты сделал, Мистраль? — едва ли не промурлыкала она.

— Прости меня, моя королева. Прошли годы с тех пор, как я обладал такой силой. Я разучился ею владеть. Прошу прощения, моя королева.

— В одной реплике дважды повторить "моя королева"... Ты и впрямь чувствуешь свою вину.

— Я не сделал ничего дурного, чтобы вызвать твой гнев моя королева.

Она продолжала гладить его волосы, но смотрела теперь на меня.

— Не сделал?

Он старательно не поднимал глаз. Мистраль никогда не был очень хорош в искусстве скрывать эмоции.

— Чем я провинился, моя королева? — Его голос был почти спокоен, отдаленный раскат грома — напротив. Его сила только что возродилась, и справиться с ней было нелегко.

— Это принцесса вернула тебе силу?

Она лениво поглаживала его, как собачку. Она постоянно так поступала со стражами. Гладила, трепала и ласкала их всю ночь у всех на глазах, а потом оставляла их, не дав ничего больше. Я видела, как она доводила таким образом до беззвучных слез величайших из воинов. Она ласкала Мистраля, но гнев в ее лице был обращен на меня. Андаис злилась на то что я занялась сексом с Мистралем? Почему? Что в этом противоречило ее же приказам?

Она сошла по ступенькам, черное платье с шелестом тянулось за ней.

— Ты можешь вернуть нам, всем нам, наши прежние силы? Один хороший трах с тобой — и все? — От злости кожа у нее побелела, разгораясь лунным светом. Трехцветно-серые глаза засияли, словно во тьме зажегся свет.

Я положила ладони на пол и легла на них лицом Я унижалась как только могла, потому что понятия не имела, чем я ее так разозлила. Я не могла высчитать, что ей нашептали про меня.

Она встала так близко, что задевала меня краем юбки.

— Ответь мне, Мередит.

Я придумала несколько ответов, отвергла их все и наконец сказала:

— Я иду, куда велит Богиня.

Андаис сделала несколько быстрых шагов, каблуки клацали по камню. Она опустилась на колени, взяла меня за подбородок затянутой в перчатку рукой и заставила подняться и взглянуть ей в глаза.

— Это не ответ.

Я едва сумела выговорить:

— У меня нет другого ответа. — Стоило мне намекнуть, что через секс я могу вернуть другим их силы, и она организовала бы одно из своих дивных секс-шоу, которое я могла бы не пережить. Кроме того, среди придворных были такие, с кем я и разговаривать не хотела, не то что пустить их к своему телу. А были и мои враги, и возвращать им силу казалось мне по меньшей мере неразумным.

Она вцепилась мне в волосы другой рукой и вздернула меня на ноги. Я попыталась не показать злости и не сумела.

— Вернулась не только моя сила, — сказал Мистраль за ее спиной.

Королева повернулась на его голос, и я поняла, что он нарочно отвлекает ее гнев на себя.

Она больно тянула меня за волосы, а другой рукой гладила по щеке, как раньше гладила волосы Мистраля.

— Что это ты лепечешь, Мистраль?

— Большинство стражей, испытавших магию кольца, приобрели хотя бы малые силы из тех, что они утратили.

Ее хватка на моих волосах усилилась, так что я с трудом удержалась от стога. Стог ей понравился бы, а я не хотела ее поощрять.

— Хочешь сказать, что она и другим моим стражам вернула их магию?

— Да, моя королева.

Она повернулась ко мне, и выражение ее глаз меня ужаснуло. Она чуть разжала руку на моих волосах, а другой рукой в шелковой перчатке скользнула по щеке и по шее. В других обстоятельствах такая ласка могла быть возбуждающей. Сейчас я только перепугалась еще больше.

— Со сколькими из моих стражей ты переспала, Мередит? — Она наклонилась ко мне, как для поцелуя. — Скольким из моих стражей ты дала разрядку?

Последнее слово она выдохнула прямо мне в губы, и я знала, что она меня поцелует, за миг до того, как ее губы коснулись моих.

Я почувствовала движение за спиной и вокруг меня и поняла, что стражи поднялись на ноги. Все пришедшие со мной были в том коридоре, когда мы занимались сексом с Мистралем, и все они встали, отвечая на вопрос. Встали, отвлекая ее внимание от меня. Мои телохранители — мужчины и женщины. Кое-кто из них веками изображал хорошо вооруженных мышек. Бесшумных, скрытных, невидимых глазу. Сейчас все они встали, намеренно привлекая внимание к себе.

Она отстранилась от меня, когда они поднялись. На губах остался привкус ее помады.

— Она трахнула вас всех? — с недоверием спросила она.

— Вопрос был о том, кто получил разрядку, — заметил Холод. — Когда магия объяла коридор, она коснулась всех, кто там был.

— Ты имеешь в виду, что сила, которую разбудили Мистраль с Мередит, заставила всех стражей в коридоре испытать оргазм?

— Да, — подтвердил Холод.

Она расхохоталась и отпустила меня.

— Сколько божеств плодородия у тебя в предках?

— Пять, — выдохнула я.

— Пять, — повторила она, обходя всех стражей по очереди. — Так тебе не обязательно даже прикасаться к ним, чтобы вернуть им силу? Это вы мне хотите сказать?

— Я думала, тебя порадует, что к сидхе возвращается магия, — осторожно сказала я.

Афагду, один из лордов, заговорил, не поднимаясь с кресла. Единственным цветным пятном среди белизны его кожи и черноты волос и бороды были глаза.

— Наша магия возвращается — не об этом ли мы мечтали, королева Андаис? — Голос был тих и вкрадчив. Афагду и его дом не примыкали ни к кому. Его дом был одним из четырех или пяти действительно нейтральных домов.

В роскошном желтом платье, оттенявшем трехцветно-голубые глаза и подходившем к цвету волос, поднялась Дилис.

Она возглавляла один из шестнадцати наших домов и никогда не была мне другом.

— Ты знаешь, что я никогда не любила дочь Эссуса. Я согласилась с тобой, моя королева, когда ты пыталась утопить ее в детстве. Но если кольцо живет у нее на руке и может принести сидхе детей, то я пойду за нею.

Заявление будило несколько противоречивые чувства, но я его приняла.

— Ты пойдешь за мной, Дилис, пока я не дам другого приказа.

Женщина присела в реверансе.

— Ты — наша королева. Я неверно выразилась. Я хотела только сказать, что, если Мередит вернет нам способность иметь детей, я пересмотрю свое мнение о ней.

— Вежливо и дипломатично сказано, Дилис. Но если ты имеешь в виду Никку и Бидди то оба они дали мне обеты и принадлежат мне и никому другому. Стражи служат мне и моей крови. — Она стукнула себя кулаком в грудь, подкрепляя слова.

— Ты запрещаешь соединиться паре, избранной кольцом? — спросил Афагду.

— Королевские стражи служат королевскому дому, вот их дело! — провозгласила Андаис.

— Они и будут тебе служить, — сказал он по-прежнему весьма осторожно.

Она покачала головой:

— Не в случае рождения ребенка.

— Но дитя — великое благо, — удивилась одна из дам Нерис.

— Глава вашего дома пыталась убить Мередит только прошлой ночью, или ты забыла это, Илен?

Та склонилась в таком низком реверансе, что почти скрылась за столом.

— Если кольцо действительно живет у нее на пальце, то Нерис ошибалась, трагически ошибалась. Если Богиня благословила Мередит своими дарами, то мы ошибались все.

— Неужели ты лишишь нас детей, потому что твоя кровная линия бездетна? — спросил Маэлгвин, повелитель волков. Он был обнажен выше пояса, но на плечах лежал плащ из волчьей шкуры, а капюшон плаща заканчивался волчьей мордой, возвышавшейся над лицом самого лорда. Все его подданные были оборотнями, пока не утратили свои способности.

— Я — королева, и трон наследует моя кровь, — заявила Андаис.

— Перед тобой стоит кровь твоего брата, — сказал Маэлгвин, обращая ко мне ироническую усмешку и довольные, спокойные глаза. — Вот она стоит, твоя кровь. Если твоя племянница может вернуть кровь нам всем, то твоя династия и вправду обладает могущественной магией.

— Я заставляла стражей воздерживаться более тысячи лет. Они ждут возможности доставить удовольствие мне и моему сыну.

— И твоей племяннице, — добавил Афагду. Вроде бы он был на моей стороне, но я не спешила этому верить. Сторона у него всегда была одна — его собственная и его клана.

Андаис отмахнулась от его слов, как от несущественных.

— Да, да, и Мередит. — Тут она поглядела на меня. — Хотя я не рассчитывала, что удовольствие будет таким... всеобщим.

Она опять сошла по ступеням, скользя ко мне в своих шелках.

— Стражи служат для нашего удовольствия, Мередит, а не мы — для их. Не уверена, что ты это понимаешь, племянница. — Она прошла мне за спину, и я знала, к кому она направляется.

Она остановилась возле коленапреклоненных Никки и Бидди. Я бросила взгляд назад и

увидела, что они держатся за руки. Еще они очень упорно разглядывали пол, как будто надеялись, что она их не тронет, если они не поднимут глаз. Было в все так просто...

Она провела пальцами по каштановой массе волос Никки. Он застыл под прикосновением.

— Мне нравилось иметь его в постели, но не для секса. Он так легко пугается!.. Он не любит боль, а, Никка?

Если б я не стояла в метре от него, я бы не расслышала ответ.

— Нет, королева Андаис.

— Я приучила его к этому за одну ночь, знаешь, Мередит?

— К чему, моя королева?

— Отвечать на мои вопросы только "да" и "нет" и никогда, никогда не забывать добавить: "королева Андаис". — Она провела рукой по его щеке и взялась за подбородок. Она заставила его поднять голову и взглянуть ей в глаза. — Хочешь еще один урок, Никка? Я так давно не занималась любовью с крылатым мужчиной! Это может быть интересно.

— Ваше величество... — выговорила я.

Она на меня даже не глянула.

— Моя королева, ты сказала, что стражи, побывавшие в моей постели, остаются моими. — Я произнесла это так осторожно, как только могла, но говорить этого все равно не стоило.

— Ты не поделишься им со мной?

Я задумалась на миг.

— Возможно, но после того, как они проведут ночь вместе с Бидди.

Она повернула к себе лицо Бидди и смотрела теперь на них обоих.

— Но если она понесет, то они поженятся и станут моногамны, и даже Королева Воздуха и Тьмы будет не в силах принудить их нарушить брачные обеты.

— Моя королева, тетя Андаис, если Никка и Бидди смогут зачать дитя, то, значит, и другие сидхе на это способны. Это очень неплохо.

Она отпустила их подбородки и прошла между ними, заставив их разорвать соединение рук. Она провела пальцем по верхнему краю крыльев Никки.

— Но он — мой, Мередит, моя красивая игрушка, а я не делюсь своими игрушками.

— Ты сказала, что любой страж, кого принцесса взяла в постель, принадлежит ей, — напомнил Афагду. — Никка теперь — ее красивая игрушка.

Она резко повернулась и пошла к столу Афагду и его дома.

— Что королева дает, она же может и отнять.

— Даже королева должна держать свое слово, — возразил Афагду, — а ты перед всем двором дала слово, что стражи, с которыми Мередит делит постель, принадлежат ей. — То, что он осмелился бросить эту дерзкую правду в лицо разозленной Андаис, показывало его уверенность в том, что он переживет ее возможный удар. Среди нас было несколько магов, считавших себя равными ей по силе; Афагду был одним из них.

— Немногие осмелятся затолкать мне в глотку мои собственные слова при всем дворе, Афагду. Смотри, чтобы твоя дерзость не превысила твоей магии.

— Разве правда считается дерзостью, моя королева?

Но, разумеется, в такую игру могут играть обе стороны.

— Прекрасно, Никка принадлежит Мередит. Но Бидди — нет. Пусть Мередит делает что хочет со своим Никкой, но Бидди она распоряжаться не может. Бидди принадлежит

моему сыну принцу Келу. — Она посмотрела на меня: — Или ты и женщин украдешь из его постели?

— Нельзя украсть то, что тебе предложено, — сказала я.

— Что же это значит, Мередит с такими благими глазками?

Я с трудом сглотнула и пообещала себе в следующий раз подумать, прежде чем заговорить.

— Кольцо отдало Бидди Никке.

— Так утверждаешь ты, но я говорю, что стражи служат только моей семье. И как ты предлагаешь удовлетворить и кольцо на твоём пальце, и твою королеву?

— Ты сказала, что любой страж, разделивший со мной постель, становится моим?

— Да, Афагду мне только что это напомнил.

— Тогда я беру в свою постель Бидди и Никку. Никка останется моим любовником, но будет и вместе с Бидди. Это удовлетворит тебя, тетя Андаис?

— Никогда не видела, чтобы Никки хватило больше чем на одну за ночь.

— Я могу заново возбудить его прикосновением, — сказала я.

— Правда?! — Голос был полон недоверия. В глазах снова появилась злость.

Мне не нравились ни тон, ни взгляд, но я ответила, потому что не ответить было бы еще хуже.

— Да, моя королева.

— Это из новообретенных способностей?

— Нет, тетя, это всегда было мне присуще.

— Вечно я забываю, что ты — богиня плодородия!

— Происхожу от них...

— Не думала, что ты любишь женщин, Мередит.

У меня шею начало ломить, оттого что я глядела на ее шесть футов^[14], стоя на коленях.

— Я и не люблю, как правило, но если только это удовлетворит и кольцо, и ваше величество, то пусть будет так.

Она подошла ближе, заставив меня еще больше запрокинуть голову — наверное, нарочно.

— Ты сделаешь все, чтобы доставить им возможность заполучить этого ребенка?

Я прекрасно разглядела ловушку в ее словах и попыталась ее избежать.

— Не все, нет.

— Но многое, — предположила она, нависая надо мной. — Ты многое сделаешь, чтобы они смогли трахаться?

Мне хотелось сесть на пятки, или лечь, или что угодно, только бы изменить неловкое положение шеи. Отвечать на вопрос мне не хотелось. Ничего хорошего он не предвещал.

— Отвечай, Мередит.

— Да, тетя Андаис, я многое сделаю, чтобы они смогли зачать обещанного кольцом ребенка.

— Почему ты так об этом заботишься?

— В них обоих бьется жизнь. Я видела это, чувствовала. Это дар Богини. Как же я могу не уважать ее дар? Когда-то ты носила кольцо, полное силы. Ты должна помнить, как это бывает.

Она схватила меня за волосы и дернула мою голову назад и вниз, будто стремилась сломать мне шею. Она зарычала мне прямо в лицо:

— Я не богиня плодородия! Я сняла кольцо с пальца моего врага. Это военный трофей, и он служил мне, но моя магия магии кольца не сродни. Я никогда не видела никаких призрачных детей. Я видела секс, страсть, любовь, но детей... — Она за волосы вздернула меня на ноги. Я схватилась за голову рукой, чтобы было не так больно. — Я никогда никаких детей не видела!!

Мы почти соприкасались носами. Больно было так, словно она решила вырвать мои волосы с корнями.

— Почему тебе так важно, чтобы Бидди и Никка трахнулись?

Я процедила сквозь сжатые зубы, стараясь не заорать от боли:

— Потому что я — принцесса этого двора, и у меня есть шанс дать сидхе первого ребенка за целый век. Это мой долг и честь — дать жизнь этому ребенку.

Она отпустила меня так резко, что я упала, и только рука Галена не дала мне расквасить нос о каменные плиты. Она взяла Галена за подбородок.

— Ой, он злится! Ему не нравится, что я сделала тебе бобо. Я его так и не попробовала, знаешь? Я всегда думала, что он вроде Никки, слишком нежен в постели, но он пугается не так легко, как Никка. В политике безнадежен, но смелость у него есть, этакий "герой, обреченный на смерть ради правого дела". Он чего-нибудь стоит как любовник?

Скажи я "да", и она попросит его на время. Скажи я "нет", и я солгу. Для меня он тоже был слишком нежен, но когда мне хотелось именно нежной любви, Гален был практически идеален.

— Мне кажется, на твой вкус он слишком нежен, тетя Андаис.

— Но не на твой? — Она опустила на колени, залив морем черного шелка пол перед моими потупленными глазами.

— У меня в спальне предпочтения немного разнообразней, чем твои, дорогая тетя.

— Почему это любой ласковый эпитет из твоих уст звучит как "поди ты к черту"?

— Я никого не хотела задеть.

— Мне говорили, что ты любишь жесткий секс, Мередит. — Она наклонилась вперед с шепотом: — Не такой жесткий, как я или Кел, но достаточно жесткий.

— Не каждую ночь, тетя Андаис. — Я не пыталась поднять глаза выше ее обтянутых шелком колен. Мне было больно, мне жутко надоели нездоровые игры. Мне не пришло в голову, что она расценит усиление магии как угрозу себе. Произошло так много всего, что мы просто не могли держать ее в курсе. Но она была нашей королевой, и по моей вине она стала казаться слабой. Весь двор решит, что я недостаточно ее уважаю, чтобы сообщать ей обо всем и просить ее совета, раз ей пришлось получать доклады со стороны. Она так взбесилась из-за не такого уж крупного происшествия, а что с ней станет, когда она узнает о возвращении чаши? Об этом я ведь тоже ей не говорила! Но об этом я ни за что не стану говорить при всем дворе. Слишком опасно.

— Если ты не забеременеешь, ты не станешь королевой, — проговорила она мне в макушку.

— Я не получу ребенка, не давая Никке и Бидди завести своего.

— Обеспечь по ребенку хоть каждой паре при дворе — мой трон ты так не получишь.

— Мне и не нужно трона, если я смогу обеспечить неблагим рождение сотен детей.

— Кел тебя убьет!

— Знаю.

— Ты вообще хочешь править? — спросила она с таким видом, словно о таком и

спрашивать нелепо.

— У меня нет другого выбора, кроме как править — или умереть.

Она схватила меня за плечи, и Гален попытался меня удержать — ошибка, за которую я расплатилась синяками. Она с силой вырвала меня из его рук.

— Ты хочешь править?!

— Если выбор стоит между мной или Келом, то лучше уж я.

— А если есть третий вариант? — спросила она.

— Я не знаю третьего варианта.

— Так ли, Мередит? Неужели ты не знаешь, кто уже правил бы здесь, если бы ему дали?

Наверное, у меня на лице отразилось все мое недоумение, потому что она заорала в голос:

— Баринтус здесь правил бы! Он все время подбивал Эссуса убить меня и занять трон, потому что тогда он подобрался бы к власти так близко, как только позволяла ему клятва! — И она ткнула пальцем в Баринтуса, стоящего сбоку от ступеней.

— Я говорила, что мы с ним не сделали ничего, что могло бы дать ему королевскую корону. Я поклянусь тебе чем пожелаешь. Кто нашептал тебе эту ложь?

— Ложь, Мередит, *все* это ложь?

— Я не знаю, что еще тебе рассказали, но про Баринтуса — ложь.

— Тогда скажи, где мне солгали еще, Мередит! Кольцо выбрало пару, но я слышала об этом от других, не от тебя. Ты отправила в темницу стражниц моего сына, не спросив моего разрешения. Ты подозреваешь в убийстве кого-то определенного, но не говоришь мне кого. Ты трахнула моего нового капитана стражи и переманила его на свою сторону. Мрак и другие с ним убежали в ночь, и я не знаю почему! — Она еще приблизилась ко мне, схватила за локоть и прокричала мне в лицо: — Я здесь королева! Не ты!

Я сказала очень тихо, слишком испуганная, чтобы злиться, слишком испуганная, чтобы волноваться о будущих синяках на руке:

— Я пришла рассказать обо всем этом и еще о большем, моя королева, но не успела. Ты не позволила мне поговорить с тобой наедине.

— Чего из этого ты стыдишься, чтобы шептать мне на ухо?!

— Я ничего не стыжусь, но среди нас есть изменники, которым не стоит знать все подробности.

Она вздернула меня на цыпочки.

— Мы наказали изменников!

— Могу ли я представить на твой суд еще нескольких? Тех, кто напал на моих людей и на меня.

— Ты сказала, что нового покушения не было! — Она притянула меня к себе.

— Я сказала, что *на меня* не покушались. Убить пытались Галена.

Я стояла от нее так близко, что заметила мгновенный проблеск в глазах. Она знала о пророчестве. Вот почему она настояла, чтобы во время нынешнего визита в волшебную страну я спала с божествами растительности. Я увидела это в ее глазах, это и еще кое-что — прежде чем она взяла себя в руки. Страх. Я его разглядела и думаю, она поняла, что я увидела слишком много.

Она отбросила меня так грубо, что, если б стражи меня не поймали, я бы упала. Холод приобнял меня на миг, передал Галену и поставил нас обоих подальше от королевы. Теперь, чтобы добраться до меня, ей надо было растолкать моих стражей — ее стражей. Я не была

уверена, что наши опасения стоит демонстрировать так явно, но и позволить над собой измываться мне тоже не хотелось.

— Королева позволит представить ей изменников? — спросил Холод.

Она кивнула и пошла к трону, не оглядываясь. Я решила, что она предприняла эту прогулку, чтобы поработать над лицом и глазами и не выдать удивления, кого бы мы ни приволокли. Так что я задумалась, кого же она ожидала увидеть. Может, она знала что-то, что следовало знать и нам, а мы не знали? Что означала та короткая вспышка страха в ее глазах?

Кристалл вошел по моему приказу. Сопровождавшие его стражи ввели лорда Киерана, но Инниса им пришлось втащить и бросить у ног королевы, стоящей на ступеньках к трону.

Ее лицо было холодным, спокойным и высокомерным. Никаких эмоций. Мистраль стоял на коленях у нее за спиной, там, куда она его швырнула. Баринтус тоже остался на прежнем месте. Думаю, он боялся лишней раз привлечь ее внимание.

— Киеран Ножерукий, твоя жена принесла мне горькие вести. Она сказала, что Баринтус намерен занять мой трон и что мне лучше убить его до того, как он снова войдет в силу. Признаю, что мне на ум пришла та же мысль, когда я узнала, что он был с Мередит. Однако о Баринтусе можно сказать многое, но бесчестным его никто не назовет. Он дал мне слово, и я верю, что он его держит. Только из-за этой веры я и позволила ему присоединиться к нашему двору. — Она сошла по ступеням, подойдя вплотную к лорду. — Так почему же я придала столько значения злобным сплетням твоей жены?

После секундной паузы она позвала:

— Мистраль!

— Да, моя королева.

— Поднимись и подойди ко мне.

Он сделал как велено, но не отбросил волосы назад, словно не доверял собственному лицу. Я не могла его за это упрекнуть.

— Приведи ко мне жену Киерана.

Дом Киерана возглавляла Блодайвет^[15], которую когда-то Гвидион и Мат создали из весенних цветов дуба, таволги и раkitника и предназначили в жены Ллу Лло Гиффезу. Почему же Неблагодой Двор принял женщину, предавшую мужа и брачные обеты и не ставшую убийцей только потому, что муж сумел убить ее любовника? Потому что мы не признаем браки по принуждению. Ее создали, а потом подарили, как дарят лошадь или собаку. Даже в те дни, когда женщинам редко дозволялось выбирать себе спутника жизни, это было несколько из ряда вон.

О Блодайвет нужно было помнить одно: она будет честна с вами, если вы с ней честны, но даже не думайте ее обмануть. Не делайте также ничего, что она могла бы дурно понять. Она извлекла урок из прошлых ошибок. Теперь она не перепоручала убийства другим.

Когда Мистраль подошел к столу ее дома, Блодайвет встала. Волосы у Блодайвет были того же пронзительно желтого цвета, что и цветы, из которых она была создана. Нежная кожа имела мягкий бледный оттенок, что-то среднее между белым и золотистым. Красота ее была почти кукольной. Она принадлежала к тому сорту женщин, которых создали бы себе мужчины, если бы им это предложили: с высокой гордой грудью, побольше, чем у прочих сидхе. Глаза у нее были огромными и влажными, сияющими и притягательными — совиные глаза на нежном девичьем личике. Говорили, что глаза были ее проклятием, что ее обрекли всю жизнь провести в облике совы. Если так, то она сумела вернуть себе прежний облик, и

только глаза остались птичьими.

— Мэдэнн под моей защитой, королева Андаис. Я хочу поговорить с ней, прежде чем она подойдет к тебе.

— Твой дом предал меня, как и дом Нерис, Блодайвет?

— Я никогда не предаю сестру по тьме. — Блодайвет могла годами словечка не проронить, а потом вдруг выступала с заявлениями вроде нынешнего. — И не потерплю предателей в собственном доме.

— Поговори с ней, — сказала Андаис, — но при всех. Этой ночью здесь секретов больше не будет.

Блодайвет коротко поклонилась и повернулась к упомянутой женщине. Мэдэнн была невысока по меркам сидхе, едва пять футов восемь дюймов^[16]. Но сейчас, сидя за столом в черном платье, с темными волосами и глазами, она казалась еще меньше, словно съежилась под взглядами. Обычно бледная кожа приобрела меловой оттенок. Руки неподвижно лежали на подлокотниках кресла. Она сидела не шелохнувшись, с застывшим лицом.

— Мэдэнн, — сказала Блодайвет, и голос ее разнесся по всему залу, — твоего мужа назвали предателем. Что скажешь ты на это?

Мэдэнн облизнула бледные губы.

— Я не знаю, что сказать. — Голос ее звучал неровно, но, в общем, она справлялась с ним лучше, чем с лицом и телом.

— Ты должна что-то сказать, потому что за тобой пришли Вороны королевы. Мне нужны основания для твоей защиты. Если ты поклянешься мне, что невиновна, я буду сражаться за тебя даже с самой королевой. Но я должна знать, Мэдэнн. Должна знать, как сильно мне придется рисковать ради тебя и стоишь ли ты этого риска.

Мне не было видно лица Киерана, но даже со связанными за спиной руками он держался спокойней и естественней, чем его жена в резном кресле. На моих глазах от лица Мэдэнн отлила последняя кровь.

— Обморок тебя не спасет, — сказала Блодайвет, и в ее голосе послышался отзвук того мурлыкающего гнева, которым славилась Андаис. — Ты можешь назвать причину, по которой мне нужно было бы пойти против королевы? Скажи хоть слово в свою защиту, Мэдэнн, и я им воспользуюсь.

Мэдэнн смотрела на главу своего дома, и глаза ее блестели от слез, но она не вымолвила ни словечка. Это вполне сошло за признание вины.

Блодайвет склонила голову и повернулась к Мистралю.

— Я не могу спасти ее от того, что она сама натворила.

— Тащи ее сюда, Мистраль, — скомандовала королева.

Мэдэнн оставалась безмолвна и недвижима, пока Мистраль не взял ее за локоть. А тут она вцепилась в ручки кресла, совершенно по-детски. По меркам сидхе сна была хрупкой, и вез же оторвать ее от кресла, ничего ей не повредив, было просто невозможно. Захлебывающимся тонким голоском она твердила всего одно слово:

— Нет, нет, нет!

— Готорн! — позвала я.

— Да, принцесса?

— Помоги Мистралю ее оттуда вынести.

Готорн поклонился и пошел к ним в своей алой броне, надевая на ходу шлем, чтобы освободить руки. Он подошел к другой стороне кресла. Мистраль перекинул волосы за плечо

и кивнул Готорну, словно они еще раньше обо всем договорились; они одновременно присели и подняли кресло с приклеившейся к нему Мэдэнн. Стражи пронесли ее в тяжеленном деревянном кресле меж рядов людей Блодайввет на открытое центральное пространство. Они несли ее легко и грациозно. Если б не испуганный вид Мэдэнн, могло бы показаться, что ей оказывают почести: так Майскую королеву несут к ее трону. Но по выражению лица было сразу видно, что ожидает ее жертвенный нож, а не венец королевы бала.

Кресло поставили рядом с Киераном. Плечи Мэдэнн сгорбились; я подумала, что она плачет.

— Мередит! — позвала королева. — Сядь рядом со мной. Дважды ей просить не пришлось.

Она заняла свой трон, оставив для меня тот, что прежде занимал принц Кел. Последние двадцать четыре часа он считался моим. Она подозвала Эймона, своего консорта, и жестом велела ему занять трон поменьше и на ступеньку ниже. С моей стороны тоже стоял еще один трон. Он предназначался не для моего постоянного консорта, но для избранника на день. Консорта на текущий момент, так сказать.

В последний раз, когда я здесь сидела, кресло консорта занимал Шолто, Властитель Всего, Что Проходит Между. Только когда я заняла свой трон, я сообразила, что Шолто и его слуга не было за их обычным столом у самой двери. Не было их и за спиной королевы — они не несли стражу. Слуга отсутствовали вместе со своим царем. Гоблинов тоже не было, но это бывало часто, они приходили обычно только в ночи, когда планировались крупные события, — например, в основные праздники. Никаких событий сегодня не ожидалось, но Шолто никогда не упускал случая появиться при дворе. Он слишком отчаянно жаждал признания себя сидхе.

Тайлер, "собачка" королевы, человек, свернулся у ее ног. Она поинтересовалась:

— А где твой маленький гоблин? — Она имела в виду Китто.

— Он помогает Рису приглядывать за полицейскими, пока они находятся внутри холма.

— С ними были проблемы? — Она оставляла Киерана потеть от страха — или хотела посмотреть, станет ли он это делать. Мэдэнн откровенно хныкала, и если б целью заговора этих двоих не был Гален, я бы, может, ее пожалела.

Я вкратце рассказала королеве, как подействовал на Уолтерса и его людей вход в ситхен. Она проявила искренний интерес.

— Я бы не подумала, что твой маленький гоблин может успешно охранять полицейских.

— Он почти наверняка никого случайно не зачарует.

— Не настолько сидхе, — согласилась она.

Я подавила вспышку гнева, вызванную ее комментарием.

— Он стал вполне сидхе во время землетрясения в Калифорнии.

— Земля сдвинулась ради вас, как очаровательно! — Это было сказано с интонацией донельзя светской и отчетливо оскорбительной. Я не была уверена, что мои нервы долго смогут выдерживать такую беседу.

— Ты сегодня спала еще с кем-нибудь, помимо Мистраля?

— Настоящего соития не было.

— В таком случае, Мистраль, займи свое место на возвышении, поскольку, клянусь Богиней, скорее всего это твой последний шанс его занять.

Мне не понравилась прозвучавшая в ее словах угроза, но я не могла не согласиться, что Мистраль заслужил это кресло.

Холод расставил остальных стражей полукругом возле меня — то есть тех, кто не охранял пленников. Баринтус остался стоять внизу. Андаис недобро на него посмотрела:

— Займи свое место среди ее стражей, Баринтус. Раз уж ты его себе выбрал.

Он поколебался мгновение, потом поклонился и встал с дальней стороны, обойдя королеву по широкой дуге. Наверное, он старался как можно меньше перед ней маячить, пока мы не поймем, что же ее так разозлило. У него было слишком много врагов, чтобы питать иллюзии. Если бы он убил королеву в поединке, прочие лорды прикончили бы его сообща. Разумеется, Андаис могла обойтись и без посторонней помощи.

За спиной королевы остался всего один страж — Шепот. Я как-то не ожидала, что, предложив стражам шанс оказаться полезными мне, она опустошит свою собственную конюшню. Возможно, и она не ожидала. Она дала им возможность сменить работодателя, и они ее не упустили. Предложите мужчинам шанс прервать тысячелетнее воздержание — и чего только они для вас не сделают.

Правда, переход ко мне означал, что несколько дней спустя им предстоит покинуть двор. Ссылка из волшебной страны — вот что их ожидало, останься они со мной. Понимали ли они это? И было ли км дело? Если нет, то в какое недоумение придет Андаис, обнаружив, что страшнейшая из ее угроз — изгнание из страны фейри — совсем не такая уж страшная!

Мистраль занял место консорта. Темно-серые волосы он перебрал набок, и они плащом спадали вдоль кресла. Я бы многое отдала, чтобы увидеть сейчас его лицо. Увидеть, как он впервые оглядывает двор с королевского трона. Если королева произнесла свою угрозу серьезно, а не просто в сердцах, то она намерена позаботиться, чтобы больше он это кресло не занял, а значит, второго случая нам не представится. Заботил ли ее лично Мистраль, или она просто поняла наконец, что может потерять всех стражей в мою пользу и пользу кольца?

Холод и Гален стояли по бокам от меня. Мне не хватало Дойла. Где он? Где Усна и Кабодуа? Я уцепилась за руку Галена, потому что, кажется, не могла оторваться от него. Он умирал у меня на руках — сейчас же я хотела насладиться его жизнью, выпить ее. Но я не верила, что он может противостоять лордам сидхе и выжить.

Думаю, Андаис нарочно не обращала внимания на Киерана и Мэдэнн, чтобы сломить их. Я ждала, пока королева начнет допрос. Я достаточно вывела ее из себя для одной ночи и была готова сделать все, только бы не злить ее еще больше.

— Киеран, ты пытался убить королевского стража. Не в честном поединке, а из засады.

— Если ты подталкиваешь меня бросить вызов этому юнцу, то это не пройдет. Если я его вызову, у него будет право выбрать вид дуэли. Он выберет оружие, а без магии я его превзойти не смогу.

— Ты признаешь, что один из слабейших моих стражей — лучший воин, чем ты, Киеран?

— Конечно. Вороны королевы — лучшие воины в истории сидхе. Я не настолько самовлюблен, чтобы думать, будто могу превзойти его с металлом. — Киеран посмотрел на меня. В светлой бороде играла улыбка, не покидавшая его лица. — Разумеется, если юный лордик сочтет себя оскорбленным и пожелает бросить вызов мне... — Он не закончил фразу.

Я сжала руку Галена, а он рассмеялся. Улыбка Киерана померкла.

— Неужто я был когда-то так глуп? — воскликнул Гален. — Богиня, надеюсь, что нет. — Он поднес мою руку к губам и поцеловал пальцы. В его лице была жесткость, которой я раньше не видела. — Я могу быть рядом с Мерри и в ее постели и не пожертвую этим только потому, что кто-то пытается ущемить мое самолюбие.

Он блеснул обычной своей открытой улыбкой, словно и не было у него на лице тени, которую я только что заметила.

— Кроме того, я польщен, а не оскорблен. Ты поджидал меня в компании с еще одним магом и тремя воинами. Не знал, что ты так меня боишься.

— Не хватало мне бояться какого-то переростка-пикси! — В лицо Киерана от ярости хлынула кровь.

Гален засмеялся и еще раз прижался губами к моей руке.

— А если не боишься, то зачем тебе столько помощников, чтобы меня убить?

— О, это верно, — заметила Андаис. — Только из страха Киеран мог взять столько людей, чтобы подстеречь одного стража. Если б дело касалось Холода или моего Мрака, я бы еще поняла. Ну, еще Мистраля, нашего повелителя бурь, но что ты боишься Галена...

— Я его не боюсь! — повторил Киеран, но что-то в его голосе заставляло припомнить Шекспира. Леди слишком громко протестует. Что такое было в Галене, даже если пророчество говорило о нем, что заставило Киерана запастись такой мощной поддержкой? Очень хороший вопрос. Едва не потеряв Галена, я была слишком поглощена переживаниями, чтобы как следует об этом подумать.

— Если не Галена, то чего же ты боялся, Киеран? — спросила я.

— Лорд Киеран, — заносчиво бросил он.

— Нет, просто Киеран, — процедила Андаис. — Она — наследница моего трона и когда-нибудь станет твоей королевой, если ты, конечно, до этого доживешь. Думаю, она может обращаться к тебе, как и я, Киеран. — Ее голос опять стек к мурлыкающему тембру, который либо намекал на секс, либо предвещал кому-то очень много боли. Иногда, впрочем, и то, и другое.

— Чего я боюсь? — переспросил Киеран. — Я боюсь смерти сидхе как расы.

— Ты боишься, что смешанная кровь моей племянницы обречет нас всех на смертность?

— Да, как и многие другие. Они боятся об этом сказать, но поступили бы как я, если б им хватило смелости.

Андаис взглянула в сторону от него.

— Не знаю, не знаю, Киеран. Смелость твоей жены, похоже, быстро тает.

Он посмотрел на королеву, и в его лице появилось что-то новое — то ли намек, то ли надежда.

— Если бы только она говорила смелее, все могло бы кончиться хорошо.

Мэдэнн всхлипнула в голос. Когда-то она была богиней юности и выглядела не больше чем на пятнадцать. Сейчас ее залитое слезами лицо казалось даже моложе, словно страх сорвал с нее ее годы.

— Ты много раз говорила, что очистишь двор от полукровок! — проговорила она сдавленным, низким от слез голосом. — Мы хотели только помочь тебе в том, что ты хотела сделать сама, прежде чем она вернулась из Западных земель и отвратила твое сердце от нас.

Андаис наклонилась вперед, и гнев ее стал уходить. На лицо Киерана медленно возвращалась прежняя наглость.

— Кристалл, обыщи Мэдэнн, нет ли на ней заклинания или, может быть, амулета, направленного на королеву.

Андаис нахмурилась:

— Что это ты говоришь, Мередит?

— Моя королева, я умоляю, — воскликнула Мэдэнн, — помоги нам!

Лицо Андаис смягчилось на глазах.

— Готорн, — сказала я, — если она еще раз заговорит без моего разрешения, перережь ей горло. Вылечится потом.

Он не стал спорить. Просто достал нож и приставил к ее горлу, хоть она и пыталась запротестовать.

Андаис отвернулась, закрыв глаза рукой:

— Что это?!

Кристалл обыскал Мэдэнн, и достаточно тщательно, чтобы Киеран возмутился:

— Он лапает мою жену!

— Станет вдовой, и никаких обетов нарушать не придется, — заявила Андаис.

Киеран открыл рот, потом закрыл, и в глазах у него впервые мелькнул страх.

Мэдэнн тихо вскрикнула, и Готорн нажал клинком, так что показалась капелька яркой крови. Женщина захныкала, но заговорить больше не пыталась.

Кристаллу пришлось совершить едва ли не интимные действия с Мэдэнн, прежде чем он вытащил маленький полотняный мешочек у нее из-под бюста. Два сшитых вместе кусочка ткани, похоже на подушечку размером с полудолларовую монетку.

Я чуть опустила щиты — как раз чтобы увидеть, как светится крошечная подушечка, и разглядеть тонкую красную нить, протянутую от нее к королеве.

Кристалл перерезал нитки, скреплявшие ткань, и вытащил клочок сушеной травы и семь черных волосков. Он зажал волоски пальцами, а остальное переложил в другую руку.

— Чары, направленные на тебя и только на тебя, моя королева, — сообщил он. — Заклятие убедительности, чтобы ее слова казались тебе верными и приятными.

Андаис посмотрела на Баринтуса в дальнем углу от трона:

— Возможно, ты получишь то, чем я редко одариваю кого-либо, лорд Баринтус.

Он поклонился:

— И что же это, королева Андаис?

— Мои извинения. — Она повернулась к Мэдэнн и Киерану. — Почему вы так хотели убить Галена, что рисковали жизнью?

— Он не считал, что рискует жизнью, — вмешалась я.

Андаис удивленно на меня посмотрела:

— Он использовал магию, чтобы обмануть меня. Это достаточное основание, чтобы я вызвала кого-то из них или их обоих на поединок.

— Киеран сказал мне, что Сиобхан пыталась убить наследницу трона и все еще жива, и ее не пытаются, потому что Иезекииль ее боится. Он сказал, что если за такое ты никого не покарала, то попытка убить полукровку-пикси, обычного стража, точно сойдет им с рук.

Она взглянула на Киерана, и он попятился под ее взглядом и остановился, только наткнувшись на стражей.

— Ты это сказал, Киеран?

— Не этими словами...

— А суть эта?

Он сглотнул так, что было слышно, и кивнул.

— Весь дом Нерис был вовлечен в заговор, они пытались убить тебя, моя королева, и они живы. Почему жизнь стража-полукровки должна стоять дороже жизни самой королевы?

— Вот видишь, Мередит, стоит проявить милосердие — и оно обратится против тебя.

— Нерис пожертвовала жизнью, чтобы спасти свой дом, — напомнила я. — Она заплатила за проявленное тобой милосердие.

— Верно... Отчасти. — Андаис взглянула поверх всех голов в сторону другого благородного дома. — Дормат!

Поднявшийся мужчина был высок и невероятно худ. Белейшая кожа, какой только мог похвастаться наш двор, бескровная бледность трупa. Откинутый капюшон черного плаща открывал волосы такие же белые, как кожа, так что Дормат показался бы альбиносом, если бы не глаза — черные, огромные и блестящие. Он был очень похож на современные представления о Смерти. Мне говорили, что когда-то он был мужественно-красивым и мускулистым, как все сидхе, но века людских верований его изменили. Кое-кто всерьез спорил, о чем свидетельствует такая его подчиненность людским представлениям: о его магической слабости, раз он не способен от них защититься, или, наоборот, о невероятной силе и уме — раз его до сих пор почитают среди людей, хоть и своеобразно. Голос у него был ниже, чем можно ожидать.

— Да, моя королева, — пробасил он.

— Иннис — один из твоих, как и Сиобхан. Вы тоже все заговорщики, подобно дому Нерис?

— О нет, моя королева, я клянусь, что не знал ни о планах Сиобхан, ни о планах Инниса.

— Ты заступился за Сиобхан. Ты просил для нее милосердия. Я его проявила, потому что мой сын тоже ее ценит и просил сохранить ей жизнь. Я прислушалась к сыну и к тому, кого считала своим союзником.

— Я и есть твой союзник, моя королева. Мой дом принадлежит тебе.

— Двое изменников, Дормат, двое в одном доме! Как мне поверить, что их не больше? — Она рисовала пальцем круги на подлокотнике трона.

— Разве не также обстоит дело с домом Блодайвет? — спросил он.

— Не впутывай меня в твои дела, Дормат^[17], — отрезала Блодайвет. — Ты, носящий имя собственной собаки, ибо опозорил свое!

— Я ничего не позорил!

— Детишки, — сказала Андаис, почти забавляясь. А у меня волосы на затылке встали дыбом от ее голоса. — Вот видишь, куда правителя заводит милосердие? Понимаешь теперь, Мередит? Милосердие ведет к слабости и гибели.

— Я знаю, как истолковал твои действия Киеран.

Она посмотрела на меня. Привлекать ее внимание, когда она в таком настроении, не хотелось ужасно, но деваться было некуда.

— Ну и как же?

— Он решил, что раз ты не казнила никого за попытку убить меня, то за покушение на Галена кара будет еще меньшей.

— И как ты думаешь, он прав? Ты думаешь, что я его не накажу?

— Я думаю, что Сиобхан следует казнить, а Киерана примерно наказать.

— Как наказать, если не смертью?

Я облизнула внезапно пересохшие губы.

— Так далеко я не загадывала, тетя Андаис.

— Ах так... Ну а я загадывала, и в этом состоит разница между принцессой и королевой.

Она открыла красные, яркие губы, чтобы сказать что-то жуткое, но тут огромные двойные двери с треском распахнулись, и на пороге показался Дойл.

Усна и Кабодуа волокли кого-то следом за Дойлом. Кого-то в белом меховом плаще, расцвеченном яркими алыми пятнами.

— Мра-ак, — протянула Андаис, — как мило, что ты к нам пожаловал. Кого это ты приволок сюда так бесцеремонно?

Она чуть не мурлыкала от удовольствия, что всегда предвещало кому-то боль. Дойл предоставил ей новую жертву.

— Это Гвеннин, белый лорд, слегка потрепанный, правда.

Гвеннин в друзьях Кела не числился. Он не был другом никому, кого считал типично неблагим. Один из последних изгнанников Благого Дзора, он до сих пор вел себя так, словно рассчитывал когда-нибудь туда вернуться. Напрасно. Благие могли принять обратно изгнанника из мира людей, но тот, кто ушел к неблагим, навеки становился нечистым. Таких не прощали.

Я смотрела, как Дойл шествует ко мне. Высокий темный преследователь, мрачный тип, которого я до жути пугалась в детстве, — а сейчас мне с трудом удалось подавить желание подозвать его. Я хотела, чтобы он меня обнял. Хотела почувствовать себя в безопасности. Я не чувствовала себя в безопасности, сидя на виду у всего двора. То, из-за чего я сбежала от фейри три года назад, вернулось полностью. Слишком много смертей, слишком много покушений. В конце концов, если у вас достаточно врагов, которые хотят вас убить, рано или поздно им это удастся. Простая арифметика. Вам нужно выживать всякий раз, им достаточно одной успешной попытки.

Гвеннин не был союзником ни одного из арестованных лордов. Я не могла представить заговор, объединивший их всех. Неужели был еще один? И какой из них имел отношение к убийствам?

— Гвеннин, — с удивлением сказала Андаис, — ты же этим не друг?

Она произнесла мои мысли вслух. Я задумалась, хороший это знак или плохой: я ли совершенствуюсь в политике, или королева теряет класс?

— Он сказал, что действовал сам по себе. Его возмутило, что принцесса вызвала человеческую полицию. Он счел, что воспользоваться помощью людей — ниже нашего достоинства. Так что он сотворил заклинание, которое сделало бы людей бесполезными, а может, и убило, если бы мы донесли его до полицейских.

— Донесли?

— Он наложил заклятие на Бидди, поскольку она наполовину человеческой крови, и каждый, в ком есть человеческая кровь, заразился бы, коснувшись ее.

Гвеннин обрел голос, хоть и лежал ничком между Усной и Кабодуа.

— Раз заклинание подействовало на принцессу, значит — она человек.

Кабодуа отвесила ему затрещину.

— Говорить будешь, когда тебя спросят, изменник!

— Да, — сказала Андаис, — они все изменники. Так много изменников, но ни один из них не покушался на Мередит. Пытались убить Галена, пытались не пустить людей в ситхен, но никто не попытался убить Мередит. Интересно.

Я подумала и поняла, что она права. Я взглянула на Дойла и поймала встречный взгляд. Это было и правда интересно. Очень.

— Почему это гвардейцы Кела предпочли убить твоего зеленого рыцаря, а не тебя? — светским тоном поинтересовалась Андаис.

Я попыталась ответить ей в тон и даже почти преуспела:

— Если кто-нибудь из его людей попытается убить меня, то жизнь Кела кончена. А вот убийство моих союзников не влечет автоматического смертного приговора их принцу.

— Но почему Гален, Мередит? Если б я решила избавить тебя от союзников, я бы начала с Мрака или Убийственного Холода.

— Или Баринтуса, — заметила я. Она медленно кивнула.

— Да, это было хорошо задумано. — Андаис посмотрела на Киерана и его жену, у горла которой Готорн по-прежнему держал нож. — Если б я убила Баринтуса, мы лишились бы одного из самых могущественных стражей. Если б он убил меня, то ты от меня освободилась бы и, возможно, первой сочла бы, что за свой поступок он должен умереть. — Она поерзала в кресле, словно устраивая поудобнее пышную юбку. — Да, Киеран, план был неплох. Ты сделал лишь одну ошибку.

Он посмотрел на королеву.

— И какую же?

— Ты недооценил принцессу и ее людей.

— Я не повторю своей ошибки, — сказал он, одаривая меня недобрым взглядом.

— Это похоже на угрозу принцессе, Киеран. — Андаис посмотрела на меня. — Разве это не похоже на угрозу в твой адрес, Мередит?

— Да, тетя Андаис, похоже.

— Холод, Киеран только что угрожал принцессе?

— Да, — подтвердил Холод.

— Мрак? — позвала она.

— Да, он угрожал принцессе, а также обещал лучше спланировать следующий заговор с целью твоего убийства, моя королева.

— Да, это я тоже расслышала. — Она обвела взглядом придворных. — Блодайвет, ты слышала, как он угрожал мне и моей родственнице?

Блодайвет глубоко вздохнула и коротко кивнула.

— Скажи это громко, для всего двора, — велела Андаис.

— Киеран сегодня очень глуп. Глупее, чем я и мой дом можем допустить или простить.

Киеран впервые по-настоящему испугался.

— Моя леди, вы — мой сеньор, вы не можете сказать...

— Не вовлекай меня в свою дурость, Киеран. Мэдэнн — твоя жена и всегда была твоей тенью. Но если своих домашних ты мог уговорить, то я не поверю, что это ты сумел привлечь на свою сторону Инниса, а не наоборот.

— Интересный аспект. — Андаис посмотрела на бессознательное тело Инниса. — Дормат, я предлагаю тебе выбор. Одному из твоих людей придется умереть. Выбери, Иннису или Сиобхан.

— Моя королева, — сказал Дойл, — я просил бы пощадить Инниса, но Сиобхан...

— Я знаю, кого ты убил бы, Мрак. — Она перевела взгляд на меня. — Я даже знаю, кого ты заставила бы меня убить, Мередит, но они не твои вассалы. Я хочу, чтобы выбрал Дормат, чтобы весь его дом понял, что он их не защитит!

— Моя королева, не заставляй меня выбирать между моими подданными!

— Хочешь ли ты занять их место, Дормат? Предложишь ли ты себя взамен Инниса и

Сиобхан? Я приму эту сделку, если ты ее предложишь. Я отпущу их обоих.

Лицо Дормата побелело еще больше, что раньше казалось мне невозможным. Он медленно моргнул большими темными глазами. Неужели нам предстоит увидеть, как Дормат, дверь смерти, упадет в обморок?!

— Ну же, Дормат, это простой вопрос, — торопила его Андаис. — Либо ты платишь сам за преступления твоего дома, либо нет. Нерис ради своего дома жизни не пощадила.

Голос Дормата стал пронзительно тонким, хотя он старался говорить ровно.

— Весь ее дом присоединился к ней в ее измене. Мой дом ни в чем не замешан, исключая этих двоих.

— Тогда выбирай, Дормат. Принцесса требует их смерти, и я не могу ей отказать. Она права.

— Смерти, да, — воспрянул Дормат, — но не казни. Она вправе вызвать их на поединок и лишить жизни, если это ей удастся.

— Ты был бы прав, лорд Дормат, — возразила я, — если бы Сиобхан напала на меня одна и в открытую. Но она напала на меня из засады и прихватила еще двоих себе в помощь. Это был не поединок, а попытка убийства, чистая и откровенная.

— Иннис на тебя даже не нападал, — перевел разговор Дормат, — он напал на зеленого рыцаря. Требовать смерти должен он!

— Думаешь, он проявит больше милосердия, чем принцесса? — прищурилась Андаис.

— Гален всегда был честным рыцарем, — сказал Дормат.

Гален крепко сжал мне руку и вздохнул. Невесело вздохнул.

— Я пытался быть честным, и правильным, и хорошим, что бы это ни значило. Сиобхан мне сказала как-то, что мне место в Благом Дворе, где все притворяются теми, кем не являются. Я спросил, кем же они притворяются. Людьми, ответила она так, словно это ругательство. — Его лицо стало очень серьезным. — Ты и правда ждешь, что я помогу тебе спасти жизнь тех, кто пытался меня убить?

Двое сидхе глядели друг другу в глаза, и Дормат отвернулся первым. Он заговорил с опущенной головой, стараясь ни с кем не встретиться взглядом:

— Всякий старается изучить своих противников и использовать против них их же силы и слабости.

— Почему я стал тебе противником? — спросил Гален.

Дормат обратился к королеве, словно не услышал:

— Моя королева, я прошу тебя не заставлять меня выбирать между моими сидхе. Один из них совершил, возможно, меньшее преступление, но вторая дороже моему сердцу.

— Ответь на вопрос Галена, — велела Андаис.

Дормат моргнул блестящими глубокими глазами, на лице ничего не выразилось.

— На какой вопрос, моя королева?

— Я быстро устаю от словесных игр, Дормат, — сказала она. — Советую тебе это запомнить. Говорю еще раз: ответь на вопрос Галена.

Дормат поежился, и длинный черный плащ встопорщился, как птичьи перья.

— Мне кажется, твой сын не хотел бы, чтобы ответ прозвучал при всем дворе.

Я взглянула на Андаис — мою тетю, мою королеву. Я не знала, на что намекает Дормат, но она могла знать. Она веками помогала своему сыночку скрывать его тайны. Ее лицо было красивым, холодным и высокомерным, каждая черточка — словно у дивной статуи, красота, которая толкает мужчин не к любви, а к отчаянию.

— Ответ столько, сколько сочтешь нужным, Дормат. Помни: если твой ответ будет включать все, что ты знаешь, тебе оплатят приверженцы Кела. Поскольку они решат, что ты их предаешь. Помни также, что среди нас есть и те, кто объявит тебя гнуснейшим изменником, если ты станешь потворствовать принцу.

Дормату пришлось опереться на стол длинной бледной рукой.

— Моя королева...

— А если ты не ответишь на вопрос, я сочту это прямым вызовом себе.

— Ты убьешь меня, чтобы я не выдал, что он натворил, — сказал Дормат.

— Разве я это сказала? Не думаю, чтобы я сказала именно это. — Она посмотрела на меня. — Я это сказала, Мередит?

Я не была уверена, что отвечаю правильно.

— Я не думаю, что ты угрожала Дормату смертью в случае, если он откроет, что совершил мой кузен принц Кел. Я не думаю также, что ты поощряла его рассказать все, что ему известно.

— Продолжай. — Казалось, она мной довольна, хотя я не понимала, по какой именно причине.

— Но ты заявила совершенно определенно, что, если он не ответит на вопрос Галена, ты вызовешь его на личный поединок и убьешь.

Она кивнула и улыбнулась, как будто я сказала что-то умное.

— Именно так.

Я перевела взгляд на Дормата и на миг даже пожалела беднягу. Андаис задала ему загадку, которая, возможно, не имела ответа, во всяком случае, такого, который не грозил бы ему смертью.

Он все также опирался на стол. По лицу ясно было видно, что он не видит выхода из лабиринта слов, который она вокруг него нагромоздила.

— Мне кажется, я не смогу ответить на вопрос зеленого рыцаря, не открыв многого, чего тебе не хотелось бы объявлять во всеуслышание.

— Сомневаюсь, что ты знаешь, что мне хотелось или не хотелось бы объявлять во всеуслышание, Дормат. Но если ты не заговоришь, я тебя убью, и никто не объявит это бесчестным, поскольку это будет поединок.

Он сглотнул, и мне показалось, что его адамово яблоко уже не вмещается в истончившееся горло.

— Зачем ты это делаешь, моя королева?

— Что делаю? — спросила она.

— Ты хочешь оповестить весь двор? Тебе нужно это?

— Мне нужно дитя, которое ценит свой народ и его благополучие больше, чем свое собственное.

Тишина в зале была оглушающей. Словно все разом затаили дыхание. Словно даже кровь в венах на миг прекратила бег.

Андаис признала, что Кел не ценит никого и ничего, кроме собственной персоны, — то, что я знала годами. Она воспитала его в убеждении, что вся волшебная страна, и сидхе, и малые фейри принадлежат ему. Он был зеницей ее ока, кровинкой ее сердца, величайшей драгоценностью — дольше, чем существует эта страна, — и вот теперь ей нужен ребенок, который дорожил бы другими больше, чем собой. Что натворил Кел, что его мать вдруг лишилась иллюзий?

Голос Дормата прозвучал в этой тишине:

— Моя королева, я не знаю, как дать тебе желаемое.

— Я могу это дать. — Из голоса Маэлгвина исчезла привычная легкая смешинка. Он говорил серьезно и в то же время мягко, я никогда не слышала у него такого тона.

Андаис посмотрела на него, и даже в профиль было видно, что взгляд у нее недобрый.

— В самом деле, мой волчий лорд? — В ее голосе слышалось предостережение: так духота в воздухе предупреждает о скорой буре.

— Да, — негромко сказал он, но это слово звоном отдалось по залу.

Она откинулась на спинку трона, руки застыли на подлокотниках.

— Так просвети меня, волк.

— Двое детей твоей крови вошли в возраст, моя королева. Одно дитя пробудило собственное твое кольцо и готово пожертвовать едва ли не всем, чтобы радоваться магии кольца. Дитя, которое говорит, что принести детей всем сидхе для него важнее, чем получить трон, или защитить свою жизнь, или зачать собственного ребенка. За любую из этих трех возможностей большинство сидящих здесь придворных отдали бы все, чем владеют. Разве это не то дитя, что ставит благополучие своего народа превыше собственного?

Я сидела очень тихо. Я не хотела привлекать к себе ее внимание. Может, слова Маэлгвина и были правдой, но королева далеко не всегда вознаграждала за правду. Иногда ложь бывала гораздо полезней. Любимая ложь Андаис гласила, что Кел будет хорошим монархом. Но она сама приоткрыла щелку для правды. И лорды ее произнесли наконец. Что вряд ли кто-нибудь из них согласился бы на Кела, будь у них другой выбор, кроме смертной полукровки. Только моему отцу в свое время хватило смелости сказать Андаис, что с Келом не все ладно. Что это неладное далеко выходит за рамки простой избалованности и испорченности.

Андаис словно подслушала мою последнюю мысль.

— Когда невеста моего брата так быстро забеременела, нашлись те, кто побуждал меня отречься от трона. Я отказалась. — Она повернулась ко мне: — Хочешь знать, почему я позвала тебя домой, Мередит?

Вопрос был таким неожиданным, что я с секунду молча на нее пялилась, но наконец выдавила:

— Да.

— Я бесплодна, Мередит. Все эти человеческие доктора сделали для меня все, что могли. Вот почему мне нужно подтверждение твоей плодовитости. Кто бы ни правил здесь после меня, он должен быть способен вернуть жизнь двору. Маэлгвин обвинил меня в том, что я обрекаю всех на бесплодие из-за бесплодия моей кровной линии. Могу лишь дать слово, что до последнего времени я этому не верила. Если б можно было вернуться назад... — Она вздохнула и сгорбилась, насколько ей это позволял корсет. — Не знаю, чем мы были бы сейчас, я имею в виду, мы — неблагие, если б я уступила трон Эссусу тридцать лет назад или даже раньше.

В ее глазах была боль, которой она раньше никогда мне не показывала. Этот взгляд ответил на вопрос, который мне давно хотелось разрешить. Я знала, что мой отец любил сестру, но до этой минуты я не была уверена, что и она любила его. А сейчас я это видела в глазах, в чертах лица, даже под макияжем. Она выглядела усталой.

— Тетя Андаис... — начала я, но она меня прервала.

— Я слышала шепот по темным углам, племянница моя, шепот, которому я не верила. Но если кольцо действительно живет для тебя, если оно начало подбирать плодовитые пары, то, может, слухи были верны. Скажи мне: Мэви Рид, Конхенн из Благого Двора, понесла?

Я открыла рот и закрыла его. Кто-то здесь наверняка шпионил для Благого Двора. Скажу "да" — и, возможно, подвергну Мэви опасности... Но ведь Таранис уже пытался ее убить. Сейчас она была уже за границей, большей безопасности мы не могли ей обеспечить. Не ответить было опасней, потому что мы никому не сообщили, что Мэви Рид была изгнана из волшебной страны потому, что отказала королю, а отказала она потому, что он бесплоден. А это значит, что Таранис в отличие от Андаис уже сотню лет знал о своем бесплодии. Он оставался на троне и предпочитал обречь свой народ на падение и гибель, только бы остаться на троне. За такое благие были вправе потребовать от него пожертвовать жизнью, чтобы оживить землю.

Я думала слишком долго, и Андаис спросила:

Холод сжал мне плечо, Гален рядом вытянулся в струнку. Я посмотрела на Дойла, он едва заметно кивнул. Правда была меньшим злом. Я прошептала:

— Да, она беременна.

Андаис переводила взгляд с меня на Дойла, словно хотела узнать, почему я так долго раздумывала, но она была слишком опытным политиком, чтобы спросить вслух. Вопросы, на которые не знаешь ответа заранее, публично не задают.

— Скажи так, чтобы все это услышали, племянница.

Мне пришлось откашляться, чтобы мой голос услышали во всем зале.

— Да, она беременна.

Волна шепота пробежала по рядам придворных.

Андаис улыбнулась, довольная их реакцией.

— Ты сотворила для нее чары, ритуал плодородия?

— Да, — подтвердила я.

Бормотание усилилось, накатывая на нас будто прилив.

— Я слышала, что ее муж был на пороге смерти, это правда?

— Да, — кивнула я.

— Лекарства от рака могут сделать мужчину бесплодным или импотентом.

— Иногда, — согласилась я.

— Но ты смогла создать чары, позволившие умирающему мужчине последнюю близость с ней?

— Да.

— Кто исполнял роль консорта для твоей богини? Кто был богом для твоей богини во время этого ритуала?

— Гален, — сказала я и прижала его руку к своей груди.

Океанской волной взметнулась над нами неразбериха возгласов. Крики, чуть ли не вопли. Кто-то не верил. Как минимум один неопознанный мною мужской голос заявил: "Вот вам и объяснение!" Я решила потом спросить у Дойла или Холода, не узнали ли они, кто это сказал.

Андаис посмотрела на Киерана, стоящего у подножия трона со связанными руками.

— Я убила отца Галена, прежде чем я или та благородная леди, что принесла жалобу на магическое соблазнение, узнали о ее беременности. Ты едва не убил воина, который помог сотворить магию, позволившую женщине-сидхе и умирающему мужчине создать новую

жизнь.

Киеран, казалось, растерялся и глубоко задумался.

— Я бы не поверил, но ты сегодня сказала слишком много правдивых слов, моя королева, чтобы я подвергал их сомнению. И ты не настолько любишь Галена, чтобы хотеть его спасти.

— Мы никогда не лжем, Киеран.

Он поклонился:

— Я имел в виду...

— Я знаю, что ты имел в виду. — Она откинулась на спинку кресла почти лениво, как устраивающаяся поудобнее кошка. — Так что сказали тебе люди Кела, чтобы подтолкнуть к измене?

Я ждала, что Киеран начнет возражать или оправдываться, но он просто ответил:

— Что зеленый человек принесет жизнь ей. — Он мотнул головой в мою сторону, поскольку руки у него были связаны.

Андаис взглянула на Дормата.

— А что Сиобхан сказала тебе?

— Что зеленый человек вернет жизнь стране фейри.

На лице Киерана отразился ужас. Он попытался упасть на колени, но связанные руки не дали ему это сделать.

— Мне сказали не это, моя королева, клянусь! Я бы никогда не посягнул на шанс нашего двора снова стать таким, каким он был прежде!

— Дормат, — велела она, — изложи Киерану точные слова пророчества, за которое Кел заплатил человеческому магу.

Дормат поклонился и произнес:

— Зеленый человек вернет жизнь стране фейри. Правитель — это страна, а страна — это правитель. Здоровье, плодородие, счастье правителя — есть здоровье, плодородие и радость самой земли.

— Хорошо сказано, Дормат, и совершенно честно. Если вы убьете зеленого рыцаря Мередит, а ему назначено стать королем, который вернет детей сидхе, то что же вы сделаете с нами, Киеран и Мэдэнн? — Ответа Андаис не дожидаясь. — Убив его, вы уничтожите все наши надежды и мечты.

— Но мертвый сад оживили и пробудили магию стражей Мистраль и Мередит! С ней был Мистраль, когда кольцо выбрало Никку и Бидди, — возразил Киеран. — На троне консорта с ней сидит Мистраль, а не зеленый рыцарь.

— Это верно, и может быть, кольцо избрало повелителя бури ее королем. Я сама решила, что "зеленый человек" означает любого из богов растительности, но, может, я истолковала все слишком буквально. Зеленым человеком называют Консорта. — Она качнула головой. — Не знаю. И не могу решить, раздражает меня или успокаивает, что пророки говорят загадками даже в столь современной Америке. — Она повернулась ко мне. — Ступай, помоги Никке и Бидди завести того ребенка, что ты видела. Но помни с моих условиях: если я узнаю, что ты отдала его Бидди первой, я вмешаюсь. И этой ночью доступ к твоему телу должны получить также Гален и кто-нибудь еще из зеленых людей.

— А что же с изменниками, тетя Андаис? — спросила я.

— Ты пойдешь делать детей, а я займусь ими. Я отдам тебе очищенный от измены двор, это будет мой первый и последний дар тебе. — Она закрыла глаза ладонью и проговорила:

— Уходи. Возьми с собой стражей из числа зеленых людей, но прочих оставь мне.

Пальцы Холода сжались у меня на плече, и должно быть, я издала какой-то протестующий звук, потому что королева посмотрела на меня. Она посмотрела еще и на Холода с Дойлом, и глаза ее вспыхнули злостью.

— Мрака и Убийственного Холода тоже можешь забрать. Они твои, так и быть, но мне нужны стражи, чтобы наказать изменников.

— Никка и Бидди... — тихо напомнила я. Она нетерпеливо отмахнулась.

— Да, да, и иди уже.

Холод снял руку с моего плеча и коротко кивнул. Я поднялась, поклонилась королеве, и мы пошли к дверям, оставив ее наказывать заговорщиков. Вряд ли она их убьет, зато сделает все, чтобы заставить их раскаяться в своих поступках. На этот счет у меня сомнений не было. Мне не стоило оглядываться, но я оглянулась. Я увидела, как Кристалл, Хафвин, Догмэла и прочие пытаются сохранить спокойствие. Мистралю и Баринтусу это, кажется, удавалось.

Я остановилась. Холод схватил меня за плечо, а Гален мою руку так и не выпускал. Они попытались увести меня, но я воспротивилась. Всех я спасти не могла, я знала, но...

Дойл не пытался меня остановить, он просто смотрел на меня, бесстрастный, как всегда. Он давал мне возможность решать и править. Руки Галена и Холода были настойчивы, Холод сжимал мою руку едва не до боли, но я сказала:

— Моя королева, разреши мне взять с собой целителя на случай непредвиденных событий. Мы посылали за целителем для Галена, но он так и не пришел.

Она кивнула, но рассеянно — жертвы уже поглотили ее внимание. Она нависала над Киераном, бездумно перебирая рукой светлые волосы, так тщательно заплетенные им в косу.

— Да, бери любого, кроме моего личного.

— Хафвин, — позвала я.

Стражница не смогла скрыть облегчение, когда побежала к нам через зал. Королева крикнула ей вслед:

— Мередит, если тебе нужен целитель, возьми того, кто сохранил свои силы. — Андаис в раздражении уперлась руками в бока.

— Хафвин исцелила Галена и Адайра.

Это привлекло ее внимание.

— Как? Она потеряла способности к исцелению в незапамятные времена. — Андаис казалась одновременно раздраженной и обрадованной. — А, к ней тоже сегодня вернулись силы?

— Нет, моя королева, Хафвин всегда была способна лечить возложением рук.

— Но мне сказали, что она потеряла эту способность!

— Хафвин, — спросила я, — ты теряла способность к исцелению?

Она отрицательно помотала головой, не поворачиваясь к королеве, словно не решалась оторвать взгляд от меня или боялась оглянуться.

— Тогда почему же она в гвардии? — удивилась королева. Она сошла по ступеням, и я ощутила, как напряглись все вокруг меня. Мы уже могли бы уйти, а я снова ставила нас под удар. Но Андаис впервые казалась способной воспринять страшную правду о Келе. Кто знает, сколько продлится ее настроение, а ее нужно было заставить признать, что Кел — чудовище.

— Она вылечила кого-то, кого принц Кел запретил ей лечить. Он сказал ей, что с того дня она будет нести только смерть, а лечить ей запретил.

Андаис проскользнула к нам, шелестя шелковым платьем. Хафвин побледнела.

— Это правда, Хафвин?

Стражница сглотнула и повернулась кругом. Она упала на колени без всякого напоминания.

— Да, ваше величество, это правда.

— Ты сохраняла способность исцелять смертельные раны наложением рук, и он запретил тебе использовать твой дар?

Хафвин опустила голову, но сказала:

— Да.

Андаис посмотрела на меня.

— Она твоя, но я не дам тебе переманить у Кела всех его стражей. Даже королева не в силах освободить другого сидхе от клятв верности и службы.

— Хафвин не нарушит клятв, перейдя ко мне, поскольку она не давала обетов принцу Келу. Как мне сказали, многие из его стражей не присягали ему.

В глазах Дойла мелькнуло что-то, давшее мне понять, что он если не одобрил, то хотя бы понял, почему я решилась на риск.

Андаис нахмурилась:

— Не может быть. После смерти Эссуса Кел предложил его стражам перейти к нему на службу. Они присягнули моему сыну.

Хафвин склонилась еще ниже, но возразила:

— Моя королева, Кел сказал нам, что ты нас ему отдала. Он не спрашивал ни нашего желания, ни согласия. Он объявил, что мы клялись служить принцу, а он — принц.

— Он сказал, что вы все выразили желание ему служить, — растерянно проговорила Андаис.

Хафвин легла на пол лицом на сложенные руки, но ответила:

— Нет, моя королева.

Андаис взглянула на Бидди:

— Ты давала присягу Келу?

Бидди покачала головой.

— Нет, и он не просил.

Андаис повернулась назад к трону:

— Догмэла, ты присягала принцу Келу?

— Нет, моя королева, — ответила та, глядя большими глазами на испуганном лице.

Андаис закричала. Громко, пронзительно, без слов — в этом вопле будто отразилось все ее отчаяние.

— Я никогда не отдала бы стражей моего брата никому, даже собственному сыну! Все, кто не давал обетов Келу, вольны уйти от него.

— Мы можем предложить наши услуги, кому захотим? — спросила Хафвин, приподнимая голову, чтобы взглянуть на королеву.

— Да, но если вы пойдете к принцессе, мой прежний приказ остается в силе. Вы должны будете служить ей так, как всегда служили стражи моей семье и моему дому.

Бидди отважилась сказать:

— Принц Эссус не принуждал нас служить таким образом ему и только ему.

Андаис посмотрела на нее, покачала головой и повернулась ко мне.

— Что ты сделаешь со своими стражами, если я тебе разрешу?

— Я освободила бы женщин от целибата, поскольку, как ты отметила, от них моя беременность не зависит. Когда я забеременею и буду знать отца своего ребенка, я освободила бы от целибата и мужчин.

— А если ты не забеременеешь?

— Тогда я сохранила бы тех, кого предпочитаю видеть в своей постели, а остальным позволила бы найти возлюбленных. Пять-шесть мужчин, ну, может, семь-восемь, меня вполне устроили бы.

— А что, если я велю всем, кого ты не побережешь для себя, вернуться ко мне?

— Ты сказала однажды, что ввела целибат, поскольку хотела сохранить их семя для себя, но если ты не можешь забеременеть, то почему не позволить им осчастливить других женщин и, может быть, подарить им детей?

— Так прямо, так справедливо, так по-Эссусовски.

Она повернулась к нам спиной и пошла к трону.

— Забирай тех, кто стоит рядом с тобой, и иди. И знай: из-за того, что ты мне наговорила, наказание наших заговорщиков будет более... существенным. Ибо мой гнев можно охладить только кровью.

Сказать на это можно было только одно:

— Я во всем тебе повинуюсь, тетя Андаис.

Я поклонилась ее спине, мы подняли Хафвин на ноги и удалились. Мне не нужны были ничьи подсказки, чтобы знать, что я толкнула Андаис к самой черте. Мы оставили ее ласкать Киерана. Последнее, что мы услышали из-за закрывающихся дверей, — это крик Мэдэнн. Я попыталась оглянуться, но Гален и Холод держали меня слишком крепко. Оглядываться сегодня мне уже не дадут.

Перед дверью моей комнаты бушевал шторм из бабочек, словно кто-то разбил калейдоскоп и подбросил в воздух не стеклышки, а освобожденные цвета, и они поплыли по воздуху, искрясь, переливаясь, перемешиваясь. Пару мгновений я не различала крошечных рук и ног, кисейных платиц и юбочек. Я видела только то, что хотел показать мне их гламор. Стайка бабочек, взметнувшаяся в воздух воплощением самой красоты. Мне пришлось несколько раз моргнуть и хорошенько сосредоточиться, чтобы увидеть настоящую картину. Гален потянул меня за руку назад, и мы все остановились, не дойдя до этого радужного облака.

Реакция Галена тут же напомнила мне, когда я в последний раз видела такое множество фей-крошек. Гален был прикован к скале поблизости от тронного зала. Его тело было почти не различить под медленно машущими крыльями. Крылатые человечки сидели на нем будто бабочки на краю лужи, потягивая жидкость, помахивая крыльями в такт глоткам. Только пили они не воду, они пили его кровь. Гален отчаянно кричал, тело выгибалось в цепях. Движение согнало с места группку фей, и я увидела, почему он кричал. Его пах казался кровавым месивом. Они питались не только кровью, но и плотью.

Рука Галена больно сжала мою ладонь. Я оглянулась на него: глаза распахнуты, губы приоткрыты. Теперь я знала, почему Кел подрядил фей-крошек отнять у Галена его мужественность. А в то время это казалось лишь одной из обычных его жестоких забав.

Калейдоскоп бабочек разошелся как занавес, открывая нашему взгляду королеву Нисевин: она парила в воздухе на больших крыльях, словно бабочка-сатурния, только слишком бледная, призрачная. Ее платье сверкало серебром, алмазы в короне так сияли на свету, что затмевали узкое личико. Я знала, как она выглядит, потому что я уже видела эту тонкую, почти скелетообразную красоту. Рост куклы Барби и пропорции топ-моделей. Глядя на ее сияющую, но чуть выцветшую белизну, я понимала, почему люди принимали фей то за души мертвых, то за ангелов. Она походила на то и на другое и не была ни тем, ни другим. Слишком материальная для привидения, слишком насекомообразная для ангела.

Если бы Гачен не цеплялся за мою руку, я бы подошла поговорить с ней, как одна царственная особа с другой, но я не могла просить его подойти ближе к этой яркой кровожадной стае. Дойл заметил мое затруднительное положение и, шагнув вперед, отвесил придворный поклон.

— Королева Нисевин, чему мы обязаны такой честью?

— Какие любезные слова, Мрак, — прозвенел ее голос злобным колокольчиком, — но немножко поздно, не находишь?

— Поздно для чего, королева Нисевин? спросил он вежливым и ничего не выражающим светским оном. Таким тоном он говорил, когда не знал, в какую новую политическую яму мы провалились.

— Для любезностей, Мрак, для любезностей! — Она взлетела повыше, чтобы разглядеть меня за спиной верзилы Дойла. — Что, теперь я недостойна чести общаться с принцессой напрямую?

Я позвала ее, и рука Галена судорожно дернулась.

— Ты отлично знаешь, почему Гален не хочет приближаться к тебе и твоим сородичам.

— А ты приклеена к своему зеленому рыцарю? Вы стали с ним одной плотью, и ты не

можешь оставить его даже на минутку, чтобы подойти ко мне?

Она склонила голову набок, и я разглядела ее светлые глаза. Она даже не пыталась скрыть свою злость. Я видела ее в этой короне тысячу раз, и бриллианты никогда не сверкали так ярко. Только тут я поняла, что свет вокруг был ярче, чем обычно, близко к яркости электрического освещения.

— Она на нас и не смотрит! Потолок ее интересует много больше, чем наш двор.

Я моргнула и снова посмотрела на парящую в воздухе королеву.

— Прошу прощения, королева Нисевин, сияние твоей короны слепит мне глаза. Я не раз восхищалась твоей красотой, но сегодня ты особенно притягиваешь взгляд. И я вдруг поняла, что свет в коридорах наконец стал достаточно ярким, чтобы по достоинству осветить тебя и твой наряд.

— Красивые слова, принцесса Мередит, но пустые. Лесть не смоем оскорбление, которое ты нанесла мне и моему двору.

Я не понимала, о чем она говорит. Неужели я так устала, что упустила что-то важное? Потому что я на самом деле устала, все тело ломило, как бывает после проведенного на ногах дня или когда день выдался слишком насыщенным. Я не представляла, который шел час. В волшебной стране нет часов. Когда-то их не было потому, что время внутри холмов текло иначе, чем снаружи. А сейчас — потому, что оно текло совершенно так же. Часы запретили, чтобы они не напоминали об утраченной магии.

— Какое оскорбление нанесли твоему двору? — спросил Дойл.

— Нет, Мрак, нас оскорбила она, с ней мы и будем говорить. — Крылья у нее были точно как у ночной бабочки, но двигались по-другому, особенно когда она злилась. Они жужжали и сливались в размытое пятно, когда она пролетела мимо Дойла, направляясь ко мне.

Гален отпрянул так резко, что я чуть не упала. Он машинально меня поддержал, но из-за этого движения оказался ближе к зависшей в воздухе фее и замер на месте, лишив и меня возможности двигаться.

Нисевин зашипела, оскалив острейшие зубки, и метнулась вперед. Наверное, она хотела всего лишь приземлиться мне на плечо, но Холод поставил руку у нее на пути. Ударить ее он не пытался, но ее стража среагировала, бросившись на выручку своей королеве. Они устремились к нам радужным вихрем — вихрем с ручками, умеющими щипать, и зубками, умеющими кусаться.

Гален заорал, выбросил вверх руку и развернулся, закрывая меня своим телом. Он попытался бежать, но споткнулся и упал, повалив и меня. Я оказалась внизу, но он успел подставить руку, так что рухнул на меня не всем весом. В ноздри ударил густой запах смятой и порванной листвы. Я открыла глаза и обнаружила, что почти закопана в листья. На миг я решила, что мы с Галеном куда-то перенеслись, но тут мои пальцы нащупали под листьями каменный пол. Я подняла голову и увидела, что вокруг нас по-прежнему стоят стражи. Зелень в мгновение ока выросла прямо из камня.

Гален навис надо мной, прикрывая меня собственным телом. Он весь напрягся в ожидании удара. Удара, которого не последовало. Я извернулась посмотреть ему в лицо. Гален крепко зажмурился: он обрек себя на то, чего боялся больше всего на свете, чтобы защитить меня. Зелени и цветов он еще не видел, зато их видели все остальные.

Нисевин шипела:

— Злые сидхе, злые, злые. Бы их заколдовали!!

— Интересно, — оценил Дойл, — очень интересно.

— Впечатляюще, — согласился Готорн, — но чья это работа?

— Галена, — ответил Никка.

Гален начал оживать. Он открыл глаза, тут же наполнившиеся изумлением при виде растительности, заполонившей коридор.

— Я этого не делал!

— Делал, — с полной уверенностью сказал Никка, — еще как делал.

Гален приподнялся, опираясь на руку, и принял полусидячее положение. Он оглядел коридор, и увиденное его, похоже, потрясло. Я села и тоже посмотрела по сторонам.

Небольшой коридор перед моей комнатой весь зарос цветами. Крылатые феи и эльфы забирались внутрь цветков, катались по лепесткам, перемазывались в пыльце. Они вели себя как кошки, добравшись до валерьянки.

Королева фей порхала в воздухе, почти не подвластная зову цветов. С ней осталась лишь крохотная горстка крылатых воинов. Все остальные сдались на милость цветам Галена. Это было колдовство, это я могла уразуметь, но в остальном я была так же растеряна, как и Гален.

— Только у Галена еще не проявлялись новые силы. — Холод ткнул острием меча в качающийся бутон.

— Да-а, — протянул Дойл, оглядывая цветы и опьяненных фей-крошек, — они определенно проявились. — Он усмехнулся, зубы блеснули на темном лице. — Если так пойдет дальше, он сможет околдовывать людей, а потом и сидхе, целыми армиями. Я и забыл, что когда-то у нас был такой приятный способ выигрывать битвы.

— Ну вот, — укоризненно сказал голос из-за наших спин, — оставишь вас на минутку, и вы уже сад разбили!

Рис вернулся, выпроводив полицейских из холма. Никка объяснил ему, в чем дело. Рис ухмыльнулся Галену:

— И как это называть, рука цветов?

— Это не рука власти, — возразил Никка, — это умение, магический навык.

— В смысле — вроде стряпни или вышивания? — поинтересовался Рис.

Никка не поддержал его шутку.

— Нет, это близко к тому, как Мистраль вызывает грозу. Это создание, осуществление.

Рис присвистнул.

— Создание чего-то из ничего. Неблагим такое давненько не удавалось.

Гален дотронулся до одного из самых крупных бутонов, тот раскрылся, и на ладонь Галена выпала крошечная фея. Гален подпрыгнул как укушенный, но маленькую фигурку не выронил. Малышка была одета в короткое коричневое платьице, она лежала на ладони Галена, медленно помахивая коричневыми с красно-кремовым рисунком крыльями. Она была крошкой даже по меркам фей. В ладони Галена она помещалась во весь рост и еще оставалось место. Она растянулась у него на руке с блаженной улыбкой, глаза закатились. С ног до головы покрытая черной пылью облюбованного ею цветка, она была не то что пьяна — она вырубилась, ушла в нирвану.

Гален выглядел все более и более озадаченным. Он посмотрел на Дойла, протянув к нему руку с малышкой.

— Для тех бедолаг, кому еще не стукнуло ста лет, объясните, что, во имя Дану, здесь творится? Намеренно я этого не делал, потому что вообще не знал, что такое можно сделать.

А если я не знал, что такое возможно, то какя это сделал? Магия требует воли и ясного осознания цели.

— Не всегда, — сказал Дойл.

— Не в том случае, если это просто часть твоей природы, — пояснил Холод.

Гален встряхнул головой:

— Как это понимать?

— Может, мы слегка отложим уроки магии, — заметил Рис, — пока не останемся одни. — Он смотрел на крошечную королеву, разглядывавшую сверху свое поверженное воинство.

— Да, белый рыцарь, придержи от меня свои тайны, — оскалилась она, — потому что принцесса расторгла нашу сделку. Мой народ больше не будет ее глазами и ушами. Мы вернемся к принцу Келу.

Я поднялась на ноги, стараясь не наступить ни на кого из фей-крошек, то там, то здесь вываливавшихся из цветов. Дело поворачивалось худо.

— Я не нарушала уговор, королева Нисевин, это ты отозвала Шалфея. Как он мог пить мою кровь, если его со мной не было?

Она прожужжала прямо к моему лицу, белые крылья слились в размытое пятно, настоящие крылья насекомого от такой нагрузки порвались бы в клочья. Она была в ярости, я знала это по примеру Шалфея.

— Я уговаривалась о глотке крови, о капле сексуальной энергии, которая достанется моему посреднику, а от него — мне. Я не уговаривалась о том, чтобы делать из него сидхе! Не было речи о том, чтобы крылья стали для него бесполезными. Не было речи о том, чтобы он...

— Стал слишком большим для твоей постели, — закончила я.

— Я замужем! — выкрикнула она, словно это слово было бранным. — У меня нет возлюбленных, кроме моего короля.

— Да, и раз уж тебе недоступен твой фаворит, ты запретила ему получать удовольствие с другими.

Ветер, поднятый ее крыльями, играл с моими волосами, обдувал лицо. Ветер был холодным, а ее злость — горяча.

— Что я делаю с моими подданными — не твое дело, принцесса!

— Безусловно, но ты обвинила меня в нарушении сделки, а я в этом не виновата. Я по-прежнему готова предложить тебе королевскую кровь. — Я медленно, плавно подняла руку, повернутую запястьем кверху. Новые недоразумения мне были ни к чему. — Возьмешь ли ты кровь сама? Ты посылала Шалфея взамен себя, потому что Западные земли расположены далеко от волшебной страны, но сейчас я здесь, рядом.

Она зашипела на меня рассерженной кошкой и сделала свечку над моей головой.

— Я не коснусь твоей плоти за все блага мира! У меня ты крылья не украдешь.

— Но Шалфей всегда мог принимать человеческие размеры. Ты — нет, так что ты не застрянешь в чуждой форме.

Она снова зашипела и резко качнула головой, разметав радужные блики по стенам и по цветам.

— Ни за что!

— Ну так выбери другого посредника, — предложила я.

— Кто же пойдет на такой риск?

Тоненький голосок проговорил:

— Тот, кто не сможет потерять крылья. У кого их нет.

Я поискала глазами говорящего и наконец заметила группку фей-крошек у дальней стены. Крыльев ни у кого из них не было, зато были другие средства передвижения. Тележки, запряженные холеными белыми крысами, и еще изящная карета с дюжиной белых мышей, впряженных в нее цугом. Были и два хорька, на которых ехало множество крохотных всадников; один хорек был обычной окраски, с черной "маской" на мордочке, а второй — альбинос с белым мехом и красными глазками. Двое всадников повыше ехали на варане больше метра длиной. Варан был не просто взнуздан, на нем красовался еще и намордник, как на злобной собаке. Вараны — свирепые твари и едят все, что могут убить и съесть. Будь я размером с куклу Барби, я бы вряд ли пожелала держать при себе такого.

Мое внимание привлекло движение на стене, там копошились многоногие малявки. Часть напоминала паукообразных кентавров: восемь ног в соединении с головкой эльфа и круглым тельцем, укутанным в прозрачную ткань. Один был похож на черного жука, причем настолько похож, что заметить бледное личико среди хитинового камуфляжа было непросто.

— Это я говорил, — сказал один из маленьких мужчин в тележке, которую тащила крыса. Рядом с ним сидела такая же крошечная женщина. Она тянула его за руку, не давая помахать нам.

— Нет, Ройял, нет, — повторяла она, — не надо! Бывают вещи и похуже, чем не иметь крыльев.

Он бросил вожжи, с помощью которых управлял красавицей-крысой, и схватил малышку за плечи.

— Я это сделаю, Пенни, я должен!

Пенни покачала головой.

— Я боюсь тебя потерять.

— Ты меня не потеряешь.

— Потеряю, если она превратит тебя в сидхе.

— У меня нет другого роста, Пенни. Ей не удастся поймать меня в ловушку человеческого тела, как это было с Шалфеем.

Он горячо обнял ее, погладил короткие темные кудри и посмотрел на меня. У него самого волосы были короткие и черные, а прямо под челкой торчала пара длинных изящных антенн, тоже черных. Большие миндалевидные глаза зияли той же идеальной чернотой, как у Дойла — или Шалфея, кстати. Кожа, напротив, была совершенно белой. Женщина повернула ко мне головку с точно такими же длинными красивыми антеннами. Антенны были редкостью среди фей-крошек, а у тех, кто не имел крыльев, — и подавно.

На меня смотрели два бледных овальных личика. У него подбородок был помассивней, у нее — скулы потоньше. Он был чуть повыше, пошире в плечах, уже в бедрах, но, кроме обычных различий между мужчиной и женщиной, они казались копиями друг друга.

— Вы — близнецы, — поняла я. — Пенниройял^[18], Пенни и Ройял.

У фей-крошек было в обычае называть близнецов вот так, деля между ними половинки одного имени.

Он кивнул, она на меня смотрела молча. Они были одинаково одеты — в пурпурные кисейные туники, прикрывавшие их от шеи до колен, то есть больше, чем принято у фей-крошек. Посмотрев на других бескрылых, я отметила, что они одеты в том же стиле. У крылатых мужчин из одежды были только юбочки-килты или набедренные повязки, у

женщин — коротенькие платица или и того меньше. Только королева носила мантию, спадавшую до пят. Ну, королева должна отличаться от подданных одеждой, но я никогда не замечала такого четкого различия в одежде крылатых и бескрылых фей.

— Я не дам своего согласия, — сказала Нисевин, подлетая к моему плечу.

— Прошу, моя королева, позволь мне попытаться! Ты не знаешь, что это такое — жить без крыльев, вечно обреченным ходить или ездить!

Она скрестила руки на худенькой груди.

— Я сострадаю твоей беде, Ройял, и всем другим, кто несет то же проклятие, но прикоснувшись к этой, — она махнула на меня рукой, — ты можешь получить гораздо больше, чем хочешь. Посмотри, что стало с зеленым рыцарем!

— Разве такая уж беда, если кто-то из нашего народа, ваше величество, сможет творить такое волшебство? — спросил он.

Она подлетела к самому моему лицу.

— Как я могу доверять тебе, принцесса, когда ты так жестоко оскорбила меня и весь мой двор?

Доил сказал:

— Ты говоришь об оскорблении уже не в первый раз. Ты считаешь, что принцесса вас оскорбила. Но чем?

Нисевин развернулась к нему в воздухе, потом отлетела подальше, чтобы видеть нас обоих сразу.

— Вы арестовали одну из моих фей, не спросив моего разрешения. Беатриче тоже не была сидхе, она была моей. Хоть и пойманная в ловушку человеческого роста, она оставалась феей. Она несла проклятие, но вам или Андаис она не принадлежала. Убийца — из моего народа, жертва — из моего народа, а вы мне даже словечка не прислали! Ни с одним другим двором вы бы так не обошлись!

Она подлетела так близко, что ветер от ее крыльев трепал мои волосы.

— С Курагом, царем гоблинов, ты бы связалась. Ему не пришлось бы узнавать все из слухов и сплетен. Шолто, царь слуа, сидел прошлой ночью на троне твоего консорта. Его людей ты не арестовала бы без его разрешения! — Она взлетела к потолку и осталась там, носясь взад-вперед над нашими головами, как вспугнутая бабочка.

Я смотрела на нее: вся — сияние и белизна, сплошь — задетое самолюбие и раненая гордость, и выше всего — страх. Страх, что ее двор стали ценить так мало, что она и впрямь осталась королевой лишь номинально. Она была права, мы виноваты.

— Я должна была послать к тебе гонца, когда мы арестовали Душистый Горошек. Я должна была послать к тебе гонца, как только мы узнали, что одна из убитых — фея-крошка. Ты права, я бы оповестила Курага и связалась бы с Шолто. Я бы не поступила с ними так, как поступила по отношению к тебе.

— Ты — принцесса сидхе, — заявил Холод. — Ты никому не обязана давать отчет в своих действиях.

Я покачала головой и потрепала его по руке.

— Холод, я то и дело отчитываюсь в своих действиях всем подряд.

— Но не феям-крошкам же, — сказал он, и лицо его было высокомерным, холодным и умопомрачительно красивым.

— Холод, либо феи-крошки — самостоятельный и полноправный двор, и тогда они должны требовать уважения к себе, либо нет. Королева Нисевин имеет основания гневаться.

Он сжал рукоять меча, но промолчал. Оскорбить фей-крошек более какого-то предела — значит уничтожить их как двор, как народ. Он этого не хотел.

— Мерри права. — Гален медленно встал, так же осторожно выбирая место, куда ступить, как и я. Маленькая фея сладко спала в его ладони. — Может, я и не люблю королеву Нисевин и фей-крошек, но она — королева, и у них свой двор. Мы должны были послать к ним кого-нибудь с сообщением. — Он посмотрел в глаза маленькой королеве: — Не знаю, есть ли тебе до этого дело, но я прошу прощения.

Нисевин медленно спустилась вниз. Крылья стали двигаться медленней, изящными взмахами, иллюзия прекрасной ночной бабочки восстановилась.

— После того, что мы с тобой сделали, ты предлагаешь нам извинения. — Она смотрела на него так, словно никогда раньше не видела по-настоящему. — Ты нас боишься, ты нас ненавидишь. Зачем тебе проявлять к нам любезность?

Он нахмурился, пытаясь выразить словами то, что было для него так просто. Он поступил *правильно*, по случаю его поступок оказался верным еще и политически, но последнее для него было не важно.

— Мы должны были извиниться, — сказал он наконец, — Мерри все объяснила. Я не знал, согласится ли с ней кто-нибудь еще, так что я ее поддержал.

Нисевин подплыла ко мне.

— Он извинился, потому что это было *правильно*.

— Да, — подтвердила я.

Она снова взглянула на него и опять на меня.

— Ох, принцесса, не отпускай его далеко, его слишком опасно оставлять одного среди сидхе.

— Слишком опасно? — удивился Гален. — Для кого?

— Для тебя прежде всего, — хмыкнула Нисевин, подлетая к нему. Она уперлась в бедра тонкими бледными ручками. — В твоём лице я вижу доброту — доброту и мягкость. Ты неправильно выбрал двор, зелёный рыцарь.

— Мой отец был пикси, а мать — неблагая сидхе. — Он встряхнул головой достаточно резко, чтобы Нисевин отлетела подальше. — Нет, сияющий двор меня не примет.

Нисевин многозначительно оглядела цветы и свою очарованную свиту.

— Теперь мог бы и принять.

— Нет, — возразил Готсрн, — Таранис не прощает сидхе, присоединившихся к темному двору. Он мог бы простить изгнанника, сотни лет скитавшегося среди людей, но... — он снял шлем, — для тех, кто пришел сюда, обратной дороги нет.

— Как знать, — протянула Нисевин.

— Королева Нисевин! — позвала я.

Она повернулась ко мне, сложив руки перед собой, личико старательно спокойное.

— Что значит "как знать"?

Она пожала плечами.

— О, если кого-то принимают за муху на стене, ему случается слышать всякое...

— Что же?

— То, чем я могла бы поделиться со своей союзницей, если б она чтит наш договор.

— Если ты не будешь брать мою кровь сама, нам нужен новый посредник.

Она развернулась в воздухе и посмотрела на Ройяла и его сестру.

— Ройял, — позвала она.

Он стал прямее, почти по стойке "смирно", хотя без крыльев он явно не мог служить в гвардии Нисевин.

— Да, моя королева!

— Хочешь ли ты отведать крови принцессы и передать мне ее сущность?

— С радостью, моя королева!

Пенни прильнула к нему:

— Нет, Ройял, не надо!

Он отстранил ее от себя и посмотрел в глаза.

— Вспомни, сколько мы мечтали о крыльях!

Ее руки бессильно повисли.

— Вечность.

— Я не дала крыльев Шалфею, — напомнила я.

— Нет, — согласился Ройял, — ты дала крылья ему. — Он указал на Никку.

— Но Никка не пил мою кровь, когда это случилось.

Ройял кивнул и сошел с тележки. Он поднял взгляд на меня.

— Это случилось во время секса.

Я уставилась на него. В нем было дюймов десять роста^[19], немного меньше, чем у куклы Барби. Я попыталась подобрать вежливый ответ и в конце концов выдавила:

— Мы чуточку отличаемся по размеру.

Он ухмыльнулся.

— Шалфей предоставил двору очень полный отчет. Я хочу выпить крови, когда ты будешь заниматься любовью с кем-то другим, и надеюсь, что обрету крылья.

Я качнула головой:

— Может, Никка — особый случай.

Ройял одним плавным движением стащил с себя рубашонку и уронил ее на пол. Он стоял передо мной обнаженный, миниатюрный и совершенный. Он повернулся кругом, демонстрируя мне рисунок крыльев, покрывающий его спину и бедра. Крылья были почти черные, прочерченные тонкими темно— и светло-серыми ломаными линиями. Верхние края крыльев заворачивались ему на плечи, а низ спины и ягодицы украшал яркий черно-красный рисунок из изящно закругленных полос, напоминающий гофрированную нижнюю юбку.

Он повернулся, и я увидела, что ниже черных и красных полос располагалась кайма из темных, почти черных пятен, обведенных по краю белым и очень тоненько — золотым. Кайма заходила на бедра, так что ноги по бокам тоже были украшены ярким рисунком.

Крылья Никки принадлежали давно вымершей ночной бабочке, летавшей под небом Европы тысячи лет назад. Но рисунок на спине Ройяла я узнала.

— Ты — совка-ленточница, тополевая ленточница.

Он с улыбкой оглянулся на меня через плечо.

— Это одно из имен, данных нам людьми.

Ему понравилось, что я узнала его бабочку. Маленькое личико вдруг посерьезнело.

— Ты знаешь другое имя ленточницы?

Мое сердце забилося чаще, что было глупо. Он размером с детскую игрушку! Жар его глаз не должен был произвести такой эффект, но во рту у меня пересохло, а голос чуть подрагивал.

— Ночной возлюбленный.

— Правильно, — сказал он. Он пошел ко мне, и если б это не было так глупо, я бы

попятилась. Мужчина ростом с мое предплечье не мог казаться таким пугающим, но вот казался.

Гален шепнул над моим плечом:

— Он ведь понимает, что секса ему не обломится?

— А, так не мне одной захотелось сделать шаг назад?

— Ага.

— Ты и вправду искусен, — сказал Дойл.

Я с удивлением на него посмотрела, но он обращался к маленькому человечку.

— О чем ты? — спросила я.

— Гламор, — бросил Дойл.

— Неужели все феи-крошки так владеют гламором, как Шалфей и этот новенький? — спросил Рис.

— Не все, но многие, — ответил Дойл.

Рис поежился.

— С этим я постель делить не буду. Шалфей преподавал мне урок, в повторении я не нуждаюсь.

— Ты сегодня в меню не значишься, Рис.

— Как ни странно, я этому рад.

— Тогда с кем я буду тебя делить? — спросил Ройял. Когда я смотрела на него, возбуждение и угроза становились более ощутимыми.

— Это сильнее, когда я на тебя смотрю.

Ройял кивнул.

— Потому что ты только смотришь. Так с кем я разделю тебя сегодня?

— Со мной, — ответил Гален, — но если честно, я не уверен, что выдержу. Принести извинения королеве я мог, но я все равно не хочу, чтобы кто-то из вас ко мне прикасался.

— Ты прикасаешься к одной из нас прямо в эту минуту, — напомнила Нисевин.

Гален взглянул на сонную фею в своей ладони.

— Но это ж совсем другое!

— Чем? — удивилась она.

— Она не страшная... — И он протянул руку с феей к Нисевин.

Ройял расхохотался, словно колокольчики радостно зазвенели на ветру.

— А я страшный, зеленый рыцарь?

Я стояла достаточно близко, чтобы заметить, как бьется жилка на шее Галена.

— Да, — сказал он, и голос его прозвучал так же сдавленно, как мой.

Смех Ройяла перешел во что-то более темное.

— Такие слова кружат голову мужчине, зеленый рыцарь. — По его лицу ясно было видно, как он польщен тем, что Гален его испугался.

— Гламор порой становится сильнее при физическом контакте, — сказал Адайр. Он не снимал шлема.

— Ты спрашиваешь, так ли это со мной, лорд дубравы? — повернулся к нему Ройял.

— Просто размышляю, — ответил Адайр, словно спрашивать о чем-то фей-крошек было ниже его достоинства.

Ну, Адайр мог разыгрывать сноба сколько ему угодно, но не ему предстояло лечь в постель с эльфами.

— Твой гламор становится сильнее от прикосновения? — спросила я.

Ройял усмехнулся мне в лицо.

— Да.

Гален прошептал мне на ухо:

— Никка не сможет заменить меня сегодня? Я поменяюсь на завтра.

Я взглянула на него через плечо:

— Хорошо, если ты так хочешь.

Он вздохнул и прижался лбом к моей макушке.

— Проклятие...

— Что? — спросила я.

— Я не смогу увильнуть со спокойной совестью, если тебе придется это терпеть. Ты уверена, что это так нужно?

— Разве ты не хочешь знать, почему королева Нисевин утверждает, что Благой Двор принял бы тебя с твоей новой силой?

— Хочу, — сказал он, — хочу, черт бы их побрал. — Он посмотрел на Нисевин. — И она знает, что мы хотим.

— Шпиона ценят только за его сведения, зеленый рыцарь.

— Меня зовут Гален. Пожалуйста, называй меня по имени.

— Почему?

— Потому что все, кто зовет меня зеленым рыцарем, пытаются мне навредить.

Она с секунду молча на него смотрела, потом коротко просела в воздухе, будто кивнула.

— Хорошо, Гален. Ты был честен со мной, я буду честна с тобой, хотя вряд ли тебе это понравится.

— Правда редко нравится, — ответил он. Слова прозвучали так, что мне захотелось обнять его покрепче.

— Мы питаемся не только кровью и магией.

— Вы питаетесь страхом, — произнес Дойл, и что-то в его ровном тоне сказало мне, что за этой короткой фразой стояло многое.

— Да, Мрак, — сказала Нисевин, — как и многие здесь, в Неблагом Дворе. — Она опять повернулась к нам с Галеном. — Я думаю, зеле... Гален будет блюдом, достойным королевского пиршества.

— Тогда вернемся к условиям договора, — предложила я.

— Договор заключен, принцесса.

Я покачала головой.

— Нет, договоримся о том, что будет позволено Ройялу делать в моей постели и с моим телом.

— Мы действительно так тебя пугаем, что ты хочешь обговорить все мелочи, как с гоблинами?

— Ты упрекнула меня в том, что я расценила вас ниже, чем гоблинов. Если я не стану торговаться с вами, как с гоблинами, не будет ли это еще одним оскорблением, королева Нисевин?

Она сложила руки под маленькими грудями.

— Ты не похожа на прочих сидхе, Мередит. С тобой всегда трудно, так и жди подвоха.

— Ты думаешь, стоит тебе невинно похлопать глазками, и я поверю, что Ройял и вы все несколько не опасны? Что вы — всего лишь персонажи детских книжек, которых вы изображаете? О нет, королева Нисевин, только не я. Выбери что-то одно — либо вы опасны,

либо нет.

Она очень искренне надулась.

— Неужели я кажусь тебе опасной, принцесса?

Ее голосок был так убедителен, что я чуть было не ответила: "Ну конечно, нет!"

Гален крепко сжал мне локоть, что слегка привело меня в чувство.

— Я видел твоё истинное лицо, королева Нисевин, — сказал он. — Твой гламор на меня больше не подействует, хоть он и бьет в меня с силой тарана.

— Верно, — кивнул Никка, — я никогда не видел, чтобы феи-крошки были так сильны.

— Феи-крошки — это дух волшебной страны, её суть, — сказал Дойл. — Магия страны фейри растёт, и их магия, надо полагать, растёт тоже.

Не похоже было, чтобы он этому очень радовался. Нисевин повернулась к нему.

— Надо же, Мрак, если б я тебя не знала, я бы сказала, что ты тоже нас боишься!

— У меня такая же долгая память, как у тебя, Нисевин.

Это загадочное высказывание, кажется, ей польстило.

— Ты боишься, что к нам вернется прежняя сила, а твоя принцесса обещает добиться именно этого! Как сладка ирония, когда она верно направлена.

— Будь аккуратней с иронией, Нисевин, это острое оружие.

— Это угроза, Мрак? — Сейчас её голосок совсем не казался нежным.

— Предупреждение, — ответил Дойл.

— Неужто я удостоилась угрозы от Мрака королевы? Подумать только, я расту в собственных глазах!

— Если Дойл возьмется тебе угрожать, маленькая королева, ты поймешь разницу, — сказал Холод.

Она провалилась в воздухе, и опять же из поведения Шалфея я знала, что это их версия запинки.

— Я не боюсь Мрака.

Холод наклонился к ней. Это тоже разновидность угрозы — такое вторжение в личное пространство. Часть эффекта потерялась из-за её размера и крыльев, но потерялось далеко не все.

— Убийственного Холода я тоже не боюсь! — крикнула она.

— Будешь, — спокойно ответил он.

Вот так началось обсуждение условий.

Кончилось все толпой бескрылых фей-крошек в моей комнате, и ни одному сидхе это не доставляло удовольствия. По предположению Нисевин, несчастье с Шалфеем случилось потому, что он слишком долго питался кровью сидхе. Контрдоводов у меня не было. Если мне не понравится Ройял, я могла выбрать другого, но все кандидаты должны были оставаться в комнате. Мы сошлись на этом, но она так и не сказала нам, что ей известно о Благое Дворе. Завтра, пообещала она, после того, как мы накормим Ройяла, а она напитается от чего и извлечет из его плоти нашу магию. Может, завтра мы узнаем часть тайн Благое Двора. А сегодня мы за них заплатим кровью, плотью и магией. И как обычно, это будет моя кровь, моя плоть и моя магия. Почему я никак не могу вовремя отвертеться?

Рис выписывал круги по ванной, хотя места в ней для этого было маловато, прямо скажем. Пусть она была заметно больше обычных ваннных комнат, но если затолкать в ванную Холода, Дойла, Галена, Никку с его крыльями, меня и Китто, то никакой ванной не хватит, разве только личной ванной королевы Андаис. Китто набирал воду, изображая прислугу, что он делал чаще и чаще. Андаис предложила мне прислать слуг, но Дойл отказался из соображений моей безопасности. Мы никому не могли доверять так, как доверяли друг другу. Это была одна причина. Вторая состояла в том, что слуги шпионили бы в пользу Андаис, а у нас хватало секретов. Эту причину мы Андаис не называли.

— Когда я подвел майора Уолтерса и милого доктора к их машинам, на стоянке были агенты ФБР.

— Упорные типы, — буркнула я.

Рис покачал головой и остановился передо мной.

— Нет, упорство здесь ни при чем. Кармайкл — та, которую красота Холода привела в такой восторг, — тоже только подошла к машине.

— Что ты говоришь, Рис? — Дойл прислонился к двери.

— Что, по словам фэбээровцев и спутников Кармайкл, с тех пор, как я выпустил Кармайкл наружу, прошло всего несколько минут.

— Но это было несколько часов назад, — удивилась я. Я сидела на углу широкого мраморного бортика ванны, стараясь занимать собой как можно меньше места.

— Для людей снаружи — нет, — ответил Рис.

— То есть как? — спросила я.

— Ситхен снова играет со временем, — сказал Дойл.

— Время всегда странно бежит внутри волшебной страны, — пожалала плечами я.

— Это стрелки на часах странно бегут. Да и то разница измеряется в минутах, ну на час убегают максимум. Мы жили по тому же графику, что и смертный мир, с того времени, как прибыли в Америку, или даже дольше. — Рис устроился рядом с Галеном, опершись на двойную раковину.

Никка оккупировал другой угол помещения для себя и своих крыльев.

— Что же это значит?

— Что не только к сидхе и феям-крошкам возвращаются древние силы, — подал голос Холод с противоположной от двери стороны.

— Вы сказали, что люди отреагировали на вход в ситхен так, словно коридор снова обрел прежнее очарование, — сказал Дойл. — Так что же удивляться, если к ситхену возвращаются и другие свойства?

Я обняла руками колени, стараясь не обращать внимания на заскорузлую от высохшей крови ткань. Китто пробовал рукой воду в почти полной ванне. Я сказала:

— Иногда вы говорите о ситхене так, словно это просто помещение, иногда — словно у него есть собственная воля, а иногда — как будто это вся волшебная страна. Я как-то спросила у отца, живой ли ситхен, и он ответил — да. Я спросила, есть ли у него разум, личность, и он сказал — нет. Я спросила, может, это волшебное место, и он сказал — да, а когда я спросила, может, ситхен все волшебство и заключает в себе, он сказал — нет. Интересно, есть ли кто-нибудь среди живых, кто точно знает, что такое ситхен?

— Ты иногда задаешь очень трудные вопросы.

Рис скрестил руки на груди, под распахнутым белым плащом на нем был надет светлый костюм. На брюках остались влажные следы от снега. Он сегодня выходил наружу трижды, а не один раз, как мы.

— Ты не можешь ответить или не хочешь?

— Ты — принцесса Мередит Ник-Эссус, наша будущая королева; если ты прикажешь, нам придется ответить, — сказал он.

Я нахмурилась.

— Я не приказываю, я прошу.

Он потер здоровый глаз тыльной стороной запястья, и когда отнял руку, вид у него был усталый. Пусть он вечно будет мальчишески-красив, усталость оставляла следы на его лице.

— Прости, Мерри. Но если ситхен шутит со временем, нам придется послать кого-то из стражей за пределы земель фейри, чтобы иметь представление о временном соотношении. Мы хотя бы узнаем, как обстоят с этим дела сейчас, но...

— Но как будет дальше, нам не угадать, — закончил Никка.

Рис кивнул:

— Да, все может обернуться совсем плохо.

— Я чего-то не понимаю, — сказала я. — Почему вы все так встревожились?

— На меня не смотри, — развел руками Гален. — Я тоже не знаю, с чего они все такие мрачные. Я хочу сказать, ситхен много чего странного вытворяет, так всегда было.

— А что, если разница во времени между волшебными землями и наружным миром станет измеряться годами? — буркнул Рис.

Мы с Галеном посмотрели друг на друга.

— А это возможно? — спросил он.

— Ой, — сказала я одновременно с ним.

— В прошлом бывало, — ответил Галену Рис.

— Я думала, ходом времени управляет король или королева, — возразила я нерешительно.

— Когда-то так и было, — сказал Дойл, — но эта способность давно утрачена.

— Подождите, — вмешался Гален. — Вы говорите, ходом времени управляет королева?

Несколько голов кивнули.

— Разве в старых сказках не говорится, что в холмах проходит несколько часов, а в человеческом мире — столетия?

— Да. — Дойл смотрел на Галена так, словно тот сказал что-то умное.

— Мы за последние несколько часов чего только не сделали, но для остального мира прошло всего несколько минут. То есть наш ситхен двигался быстрее прочего мира. Разве не должно быть наоборот? Это ведь смертное время должно течь быстрее, чем наше?

Мужчины обменялись взглядами, за исключением Китто, все внимание которого поглощала ванна.

— Судя по вашим лицам, вы что-то поняли, а я — нет.

— Нам сегодня нужно было много успеть, — сказал Гален, — и еще много остается, а пока мы все это делаем, весь мир ползет с черепашьей скоростью. Вопрос вот в чем: это только в нашем ситхене произошел временной сдвиг?

Рис обнял его за плечи.

— А знаешь, ты умнее, чем кажешься.

— Не хвали меня, Рис, а то зазнаюсь. — Но он улыбался.

— Это я сегодня торможу, или все вокруг шустрее меня? — спросила я.

— Вот именно, — сказал Дойл.

Я нахмурилась:

— Что — вот именно?

— Ты сегодня не говорила вслух, что тебе нужно больше времени?

— Может, что-то такое и говорила, вроде того, что нам не хватит времени и на расследование, и на дворцовые интриги. Не этими словами, но... — Я вытаращилась на Дойла. — Хочешь сказать, что все случилось по моему желанию?

— Ты вызвала зеркало у себя на стене, просто пожелав посмотреть, как сидит меховой плащ.

Я вдруг перепугалась до озноба.

— Но, Дойл, это значит, что ситхен может буквально воспринять любые мои слова!

Он кивнул.

— Нам надо узнать, как течет время в других холмах, — сказал Холод. — Если у гоблинов и слуа происходит то же самое, то дело в самой волшебной стране. Иногда она решает измениться.

— А если затронут только наш ситхен? — спросил Никка.

— Тогда Мередит придется очень, очень следить за своими словами. — Он смотрел на меня, и я практически увидела как у него в мозгу рождается мысль.

— Что ты подумал? — спросила я.

— Не он один, — сказал Рис.

— Да, не он один, — поддержал его Гален. Он вздрогнул и потер плечи руками, словно тоже замерз. — В кои-то веки я угадал дурное известие до того, как его произнесли вслух.

— Тогда и мне скажи, — попросила я.

— Если менять ход времени внутри ситхена может только королева, и вдруг такая способность обнаруживается у тебя... — Гален не закончил фразу.

— Когда-то давно, — сказал Дойл, голос казался глубже, словно его эхо стремилось добраться до самых дальних уголков маленькой комнаты, — даже если претендент завоевывал трон или его избирали верховным королем, он все же не мог править волшебным холмом. Нельзя было занять трон ситхена, если сам ситхен не признал твое право на власть.

— Я о таком не слышала, — сказала я.

— Это запретное знание. — Холод предостерегающе поглядел на Дойла.

— Почему запретное? — спросил Гален.

На этот раз заполнить логический пробел удалось мне:

— Ситхен не признал Андаис.

— В Европе она была признана, — пояснил Дойл, — но в Америке новый холм ее не принял.

— Что значит "новый"? — спросила я.

— Волшебная страна — это не географическая местность. Не только географическая. Когда Андаис ступила в наш новый холм, все должно было пойти по-прежнему, но этого не произошло.

— Мы решили, что это из-за третьего заклятия, на которое нас вынудило пойти американское правительство, прежде чем позволило сюда переселиться, — сказал Рис. — Мы потеряли так много, что... — Он пожал плечами. — В общем, мы не так уж волновались

из-за того, что ситхен не ласкается к Андаис, как щенок.

— Она велела всем придворным заходить в ситхен по одному, а нас поставила следить, — продолжил Холод. — Она была готова уступить трон, если бы ситхен отреагировал на кого-то в большей степени, чем на нее.

— Моя тетушка соглашалась уступить трон любому сидхе, которого признает ситхен? — поразила я.

— Трудно поверить, понимаю, — сказал Рис, — но она согласилась. Все думали, что последнее заклятие отняло у нее слишком много мощи, чтобы она могла по-прежнему нами править. А потом случилось самое худшее.

— Ситхен не признал никого, — закончил Дойл.

— О'кей, я понимаю, насколько это скверно, но почему об этом запрещено говорить?

— Принц Эссус не рассказывал тебе, как возникли разные дворы фейри? — спросил Дойл.

Я чуть не сказала — да, конечно, рассказывал. Но он не рассказывал.

— Я знаю, что когда-то было не два двора сидхе, Благой и Неблагой, а множество, и у всех были свои короли и королевы, как у гоблинов и слуа, но более независимые.

— Настолько независимые, что мы воевали между собой, пока все не согласилось, что нам нужен верховный король, — сказал Рис. — Верховный король был один, не два, как сейчас.

— Досюда я знаю, — прервала я. — Основатель Неблагого Двора был изгнан благими, но отказался покинуть волшебную страну. Он скитался от двора ко двору и просил пристанища, но все боялись сидхе, так что наконец остался только один двор — слуа. Самые жуткие и меньше всего похожие на людей из фейри. Они приняли его, и с того времени любой изгнанник-сидхе мог попроситься к слуа.

— Прелестно, — сказал Рис. — А когда и как неблагогие отделились от слуа, знаешь?

— Когда набралось достаточно сидхе, которые не хотели называться слуа.

— Почти так, — кивнул Дойл.

— Почти? — удивилась я.

— В то время фейри определенного вида могли просто стать настолько сильны — магически сильны, — что их признавала сама волшебная страна и создавала для них королевство. Один из присоединившихся к слуа сидхе стал нашим первым королем. Страна создала для него место, где он мог править, и сидхе покинули двор слуа и образовали собственный двор.

— Пока понятно.

Я ждала продолжения.

— Мы не решаемся продолжать, — сказал Рис, — потому что до сих пор мы не сказали тебе самое неприятное.

— Что?

— Двор без правителя начинает таять, — сказал Никка.

Они все поглядели на него с удивлением, словно не ожидали, что у него хватит смелости произнести это вслух. Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять намек.

Во всеуслышание это объявил Гален:

— Да спасет нас Богиня, это с нами и произошло. У нашего двора не было истинного правителя, потому что ситхен и умирал. Наш кусок волшебной страны умирал.

— Не только наш, — заметил Дойл.

— А чей еще? — поинтересовалась я.

— Наши светлые собраты следуют за королем, которого не признал их ситхен.

— У них ситхен тоже не признал никого из лордов? — спросила я.

— Послухам... Это только слухи, помни... Вместо того чтобы приветствовать сидхе, которого выбрал ситхен, Таранис его изгнал, — сказал Рис.

— Это не слухи, — бросил Дойл.

Все лица повернулись к нему.

— Кто? — только и спросила я.

— Айслинг, — ответил он.

Что-то в лице Холода сказало мне, что он тоже был в курсе. Остальные, похоже, были так же потрясены, как и я.

— У них был настоящий король, и Таранис его изгнал?!

Дойл с Холодом кивнули.

— Но это чудовищно, — сказал Никка. — Даже Андаис была готова отдать трон, если найдется истинная королева.

— Благой Двор знает? спросила я у Дойла.

— Очень мало кто знает, — ответил он.

— Но такие все же есть?

— Есть.

— Как они могут его поддерживать? У неблагих не оставалось другого выхода, но у них был король для благого трона! Им не грозило вымирание.

— А наш ситхен признал Айслинга, когда он пришел сюда? — спросил Гален.

— Нет.

— Почему?

Дойл пожал плечами, и я догадалась, что это и было ответом или что другого ответа у него не было.

— Ванна готова, — сказал Китто деловым и безразличным тоном, точно как слуга.

Я тронула его за плечо, и он робко улыбнулся. Мне в голову пришла мысль.

— А холм гоблинов узнал Курага, когда вы переселились в Америку?

— Я не так много значу, чтобы мне говорили такие вещи. Я не знаю.

— Гоблины потеряли меньше, чем сидхе. Они сохранили все, что мы им оставили.

— Но погодите, — сказал Гален, — благие тоже меньше потеряли в силе, чем мы. Почему? Разве оба двора не должны приходить в упадок с одинаковой скоростью?

— Должны, — подтвердил Дойл.

— Но их магия не тает, — сказала я.

— Или так кажется, — поднял бровь Рис.

— Тебе что-то пришло на ум, — догадался Дойл.

— С чего это Таранис настолько потерял голову, что освободил Безымянное, наше чуть ли не самое опасное волшебство, и послал его в человеческий мир охотиться на Мэви Рид? Она жила в ссылке больше века. Визит Мерри вряд ли был причиной. Наш визит мог бы подтолкнуть его к мысли подослать к Мэви парочку убийц, но не к освобождению Безымянного. — Рис качнул головой. — Я об этом долго думал и так и не увидел смысла.

— А его приглашение Мерри на бал? — напомнил Гален. — Также непонятно. Он ее всю жизнь ненавидел.

— Не ненавидел, Гален, для ненависти нужно что-то чувствовать к человеку. Мой дядя

обо мне попросту не думал. Я при Благословенном Дворе была еще более пустым местом, чем здесь.

— Так с чего же ему так загорелось тебя повидать?

— Никому из нас это внезапное приглашение не нравится, — заметил Дойл. — Но мы это обсудили и решили его принять.

— Я все еще думаю, что это слишком опасно для Мерри, — сказал Гален.

— Мы будем с ней и сможем ее защитить.

— Знаете, было бы очень интересно прихватить туда Айс-линга в составе моей почетной стражи.

— Не думаю, что Таранис разрешит ему ступить на свой порог, — сказал Дойл.

— Если он откажет в праве войти одному из моих стражей, я могу расценить это как оскорбление и отвергнуть приглашение.

Они переглянулись.

— Смысл есть, — сказал Рис.

Гален кивнул:

— Я одобряю все, что удержит Мерри от посещения этого бала.

— Как ты можешь так говорить?! — воскликнул Холод. — Ты же видел, что сделало с Меланжель одно прикосновение Айслинга. А Таранис поставил условием, что Мерри могут сопровождать только те, кто побывал в ее постели.

А я вспомнила не жуткое безглазое лицо Меланжель, а тот миг, когда Айслинг меня обнял, и я заметила пустоту в его глазах, словно из них что-то вынули. Айслинг пытался поцеловать меня сквозь вуаль. Ко мне сошла Богиня, и предостережения не последовало. Не было запрета прикасаться к Айслингу. Достаточно ли я сидела, чтобы спать с Айслингом, в вуали или без? А может, все было много проще? Истинная любовь защищает от магии Айслинга. Достаточно ли сильно я люблю? И стоил ли шанс избежать уготованной мне Таранисом ловушки риска прикоснуться к Айслингу?

— Если вы не пойдете мыться, ванна остынет, — напомнил Китто.

Я обняла его, и он обнял меня в ответ.

— Китто прав. Мне и Галену надо вымыться.

— И заняться сексом, — прибавил Гален.

Я ему улыбнулась.

— И заняться сексом.

— И Никке тоже, — сказал Дойл, — чтобы он мог отправляться к Бидди.

Я кивнула.

— Я уступлю им кровать. Не стоит в первый раз заниматься сексом в ванне, это не слишком удобно.

— А сама собираешься заняться именно этим, причем с шестифутовым крылатиком. — Рис ухмыльнулся и склонил голову набок. — Кажется, я хочу на это посмотреть.

— Еще есть Ройял, — напомнил Никка.

— Я не забыла. Просто нам не нужно, чтобы он выложил все наши новости своей королеве.

— Да, он будет шпионить для Нисевин, — вздохнул Холод.

— Я не сомневаюсь, что главный долг Ройяла — перед его королевой и двором.

— Твоя спальня запружена бескрылыми феями-крошками, — проворчал Рис. — Нашествие какое-то...

— Королева Нисевин не хочет, чтобы кто-то из ее народа питался от Мередит

несколько раз подряд, — заметил Дойл.

— А я не хочу делить постель с феями-крошками, — сказал Холод.

— Ох, Холод... — вздохнула я.

Он примирительно поднял руку:

— Я не говорю, что не стану, но не думаю, что кому-то из нас хочется, чтобы феи-крошки торчали рядом каждый раз, когда мы занимаемся любовью.

— Ванна остывает, — опять вмешался Китто.

Я встала и начала стаскивать окровавленную одежду.

— Кто не лезет в ванну, пусть уходит. Ночь не становится длиннее.

Холод моргнул.

— Время теперь замедлится или ускорится?

— Я забыла, — промямлила я, стоя в бюстгальтере и с рубашкой в руках. — Совсем забыла. Это просто выражение...

— Ты не можешь позволить себе просто выражений, — упрекнул меня Дойл.

— Я постараюсь, но за каждым словом не уследишь.

— Нужно пытаться, Мередит.

— Давайте узнаем сначала, как дела в холмах гоблинов и слуа, а потом уж будем пугать Мерри, — сказал Рис.

Дойл кивнул:

— Возьми кого-нибудь по своему выбору и ступай.

— Почему это я все время должен мотаться туда-сюда по снегу?

— Смерть не чувствует холода, — пояснил Дойл.

— Мрак тоже не чувствует, а ты сидишь в тепле и уюте. — Он направился к двери. — Я много с собой не потащу. Не на драку идем.

— Всякое бывает, — сказал Дойл.

— Возьми не меньше двоих, — велела я Рису.

— Есть, капитан! — Он изобразил шутливый салют и вышел.

Я посмотрела на Дойла и Холода, застрявших у двери.

— Если не желаете остаться понаблюдать, то вам самое время удалиться.

— Ты хочешь, чтобы мы смотрели? — серьезно спросил Дойл.

Вопрос застал меня врасплох. Я даже задумалась, но потом качнула головой.

— Нет вообще-то. — Я испытующе взгляделась в темное лицо. — Не знала, что тебе нравится наблюдать.

— Не нравится. Среди стражей очень немногие привержены вуайеризму.

— Королева из нас это выбила, — хмыкнул Гален.

Дойл кивнул.

— Почти буквально.

— Что до меня, — сказал Холод, — то я не хотел бы смотреть, даже если бы ты пожелала.

— Я никогда не потребую от тебя ничего, что могло бы причинить тебе боль, Холод, если только у меня будет выбор.

Он решил было надуться или сделать вид, что не понял, но потом его лицо смягчилось, и он даже выдавил из себя улыбку.

— Я знаю. Дело не в Никке и Галене. Это эльф-крошка. Мне он не нравится. И мне не нравится, что принцесса сидхе вынуждена использовать свое тело в качестве предмета

торговли.

— Холод, — сказала я, подходя к нему, — женщины королевской крови тысячи лет служат предметом торговли. Меня хотя бы не продают замуж в другую страну. А была бы я человеком — так и случилось бы.

— Замуж за эту тва... за это создание! — Он был так шокирован этой мыслью, что мне стало смешно. Я даже рассмеялась — не смогла с собой справиться. Он вздрогнул, словно я его ударила.

Я потянулась к нему, но он отдернул руку. Этого я уже не стерпела.

— Во-первых, феи-крошки принадлежат к Неблагому Двору. То, как к ним относятся сидхе, как все к ним относятся, — это позор. Либо они — составная часть нашего "мы", либо нет. — Я смотрела прямо ему в лицо, смотрела, как наползает на него вечная маска угрюмого высокомерия, но не желала его щадить. Мне надоело каждый раз одергивать себя из боязни задеть его чувства, это случалось слишком часто. — Во-вторых, мне надоело, что ты ведешь себя так, словно твоя кровь и твое тело слишком ценны, чтобы ими торговать. Я ради вас не раз жертвовала своей плотью и кровью. Ты своей кровью никого не кормишь. Ты даже не хочешь, чтобы один-единственный эльф-крошка на тебя посмотрел. Рис не хочет, чтобы к нему прикасались гоблины, а теперь еще и феи-крошки.

— Он поддался гламору Шалфея, — сказал Холод. — Он не хочет рисковать во второй раз.

— Прекрасно, но я-то рискую! У Галена больше причин бояться фей-крошек, чем у вас с Рисом вместе взятых, но он готов их терпеть ради меня, ради нас. — Я шагнула еще ближе к нему, но коснуться не попыталась — не хотела, чтобы он опять отдернулся. — Я знаю, что ты закрывал меня своим телом, что ты защищал мою жизнь, рискуя своей. Но то же можно сказать и о Галене. Сегодня он едва не пожертвовал жизнью. И все же он готов позволить феям-крошкам к себе прикоснуться.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Холод.

— Я хочу, чтобы ты перестал кривить физиономию, что я отдаю себя малым фейри, когда ты сам не позволяешь им даже коснуться твоей ах-какой-белой кожи. Я хочу, чтобы ты не заставлял меня чувствовать себя шлюхой, в то время как сам до такого не опускаешься!

Я поняла, что разозлилась, по-настоящему разозлилась. Но злилась я не на Холода, а просто злилась. И я не могла выказать свою злость тем, кому больше всего хотелось, так что этот беспричинный гнев вдруг прорвался наружу. Кожа у меня вспыхнула огнем, светясь сквозь корку засохшей крови.

Я сделала шаг назад.

— Я устала, Холод, а мне еще немало предстоит сегодня вынести. По условиям сделки с Нисевин я должна отдаться Ройялу — в каком-то смысле. По приказу королевы я должна сегодня отдаться Галену и Никке. И еще одному зеленому человеку, прежде чем нас застигнет рассвет. — Я припомнила еще: — И мне надо переспать с Шолто до завтрашнего вечера, чтобы скрепить союз со слуга, прежде чем мы отправимся ко двору гоблинов. — Я запнулась и покачала головой: — Я опять сказала про время?

— "Прежде чем нас застигнет рассвет", — повторил за мной Дойл. — Да.

— Но у нас все еще слишком много дел, а часы опять начнут тикать на рассвете.

Он кивнул.

— Я бы предложил свою кровь вместо твоей, если бы это удовлетворило Нисевин.

Я благодарно улыбнулась ему:

— Я знаю, но феи-крошки, кажется, тебя недолюбливают. Может, когда у нас выдастся свободный часок, ты мне расскажешь, в чем тут дело.

— Нет, — ответил Дойл. — Тебе не понравится эта история, а мне не понравится ее рассказывать.

Он сказал это так серьезно, даже с грустью, что я тронула его за руку и пообещала:

— Если только мне не нужно будет это знать ради чего-то важного, можешь держать в тайне свои счета с двором Нисевин.

— Ты действительно позволил бы малым фейри прикасаться к себе? — спросил его Холод.

Дойл посмотрел на друга:

— Да, если возникла бы необходимость.

— Но как ты можешь дать этим тварям к тебе прикасаться?!

— А как я могу просить принцессу выдержать что-то, что не перенес бы сам?

Холод опустил голову и закрыл глаза. Сделал глубокий вдох, словно хотел набрать воздух перед прыжком в воду. Порывисто выдохнул. Когда он открыл глаза, они были так переполнены эмоциями, что казались двумя серыми омутами страдания.

— Я никогда не стану просить тебя о чем-то, чего не стал бы делать сам, Мередит. Прости меня.

Я взяла его за руку, и на этот раз он ее не отдернул. Я прижалась к нему и подняла лицо для поцелуя. Из-за разницы в росте я не смогла бы поцеловать его, если б он не наклонился. Разве что стул принести. Но стул мне не понадобился.

Холод наклонился навстречу мне, придерживая за плечи, чтобы я не потеряла равновесия, стоя на цыпочках. Мы поцеловались. Я ждала невинного поцелуя на ночь, но у Холода были совсем другие желания.

Губы прижались к моим губам, настойчиво, яростно. Язык вонзился между губ, и я приоткрыла рот, позволила ему скользнуть внутрь. Его дыхание трепетало у меня во рту — он словно стремился вдохнуть меня, втянуть меня в себя, он подхватил меня на руки, с силой прижал к себе. Холод впивался в меня языком, губами и зубами, пока я не начала постанывать от ярости его поцелуя, от свирепой хватки его рук. Я таяла, растворялась в нем; когда он оторвался от поцелуя, у меня голова шла кругом. Я снова потянулась к нему губами, я забыла, где мы, что мы, что мне нужно делать... Я забылась, точно как на пресс-конференции. Забыла все, кроме вкуса его губ, кроме ощущения его тела. Забыла все, кроме поцелуя Холода.

Он выпрямился, а я все хотела вернуться к поцелую и что-то протестующе мычала, пока он пытался ссадить меня на пол, цеплялась за него ногами и упиралась.

— Мередит, Мередит... — Наверное, Дойл обращался ко мне не в первый раз. Я наконец повернулась к нему. Он улыбнулся и покачал головой. — Ему пора идти, нам обоим пора.

Я посмотрела на Холода, который опять обвил меня руками, раз уж я не давала поставить себя на пол. И был он страшно собой доволен.

— Теперь я могу оставить тебя другим.

Я качнула головой, потому что мне хотелось сказать: "Не уходи", — а говорить это было нельзя. Не то что я не хотела Галена, но... Холод всегда мог заставить меня пожелать его.

— Если ты идешь, тебе придется поставить ее на ноги, — сказал Дойл.

Холод отпустил меня, и на этот раз я не сопротивлялась. Коленки слегка подгибались, и

мне пришлось опереться на руку Холода, пока я не пришла в себя. Он засмеялся очень по-мужски:

— Да поможет мне Богиня, я тебя правда люблю.

— Все, Холод, — сказал Дойл, — у нас хватает дел. — Он подтолкнул Холода к двери, и на этот раз Холод пошел куда велено. Дойл обернулся ко мне с порога: — Не стану пытаться соперничать.

Он улыбался. Я встала на носочки, положила руки ему на грудь и сказала:

— Это не соревнование.

Он склонился ко мне.

— Говоря словами смертных, черта с два.

Он поцеловал меня — крепко и хорошо, но по сравнению с Холодом вполне невинно.

Потом спросил:

— Прислать тебе этого эльфа?

— Нам бы сперва отмыться. Я пошлю потом за Ройялом Никку или Китто.

— Как скажешь. — Он бросил взгляд мне за спину, потом погладил меня по щеке и закрыл за собой дверь.

Я обернулась и обнаружила, что двое других мужчин моей жизни успели раздеться, пока я отвлеклась. Гален был покрыт пятнами засохшей крови. Не вождение бросило меня к нему и заставило крепко прижаться к его нагому телу, это был страх. Попозже будет время и для вождения, но сейчас я хотела просто обнимать его, сжимать в руках — теплого и живого. Руки все время натыкались на колючую корку крови. Она была везде, не давала чувствовать гладкое совершенство его кожи. Пальцы нащупали не до конца зажившую рану у него на спине. Я вздрогнула.

Он обнял меня:

— Замерзла?

— Немножко, — сказала я. Но про себя подумала, что от этого холода не избавиться с помощью шубы или теплой ванны.

— Так пойдем в воду, — улыбнулся он, словно несколько ведер горячей воды могут решить все проблемы. Если б все в жизни было так просто...

Наверное, что-то у меня на лице мелькнуло, потому что он нахмурился:

— Ну что ты?

Я вздохнула. Так много дел, так много союзов, которые нужно укреплять и поддерживать, так много врагов, которых нужно вычислить... Мне надо было торопиться, составить список целей и пробиваться к ним изо всех сил. Но в эту минуту я не могла представить ничего важнее, чем прижиматься к Галену как можно большей поверхностью своего тела. Залезть голой в ванну — не решит всех проблем, но забраться туда голышом с любимым мужчиной — новых проблем не создаст.

Когда я наконец забралась в ванну, вода еще была горячая, а значит, поначалу Китто сделал ее горячее, чем я любила. Он знал заранее, что наш разговор затянется. Маленький гоблин начал предугадывать мои желания, не так, как это бывает у любящих, а как хороший слуга — незаметный, молчаливый, предупредительный, всегда оказывающийся там, где нужен. Среди моих любовников и друзей таких просто не было. Беспутные, веселые, неотразимые, чудесные — были. Незаметного не было ни одного.

Гален забирался в ванну, а я смотрела на Китто. Он был одним из самых старших в моем окружении, а старейшие у нас не всегда любят, чтобы их благодарили, так что я не стала говорить "Спасибо".

— Ты набрал слишком горячую воду, чтобы она была как раз как надо к тому времени, как мы соберемся в нее залезть. Ты знал, что мы проговорим слишком долго.

Он кивнул, не глядя на меня.

— Вам было о чем поговорить.

Я перегнулась через мраморный бортик и погладила его по плечу.

— Ты как будто всегда раньше меня знаешь, что я буду делать.

Он поднял на меня глаза, в которых не было белка, только яркая синева. Он тут же потупился снова, но я успела заметить в его взгляде неуверенность.

— Что случилось, Китто? — спросила я, глядя его по обнаженному плечу. На нем были лишь узенькие трусики — он часто раздевался, когда занимался домашней работой. Чтобы побереечь одежду, он говорил. Я подозревала, что при мне у Китто одежды завелось больше, чем за все время жизни при гоблинском дворе.

Он качнул головой, разметав по плечам отросшие черные кудри. Еще несколько дюймов — и его ждала бы пытка, будь все как прежде. Только сидхе позволено отращивать длинные волосы. Но Китто теперь — сидхе с собственной рукой власти. Как в случае с крыльями Никки и возродившимися силами Мистраля, магия Китто пришла с сексом. С новой силой должна была появиться и новая уверенность, но этого не случилось.

Гален тоже перегнулся через бортик и положил руку на второе плечо Китто.

— Ты можешь все нам рассказать, Китто. Что с тобой?

Китто блеснул редкой для него улыбкой.

— Вы двое — самые добрые сидхе, каких я видел. — Он бросил взгляд на Никку за своей спиной. — Вы трое.

— Ты теперь тоже сидхе, Китто, — сказала я.

Он покачал головой.

— Нет, я никогда не стану настоящим сидхе. Не для всех по крайней мере.

Никка опустился на колени рядом с Китто, крылья простерлись на полу.

— Кто тебе такое сказал?

Китто опять покачал головой, и Никка обнял его за плечи, прижал к себе. Китто застыл словно в испуге. Я наклонилась и поцеловала его. Когда я отстранилась, он смотрел на меня испуганными глазами.

— Что тебе наговорили? — спросила я, по-настоящему встревожившись. Никогда еще я не видела Китто в таком настроении, и мне это не нравилось.

Он снова опустил глаза и проговорил, глядя в пол:

— Что я навсегда останусь грязным гоблином. Что только шляха может взять меня в постель. — Он взглянул на меня растерянно и горько: — Я не знал, что фейри могут называть друг друга шляхами. У нас это не в обычае.

— Ох, Китто! — вздохнула я.

— Мне не надо оставаться с тобой, если это помешает тебе стать королевой. — Он попытался сгорбиться, словно хотел стать поменьше, но руки Никки удержали его. Никка прижимал его к себе нежно, но твердо.

— Они просто завидуют, — сказал Никка.

Китто посмотрел на него через плечо:

— Чему завидуют?

— Тебе завидуют, — сказал Гален.

Китто моргнул и качнул головой.

— Нет, не может быть.

— Ты за целые века — первый не-сидхе, вошедший в силу, — пояснил Гален. — Может, когда-то такое случалось частенько, но сейчас — нет. Они завидуют, что Мерри смогла это сделать, а ты — смог таким стать. Они боятся тебя и боятся, что многие полукровки сидхе и гоблинов приобретут силу сидхе.

Я удивленно посмотрела на Галена.

— Что? — спросил он. — Это правда.

— Да, но я...

— Не ожидала, что я до этого додумаюсь.

Мне хватило совести смутиться.

— Лучше скажем так: я не думала, что ты так много и так точно замечаешь.

Он довольно грустно улыбнулся.

— Все больше понимаю, каким меня считают тупицей.

Я положила руку ему на плечо:

— Не тупицей, нет...

— Ну, легкомысленным придурком.

— Легкомысленным... — повторил Никка. — Вот с этим особенно не поспоришь.

Я невольно улыбнулась.

— Ты и правда раньше не забивал себе голову политикой.

Гален кивнул.

— Раньше. А может, и сейчас не хотел бы, но нам всем поневоле приходится работать мозгами. Нам нужно смотреть по сторонам, или мы не выживем. — Он схватил меня за плечи, расплескав воду. — Когда дело касалось только моей жизни и я не видел шанса оказаться хоть когда-нибудь в твоей постели, я не особенно беспокоился. — Он прижал меня к себе. — Сейчас я могу потерять слишком много, а я не хочу терять даже малости.

Я обняла его и прижалась к нему так крепко, как только могла. Руки скользили по пятнам засохшей крови, покрывавшей все его тело, где оно еще не было погружено в воду. Я провела руками ниже и обнаружила, что под водой кровь тоже еще не отмылась. Так много крови, ужасно много...

— Мне жаль, что раньше я ничем не интересовался, — сказал он, прижимаясь щекой к моим волосам. — Я не видел в этом смысла, раз уж ты мне все равно не досталась бы. Я еще не умею замечать все, как Дойл, или Холод, или даже Рис, но кое-что уже вижу, и я учусь.

В горле у меня застрял ком, такой большой, что я не могла его проглотить. Грудь

сдавило, и дышать стало трудно. Глаза вдруг защипало, и я поняла, что сейчас заплачу. Я не хотела плакать. Гален был жив и здоров. Мы все были живы и здоровы. Но засохшая кровь у меня под руками заставила вспомнить, как он лежал на спине в луже собственной крови. Тот жуткий миг, когда я подумала, что уже поздно. Что я никогда больше не прикоснусь к нему — живому и теплому. Что его руки никогда не обнимут меня. Что я никогда не увижу его улыбки, не услышу его голос и не взгляну в яркие глаза.

Гален погладил меня по голове и приподнял лицо за подбородок.

— Ты плачешь, Мерри?

Я кивнула, я не могла говорить вслух.

— Почему? — спросил он.

Никка ответил за меня:

— Она думала, что мы тебя сегодня потеряем, Гален.

Гален посмотрел мне в глаза.

— Ты поэтому плачешь?

Я опять кивнула и уткнулась лицом ему в грудь. Он сел в воду, убаюкивая меня. Он гладил меня по спине, по голове и шептал:

— Все хорошо, со мной все в порядке.

— А что будет завтра? — всхлипнула я.

— Королева всем дала понять, что я могу быть ключом к возвращению плодовитости сидхе. Не думаю, что кто-то теперь захочет мне вредить.

— Люди Кела могут, — сказал Китто. Мы повернулись к нему. — Я много слышу, потому что меня не замечают.

Я почувствовала угрызения совести, потому что за мной такое тоже водилось. Как-то раз он упрекнул меня, что я говорю в его присутствии, как будто он — собака или стул. Это было еще до того, как он стал моим любовником, но даже сейчас не обращать на него внимания было легче, чем на остальных. Он выжил в гоблинских холмах, научившись быть незаметным, почти невидимым. Эта привычка у него сохранилась.

— Я слышал, как сидхе говорили, что не верят, будто один из наследников Андаис, не важно который, способен оживить Неблагой Двор.

— Кто это говорил?

— Они меня заметили и, наверное, попытались бы что-нибудь со мной сделать, но тут вошел царь Шолто с несколькими слуга.

— Это сегодня было? — спросила я.

— Да.

— Интересно, почему Шолто не пошел в тронный зал, если он был здесь.

— Этого я не знаю, но он был ранен, — ответил Китто.

— Ранен? — удивился Гален.

— Сильно ранен? — спросил Никка.

— У него рука была на перевязи, и повязка через голову и половину лица.

— Кто же мог так ранить воина из неблагих и к тому же царя слуга? — задумчиво произнес Никка, словно размышляя вслух.

— Гоблины, — предположил Китто, — если они застали его врасплох, и он не мог использовать магию. Среди моего народа есть воины, которые могут превзойти любого из вас, если вы не будете пользоваться магией.

— Или другие слуга, — тихо сказала я.

Все устали на меня.

— Кое-кто из его народа считает, что из моей постели он выйдет настоящим сидхе и они потеряют своего царя.

— Ну, это большей частью карги из его гарема, — сказал Никка.

— Что, про гарем из карг всем известно, кроме меня? — спросила я.

Никка с Галеном переглянулись.

— Мы ему завидовали, потому что он единственный из стражей имел отдушину для удовлетворения желаний, — объяснил Никка.

— Карги боятся, что прикосновение плоти сидхе отвратит его от них, — сказал Гален.

— До тебя с ним никто не соглашался спать, Мерри, — добавил Никка. — Никто не хотел рисковать из боязни родить монстра.

Я качнула головой.

— Когда-то для неблагих был дорог каждый ребенок. Это было нашим принципом. Когда это мы стали приверженцами антропоморфизма? Когда было решено, что две руки, две ноги и человеческая красота — это и есть наш идеал?

— Задолго до твоего рождения, — сказал Китто.

Никка кивнул. Он уже не просто обнимал Китто, а укачивал его. Взгляд Китто по-прежнему был беззащитным: кажется, он поверил словам тех сидхе. Никакое оскорбление не сможет глубоко задеть, если только вы сами не поверите в него какой-то темной частью души. Если вы в себе уверены — оно останется просто сотрясением воздуха, но Китто в себе уверен не был, совсем не был.

Он тихонько проговорил:

— Когда я только родился, я выглядел совсем как сидхе. Моя мать, должно быть, несколько месяцев меня растила, а потом у меня на позвоночнике выступили чешуйки, а когда прорезались первые зубы — они оказались клыками. Ей хватило этого, чтобы унести меня к холмам гоблинов и предоставить моей судьбе. Она бросила меня, зная, что гоблины любят полакомиться кусочком мяса сидхе.

Он ссутулится, плотнее прижав к себе руки Никки. Не знаю, нарочно он это сделал или просто так получилось. Большинство фейри любят прикосновения, это их успокаивает, но гоблины сильно отличаются от прочих рас. Они любят секс, но прикосновения в их среде одинаково легко могут привести и к сексу, и к насилию, и у них очень редко прикасаются друг к другу ради утешения, а не секса.

— Ты ошибаешься, Мерредит. Сидхе, даже неблагие, никогда не принимали всех детей. Полукровок-гоблинов, у которых замечали хоть какие-то отклонения от сидхе, уносили к холмам гоблинов.

— Гоблины не давали им пропасть, — сказала я. — Они принимали своих полукровок.

Китто качнул головой, и только руки Никки не дали ему окончательно свернуться в клубочек. Только сила Никки удерживала его в вертикальном положении.

— Не всегда, — прошептал Китто.

Я потянулась рукой к его лицу. Галену с его длинными руками дотянуться было проще. Он коснулся руки Китто, и тот обеими руками схватил предложенную ладонь. Если бы я не склонилась чуть не к самому его лицу, я не расслышала бы его слова:

— Иногда они откармливали детей, а потом съедали. В младенце мяса немного. — Он посмотрел на меня блестящими от непролитых слез глазами. — Когда я подрос, женщина, выкормившая меня, меня не отдала. Я был маленьким ребенком, и меня дольше пришлось

откармливать, так долго, что я успел научиться говорить, и она ко мне привязалась. Она дралась за меня. Она пролила за меня кровь. Она меня спасла, а когда ей понадобилась моя помощь, я оказался слишком маленьким, слишком слабым, чтобы ее спасти. — Его лицо исказила гримаса ярости, и он отвернулся, как будто не хотел, чтобы я его таким видела. — Один сидхе сказал сегодня так, словно все знал... Он сказал, что я всегда буду маленьким, слишком маленьким для гоблина, слишком маленьким для сидхе, слишком маленьким для всего; что я буду только обузой и опасностью для тех, кто меня окружает. — Китто взглянул на меня. — Я не помню, чтобы кто-то из сидхе, кроме тебя и твоего отца, бывал в холмах гоблинов. Откуда он знал?..

Я хотела сказать, что тот сидхе говорил наугад. Что он просто воспользовался маленьким ростом Китто, чтобы уязвить его. Что он не мог знать прошлое Китто, просто сделал обоснованное предположение. Но сказать Китто, что его прошлое так легко вычисляется, — может, это более жестоко, чем позволить ему считать, что его история стала известна какому-то сидхе, общавшемуся с гоблинами больше, чем можно было ожидать?

Гален решил за меня.

— Он ничего не знал, Китто, он просто угадал. Он хотел тебя уязвить, вот и все. Он не знал, что попадет так близко к правде.

— Угадал? — воскликнул Китто, глядя ему в глаза. — Угадал? Как?! Как он мог угадать?! — Он тряс руку Галена своими маленькими руками. — Мой позор написан на мне? Всем видно, что я слабый?.. Что я для всех — только обуза?.. Я даже вам несу опасность... — Он потянулся ко мне, сжал мне руку до боли. — Если ты забеременеешь от меня, они никогда не примут меня как короля, а тебя — как королеву. Те двое лордов-сидхе сказали, что скорее убьют тебя, чем позволят полукровке-гоблину усесться на неблагодатный трон.

Я хотела спросить, кто эти лорды, но он мог и не знать имен, и допрашивать его сейчас было бы жестоко. Да они и не затевали заговор. Они только дали волю своим предрассудкам. Наговорили самых мерзких оскорблений, какие придумали. Но если бы они действительно планировали убить его или меня, они бы не сказали ни слова. Не стали бы его предупреждать. Или не дали бы ему уйти живым после того, как он их подслушал. То, что он жив и невредим, свидетельствовало, что на самом деле они ничего не замыслили. Обычные мерзавцы, только и всего. Как-нибудь я попрошу его описать их мне. Сейчас я не хотела, чтобы он продолжал о них думать. Я хотела, чтобы он о них забыл хотя бы на время.

Я хотела приласкать его, обнять и прогнать тоску из его глаз. Но моя танцевальная карточка на сегодня была расписана до самого утра, если только я не придумаю, как что-нибудь перекомбинировать. Галену нравилось спать в одной большой куче, как спят щенки, но сексом он предпочитал заниматься только вдвоем. Никка делился с готовностью и, наверное, согласился бы на что угодно, лишь бы скорее попасть к Бидди в соседнюю комнату. Меня не задевало, что я сегодня для него — проходной вариант. Мне нравился Никка, но он не трогал так моего сердца, как Гален, или Дойл, или Холод.

Первым к Китто потянулся Гален. Это он подтащил гоблина ближе к ванне.

— Прости, Китто, я не то хотел сказать... — Он не закончил фразу, но я и так поняла, что он знает, что наговорил лишнего. Он сказал вслух то, что я только подумала, и понял, что его слова ранили Китто. Гален это понял и хотел сгладить нечаянно произведенное впечатление.

Люди, видя, как часто мы прикасаемся друг к другу, ищут в этом сексуальный подтекст, но ошибаются. Иногда бывает нужно просто утешение. Иногда в глазах другого фейри ты

видишь такую боль, такое одиночество, что просто должен сделать что-нибудь, что угодно, чтобы стереть эту боль. Иногда даже секс — это не ради секса. Иногда это только последнее средство заставить кого-то улыбнуться.

Китто лег в воду, прильнув к Галену. Гален гладил его плечи и руки, перебирал сильными пальцами намокшие кудри. Китто почти погрузился под воду, закрыл глаза, поудобнее устраиваясь головой и плечами на груди Галена.

Я вела кончиками пальцев по ноге Китто, пока не добралась до ступни. Я знала, что в этом месте ему бывает щекотно, и добилась улыбки, но глаза он так и не открыл. Я приподняла его ногу и лизнула ступню в том месте, где только что гладила. Он поежился и засмеялся. Потом открыл глаза и сел, спрятав ноги в воде. Гален обнял его за плечи, помогая сохранить равновесие.

Я села Китто на ноги и скользнула вперед. Потерлась о его расслабленное тело. Китто издал звук удовольствия, но уперся руками мне в талию, удерживая на расстоянии.

Голос Китто был чуть сдавленным, но маленькие ладошки держали твердо.

— Сегодня с тобой должны быть Никка и Гален.

— Я не против подождать, — сказал Никка со своего места рядом с ванной. Он бездумно полоскал пальцы в воде, лениво пошевеливая крыльями.

Китто покачал головой, вода с намокших и прилипших к коже кудрей струйками сбегала по его лицу. Я прижалась к нему всем телом, и он не сумел меня удержать. Он сильнее нажал руками и повторил:

— Нет.

Вот только его тело уже ответило даже на такое короткое соприкосновение.

— Твое тело утверждает обратное, — сказала я.

Он с трудом сглотнул и моргнул огромными синими на синем глазами.

— Я не смогу быть твоим королем, Мерри. От царя гоблинов Курага пришла весть, что Падуб и Ясень^[20] бросят вызов любому гоблину, который перехватит у них приз.

Я нахмурилась:

— И как это понимать?

— Они бросят вызов и убьют любого гоблина, который посмеет сделать что-нибудь, что позволит ему стать твоим королем, до того, как они впервые будут с тобой.

— У них нет права тебе указывать, Китто, — сказала я. — Ты — сидхе. У тебя есть рука власти. Это магия сидхе, а не гоблинов.

Он грустно улыбнулся.

— Ты не знаешь их так, как я. Я ни за какие сокровища не стану их злить. — Он тронул пальцем мое лицо там, где еще остались пятна крови. — Можно я помогу отмыться тебе и Галену?

Он улыбнулся, и на этот раз улыбка была настоящая, не грустная.

— Я польщен, что Гален первым потянулся ко мне. Я знаю, что это не в его привычках. — Он прислонился к высокому Галену и улыбнулся ему, глядя снизу вверх.

Гален улыбнулся в ответ и погладил его по руке.

— Я хотел видеть твою улыбку.

Улыбка Китто стала шире.

— Для меня много значит, что тебе не все равно, рад я или печален. — Он посмотрел на меня уже серьезно: — Но поверь мне, Мерри, сидхе ты или нет, принцесса или служанка, тебе стоит опасаться Падуба и Ясеня.

— Они получают доступ к моему телу, как и другие гоблины-полукровки. У них будет шанс занять королевский трон.

— Мы будем рядом с Мерри во время ее визита к гоблинам, — сказал Гален. — Мы не допустим, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Ты в этом так уверен... — сказал Китто, глядя на высокого стража.

— А насколько они опасны? — спросил Никка.

— Оба они — из самых опасных воинов нашего двора, — ответил Китто.

— Рядом с Красными Колпаками^[21] они выглядели почти тщедушными, — заметил Гален.

— Я не знаю, что значит "тщедушными", — сказал Китто.

— Маленькими, слабыми, — пояснила я.

Китто кивнул в знак того, что понял.

— Но размеры — это еще не все. Падуб и Ясень известны среди гоблинов своей жестокостью.

Я перестала гладить Китто и почти застыла. Последние его слова заставили меня взглянуть на вещи под новым углом. То, что Падуб и Ясень сумели заслужить такую репутацию среди гоблинов, у народа, специализировавшегося на жестокости, говорило о чудовищном уровне насилия.

— Гоблины физически сильнее, чем мы, — сказал Гален. — Полукровкам-сидхе при вашем дворе вряд ли легко живется.

Китто вздрогнул, хватка рук на моей талии ослабла, так что я смогла прижаться к нему. Оказавшись между мной и Галеном, он обвил меня руками и потянул на себя, чтобы почувствовать прикосновение двух наших тел сразу.

— Ты даже не представляешь, Гален, насколько. Не представляешь, как ясно все видят в тебе жертву. Мне не повезло — я не только выгляжу слабым, я и правда слабый. Падуб и Ясень были очень красивыми детьми — беленькие, с золотыми волосами. Если б не глаза, они сошли бы за своих при любом дворе сидхе, и даже с такими глазами, как у них, их могли бы принять.

— Почему они не подали просьбу о принятии к нашему двору? — спросила я. Головой я лежала на влажных кудрях Китто и на теплом плече Галена.

— Не понимаю, — ответил Китто, — потому что в юности им много пришлось вынести. Наши женщины любили вынуждать их совокупляться с ними, пока они не набрали силы, чтобы уметь отбиться.

Мы с Галеном недоумевающе нахмурились, но Никка, похоже, понял.

— Ты имеешь в виду, что гоблинши их насильовали?

Китто кивнул.

— Для женщины непросто изнасиловать мужчину, — удивилась я.

— Но возможно, — сказал Никка и спрятал лицо в изгибе руки, положенной на бортик ванны. Другая рука была глубоко погружена в воду, словно он хотел достать что-то со дна. — Королева это любит.

Я потянулась к его плечу сквозь воду. Он отпрянул, когда я притронулась к нему, словно ожидал чего-то гораздо менее приятного. Карие глаза Никки были открыты слишком широко. Что бы он ни припомнил, это явно не было хорошим воспоминанием. Андаис обеспечила своим стражам очень много плохих воспоминаний.

Я нежно поцеловала его в губы и отстранилась, чтобы видеть его лицо.

— Дай мне отмыться, и мы займемся любовью. Нежной любовью. А потом ты пойдешь к Бидди, и ваша страсть тоже будет нежной.

Он кивнул, но чуточку торопливо, и в глазах еще различалась тень страха. Вода колыхнулась, и я почувствовала это за миг до того, как Китто поднялся и положил руки на плечи Никки рядом с моими.

— Пока я не попал в свиту принцессы, я не представлял, что сидхе могут терпеть такие ужасы, разве что они заслужили наказание. — Он притронулся к щеке Никки. — Теперь я знаю, что при любом дворе есть боль, и никто не бывает в полной безопасности.

Китто поцеловал крылатого стража в щеку.

— Я сейчас помогу им отмыться от крови, а потом принцесса сотрет печаль из твоих глаз.

Никка улыбнулся в ответ.

— Можно получить удовольствие и без соития. Мерри может стереть печаль и из твоих глаз, Китто.

Китто снова улыбнулся краешками губ, словно не отваживался на настоящую улыбку.

— При дворе гоблинов тот, кто доставляет удовольствие губами и языком, считается хуже партнера. Это показывает твою подчиненность тому, кого ты удовлетворяешь.

— Сидхе расценивают это по-другому, — сказал Гален, присоединяясь к нам.

Китто блеснул в его сторону широкой улыбкой:

— Я так и понял, видя, как Мерри упрашивает вас позволить ей это сделать.

— Мне нравится оральный секс, — сказала я.

— Мы знаем, — хором ответили они и посмеялись своему дружному ответу.

— Мне не нравится, что Падуб и Ясень считают себя вправе указывать тебе, Китто. Но если ты будешь чувствовать себя не в своей тарелке во время соития, то давай я закончу с тобой то, что вы едва давали мне начать. Все, кроме Шалфея.

— Соитие с Шалфеем тебе было запрещено, — напомнил Никка. — Королева Андаис не хотела дать эльфу-крошке шанс усесться на наш трон.

Я кивнула.

— Да, и потому мы не сделали ничего такого, от чего я могла бы забеременеть. — Я посмотрела на Китто и позволила мыслям отразиться в моих глазах. — А теперь я должна и с Китто обращаться так, чтобы не забеременеть от него.

Китто испустил дрожащий вздох, но дрожь была вызвана не страхом.

— Если бы ты была гоблином, я бы твоего взгляда испугался, но я уже знаю, что означает этот огонек в твоих глазах.

— Что? — спросила я голосом, уже севшим от предвкушения.

— Что ты вот-вот сделаешь что-то очень приятное для меня, — ответил он. — Позволь мне помочь вам с Галеном вымыться.

— А потом?

Он бросил на меня взгляд, который я уже встречала у других мужчин, взгляд, означавший, что он знает, что сейчас произойдет, и что ни отказа, ни остановки уже не будет.

— А потом ты сделаешь со мной то, что хочешь.

— Кроме тех мелочей, что ты уже позволял Мерри, кто-нибудь занимался с тобой оральным сексом? — спросил Гален.

Китто ответил ему долгим взглядом:

— Нет.

Я глубоко вздохнула и поежилась. Я еще ни у кого не была первой. Я была уверена, что все мои стражи с кем-нибудь бывали до меня. А для Китто я буду первой, кто станет держать во рту его плоть, — если ему того захочется.

— У тебя вид, — ухмыльнулся Гален, — словно сегодня Новый год, и ты получила в подарок все, о чем мечтала.

— Если б ты дал мне почаще спускаться вниз, ты бы чаще видел такое выражение у меня на лице.

Он сделал большие глаза.

— Ты неисправима!

Я наклонилась к Галену:

— Только скажи "да" — и ты увидишь, насколько я неисправима.

Наградой мне стал сожалеющий взгляд, как будто он очень хотел сказать "да", но... Целью всех и каждого было соитие, мы охотились за ребенком, словно бесплодная парочка.

— Я первый, — сказал Китто.

— А я — второй, — улыбнулся Никка, — хотя королева, наверное, будет недовольна, если мы займемся оральными ласками, а не тем, что может подарить тебе ребенка.

Я кивнула.

— Она выразилась совершенно ясно. И я не хочу ее разочаровывать.

Мы все одновременно вздрогнули, и на этот раз — совсем не от удовольствия.

Плитки пола были слишком холодными, но с этой бедой справились полотенца. Китто лег на них спиной, распростершись для меня, — греза цвета слоновой кости на этом вишнево-красном великолепии. Его руки впивались в расстеленные полотенца, комкали их, мяти эту единственную вещь, до которой он мог дотянуться: Китто был захвачен наслаждением.

Никка ласкал меня, заставляя извиваться и прижиматься к нему в поисках большего, но продолжать не спешил. Он обеими руками сжал мне бедра, и возникшее ощущение заставило меня впиться в плоть Китто губами и языком. Китто вскрикнул. Я ждала, но ничего не происходило, ничего, кроме дразнящего обещания ладоней Никки.

Гален высказал то, что я думала:

— Сохрани нас Консорт, Никка, закончи дело!

Я подняла глаза поверх Китто к моему зеленому человеку. Он стоял на коленях у головы Китто на краю расстеленных полотенец.

Пальцы Никки глубже вонзились в мою плоть, не больно, без ногтей — только напряжение сильных пальцев, давшее мне понять, что он мог бы пробить ими кожу и мышцы, если б хотел. Такой сильный, такой немислимо сильный...

Я изогнулась под его хваткой, и мне пришлось на миг выпустить Китто из губ, чтобы восстановить дыхание и отделаться от желания укунить его.

Я оглянулась на Никку: он по-прежнему стоял на коленях позади меня. Крылья возвышались над его шоколадным совершенством, словно вычурное украшение из жженого сахара над тортом. На миг я пожалела, что после сегодняшней ночи потеряю Никку, — но только на миг. Я хотела его счастья больше, чем хотела его самого.

— Чего ты ждешь?

— Ты посылаешь меня в брачную постель, Мерри. Если это мой последний раз с тобой, я хотел бы, чтобы все прошло так, как я мечтал. Но ты можешь отказать, конечно.

Я невольно улыбнулась.

— Выкладывай, и посмотрим. — Мне в голову пришло одно соображение: — Ты не рад уйти к Бидди?

— Нет-нет, — сказал он, но нахмурился. — Нет, но кое-чего мне будет не хватать.

— Например? — Я не напрашивалась на комплименты. Я действительно хотела знать.

Теперь улыбнулся он.

— Например, видеть тебя распростертой подо мной, видеть, как ты выкрикиваешь свое наслаждение вокруг плоти другого мужчины, а я вливаю в тебя свое.

От этого описания в соединении со взглядом Никки у меня все внизу напряглось.

— Я это и предлагаю, — напомнила я.

— Я хочу, чтобы ты была на спине, как тогда с Шалфеем. Я хочу смотреть, как поднимаются и опадают твои груди в такт дыханию.

Я потянулась к нему, взялась за подбородок, пытаюсь разгадать значение этого сочетания страсти и серьезности у него на лице. Никка был не похож на себя.

— Мне хотелось бы, чтобы вы с Бидди были счастливы, а не грустили.

Он улыбнулся, но в улыбке остался оттенок грусти.

— Я помню времена, когда брак был не концом таких удовольствий, а лишь их началом.

Сидхе никогда не обманывали своих партнеров, но по общему согласию в постели бывали другие.

Он говорил о времени, когда Андаис еще не была королевой. О времени, когда христианство было всего лишь еретической сектой в иудаизме. Сидхе редко вспоминали о том времени, им не хотелось вспоминать о своих потерях. Кому хочется говорить о времени, когда сидхе было не меньше, чем людей? Времени, когда браки заключали ради любви, а не ради детей. Времени, когда секс служил для радости и единения, а не для безостановочной погони за беременностью. Времени, когда случайный ребенок не обрекал на брак без любви. Я ощутила такое счастье, когда кольцо выбрало Никку и Бидди друг для друга! Но были ли они настоящей любящей парой? Да, они очарованы друг другом, и да, у них может быть ребенок, но будут ли они счастливы "ныне, и присно, и во веки веков"? Или же Никка будет любить ее, спать с ней, воспитывать общих детей и все же — сожалеть? И когда-нибудь его сожаление убьет их любовь?

Вдруг повеяло ароматом роз.

— Чувствуете, как пахнет яблонями? — спросил Гален.

— Да, — сказал Никка, — как в коридоре с Мистралем.

— Жимолостью, — поправил Китто.

Запах усиливался, и на меня снизошло озарение. Не так, как с явлением Богини, но...

— Когда у сидхе перестали рождаться дети, Никка?

Он озадаченно моргнул:

— Аромат так силен, что я его чувствую на вкус...

— Ответь на мой вопрос!

— Я не знаю, — сказал он. — Давно.

— Может, у нас перестали рождаться дети, когда мы переняли человеческий обычай иметь только одного партнера?

— Мы приняли моногамию, потому что практиковавшие ее люди превзошли нас числом.

— Так ли? — спросила я. — Или мы уступили людям в числе, когда перестали быть теми, кто мы есть?

— Что ты имеешь в виду, Мерри? — спросил Гален.

Я вытянула руку, демонстрируя тусклый металл королевского кольца.

— Андаис сказала, что сняла его с руки убитой противницы, но никогда не видела с его помощью детей. Вожделение, любовь, страсть — но никогда детей. Что, если это не кольцо королевы, а кольцо богини плодородия? Мы изначально были божествами природы, пока людям не потребовалось нечто более цивилизованное. Некоторые из нас поддались... Но мы ведь — то первичное, основное!

— Сидхе перестали быть такими уже очень давно, — сказал Китто. Я повернулась к нему: он остался на прежнем месте, в гнезде из полотенец.

— Как ты сказал, Китто?

— Гоблины позже всех переняли обычай иметь одного партнера. Когда-то, если муж, доминирующий партнер, мог защитить, накормить и дать крышу над головой многим, то у него было много партнеров, если прочие с этим соглашались.

— Не думаю, что муж так уж считался с мнением жен, — заметил Гален.

— Вообще-то под "мужем" имеется в виду доминирующий партнер, не важно, какого пола. И формально мог привести кого-то без позволения "жены". Но в жизни, если

приводишь кого-то, ненавистного твоей "жене", дом превращается в поле битвы, а такое даже гоблинам не по душе.

— Так ты мог быть чьей-то "женой"? — спросила я.

— Да, — кивнул он.

— Но не "мужем", — уточнил Гален.

— Я для этого недостаточно силен. — Китто потянулся на постели из полотенец. —

Почему так пахнет жимолостью, словно пришло лето и я стою на солнышке? И так тепло...

— Ты же был в коридоре, когда Мерри с Мистралем отхватили свой кусочек удовольствия? — спросил Гален тоном почти таким же легкомысленным, как его слова. — Пахнет яблонями.

— Как в саду весной, — сказал Никка.

Двое мужчин улыбнулись друг другу.

— Весенняя энергия, — произнес Китто.

Я повернулась к нему.

— Что?

— Они оба полны весенней энергии.

— А ты сам?

— Лето, когда земля горяча и сочна.

При этих словах он содрогнулся на полотенцах, ноги вытянулись, он словно был близок к оргазму.

— А я? — спросила я.

— Осень, — сказал он. — Ты — земля в пору урожая. Ты — то, для чего работал весь год.

— А что такое зима?

— Долгий сон, — ответил Китто.

Я легла на него спиной, положив голову ему на пах, как на подушку. Он что-то довольно промычал. Я посмотрела вверх, на Никку.

— Скажи мне, чего ты хочешь. Скажи точно, чего ты желаешь.

И он сказал.

Я кивнула, проехав макушкой по бедрам Китто. Он вздрогнул от наслаждения.

— Можно, — сказала я.

Никка улыбнулся.

Голос Китто слегка подрагивал, но говорил он почти спокойно:

— Я не знаю, как встать, чтобы выполнить твою просьбу.

— Я тебе покажу, — сказал Гален низким от страсти голосом.

Я задрала голову, чтобы разглядеть его за спиной Китто. От моего движения Китто снова содрогнулся. Двух зайцев — одной лаской.

— Ты всегда отказывался, — удивилась я.

— Я только покажу Китто. Сотня слов не заменит одной хорошей демонстрации. — Глаза у него были куда серьезней слов — серьезные и темные от желания.

— Ну, если только это будет хорошая демонстрация, — сказала я, и мой голос тоже был неустойчив.

— О, не сомневайся, — ответил он с абсолютно мужской уверенностью.

Я поверила. Вполне.

Настала моя очередь лечь на полотенца. Я лежала и смотрела, как Гален подбирается ко мне.

Я многое хотела сделать с Галеном, и многое удалось, но, как и прочие мужчины, он слишком хотел ребенка, чтобы прибегать к альтернативным вариантам. Я смотрела, как он подползает ко мне, и желание становилось почти невыносимым.

Он хихикнул скорее нервно, чем польщенно.

— Ты смотришь на меня так, словно съесть хочешь.

— На меня она так не смотрит, — с грустью сказал Китто.

От этих слов я пришла в себя: мне нужно было сказать ему что-то ободряющее. Я начала замечать, что главная проблема с несколькими мужчинами одновременно не в том, чтобы правильно выбрать позицию для секса, а в том, чтобы не ранить чьи-то чувства, случайно оставив его "за бортом". Сложности возникали не из-за числа тел в постели, а из-за числа сердец и умов.

Я дотянулась до колена Китто. Он стоял очень близко: предполагалось, что он учится новой позиции.

— Гален — моя первая любовь, Китто, первый мужчина, которого я пожелала. Первый, кого я полюбила. Я годами мечтала о нем, прежде чем он пришел в мою постель. Тебя я узнала совсем недавно. О тебе я не могла безнадежно фантазировать долгими ночами.

— Не переживай, — сказал Никка, — на меня она тоже так не смотрит.

Я посмотрела на него:

— Я не представляла, что...

Он поднял руку и прервал меня.

— Я не обижен, Мерри. Все, у кого были глаза, знали, как долго ты страдала по Галену. Ты бегала за ним, словно щенок, еще тогда, когда и сама не понимала, видимо, почему он так тебя привлекает.

Не могу сказать, что сравнение со щенком мне очень понравилось, но протестовать я не стала, потому что применительно к моим четырнадцати годам это было, наверное, очень даже точно.

— Мерри, — ахнул Гален, — ты покраснела!

Я закрыла лицо ладонями. Я редко краснею вообще-то. И сейчас я покраснела не за себя, а за ту давнюю девчонку. Та девочка, какой я когда-то была, провалилась бы сквозь землю, узнав, что ее "тайная" любовь ни для кого не была тайной.

Мне на запястья легли чьи-то ладони.

— Мерри... — Голос Галена был так же нежен, как и движение, которым он отвел с лица мои руки. — Ты краснеешь из-за меня?

Я просто не могла на него посмотреть.

— Из-за того, что все вокруг все знали. Я не думала, что была видна насквозь.

— Нас всех насквозь видно в четырнадцать лет, — сказал он с улыбкой.

— С тех пор, как мне было четырнадцать, прошло несколько веков, — улыбнулся Никка, — но если память мне не изменяет, Гален прав.

— Гоблинам такие тонкости не свойственны, — заметил на это Китто.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Гален.

— Что когда гоблин хочет кого-то, это знают все. Мы не видим причин скрывать свое восхищение, разве что когда другой гоблин может счесть это восхищение оскорбительным. Мы совсем не тонкие в этих материях, но мы умеем скрывать свои чувства, если приходится.

Я протянула ему руку ладонью вверх. Он взял ее с недоумевающим видом.

— Чего ты хочешь от меня, принцесса?

— Улыбки, — сказала я.

Он пришел в еще большее недоумение.

Гален пояснил:

— Она хочет прогнать тень из твоих глаз.

Китто наградил нас обоих робкой улыбкой и покачал головой:

— Мне нравится быть сидхе.

Я сжала его руку и сказала бы что-то утешительное, но Никка выбрал как раз этот момент, чтобы погладить меня рукой, и все слова вдруг вылетели у меня из головы.

Потом он убрал руку и сказал Галену:

— Покажи Китто его позицию, чтобы у меня перед глазами было достойное зрелище, когда она будет готова.

— Скажи мне, когда настанет момент, — попросил Гален.

— Мне не придется тебе говорить, — ответил Никка, — ты и так поймешь.

Аромат цветов ослабел, лишь угадываясь в воздухе. Как если открыть дверь в давно запертую комнату: улавливаешь едва ощутимый аромат, и он тут же исчезает, и ты думаешь, не почудился ли он. Так уходят из мира смертных привидения и духи. Много, что люди принимают за призраки, — это тени былого, тени тех существ, что не были по-настоящему смертными.

Я немедленно потянулась к Галену, но он засмеялся и отгородился рукой.

— Дай мне сначала встать как нужно; в таком положении ты себе шею потянешь.

Он придвинулся ближе, сжав мне плечи коленями. В этой позе я отдавала контроль мужчине. Но Гален глядел на меня, и его глаза заполнялись той темнотой, какая появляется только в интимнейшие моменты, а сам он подавался ко мне... Мне пришлось отвести голову назад, чтобы вдохнуть.

— Ты знаешь, чего я хочу, — сказала я.

Он покачал головой.

Я провела руками по его ягодицам.

— Никка изольется в меня, а потом я прикосновением верну его в готовность. Он послужит этой ночью и мне, и Бидди. Почему тебе не испытать два оргазма за ночь?

— Я обычно так и делаю.

— Давай один раз так, а потом — как ты захочешь? Ну пожалуйста, Гален!

— Я бы полмира отдал за то, чтобы женщина так меня просила, — сказал Китто. — Не отвергай этого дара.

Я на Китто не смотрела, для меня сейчас существовал только Гален.

А он все так же смотрел на меня.

— Пожалуйста, — повторила я.

Гален снова придвинулся.

— Принцесса не должна умолять, — последнее, что я расслышала перед тем, как предаться давно желанному наслаждению.

Внизу скапливалась теплая тяжесть. Никка остановился. Он почти не двигался, только изредка я ощущала быстрые прикосновения — достаточно, чтобы возбуждение не ослабевало, но и близко не то, что было нужно для оргазма. В других обстоятельствах это раздражало бы, но сейчас лишь позволяло мне сосредоточиться на ощущении Галена, ощущении, в котором прежде мне было отказано. А Гален сдерживался. Он не давался мне целиком, даже наполовину не давался.

Сдавленным голосом, выдававшим напряжение, которого ему стоил этот зачем-то удерживаемый контроль, он сказал:

— Никка, почему ты остановился?

— Решил дать вам насладиться друг другом, не слишком отвлекаясь на меня. Хотя, судя по тому, что она делала с Шалфеем и Мистралем, ты слишком осторожничаешь.

— Я не хочу сделать ей больно.

В том-то и дело. Я сумела высвободить руки и толкнула его.

— Я хочу чувствовать тебя, Гален, всего тебя.

— Но тебе ведь будет больно?

Никка лег щекой мне на ногу и сказал:

— Ты же был в том коридоре. Ты видел ее с Мистралем.

Гален кивнул.

— Видел, — буркнул он, плечи слегка сгорбились.

Я провела пальцами по его груди, по животу.

— В чем дело? — спросила я.

— Мне не нравится причинять кому-то боль.

— Тебе и не нужно причинять мне боль, просто доверься мне целиком.

Он сделал большие глаза.

— Гален, время уходит, ты это понимаешь? Дойл с Холодом уже решили, что кольцо выбрало для меня Мистраля.

Гален был поражен. словно я ударила его холодным железом в самое уязвимое место.

— Я не думаю, что они правы, но я не знаю наверняка. Никто из нас не знает. Так что я хочу тебя, пока ты мой. Как же ты не понимаешь?

Он опустил глаза.

— Если тебе так нравится то, чем ты занималась с Мистралем, зачем тебе я?

— Мне не все время хочется жесткого секса. Иногда я хочу нежности, Гален. Иногда я хочу заниматься любовью, а не трахаться.

— Но в другие ночи ты хочешь трахаться, — сказал он, — а я практически всегда предпочитаю заниматься любовью.

— Не могу поспорить, — улыбнулась я.

Он попытался сохранить серьезность, но тоже не удержался от улыбки.

— Не то что я назвал бы трахом то, чем вы занимались с Мистралем...

— Но это и было трахом. Секс зависит от партнера, Гален. Ритм определяют все, кто в нем участвует. — Я протянула к нему руку: — Иди ко мне.

Он покачал головой.

— Если я сделаю это сейчас, я не смогу повторить, когда Никка наконец в тебя войдет.

— Я могу снова тебя возбудить, почти не тратя магии.

— Ну да... Но когда ты это делаешь так скоро, это больновато.

— Ты мне не говорил...

Я посмотрела на Никку, притихшего у меня в ногах. Похоже, я была ему нужна сейчас скорее в качестве подушки, чем сексуального партнера.

— Правда, что ли? То есть правда больно?

— Я до недавнего времени почти всегда делил тебя с Рисом, так что для нас обоих перерывы были подлиннее. И больно не было. Но если без перерыва, то могло быть.

— Дойл и Холод ни разу не жаловались...

— Наверное, для них боль приятней в постели, чем для меня или Галена.

Я задумалась на секунду.

— Может быть.

— Ты хочешь меня таким способом, потому что не желаешь видеть меня своим королем? — тихо спросил Гален.

Я возмутилась было, а потом задумалась. Я не потому этого хотела, но последнее утверждение было правдой — или стало ею совсем недавно.

— Я хочу тебя так просто потому, что я тебя хочу, — сказала я.

— Я видел, как она занималась этим и с другим, не только с Мистралем. Ей это нравится, я бы сказал, — заявил Никка.

— С Шалфеем, ты имеешь в виду? — невесело спросил Гален. На лице у него, как всегда, были написаны все эмоции.

— Да, — подтвердила я, не зная, как его утешить. Так долго дуться было не в обычае Галена. Такое было прерогативой Холода.

— Шалфей, — протянул он, — еще один, кто не должен стать королем.

Я вздохнула.

— Мы могли бы провести ночь экстаза, а ты все портишь дурацкими вопросами. Это на тебя не похоже.

— Да, это больше похоже на Холода.

Он произнес вслух мои мысли. Сегодня это удалось ему не в первый раз.

— Ты жалуешься на перепады его настроения, но любишь его все больше. Может, тебе нравятся сложности с мужчинами?

Я не знала, что на это сказать. Почему влюбляешься в этого мужчину, а не в другого? Почему чье-то прикосновение бросает тебя в сладкую дрожь, а другое оставляет совершенно равнодушной? Тайна, загадка. Но я все же могла ответить ему чистой правдой:

— Я люблю тебя, Гален.

Он молча на меня смотрел.

— Может, я чуточку забыла, как сильно я тебя люблю, но сегодня... когда я увидела, как ты лежишь там...

Голос прервался, и мне пришлось зажмуриться, чтобы отогнать видение Галена в луже крови.

Никка погладил меня по ноге — чтобы успокоить, а не возбудить.

— Когда я увидела тебя в том коридоре, я думала, что умру от горя. Никогда больше не видеть твоей улыбки... — В глазах щипало, и я не знала, станет мне легче, если я заплачу, или наоборот.

Он прикоснулся к моей щеке, и я знала, что это он, даже не открывая глаз. Теплая,

нежная ладонь. Я легла в нее щекой. И остро припомнила, как точно так же легла в ладонь Дойла несколькими часами раньше. Гален тогда подвел меня, не понял, почему я расплакалась из-за предательства Джиллета. Но отдать Галена другой женщине, на ночи нежной любви — это одно; отдать его могиле — совсем другое. Такого мне не перенести.

Я открыла глаза и посмотрела ему в лицо. В эти зеленые-зеленые глаза.

— Ты плачешь, — с удивлением сказал он.

— Не совсем, — попыталась улыбнуться я, но голос был полон слез. Мне пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — Наверное, я отдалась от тебя. Я этого не хотела.

Я прижала его ладонь к своей щеке.

— Я только по одной причине не хочу, чтобы ты стал королем: потому что тогда наши враги тебя убьют. Если мне нужно выбрать мужчину, который выживет в этом коварном мире, то это — не ты, моя нежная любовь.

— Дормат думал примерно так же, когда хотел, чтобы я простил тех, кто едва не убил меня.

— Да.

— Последняя моя мысль, самая последняя, была о тебе. Я боялся, что это начало покушений на всех стражей по очереди. — Он опустил голову, отведя взгляд. — Я подумал, что Дойл и Холод сумеют тебя защитить. Что если кто-то из нас должен был погибнуть, хорошо, что это я. — Он довольно грустно улыбнулся. — И я подумал: почему же выбрали меня? Если бы я выбирал, я убил бы Дойла. Я помолился Богине, чтобы она хранила тебя, и умер.

— Ты не умер, — прошептала я.

Он взглянул мне в глаза и улыбнулся почти по-настоящему.

— Как мне винить тебя за то, что ты смотришь на них как на возможных королей, когда я сам, умирая, думал о том же? Мало быть просто хорошим, черт возьми. Здесь так не выживешь. Прости...

— Я думала, что для тебя опасно стать королем, Гален, но теперь я знаю, что тебя все равно пытались бы убить. — Мне нужно было говорить, чтобы стереть горечь с его лица. — Я не знала точных слов пророчества, пока их не произнесла королева, но моих союзников все равно будут стараться убить. Мои враги попытаются лишить меня всякой поддержки, если сумеют. Так что, раз уж ты все равно в опасности, почему бы тебе и не стать королем?

— Куда ни кинь, всюду клин, — хмыкнул он, и усмешка опять стала горькой.

Я села и попыталась его обнять, но он подался назад. Никка из-за моего движения переместил голову с бедра на возвышение меж моих ног. Мягко, без сексуального заигрывания, но он лег туда щекой.

— Пожалуйста, Гален...

— Я не смогу быть твоим королем, Мерри. Это смерть для нас всех. — В его лице была жесткость, которой я раньше не замечала. Я видела, как он взрослеет на глазах — не как добавляются морщины, их не было, а как в глазах у него появляются опыт, глубина.

— Ты уступишь кому-то место в ее постели? — поразился Никка.

— Нет, — заявил Гален голосом таким же мрачным, как его лицо. — Я не настолько силен, чтобы отказаться от нее, пока меня не заставят. Но мне пора об этом задуматься.

Он улыбнулся, хотя глаза так и остались серьезными, такими не похожими на галеновские.

— Но я могу занять место Никки и целовать тебя не только в губы.

— Ты это делал и раньше.

— Но раньше ты не имела возможности отплатить мне тем же.

— У тебя будут и другие ночи, — сказал Никка. — Ты откажешь мне в последней близости с нашей Мерри?

— Нет, конечно. Если б это была моя последняя ночь, я бы хотел провести ее точно по моему плану. — Гален выглядел уже почти обычно, но проблеск этой новой серьезности остался в его глазах, и я радовалась этому, но и печалилась тоже.

— Я хочу довести ее до пика губами и языком, а потом я хочу видеть в ее рту другого мужчину. Вот чего я хочу.

Гален согласно кивнул.

— О'кей.

— Мне не важно, кто из вас будет у нее во рту, но если ты, то у меня одна просьба, Гален.

— Какая? — спросил Гален.

— Ты выше Китто. Встань сбоку от нее. Ты загораживаешь мне вид на ее груди, а раз уж я в последний раз люблюсь самой большой грудью во дворах сидхе, я хочу видеть ее целиком.

— Значит, сбоку, — согласился Гален.

— Тогда мне нужно что-то подложить под голову, — сказала я.

— Сложенные полотенца, — предложил Гален.

— Можно, я буду подушкой для Мерри? — спросил Китто. — Положи голову мне на колени, принцесса.

Мы трое переглянулись, и слов не понадобилось.

— О'кей, — сказала я.

Китто просиял. Чтобы сделать его счастливым, хватало такой малости...

Никка склонился надо мной, снова обхватив руками мои бедра.

— Итак, на чем мы остановились?

У меня внезапно пересохло во рту. Я спросила:

— Разве Гален не должен сначала занять свое место?

— Пусть Никка доставит тебе удовольствие, а потом мы с Китто займем свои места.

Может, я бы и запротестовала, но губы Никки сомкнулись на моей плоти, его язык лишил меня дара речи, отобрал у меня возможность дышать, и, наконец, для меня исчез весь мир. На несколько драгоценных минут я забыла, что нам грозит опасность, что мне нужно выиграть гонку за трон и вообще что существует что-то, кроме губ Никки. Его губы и мое тело стали наслаждением, словно не было кожи, не было костей, ничего твердого и реального, только невыносимое наслаждение, только дрожь оргазма.

Когда глаза перестали самопроизвольно закатываться вверх и смогли что-то видеть, то увидели они широкую улыбку Никки.

— Эхо было неплохо.

Говорить я еще не могла, так что только кивнула.

— Умеешь, — оценил Гален.

— Я еще не говорил с Бидди о сексе. Встречаются женщины, которые такого не позволяют.

Я сказала еще не своим голосом:

— Ненормальные.

— Может быть, но поскольку я не знаю, не в последний ли это раз, я постарался от души.

Мне было трудновато начать думать, но в конце концов я выговорила:

— Я не хочу отправлять тебя к другой с такими грустными мыслями.

Он встал на колени, а потом лег на меня, соединив нашу наготу. Я вздрогнула.

Он смотрел на меня сверху вниз, приподнявшись на руках, но плотно прижимаясь ко мне нижней половиной тела. Каким бы нежным любовником он ни был, взгляд его стал сейчас характерно мужским. Яростное веселье и уверенность, что он доставил мне удовольствие, а теперь получит свое. Не знаю, почему у всех мужчин до единого где-то — то ближе, то дальше — прячется такой взгляд, но я видела его так часто, что точно знаю — он есть.

— Поцелуй меня.

Он целовал меня, пока наши языки, наши руки, наши тела не соединились, потом отстранился, почти бездыханный, и сказал:

— Идеально.

Я правильно его поняла, не что я идеальна, а что поцелуй был идеален, точно такой, какого он хотел.

Он поднялся надо мной на четвереньки:

— Я готов.

— Вижу, — выдохнула я.

Никка оглядел остальных мужчин:

— По местам, господа.

В его голосе различалась командная нотка, которую я редко слышала даже в разгаре секса. Я припомнила, что впервые занимаюсь с ним сексом с тех пор, как к нему вернулась сила. Не крылья, а сила, магия. Мы толком не знали, что за магию он приобрел, зато он наверняка приобрел кое-что другое, связанное вовсе не с магией, а с уверенностью в себе.

Китто замешкался, не вполне понимая, что ему делать.

— Приподнимись, Мерри, — сказал Гален. — Покажи, как тебе нужно устроить голову.

Тон и выражение лица Галена были очень дружескими — похоже, он хотел помочь Китто справиться с нервозностью. Ночи в Лос-Анджелесе мы с Галеном проводили всегда вдвоем, так что мне не доводилось видеть его во взаимодействии с другими мужчинами при интимных контактах. О мужчине можно многое узнать, когда в постели он не наедине с вами. А если он отказывается делиться — ну что ж, это тоже кое-что о нем говорит.

Я приподнялась, опираясь на локти.

— Подвинься поближе, Китто, я положу голову тебе на колени.

Он придвинулся, все еще неуверенно, будто ожидая возмущения со стороны других мужчин, уселся по-турецки, а я не сразу легла на него головой, а прогнулась в спине, проведя волосами по его паху. Я вертела головой, пока он не начал постанывать от наслаждения.

Тогда я опустила голову в колыбель его ног, прижимаясь макушкой. Это было неплохо, но колени его оказались выше моего лица, и я потерлась об него головой, как кошка. Китто задышал чаще, но для Галена наша поза явно была неудобна.

— М-м-м... — подтвердил мое предположение Гален.

— Что, если Китто полуляжет, и голова Мерри разместится у него на животе? — подал идею Никка.

Мы опробовали этот вариант. С первой попытки не вышло: найти удобное положение ног для Китто было нелегко. Никка предложил Китто перевернуться на живот, и наверное, так было бы проще, но я это забраковала. Мне хотелось, чтобы он прижимался к моей голове. Хотелось чувствовать не просто тело Китто, а вполне определенную его часть. Мне нравилось это ощущение, и я хотела дать Китто хотя бы столь небольшое. Он уступил свои права на соитие и даже на оральный секс. Хотя бы прикосновения нужно было ему оставить.

Так что я легла на спину поверх Китто, и голова оказалась на очень теплой, очень твердой и очень эротичной подушке. Я потерлась об нее головой, и Китто вскрикнул.

— Чуть поменьше прыти, Мерри, — усмехнулся Гален, покачав головой, — или он кончит раньше нас всех.

Я остановилась.

— Что? — переспросила я.

— Просто увидел, как тебе это нравится.

— А тебе что-то не нравится?

— Нет, — ответил он и вдруг широко улыбнулся. — И я это докажу.

Он пополз к нам, изогнулся над моей головой, руками упираясь в пол с одной стороны от нас, коленями — с другой. У него вырвался дрожащий смешок.

— Прекрати...

— Почему? — спросила я, продолжая его гладить. Я сотню раз уже дотрагивалась до Галена, но это чудо — что мне позволено его трогать — не приедалось. Наверное, потому, что я так долго и тщетно его хотела, много дольше, чем других стражей. Раньше мне не приходило в голову желать кого-то из них. Они для меня были неприкосновенными и почти невидимыми — как и я для них. Но Галена я видела всегда.

Он посмотрел на Никку и произнес голосом, выдававшим его далекое от равновесия состояние:

— Тебе стоит поторопиться, Никка. Долго ждать она не станет.

Никка издал типично мужской смешок:

— Учти, я не собираюсь кончать раньше Мерри.

Я погладила Галена и потерлась головой о Китто. Гален вздрогнул, а Китто еще раз вскрикнул от удовольствия.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Гален. Он смотрел на меня чуть расширенными глазами и улыбался: — Проверяешь, сколько я выдержу?

— Нет.

— Злишься, что я так долго тебе в этом отказывал?

Я задумалась на секунду, а потом нахмурилась.

— Наверное, да. Прости. Это должно быть в радость, а не в отместку.

Я попыталась отвести руку, но он перехватил мое запястье.

— Делай как можешь или как хочешь, и мы поступим так же. Мне жаль, что я отказывал тебе в чем-то. Обещаю, это больше не повторится.

— Хорошо, — сказала я и потянула его на себя. Он не сопротивлялся.

Помогая Галену найти нужную позу, я чуть-чуть смещала голову, мягко перекатываясь затылком по Китто. По опыту я знала, что, когда возбуждение захватит меня, я перестану чувствовать боль, просто не буду ее замечать, так что мне стоило заранее позаботиться о собственной сохранности.

Гален стоял надо мной, что здорово отличается от варианта, когда контроль принадлежит женщине. Мужчина не чувствует, что чувствуешь ты, не знает, когда тебе нужно перевести дыхание, или сглотнуть слюну, или и то, и другое. Я верила, что Гален будет осторожен. Я на него полагалась и от него зависела.

— Похоже, так будет неплохо, — сказал он еще почти спокойным голосом.

Я чуть кивнула — боялась двигаться слишком резко, после того как мы столько сил потратили, чтобы найти нужное положение. Вряд ли я доверилась бы в этом кому-то еще из моих стражей, кроме разве что Никки.

Но у Никки сегодня были другие занятия. Его руки легли мне на бедра, и одно их прикосновение заставило меня застонать. Наверное, Гален отнес этот стон на свой счет, потому что начал двигаться еще сильнее, всем телом.

Моя голова моталась от толчков и терлась о Китто. Он был как упругий шелк у меня под щекой.

Гален приостановился на миг:

— Поторопись, Никка, ради Богини!

Никка тоже вошел к ритм — более жесткий и быстрый, чем было ему свойственно.

Это было превосходно.

Если б я могла говорить, я бы сказала им, что со мной все случится уже скоро.

Китто заерзал подо мной, он терся о мои волосы, ласкал меня своим жаром.

Я не бывала раньше центром внимания сразу столько мужчин. В моей спальне бывало трое сразу, но не так интимно; настоящий секс с троими одновременно у меня был впервые.

Никка начал светиться первым, но не солнечным ярким светом, скорее — как свеча, и его кожа обрела роскошный цвет темного янтаря с бликами оранжевого и золотистого, как игра драгоценных камней на свету. Китто я не видела, но чувствовала кожей его невероятный жар, словно жар углей, прикрытых колпаком в расчете на долгую зимнюю ночь. Те части его тела, которые были мне видны, сияли мягким жемчужно-белым светом.

Когда сияние добралось до Галена, оно похитило у него все краски, кроме нежного свечения, словно у лампы, оставленной в спальне для задержавшегося гостя.

Я думала, что Никка вот-вот ускорит ритм, но он продолжал аккуратное, размеренное движение. Он знал, что нашел нужную точку, и просто удерживал ее.

Где-то посреди всего этого я заметила, что в комнате стало темно. Что только наше сияние рассеивает эту тьму. Моя кожа сияла нежно-белым светом, как путеводный лунный луч во мраке.

Тепло в моем теле переросло в тяжесть, и я знала, что осталось еще лишь несколько толчков, чтобы оно рванулось вверх. Если б я могла говорить, я бы им сказала, но раз слова

были мне недоступны, я воспользовалась тем, что оставалось в моем распоряжении: начала жадно постанывать в такт растущей теплой тяжести.

И вдруг скопившееся во мне озеро жара выплеснулось наружу обжигающей волной, и волна захлестнула меня, и я закричала, Китто закричал тоже, его тело выгнулось подо мной, и вместе с нами вскрикнули остальные двое.

А потом мы вздохнули одновременно, и с этим вздохом наше сияние погасло, так что на миг мы оказались в полной темноте, а потом будто вздохнул весь мир, и дыхание его было теплым, весомым и полным наслаждения. И это дыхание исходило от нас, и мы все засветились, словно не могли вместить столько света, столько тепла. Мы хором закричали от наслаждения, и свет рванулся наружу, ослепив нас, и с этим светом пришла взрывная волна: громopodobный звук сотряс пол под нами и отозвался даже в костях, словно стены ситхена содрогнулись в оргазме вместе с нами.

Мы остались лежать друг на друге во тьме. Гален отодвинулся, и я закашлялась, повернув голову набок.

— Я сделал тебе больно?

Откашлявшись, я сумела выговорить:

— Да, но мне понравилось. — Голос звучал хрипло, совсем не похоже на меня.

— Почему погас свет? — спросил Китто.

— И почему в воздухе как будто каменная пыль? — добавил Никка.

В темноте зажегся первый огонек — дрожащий сгусток желто-зеленого пламени. К нам шел Дойл с огоньком в одной руке и тускло блестящим пистолетом в другой. Рядом шел Холод, и вдвоем они казались негативом и позитивом одного снимка. Холод швырнул в комнату блистающий шар света и тут же оказался в стойке на колене, обшаривая все вокруг взглядом в поисках цели.

— Где они? — бросил он.

— Кто? — спросила я.

— Те, кто на вас напал.

Мы четверо обменялись взглядами, ни на что большее нас не хватило.

— На нас не нападали, — сказал Никка.

— Тогда как это случилось? — махнул пистолетом Холод, и серебристо-белый огонек поплыл туда, куда он указывал. Шар света остановился у противоположной стены ванной, и мы поняли, почему Холод решил, что на нас напали. Стены больше не было. Была куча камней, пыли и всяких обломков, а за ней — черный проем.

Прочие стражи, включая Бидди, столпились за спинами Дойла и Холода, все с оружием наготове.

— Принцесса не ранена? — спросил кто-то.

— Нет, — сказала я, но говорить было трудно, и я не была уверена, что меня услышали. Я дважды пыталась заговорить, прежде чем мне удалось нормально произнести: — Я в порядке.

Дойл отправил Готорна с Адайром разведать, что там со стеной. Цветные шарики света плыли на уровне их плеч словно ручные. Кто-то из них крикнул нам:

— Здесь сад. Небольшой садик с бассейном без воды.

— А вокруг сада что? — спросил Дойл, не подходя к ним.

— Камень, — ответил Адайр. — Здесь каменная пещера.

Дойл и Холод дружно воззрились на нас. Холод под его вечной высокомерной маской

был бледен. Я заглянула ему за спину и увидела выбитую входную дверь, повисшую на одной петле.

— Мы думали, что на вас напали, — объяснил Дойл, и в его голосе чувствовался, хоть и едва заметно, прошедший страх, который не смог скрыть Холод.

— С нами ничего не случилось, — сказала я.

Дойл покачал головой и опустил руку с пистолетом. В другой руке у него все еще горел противного цвета огонь, словно рука была фитилем свечи. Я не видела, чтобы он вызывал свет в темноте как-то по-другому.

— Ну, по крайней мере на один вопрос ответ мы получили, — сказал он. — Секс в волшебной стране кое-чем отличается.

— Кольцо еще никого для меня не выбрало.

Он коротко усмехнулся: белоснежная вспышка на темном лице.

— Приятно знать.

— Да, — поддержал его Холод. — Это хорошо. — Он обвел взглядом разрушения в комнате. — Но если секс раз от разу будет все мощнее, как нам удастся обеспечить безопасность Мерри?

Дойл поддал сапогом валяющийся кусок камня.

— Вокруг них будто циркулем круг очертили, все обломки — за границей круга, посмотри. Мерри с ее любовниками в безопасности. Нам стоит беспокоиться только о мебели и стенах.

— И о тех, кто в круг не попал, — добавил Иви, подставляя лицо под разноцветные лучики света, прыгающие по комнате. На бледной щеке блестела темная струйка.

— Это кровь?! — спросила я.

— А как же, — хмыкнул Иви и поморщился, притронувшись ко лбу. — Когда взорвалась дверь, щепки полетели во все стороны. Твоя новая целительница занимается ранеными.

— Феи-крошки?! — Я попыталась встать и не смогла — я еще была завалена телами. Гален и Никка скатились с меня, и я села. Холод подал мне руку и помог подняться. То ли он потянул слишком сильно, то ли у меня подкосились ноги, но я чуть не упала, и ему пришлось меня поймать. Он прижал меня к себе и спросил удивленно:

— Что это у тебя в волосах?

— Ох... Китто...

— Нет, Мерри, — сказал Китто, — это не мое семя.

Вторая рука Холода была занята пистолетом, так что к моей гриве потянулся Дойл.

— Спаси нас Богиня...

— Что там? — с тревогой спросила я, мне не нравилось их поведение. Дойл поднес прядку поближе к моим глазам. В волосах запутались листья.

Дойл погасил пламя в руке, резко встряхнув ладонью, как гасят спичку. Световой шар Холода подплыл к нам ближе, и в его белом сиянии я разглядела, что это были не простые листья.

— В твоих волосах — ветки смелы. — Дойл взглянул на Китто: — Твоя работа?

— В ее волосах было мое семя, но не думаю, что оно стало причиной...

К нам подошел Бри, в длинных золотистых волосах у него застряли щепки.

— Можно мне? — спросил он, протягивая руку к моей прическе.

Я кивнула.

Он осторожно прикоснулся к омеле, словно боялся, что она его укусит или наоборот —

исчезнет без следа.

— Когда-то ее считали семенем бога.

Он погладил твердые стебли и мясистые листочки, нежно притронулся к белым ягодам.

— Семя бога, — прошептал он.

Это было хорошим знаком, знаком благословения, но...

— Феи-крошки сильно пострадали? Если у Иви такая рана, то... что с ними? — спросила я.

— Еще не знаем, — ответил Холод. — Всплеск силы бросил нас всех на пол или на стены. Те, кто меньше, пострадали сильнее.

Я высвободилась из его рук и направилась к дальней двери. Он подхватил меня на руки, пистолет в его ладони охлаждал мне голую ногу.

— Там все в осколках, — сказал он в ответ на мой протест. Подумав, я признала его правоту.

— Тогда отнеси меня. Я хочу видеть, как дорого стоило моему народу мое удовольствие.

— Твоему народу? — удивился Бри. Его глаза в волшебном свете сияли золотом и белизной.

— Да, — твердо сказала я. — Они — неблагие фейри, а значит, мои, наши.

— Королева так не думает, — сказал Иви, и кровь у него на лице блеснула под светом. Он подошел к Бри. Мне показалось, что их длинные светлые волосы переплелись, как сплетаются лозы.

Я встряхнула головой, и иллюзия исчезла, они просто стояли рядом. Может, этот обман зрения объяснялся слабым освещением. Я тронула Холода за руку:

— Пойдем в ту комнату, поможем им.

— Каким образом? — спросил Иви.

— Хафвин может их вылечить.

— Ты заставишь целителя-сидхе тратить силы на фейкрошек?!

За меня ответил Холод:

— Твой вопрос показывает, что ты очень мало знаешь принцессу.

— Она не считает это бесполезной тратой, — добавил Дойл.

Он кивнул. Холод, видно, расценил это как приказ и понес меня к разбитой двери. За ней звенели тонкие вопли. Я взмолилась: "Помоги нам, Мать, помоги им, исцели их! Не дай моей силе оказаться для них проклятием..."

Мне почудился запах роз и отдаленный голос, словно дуновение теплого ветра: *Милость не может быть проклятием.* С этим загадочным обрывком мудрости Она исчезла, а мы остались в разгромленной спальне.

В спальне будто прошла битва. Пол усеяли маленькие тела, словно какой-то ребенок в расстройстве разбросал оловянных солдатиков. У стен тела лежали гуще, будто сметенные в сторону гигантской метлой. Четырехфутовый варан валялся кверху брюхом, и одного взгляда на изломанное тело хватало, чтобы понять — его мучения уже кончились. Деревяшка размером с небольшой кинжал проткнула ему горло.

Холод внес меня в комнату, давя сапогами деревянный и металлический мусор. Я уставилась на мертвую ящерицу, я боялась посмотреть по сторонам. Боялась пристальней взглянуть на маленькие тела, боялась, что феи-крошки мертвы точно так же, как несчастное животное.

Перед Хафвин тянулся конвейер из крошечных тел. Если раньше мне казалось, что у меня слишком много телохранителей и слишком много любовников, то сейчас рук явно не хватало. Королева слишком многим велела остаться с ней. Да еще Рис увел кого-то...

— Пошлите кого-нибудь к королеве сказать, что нам нужны еще люди, и пусть они захватят кого-нибудь из целителей.

Хафвин оторвала взгляд от раны, которую пыталась зажать клочком ткани, и воззрилась на меня:

— Целителей? Ты хочешь, чтобы сидхе лечили фей-крошек?!

— Да.

— Королева не велит нам тратить силы на малых фейри.

Это было правдой. Хотя кое-кто из целителей и по своей воле не притронулся бы к малым фейри. Словно считали их заразными.

— Ты можешь их вылечить?

Хафвин была откровенно удивлена.

— Ты действительно хочешь, чтобы я их лечила?

— Ты — целитель, Хафвин. Неужели ты сможешь спокойно сидеть и смотреть, как они умирают?

Она опустила голову, и я заметила, что плечи у нее трясутся. Слышно не было ничего, но, когда она снова взглянула на меня, ее лицо было залито слезами.

— Ты права, мне больно видеть столько страданий и не иметь возможности помочь.

— Тогда помоги тем, кому сможешь, а я раздобуду еще целителей.

— Кого ты хочешь за ними послать? — спросил Холод. Он держал меня на руках без всякого напряжения; казалось, он мог бы носить меня всю ночь напролет. Наверное, на самом деле мог.

Я поняла, что его обеспокоило. Андаис, должно быть, вся погрузилась в свои палаческие забавы. Моя тетушка не любила, когда ее развлечения мешали. Те, кто ее прерывал, имели немало шансов пополнить шоу собственной персоной. И что теперь? Послать того, кто мне меньше всех дорог, или того, кто скорее ее убедит?

— А ты кого посоветуешь?

— Дойла.

Я развернулась и уставилась на Холода.

— Если ее захватило кровавое вожделение, то никто другой не сможет пробиться к ее разуму. Иви или Бри наверняка только пополнят список ее жертв.

— А ты?

— Ко мне она никогда не прислушивалась так, как к Дойлу. — В его голосе не было и следов ущемленного самолюбия, он просто констатировал факт. Я ему поверила.

Дойл скользнул к нам через разбитую дверь, словно услышал, что речь зашла о нем. Я объяснила, что нам от него нужно.

— Может, я сумел бы вылечить кого-то из них сам, — сказал он.

Я и забыла, что у него тоже были небольшие целительские способности. В первый раз, когда он прикасался ко мне интимно, это было для того, чтобы залечить рану у меня на бедре. Он исцелял не руками, а губами и языком, так что предлагал он такое нечасто. Слишком уж интимно. И дар у него, по меркам фейри, был невелик.

— Ты можешь лечить?! — поразилась Хафвин. Она отвела волосы со лба тыльной стороной руки: она слишком измазалась в крови, чтобы заправить обратно выбившуюся прядь.

— Немного, но не наложением рук.

— О Ноденс^[22]! — только и сказала она.

— Так меня звали, — чуть усмехнулся Дойл. — Ближе к концу.

— Какие повреждения ты можешь исцелить? — спросила она.

— Поверхностные раны или глубокие, но узкие разрезы.

— Кости сращивать можешь?

Он отрицательно покачал головой.

Хафвин оглядела своих пациентов.

— Наверное, Холод прав. Если кто-то и сможет уговорить королеву прислать к нам еще целителей, так это ты. Если ты к нам присоединишься тоже — было бы замечательно. Мы могли бы поберечь силы — заниматься серьезными ранами, а легкие оставить тебе.

— С радостью, — сказал он, — если ты уверена.

Она кивнула.

— Ступай к королеве, как велела принцесса. Убийственный Холод прав: это лучшее, что мы можем сделать для их спасения.

Дойл кивнул, коротко поклонился мне и пошел к двери. Я окликнула его и притянула к себе для поцелуя. Губы Дойла были теплыми и мягкими, и он прервал поцелуй раньше, чем мне того хотелось.

— Дойл пойдет один? — спросил Гален. — Рису ты велела взять сопровождающих на случай нападения.

— Он — Мрак королевы, — сказал Бри. — Никто не осмелится на него напасть.

Гален качнул головой.

— Никто не должен ходить в одиночку, пока мы не вернемся в Лос-Анджелес.

— Теперь ты отдаешь распоряжения, зеленый рыцарь? — съязвил Иви.

— Нет, но мы не можем себе позволить потерять Дойла из-за собственной беспечности.

По лицу Дойла было видно, что он собирался возразить Галену. А потом он улыбнулся и качнул головой.

— Все верно. Мы не можем себе позволить лишней самоуверенности или беспечности. — Он взглянул на Холода. Я знала, кого он предпочел бы взять с собой, но еще я знала, что он не лишит меня сразу и себя, и Холода.

— Если возьмешь меня, я пойду, — вызвался Готорн.

— Я пойду, если ты захочешь, но считаю, что мое место рядом с принцессой, — сказал

Адайр.

— Согласен, — ответил Дойл, с едва заметной улыбкой поглядев на Галена. — Готорн тебя устроит?

— Возьми еще Бри, — предложил тот.

Дойл перестал улыбаться.

— Не думаю, что это необходимо.

— Мне одеваться слишком долго, а то я пошел бы с тобой, — сказал Гален.

— Почему ты так обеспокоен моей безопасностью? — спросил Дойл.

Мне стало интересно, скажет ли Гален Дойлу то же, что сказал нам в ванной.

Сказал.

— Я считал, что умираю, и чуть ли не последней моей мыслью было — ладно, зато ты и Холод живы. Я был уверен, что вы сбережете Мерри. Что вывезете отсюда живой и здоровой и доставите домой в Лос-Анджелес. Я не понимал, почему решили убить меня. Если бы планировал я, первый удар достался бы тебе. И вряд ли так думаю я один.

Мы все молча смотрели на него.

— Что? — спросил он.

— Непривычно, когда ты такой умный, — ухмыльнулся Иви, — вот и все.

— Крайне признателен.

— Если вы хотите кого-нибудь спасти, поторопитесь, — напомнила Хафвин.

Дойл отвесил короткий поклон в мою сторону, Готорн и Бри заняли места по обе стороны от него, и все трое вышли.

Я взглянула на Хафвин.

— Что нам сделать, чтобы раненые смогли дождаться помощи?

Она дала нам указания. Иви расстелил на полу свой плащ, чтобы я могла спокойно встать на колени, и мы занялись тем немногим, что было в наших силах уже сейчас.

Я не могла отвести глаз от тела Ройяла. Он был жив, но только потому, что раны в живот убивают не сразу. Деревяшка пронзила его насквозь и вышла со спины, на какой-то волосок миновав позвоночник. Я прижала кусок ткани к ране. Хафвин предупредила, что Ройяла нельзя передвигать, пока не придет целитель, у которого в руках осталось больше силы, чем у нее.

Сестра Ройяла Пенни стояла здесь же в залитом кровью платье. Руки у нее были слишком малы, чтобы эффективно зажать рану, зато словам хватило силы, чтобы проскрести по моему сердцу будто наждаком.

— Мы пришли к тебе в надежде обрести крылья, а ты дала нам смерть. — Она бросилась к брату, крича мне: — Зло, вы все — зло! Никогда вы не приносили нам ничего, кроме унижения и смерти!

Я не могла ей возразить, когда Ройял лежал неподвижно под моими руками, когда жизнь вытекала из него кровавым потоком.

Она попыталась схватить его в объятия, и бедняга вскрикнул от боли. Хафвин вмешалась:

— Пенни, не трогай его, ты сделаешь ему хуже!

Но Пенни была поглощена своим горем и страхом. Слова на нее не действовали. Кто-то из уцелевших эльфов оттащил ее. Она кричала и вырывалась, и кремового цвета крыса, тащившая раньше их с Ройялом колесницу, льнула к ее ногам, как испуганная собака. К Ройялу крыса не подходила, видимо боялась, а вот к Пенни подошла, будто помогая другому эльфу увести ее.

Ройял тронул меня за руку — вся его ладонь едва закрывала один сустав моего пальца. Из находящихся здесь фей-крошек он был чуть ли не самым высоким, но рядом с нами все они выглядели как детские игрушки.

Он посмотрел на меня большими черными глазами, лицо было настолько бледным, что он походил на привидение. Но грудь под моими пальцами продолжала подниматься и опускаться, живот содрогался, и я видела, как Ройял пытается преодолеть судорогу. Он зажмурился, и лицо его сжалось в спазматической гримасе.

Я сказала единственное, что мне оставалось:

— Прости...

Я никак не предполагала, что такое может произойти, но я не искала себе оправдания. Как бы там ни было, если целитель не придет в ближайшие минуты, Ройял умрет. Я повторила:

— Прости, Ройял, мне так жаль...

Он мне улыбнулся, и мое сердце облилось кровью.

— Я заставил принцессу сидхе пожалеть обо мне. — Лицо снова исказила гримаса боли, и он выгнулся под моими пальцами.

— Не разговаривай, — сказала я. — Помощь сейчас придет. Он ответил мне выразительным взглядом.

— Мне уже не помочь. — Его голос упал до шепота, и мне пришлось наклониться, чтобы разобрать слова: — Королева Нисевин сделала меня своим заместителем... Дай мне отведать... твои губы и кровь... только раз... До того, как... — Еще один спазм скрутил его,

и сопротивляться на этот раз он не смог. Он скорчился от боли, и боль от этого стала сильнее — он закричал. Кровь побежала быстрее по моим пальцам и насквозь промокшей ткани. Он умирал у меня на руках, и я ничего не могла поделать.

Только почувствовав соль на губах, я поняла, что плачу.

Его глаза распахнулись, но смотрели так отстраненно, словно уже видели то, что живым недоступно.

Губы его шевельнулись, но я ничего не расслышала. Я снова наклонилась и уловила шепот:

— Поцелуй... меня.

Я сделала, что он просил, хотя мне никогда не приходилось целовать такие хрупкие губы. И пока его губы не коснулись моих, словно лепестки туго свернутого бутона, я не почувствовала гламора. Я позволила своей жалости меня ослепить. Жалости и осознанию его скорой смерти. От умирающего не ждешь, что он станет тратить силы на секс. Я предполагала, что поцелуй будет самым целомудренным, какой только возможен, но его магия изменила все.

Он прижался губами к моей нижней губе, и в тот же миг гламор потек по моей коже, как вода теплого озера. Я потеряла возможность дышать, думать, действовать — я могла только чувствовать.

Короткий поцелуй будто заменил часы предварительных ласк. Ладонь коснулась моей обнаженной груди, а в нижнюю губу впилась зубы. Чувства меня обманывали. Его маленькая рука просто не могла доставить такие ощущения — он словно ласкал все мое тело руками такими же большими, как руки любого мужчины. Короткий укол боли оказался последним толчком, завершающей лаской, бросившей меня через край, заставившей кричать от наслаждения. Мне показалось, что его рот стал больше. Что весь он стал больше. В этот миг я поклялась бы, что лежу на любовнике нормального роста, что глядящие меня руки принадлежат человеку или сидхе. Что тело, вжимающееся в меня, не то что обычного, а очень приличного размера.

Я забыла обо всем, кроме ощущения его тела. Руки настойчиво меня исследовали, губы и язык впивались в меня. Мужская плоть стремилась отыскать вход в мое тело. Наверное, я позволила бы ему и его гламору все без исключения, но резкая боль в боку разрушила магию. Я пришла в себя и увидела, что практически легла на Ройяла, насколько это позволяла разница в росте. Боль не прекратилась с исчезновением гламора. Я приподнялась, и боль стала еще сильнее. Опустив глаза, я увидела, что проткнувшая эльфа деревяшка вонзилась мне в бок.

Подбежавшие Гален и Холод пытались меня поднять. Я едва не попросила их отойти от меня, когда щепка выдернулась. Ранка была неглубокой, благодарение Богине, но придется им потом напомнить, что надо было вначале посмотреть, а потом уж меня трогать. Никто из них не привык иметь дело с теми, кому так легко было повредить, как мне.

Гален крикнул:

— Хафвин, Мерри ранена!

— Нет, — сказала я, — это выглядит хуже, чем есть на самом деле. Другим ее помощь нужна больше.

— Ты — принцесса сидхе, а они всего лишь феи-крошки, — заявил Иви.

Я покачала головой:

— Дойл меня вылечит, когда вернется...

Но Галек уже укладывал меня на расстеленный плащ Иви.

— Пусть Хафвин хотя бы посмотрит, — сказал Гален. Я кивнула:

— Если у нее найдется время.

Разумеется, она подбежала тут же. Она встала на колени и стерла кровь тряпочкой, смоченной в чаше с водой, которую принес Китто. Она осмотрела рану, что было больно, и вытащила несколько заноз, что было еще больней.

Гален подставил мне руку, и я сжимала ее, пока Хафвин пальцами удаляла занозы. Где только бывают стерильные пинцеты, когда они нужны? Гален ухмыльнулся и сказал мне:

— Не думал, что ты такая сильная. Вот это хватка! Я невольно улыбнулась, чего он и добивался.

В просвет между Хафвин и Галеном я заметила Ройяла. Эльф лежал совершенно неподвижно, с закрытыми глазами.

Так недавно ласкавшие меня руки бессильно лежали по бокам. Я отвела руки Хафвин:

— Займись Ройялом.

Она недоумевающе посмотрела на меня. Я поняла, что она не знает его имени.

— Ройял, эльф, которому я помогала.

Хафвин послушно повернулась к нему. Но только она протянула к нему руки, как он выгнулся вверх, словно его потянули за невидимую нитку. У него вырвался жуткий вздох, сопровождавшийся криком, пронзившим все помещение. Крик тут же подхватили десятки голосов — все раненые одновременно забились, словно в эпилептическом припадке.

— Что это? — спросил Холод.

Хафвин растерянно качнула головой. Похоже, она тоже не знала. Плохо дело.

Горстка уцелевших эльфов двинулась к сородичам, как будто на помощь. И все они тоже повалились на колени, закричали и забились на полу.

— Это яд? — Адайру пришлось крикнуть, чтобы мы его услышали.

— Не знаю, — пробормотала Хафвин. — Да поможет мне Богиня, но я не знаю.

Из ран на телах фей-крошек фонтанами рванулась кровь. Те, кто не был ранен, тоже корчились и кричали от боли, но кровь у них не текла — ее неоткуда было вызвать. Да, вот на что это было похоже — на действие моей собственной руки власти, руки крови. Только вот я этого не делала, а все прочие этого сделать просто не могли.

Кровь лилась потоками, словно ее выжимали из ран. С последней волной криков и крови из ран вылетели щепки. Как будто плоть сама решила избавиться от чужеродных тел.

Деревяшка, едва не рассекшая надвое Ройяла, вышла одной из последних, потому что была из самых больших и глубже всего засевших.

— Это что, исцеление?! — спросил Холод, перекрикивая вопли фей-крошек.

— Не знаю, — пробормотала Хафвин. — Похоже...

Даже поверив, что происходящее — к добру, наблюдать все это было сложно. Но тут у меня появилась другая забота. Хафвин удалила, оказывается, не все занозы из моего бока. И теперь они начали прокладывать путь наружу.

Гален встревоженно на меня посмотрел: наверное, я опять стиснула его руку. Я покачала головой. Если Хафвин и могла как-то облегчить боль, то я в ее помощи нуждалась меньше других.

У Холода в одной руке был пистолет, в другой — меч. Адайр стоял чуть в стороне от Холода, тоже с оружием наготове. Иви отошел на другой конец комнаты, и его меч тоже был обнажен. Лицо Иви было так серьезно, что он сам на себя не был похож. Трое стражей

полностью контролировали комнату. Они явно решили, что происходящее может быть результатом магической атаки. Я так не думала, но я-то не была телохранителем в отличие от них. Кроме того, у меня и так полно было дел: стискивать руку Галена и стараться не орать в голос.

Две мелкие щепки выбрались наружу, сопровождаемые выплеском крови. Мне казалось, будто из меня пытается выбраться что-то размером с хороший кулак. Я пыталась сдержать крик, ограничиться хваткой на руке Галена, но сохранить неподвижность мне не удалось.

Холод мгновенно оказался на коленях рядом со мной.

— Мерри! — крикнул он.

Кто-то звал Хафвин.

Я протянула куда-то вверх другую руку, и ее схватил Никка. На короткий миг, когда я сжала две их руки — Никки и Галена, — боль отступила, и тут словно весь мир разом задержал дыхание. Мы трое оказались посреди колодца тишины.

— Что это? — спросил Гален. Его я слышать могла.

— Магия, — ответил Никка.

Холод возвышался над нами, высматривая врагов. Бидди бок о бок с ним смотрела только на Никку, но держала меч наготове. Они были готовы меня защищать, но защищать нас нужно было не мечами. Нам нужны были маги, а не воины.

Окружавшая нас тишина начала как будто раздуваться, словно мыльный пузырь перед тем, как лопнуть. И появилась боль. Тысячи кулачков пробивались наружу сквозь мою плоть. Каждый мускул будто стремился оторваться от костей. Меня разрывало на части. Я завопила и повалилась на пол. Другие крики вторили моему, и руки, которые я сжимала, сжимались вокруг моих ладоней с той же силой. Сквозь прищуренные от боли веки я видела, как упали рядом со мной Никка и Гален, крики рвались из их широко открытых ртов.

Кричали не только мы; феи-крошки катались по полу, кровь хлестала из маленьких тел. Потом я скорчилась от боли и смотреть по сторонам уже не могла.

Кровь выплескивалась из раны у меня на животе. Кровь струилась по руке Галена. Плечо Никки превратилось в кровавый фонтан. А потом все прекратилось.

Это было так внезапно, что я решила, будто оглохла. Но тут я услышала тихие стоны и чей-то возглас: "Да поможет нам Мать!"

Гален свалился на меня, не отпуская моей руки. Руку Никки я тоже держала, но видеть его из-за Галена не могла.

Надо мной навис Холод:

— Мерри, ты меня слышишь?

Я дважды пыталась сказать "Да", но когда мне это удалось, голос прозвучал какой-то не мой, сухой и отстраненный.

Кто-то стащил с меня Галена, но руку его я так и не отпустила. Со мной не стали бороться, просто положили его рядышком, и мы все трое лежали бок о бок, глядя в потолок. Женский голос произнес:

— Малыши, посмотрите на малышей!

Какая-то нотка в голосе заставила меня повернуть голову, несмотря на упадок сил.

Ближе всех к нам был Ройял. Он перекатился на бок, свернувшись калачиком от боли. Что-то странное было с его спиной... Мне пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем я поняла, на что смотрю. У него на спине торчали две пары крошечных сморщенных крыльев, мокрых от крови, и они расправлялись прямо на глазах, росли с каждым ударом сердца

Роняла.

— У них крылья! — прозвенел голос Хафвин. — У них у всех есть крылья!

Иви опустился на пол у наших ног:

— Посмотри, что у тебя на животе.

Я почти боялась посмотреть, боялась того, что могла увидеть. Ко это оказалась всего лишь бабочка, точно на месте раны. Тополевая ленточница, точно как та, чьи крылья теперь носил Ройял. Только когда Иви потянулся к ней пальцем, до меня дошло, что она сидит не на мне, а во мне. Бабочка была впаяна мне в кожу.

Я не успела ни испугаться, ни ужаснуться, ничего не успела. Мир вокруг покачнулся, и настала тьма. Во тьме не было ни видений, ни пророчеств — только благословенное забытье.

Я очнулась на кровати такой же черной, как окружавшая меня темнота. Черная ткань красивыми складками ниспадала с черных деревянных перекладин балдахина. Я лениво подумала, что это похоже на кровать королевы, — и страх тут же пронзил меня будто копьем. Просыпаться в постели королевы — не к добру.

Наверное, я дернулась сильнее, чем думала, потому что наткнулась рукой на чье-то плечо. Я подскочила и взгляделась в темноту. Посреди кровати лежал Гален, спокойно и размеренно дыша. Он был обнажен, как и мы. Мы — потому что с другой стороны от Галена лежал Никка. То, что в постели Андаис мы оказались втроем, нисколько меня не утешило.

Я осмотрела комнату: она вся была черная, если не считать зажженного ночника — большого медного светильника в центре комнаты. Почему не светятся стены? Куда подевался свет ситхена?

Во тьме что-то задвигалось, и я напряглась, думая, что это королева, — но ее белая кожа светилась бы в сумраке. Я поняла, кто там, еще до того, как он попал в круг янтарного света. Дойл в плаще таком же черном, как и он сам, миновал освещенную зону и неслышно шагнул к постели.

— Дойл! — Я даже не попыталась скрыть облегчение в голосе.

— Как ты себя чувствуешь? — Низкий голос раскатился по комнате, и от одного его звука утих ужас, подхлестывавший мой пульс.

— Прекрасно. Почему мы здесь?

— Потому что так пожелала королева.

Ответ мне не понравился. Сердце опять тревожно забилося. В темноте кто-то засмеялся — и я едва не задохнулась от страха. Рядом напрягся Гален, и я поняла, что он тоже проснулся. Он не двигался, чтобы не поняли, что он не спит. Я не стала его выдавать, хотя знала, что притворяться все равно бесполезно.

Смешок прозвучал вновь, и принадлежал он не королеве. Мне удалось сделать вдох.

— Кто здесь?

В дальнем углу кто-то зашевелился. Я уловила очертания бледной фигуры — светлые волосы, бледная кожа, белый плащ. Он был настолько же бледен, насколько черна была комната, он будто соткался из этой тьмы, как призрак. Но я знала, что он не призрак.

Света фонаря хватило, чтобы я его узнала.

— Иви, — не слишком радостно буркнула я. Он меня напугал.

— Неужели ты не рада меня видеть, принцесса? А я-то без колебаний пожертвовал ради тебя своим плащом...

— Почему ты забился в угол? И что здесь такого смешного?

— Твой испуг, когда ты поняла, где оказалась. Я сел там, где потемней, потому что ближе к фонарю я бы уже не спрятался — слишком светлая одежда.

Он встал и подошел к кровати — усмешка за время этой короткой прогулки куда-то подевалась, — прислонился плечом к резному столбику кровати и запахнул плащ поплотнее, словно замерз. Волосы, украшенные лозами и листьями, большей частью скрывались под плащом, а вокруг головы образовывали подобие капюшона.

— А остальные где? — спросила я.

— Набирают добровольцев, — ответил Иви.

Гален, лежа на животе, слегка приподнялся, чтобы разглядеть Иви и Дойла.

— Хватит цедить слова в час по чайной ложке. Расскажи толком, что случилось, пока мы спали.

То, что меня испугало, Галена только разозлило.

Я услышала, как отворилась дверь в ванную, а потом в свете фонаря на пороге показался Рис. На нем тоже был плащ, и на виду остались только лицо и волосы.

— Вы многое пропустили, — устало сказал Рис.

Он подошел к кровати, став чуть впереди Иви.

— Настолько много, — подхватил Дойл, — что я не знаю, с чего и начать.

— И почему меня это не успокаивает? — хмыкнул Гален.

— Он не собирался нас успокаивать, — сказал Никка. — Он — Мрак, неумолимый и пугающий.

Я попыталась сесть, и у меня на животе что-то трепыхнулось, Я вздрогнула, глянула вниз и обнаружила, что все это мне не приснилось. Во мне сидела ночная бабочка, точно на месте бывшей раны. Я оперлась на локоть и осторожно потрогала верхние серо-черные крылышки бабочки. Она раздраженно дернулась, блеснув красно-черным великолепием нижних крыльев — кровью и тьмой, превращенными в сияние. Крылья хлопнули мне по животу, и я могла бы поклясться, что почувствовала царапанье под кожей. Я снова потянулась к бабочке — на этот раз к голове с перистыми усиками. Пока я не дотронулась до нее, она сидела спокойно, а под прикосновением распахнула крылья и будто попыталась отпрянуть. Я явственно ощутила ее движение — нижняя часть тела бабочки была утоплена в мою плоть.

Я отдернула пальцы и разглядела на них цветную пыльцу, как будто прикоснулась к настоящей бабочке.

— Да что же это, во имя Дану^[23]?!

— Это ненадолго, Мерри, — сказал Дойл. — Вскоре она станет только рисунком на твоей коже.

— Вроде татуировки? — спросила я.

— Да, что-то близкое.

— А сколько еще она будет вот так двигаться?

— Несколько часов.

— Ты такое видел раньше, что ли?

— Видел, — ответил за него Никка, повернувшись ко мне и тоже опершись на локоть. В ямке между его ключицами белел цветок, очень яркий на темно-коричневой коже. Желтая сердцевинка и пять белых лепестков поднимались над поверхностью тела, но стебель терялся в коже. Как и моя бабочка, цветок был живым и настоящим, но впаянным в тело.

Гален перевернулся на бок и показал мне правую руку. Чуть ниже плеча сидела бабочка размером почти во всю ширину руки. Желтые в черную полосу крылья распластались по руке, словно беззаботное создание сидело на цветке и наслаждалось сладким нектаром.

— Кажется, ее несколько не беспокоит, что она попала в плен, — сказал Гален.

Я уставилась на мою собственную бабочку.

— Но они должны беспокоиться, должны пытаться освободиться! Почему они не хотят улететь?

— Они не настоящие, — сказал Дойл.

— Настоящие, — возразил Никка.

Дойл нахмурился было, но потом кивнул.

— Может быть, слово "ненастоящие" не совсем подходит. Но это не обычные животные, которые страдали бы, лишившись свободы.

Я снова потрогала крылья, и бабочка нервно ими дернула. "Оставь меня в покое", — сказала она так ясно, как только могла. Желудок у меня будто ухнул вниз — таким странным было ощущение чего-то живого, движущегося прямо во мне. Мои прикосновения ее беспокоили. Я снова легла на подушки, закрыв глаза и стараясь дышать ровно, чтобы справиться с этим ощущением.

— В тебе тоже ее ноги шевелятся? — Гален, похоже, был рад этому обстоятельству не больше меня.

— Да, — подтвердила я.

— Не так уж это приятно, — сказал он.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Он выглядел зеленее обычного.

— Перестаньте их гладить, и они успокоятся, — посоветовал Рис.

Я взглядела в переливы черной, красной, серой и даже белой пылицы, измазавшей мои пальцы.

— Что же это за создания?

— Они превратятся в рисунки, — повторил Дойл, — знаки власти.

Я перевела взгляд на него.

— Ты имеешь в виду татуировки, которые когда-то носили сидхе? Но разве они не были скорее похожи на родимые пятна?

— Кое-кто с ними рождался, это верно, но не все.

— Многие приобретали их позднее, входя в силу, — подростками или даже взрослыми, — пояснил Рис.

— Помню, отец мне рассказывал, что люди стали раскрашиваться перед битвой, подражая нашим татуировкам. Знак божества, который должен был их защитить.

— В древности знаки на телах действительно защищали наших последователей, — сказал Дойл. — Защищали лучше всякого оружия, ведь они были проводником силы сидхе, к которому взывал этот знак.

Я заметила, что Дойл говорит официальным, довольно холодным тоном. Он из-за Иви осторожничал, или что-тостряслось?

— Мы были их богами, — вздохнул Рис.

— Богами мы не были, — отрезал Дойл, и голос его стал ниже от гнева. — Мы себя ими считали. Но когда настоящие боги ушли, мы поняли разницу. — Он уставился в темноту, словно смотрел куда-то далеко и на много лет назад. — Люди обнажились перед битвой, нанесли на себя наши символы и были разбиты, потому что в символах больше не было силы.

— Эти кельты здорово упрямые, — грустно хмыкнул Иви. — Раскрашивались еще очень долго после того, как знаки перестали действовать.

— Они думали, что в этом их вина, — сказал Дойл. — Что они недостойны. И они пытались снова завоевать наше одобрение.

Он отвернулся, я видела только сбегавшую по плащу черную косу.

— Это мы были недостойны.

— Так, хорошо, — сказала я. — А с чего этот приступ самоедства? Что я пропустила?

— Он дуется, — ухмыльнулся Рис.

Дойл слегка повернул голову, одарив Риса взглядом, от которого всякий другой сбежал бы с воплями.

— Я не дуюсь.

Рис ухмыльнулся шире.

— Дуешься. Тебя задело, что знаки власти появились на телах Галена и Никки, а не на твоём. Двое, никогда прежде не имевшие татуировок, теперь ими украшены, а мы — нет. — К концу этой фразы его улыбка померкла.

— Никогда не слышал, будто получить отметины — больно. Я думал, они просто возникают.

— И так бывало, — согласился Рис. — Но первые пришли с кровью, и это было чертовски больно.

Мы трое дружно кивнули.

— У тебя знак появился одним из первых? — спросил Дойл, уже без злости, просто с интересом.

Рис кивнул.

— Кромм Круах — последнее из моих имен, а не первое.

И тут Дойл поступил очень невежливо, совершенно не в духе сидхе. Он спросил:

— Кем ты был раньше?

Старые сидхе никогда не задают таких вопросов. Вспоминать о былой славе слишком болезненно.

— Тебе не стоило спрашивать, — сказал Рис.

Дойл церемонно поклонился.

— Я виноват, прости. Я только... — Он разочарованно хмыкнул. — Я вижу, как все вокруг обретают силу, а я остаюсь таким, как прежде.

— Ревнуешь? — спросил Рис.

Дойл закутался в плащ поплотнее и кивнул:

— Похоже. Не только Мерри... Еще и из-за магии.

Кажется, выговорившись, он стал чувствовать себя лучше, или просто в голове у него прояснилось. Потому что он встряхнулся всем телом, как вышедшая из воды собака, и повернулся ко мне с гораздо более спокойным лицом.

— В большинстве случаев татуировки были похожи на мои крылья, — сказал Никка. — Они существовали от рождения.

Я повернулась на его голос, поняв, что меня беспокоило все это время.

— А где твои крылья?!

Он повернулся на другой бок, показав мне спину. Я подумала, что они снова стали татуировкой, но поторопилась. Они еще поднимались над телом, как цветок между ключицами Никки, но уже лежали плоско, словно были на пути к возвращению в прежнее состояние.

— Они опять станут рисунком? — спросила я.

— Возможно, — ответил Рис.

— Никто не знает, — сказал мне Никка.

— Вы с Галеном что, проснулись раньше меня?

— Нет, — улыбнулся Гален, — мы вырубались позже.

Я очень осторожно отклонилась на спинку кровати. Бабочка взмахнула крыльями, мелькнув вспышкой цвета, и снова прикрыла сияющее великолепие черно-серыми верхними

крыльями. Отдыхая, совки стремятся слиться с древесной корой. Не ее вина, что, попавшись в белизну моей кожи, бабочка стала так заметна. Но теперь она нервничала из-за своей незащитности — а значит, двигалась. Одним из постоянных стремлений моей жизни теперь будет не напугать ее. Не хотелось бы мне ощутить, как она станет вырываться по-настоящему. Боюсь, что в таком случае меня просто стошнит. Принцессе не положено выказывать страх, а уж тошнота... Нет, это совсем не подобает королевским особам.

Дойл, видимо, понял мои затруднения и помог мне подоткнуть подушки под спину и голову, чтоб я могла сидеть, не слишком перегибаясь в животе.

— Как там Ройял и остальные феи-крошки? — спросила я.

— Твой эльф в порядке, хотя он единственный не улетел отмываться от крови. Обязательно хотел остаться и убедиться, что с тобой все будет хорошо.

Я попыталась разглядеть что-нибудь в темноте:

— Он здесь?

— За дверью, с Адайром и Готорном.

Иви обвил кроватный столбик бледной рукой, блеснув полоской тела. До меня дошло, что он должен был остаться голым, когда отдал мне свой плащ, но тогда я и не заметила его наготы — посреди моря крови и корчащихся тел.

— Он зовет тебя своей бело-красной богиней. — Интонации Иви звучали вроде бы шутливо, но одновременно — пугающе серьезно. Улыбка, не затрагивающая глаз.

— Я никому не богиня.

— Не уверен, — сказал Иви, плотнее принякая к столбику. Теперь только резное дерево мешало мне увидеть его наготу. — Бывало, нас обожествляли и за меньшее.

— Давно, — буркнул Дойл. — И далеко отсюда.

Иви пожал плечами.

— Мы тогда были на земле фейри и теперь — на земле фейри. Что значит расстояние, Мрак?

— Где остальные? — спросила я.

— Китто, Холод и еще кто-то ушли за едой для вас, — сказал Дойл.

— Распоряжение Галена: никто не ходит в одиночку. — Рис пожал плечами. — Неглупо придумано. Так что теперь мы везде ходим по трое.

— Но у нас для такого людей не хватит, — удивилась я.

— Теперь — хватит, — сказал Рис.

— Каким образом? — нахмурилась я.

— Королеву удалось убедить, что нам нужны не только боги растительности.

— А почему тогда здесь так пусто? — спросила я.

— Нас тебе недостаточно? — поинтересовался Гален.

Я улыбнулась:

— Не в том дело. Просто, когда все на виду, я знаю, что с ним все в порядке.

— Да, а почему у нас с Мерри появились бабочки, а у Никки — цветок? — спросил Гален.

— У Никки крылья и так есть, — предположил Рис. С этими словами он шагнул вперед, и я заметила что-то не то у него под плащом.

— Это что, повязка? — спросила я.

Рис распахнул плащ: правая рука действительно была на перевязи.

— Что случилось?

— Во-первых, мы убедились, что временные фокусы происходят только в нашем холме. За пределами нашего ситхена время так ползет, что полицейские, наверное, еще не добрались до своей лаборатории.

— Давай сразу ко второй части. Как тебя ранили? — спросила я.

— Мы возвращались домой, когда трое благих предложили нам остановиться поболтать на минутку.

— Вряд ли они выразились именно так, — усомнился Никка.

— Уж больно вежливо для них, — согласился Гален. Он лег на бок, опираясь на локоть. Правую руку он тщательно оберегал, чтобы не потревожить бабочку.

Рис широко улыбнулся.

— Ну, в общем, они нас остановили и особенно хотели потолковать со мной. — Улыбка стала чуть менее веселой. — Командовал я, и моя вина, что они застали нас врасплох. — Он искоса глянул на Дойла. — Моих людей могли убить.

— Убить?! — переспросила я.

— Они воспользовались холодным железом.

— Шутишь! — выдохнул Гален.

Рис прислонился поудобнее к спинке кровати и покачал головой. Вид у него был мрачный.

— Для нас это было неожиданностью.

— Вот за это ты себя не ругай, — заметил Дойл. — В мелких стычках между дворами холодное железо не используется. Его приберегают для войны, а войны сейчас нет.

— Пока нет, — поправил Рис.

— В смысле — пока? — спросил Гален.

— Тебя ранили холодным железом? — спросила я.

Сначала он ответил на мой вопрос.

— Меня атаковал один из них. Поединок был равным, трое на трое, и мы не понимали, что дело серьезней, чем кажется, пока они не зашли слишком далеко. — Рис мотнул головой. — Если б я не преподнес им сюрпризик, могло бы кончиться хуже.

— Какой сюрпризик? — спросила я.

— Смертельное прикосновение. Правда, у моего противника была защита. У меня вся рука онемела. Хорошо все же, что здесь торчала целая стая целителей. Раны от меча и секиры они вылечили, но вот руку... Они ее подвесили на перевязь и велели ждать, пока не пройдет. Я постепенно начал ею кое-что чувствовать — когда иголкой колют, по преимуществу, — но был счастлив почувствовать хоть это.

— А что случилось с тем благим? — спросил Никка.

— Они его уволокли бесчувственного. Как минимум пару дней проваляется.

— А почему он не умер? — спросила я.

— У гоблинов собственной магии нет, а вот у сидхе — есть, — сказал он так, словно это все объясняло.

— Они сказали хоть, почему хотели вас убить? — спросил Гален.

Рис опять вздохнул.

— Одна из их знатных дам обвинила меня и еще двоих в том, что мы ее изнасиловали.

— Что?! — Я подскочила в кровати и тут же оборвала движение, вспомнив про бабочку.

— Она что, свихнулась? — спросил Гален.

— Не знаю, — ответил Рис, — но говорили они вполне серьезно.

— А кого еще она обвиняла?

— Галена и Аблойка.

— Но почему? — не понимала я.

— Это нам неизвестно, — сказал Дойл. — Но вряд ли леди решилась выдвинуть столь страшное обвинение по собственной инициативе.

— Таранис? — догадалась я.

— Называй его имя пореже, — попросил Рис. — На всякий случай. Не хотелось бы, чтобы нас подслушали.

— Я не думаю, что он может слышать, когда произносят его имя, — сказал Дойл.

— Сделай мне такое одолжение, — пожал плечами Рис.

Дойл кивнул:

— Ладно. Я считаю, что он как-то инспирировал это дело.

— Но для чего? Что это ему даст? — спросила я.

— Узнаем, как только вы поедите, — сказал Дойл.

— Как это — узнаем?

— Королева выразила желание, чтобы ты присутствовала при ее разговоре с Таранисом о последних событиях.

— Кажется, люди Тараниса думали, что мы просто позволим им себя арестовать, — сказал Рис. — Что мы попросту отдадимся на милость правосудия благих. — Рис язвительно расхохотался. — Правосудие? Для неблагих при Благом Дворе? Не смешите меня.

— Они все еще считают, что к нашему двору стекаются одни уроды и монстры, — заметил Дойл.

— Никак этого не пойму, — удивился Гален. — Они же могут на нас посмотреть и убедиться, что мы ничем от них не отличаемся.

— Они полагают, что мы скрываем уродства под одеждой, — пояснил Дойл.

Гален поднял бровь:

— Королева почти всегда отвечает на их звонки в окружении толпы обнаженных стражей. Любой, у кого есть глаза, увидит, что каши тела безупречны до последнего дюйма.

— О, но это всего лишь созданная нами нечестивая иллюзия, — хмыкнул Рис. — Видишь ли, мой зеленый друг, благие предпочитают быть сосланными в мир людей, чем перейти к нашему двору, а знаешь почему? В основном — из-за глубокого убеждения, что пребывание при темном дворе уродует, искажает и извращает. Многие верят, что у нас у всех — рога, копыта и чудовищные фаллосы.

— Ну... Немаленькие... — начала было я, но выражение лица Риса заставило меня проглотить шутку.

— Они не о размерах говорят, Мерри, а о форме. Они изображают нас монстрами, потому что стоит благим поверить, что мы от них не отличаемся... — Он пожал плечами. — Им не надо было бы терпеть эту дрянь на троне. У них было бы куда уйти, кроме как в мир людей.

— Андаис они тоже боятся, — возразил Дойл. — И она подстегивает их страх, появляясь в зеркале окровавленной или посреди оргии.

— Мне довелось побеседовать с королем по зеркалу, Дойл, — напомнила я. — Прикосновение плоти стражей помогает сохранять рассудок и защищает от магии Тараниса. Наверное, пытки действуют на королеву так же ободряюще, как секс.

Дойл кивнул.

— Да, это один из способов сопротивляться его магии.

— Я еще не присутствовала при беседе двух монархов, — сказала я. — Это очень страшно?

— Скорее неудобно, — ответил Рис.

— В каком смысле неудобно?

— Король попытается очаровать нас всех, включая королеву. Она будет пытаться разбудить в нем вождение. А свое окружение она использует в качестве отвлекающего фактора — и для себя, чтобы не поддаться королю, и для короля тоже.

— Нам надо предупредить ее, чтобы вы не сверкали вашими новыми друзьями, — припомнил Рис.

— То есть?.. — Я показала на бабочку. Он кивнул.

— Ему не доставит удовольствия, что у нас знаки появились, а у его народа — нет.

— Королева уже нас видела?

— Она сюда приходила и видела все, что могла, — сказал Дойл.

— Почему это звучит так зловеще?

— Она очень воодушевилась, — очень сухо проговорил Рис.

— Что мы пропустили?

— Вам же лучше, что вы это пропустили.

Дойл кивнул.

— Не удивляйся, если твоя тетя предложит тебе как-нибудь навестить ее постель. — Он нахмурился. — Странно, впрочем, что она сняла запрет с Никки и Бидди. Они вольны заняться сексом, как только он будет достаточно хорошо себя чувствовать. Все это очень ее порадовало. Взорванная стена, выбитая дверь... Окрылившиеся феи-крошки. Водоем без воды. Она, похоже, пришла в...

— Экстаз, — закончил Рис.

Я вздрогнула, и бабочка взмахнула крыльями, словно почувствовав мое беспокойство. Ее тельце опять напряглось. Мне показалось, что я чувствую движение ее ножек у себя под кожей. Пришлось сделать несколько плотательных движений, чтобы желудок слегка успокоился.

— Опять зашевелилась? — сочувственно спросил Гален.

Я кивнула.

— Мне не нравится, когда она скребет ножками.

Я опять кивнула.

— Не переживайте, — подбодрил нас Рис. — Они недолго буду ими активными.

Отворилась дверь, в нее просунулась голова в шлеме.

— Ужин принесли, Дойл, — сказал Адайр и добавил, взглянув на меня: — Приятно видеть, что ты пришла в себя, принцесса.

— Это и чувствовать приятно, — ответила я. Я хмуро оглядела комнату. — Хотя немножко света не помешало бы.

Со стен тут же полился свет, обычный свет ситхена, вездесущий и неизвестно откуда бравшийся.

— Ой-ой, — сказал Рис.

— Что? — спросила я.

— Когда в твоей комнате погас свет, он погас везде, — объяснил Дойл.

— И что мы ни делали, он не загорался, — добавил Рис. Я проглотила непонятно откуда

взявшийся комок в горле:

— Пока...

— Пока ты не попросила побольше света, — сказал Рис. — Да-а, королева будет испытывать весьма противоречивые чувства по поводу новоявленной влюбленности ситхена в тебя.

— И какие?

— Радость из-за твоей силы и бешенство из-за того, что ее саму ситхен больше не слушается.

Я облизнула пересохшие губы.

— Довольно, пусть поедят.

Дойл велел внести еду.

Китто втащил поднос, а прочие принесли напитки. Холод был первым в веренице стражей, несших только оружие. Он посмотрел на меня и улыбнулся так, как улыбался мне одной. Если у него и были какие-то заморочки насчет наших новых "татуировок", как у Дойла, то внешне ничего не проявлялось. Может, он просто был слишком рад видеть меня в сознании. А может, он меньше беспокоился о силе и власти, чем Дойл. Или, может, я не настолько хорошо понимала двоих моих мужчин, как мне казалось. Я — и не понимаю мужчин моей жизни? Да, в это я могла поверить.

Мяса в рагу хватало в избытке, сок был густым и темным, с легким привкусом темного пива, компенсирующим сладость лука. Мэгги-Мэй знала, что мне нравится, а это блюдо входило в число моих любимых еще до того, как мы с отцом покинули волшебную страну ради мира людей. Мне тогда было шесть лет. В глазах у меня защипало, и горло сдавило. Рагу было точно таким, как всегда. Как хорошо, что есть вещи, которые не меняются, которые всегда остаются такими, как были.

— Мерри, — позвал Гален, — ты плачешь?

Я отрицательно качнула головой, но потом кивнула.

Он обнял меня за плечи той рукой, на которой не было бабочки, притянул поближе. Наверное, я слишком перегнулась в талии, потому что моя собственная бабочка возмущенно затрепыхалась. От ощущения ее возни рагу тяжело бултыхнулось в моем животе. Я села очень прямо. У меня и так неплохая осанка, но до тех пор, пока бабочка не превратится в татуировку, горбиться мне никак нельзя.

— У тебя что-то болит? — спросил Дойл.

Я покачала головой.

— Ты поморщилась как от боли.

— Бабочке не нравится, когда я горблюсь. — Голос у меня был много суше, чем глаза.

По голосу никто не догадался бы, что я плакала.

Китто отвлекся от сервировки стола и тронул пальцем мою щеку. Когда он отнял палец, на нем блистала слезинка. Китто поднял палец к губам и слизнул каплю влаги.

Я невольно улыбнулась, и от улыбки слезы полились быстрее, словно серьезностью я удерживала слезы.

— Рагу — одно из любимых моих блюд. И оно такое же. Все вокруг изменилось, а оно нет. И я не уверена уже, что все перемены — к лучшему.

Я прислонилась к теплому плечу Галена, посмотрела на остальных — и вдруг поняла, чего мне хочется.

— Поцелуйте меня, — сказала я.

— К кому ты обращаешься? — спросил Холод.

— Ко всем вам.

Гален наклонился ко мне, и я подняла лицо ему навстречу. Наши губы соприкоснулись, и мое тело среагировало самопроизвольно. Руки метнулись вверх и обняли Галена. Пальцы скользили по его теплой наготе — это не было прелюдией к сексу, просто дважды за один день я думала, что тьма поглотит одного из нас или обоих сразу, и мы никогда уже не обнимем друг друга по эту сторону могилы.

Мы целовали друг друга, его руки сжимали меня нежно и твердо, и слезы из моих глаз полились быстрее.

Гален прервал поцелуй, но прижал меня еще крепче, повторяя:

— Не плачь, Мерри, ну что ты...

— Пусть выплечется, — сказал Рис. — Не так уж плохо, когда женщина проливает по тебе слезы.

Он шагнул ко мне и вытер мои слезы здоровой рукой.

— Есть здесь парочка слезинок ради меня?

Я молча кивнула и тронула повязку у него на руке. Он пошевелил пальцами.

— Это пройдет.

Я опять кивнула.

— Я послала тебя в метель и даже не сказала "До свидания". Он нахмурился, в единственном глазу отразилось недоумение.

— Ты не настолько меня любишь, чтобы лить слезы из-за того, что не поцеловала на прощание. — Он вытер мне вновь показавшиеся слезы, все еще хмурясь.

Я вгляделась в его лицо, в шрамы, заместившие глаз задолго до того, как я появилась на свет. Провела пальцами по избороздившим кожу рубцам. Я положила руки ему на плечи, притянула его к себе и поцеловала тонкую кожу шрамов на месте глаза.

Я зарыдала сильнее при мысли, что он прав, что я недостаточно люблю его. Я не понимала, почему эта мысль была так горька, просто чувствовала что-то неправильное. Неправильно, что я послала его в холод и тьму и даже не побеспокоилась сказать несколько слов на прощание. Если кто-то рискует жизнью ради тебя, разве это не должно тебя волновать? Разве не стоит это чего-то большего?

Я нежно поцеловала его в губы. Он ответил на поцелуй еще неуверенно, еще недоумевая, и тело его было напряжено и неподатливо. Я вцепилась в отвороты его пиджака и с силой потянула на себя, заставив его опереться о кровать здоровой рукой.

Я поцеловала его так, словно хотела забраться внутрь него. Рис поддался напору моих губ и ответил мне с той же яростью. Он позволил мне стащить себя на кровать, на меня, хотя перевязанная рука доставляла ему неудобства, прижался ко мне всем телом. Но меня раздражала его одежда, мне хотелось ощущать его нагсз тело. Чтобы убедиться, что он — настоящий и живой и что все хорошо. Что он не страдает из-за того, что он не на первых ролях в команде. Из-за того, что он — не самая большая моя любовь и все же должен рисковать ради меня жизнью. Я хотела обнять его и сказать, как мне жаль, что мое сердце не бесконечно, что оно не может вместить всех, и больше всего — как мне жутко, что он мог погибнуть в снегу, в ночи, и мы бы даже не знали об этом. Что я не знала бы. Богиня предупредила меня, когда помощь потребовалась Галену и Баринтусу, но Рис как будто не стоил в ее глазах такой траты сил.

Мне уже никогда не отправить его куда-то с поручением без мысли, что я, возможно, отправляю его на смерть. Я вытасила его рубашку из брюк — мне нужно было касаться его. Мне нужно было сказать ему руками и телом, что он что-то значит для меня. Что я по-настоящему его вижу. Что я не хочу, чтобы он умирал во тьме, а я не могла бы побежать ему на помощь.

Он оперся на здоровую руку, и я смогла распахнуть его рубашку. Я хотела водить руками по бледной коже, но Рис упал на меня, жадно прижимаясь губами к моим губам. Я забыла о бабочке, я вообще обо всем забыла, кроме ощущения его вжимавшегося в меня тела.

Боль, острая и внезапная, тонкими иглами пронзила кожу на животе. Рис чертыхнулся и отпрянул, словно что-то его укусило. Может, и правда укусило.

Он выпрямился, стоя на коленях, и посмотрел на свой живот. На нем красовался кровавый оттиск моей бабочки. Рис потрогал насекомое — оно было плоским, двухмерным. Кожа по краям от рисунка воспалилась, но изображение выглядело вполне отчетливым.

Все стражи столпились вокруг Риса. Гален спросил:

— Это же не такая штука, как у нас троих?

— Нет. — Дойл едва ощутимо дотронулся до рисунка, и даже от такого легкого

прикосновения Рис вздрогнул.

— Ох... — сказал Рис.

Дойл улыбнулся:

— Или бабочке не понравилось, что ты на нее повалился, или...

— Да, — твердо сказал Холод.

— Не может быть, — выдохнул Готорн.

— Что — не может быть? — спросил Гален.

— Зов. — Дойл вытащил футболку из штанов. Я уже собралась напомнить, что сначала кобуру нужно снять, а потом только футболку, — но он оставил руки в рукавах, а футболку вывернул через голову, обнажив грудь и живот.

— Что за зов? — спросила я.

— О чем ты думала в момент, когда поцеловала Риса? — ответил вопросом Дойл.

— Что я не хочу отпускать его во тьму и не иметь возможности его найти.

Рис соскользнул с постели. Кажется, движение причинило ему боль, но он воспользовался обеими руками. Он это тоже заметил, потому что вынул руку из повязки и пошевелил пальцами:

— Здоровая.

Он перевел взгляд на рану на животе, а потом опять на меня.

— Одинаковые татуировки — плохая примета для личных отношений... — Он пытался пошутить, но выражение лица не соответствовало легкомысленным словам.

Я потрогала свою бабочку: прикосновения ее по-прежнему раздражали, она дергала крылышками.

— Еще живая.

Дойл забрался на постель, но я попятилась от него.

— Объясни сначала! — Я выставила руку вперед, чтобы удержать его на расстоянии.

— Может, твой знак силы просто отметил так свое раздражение. Такое случается. — Дойл навис надо мной на четвереньках, но еще не касался меня. — А вот если это зов, то ты сможешь осуществить свое желание. Ты сумеешь найти Риса хоть под землей, хоть под водой. Достаточно о нем подумать — и знак приведет тебя к нему. Иногда знак может предупредить, если призываемый в опасности или ранен.

— Настоящий зов может многое, — заметил Холод.

— К настоящему зову никто не был способен на протяжении веков, — сказал Готорн.

— Как вы можете сомневаться? — воскликнул Адайр. Он снял шлем, и я увидела его радостную улыбку. Он казался таким уверенным во всем... — Она — наш амерадур!

Дойл попытался лечь на меня, но я уперлась в него рукой. Мне нужно было кое-что выяснить, прежде чем мы продолжим наш маленький эксперимент. Но едва я коснулась его голой груди, меня пронзила резкая боль. Боль не в руке, а в груди — точно в том месте, где я касалась Дойла. По его груди, чуть пониже серебряного кольца, побежала кровь. Мрак на боль никак не среагировал, разве что глаза стали чуть напряженней.

— Один ответ мы получили. — Никка подвинулся дальше на край постели и раскинулся там в вольной позе. — Дело не в том, что знак силы не желает, чтобы его трогали.

Дойл наклонился и коснулся моих губ коротким поцелуем. Это сошло без последствий, и меня отпустило напряжение, которого я сама до этой минуты не осознавала.

На темном лице сверкнула яркая улыбка.

— Ты хотела, чтобы тебя поцеловали.

— Какого черта ты так рад? Это жутко больно!

Улыбка померкла.

— Я совсем не рад, что причинил тебе боль, Мередит, но то, что ты можешь нас отметить, — это великолепно.

— Почему? — спросила я.

— Потому что доказывает твою силу. — Рис довольным не выглядел. — Когда-то я мог отмечать других, но когда я пошел на службу к королеве, она поставила на меня свою отметину. Потом и этот знак исчез, и вообще знаков больше не было. Ничего похожего на это. — Он осторожно провел пальцами по воспаленной коже.

— Хотите я вас перевяжу? — негромко спросила Хафвин.

— Да, пока не спадет воспаление, — ответил Дойл, поднимаясь.

— Королева обрадуется, а вот остальные... — проговорил Готорн. — Всегда бытовало мнение, что такие отметины — знак подчиненности, служения тому, кто выше тебя. Что эта отметина говорит: я ношу знак своего хозяина.

Доспехи и шлем он так и не снял. Я посмотрела на него:

— Ты тоже так думаешь?

— Когда-то думал.

Холод закатал рукав пиджака, обнажив предплечье.

— Если знаки действуют как им положено, то пусть лучше они будут там, где их легко увидеть. Они могут передавать сообщения, предупреждать. Как бы я ни хотел прижаться к тебе всем телом, знак я предпочту иметь на руке.

Дойл вздохнул.

— Гораздо умнее, чем на груди. Я не подумал.

— Ты поддался очарованию ее красоты и обещанию власти.

Дойл снова вздохнул.

— Да.

Холод протянул ко мне руку. Я осторожно села, опасаясь потревожить бабочку.

— Почему мне всякий раз больно? Это же не у меня появляются знаки.

— У тебя знак уже есть, — напомнил Холод. — Что до боли... — Он мягко улыбнулся, в глазах светилось знание, мне пока недоступное. — Ты должна знать, Мерри, что никакая сила не дается даром.

Я хотела бы возразить, только возразить было нечего. Он был прав. Я посмотрела на его белую мускулистую руку, собираясь с силами, глубоко вдохнула и положила ладонь ему на предплечье. Он зашипел сквозь зубы.

Я на миг замерла, не способная издать ни звука, потом дыхание вернулось с шумным вздохом. Я взглянула на Галена и Никку, по-прежнему лежащих в кровати.

— У нас у троих есть знаки. Что будет, если мы прикоснемся друг к другу?

— Давай сегодня выяснять не будем, — попросил Дойл. — Я не представляю, чем это кончится сейчас, когда они такие... новенькие.

Китто подошел к Холоду.

— Я бы с радостью носил твой знак, Мерри.

Мне пришлось улыбнуться. Если отметины и вправду могут помочь проследить за каждым из нас, то Китто нельзя оставлять без знака.

— Тогда давай руку.

Он протянул руку без малейшего сомнения. Я коснулась рукой его предплечья. Он

зашипел, как рассерженный кот, но не отдернулся. Когда я отняла руку, у него на коже исходила кровью моя бабочка. Я потеряла собственное предплечье.

— Давайте сменим руку для следующего, ладно?

— А кто будет следующим? — спросил Иви. — Ничего личного, принцесса, но я соглашался на секс, не на рабство.

— Что ты имеешь в виду под "рабством"? — нахмурилась я.

— Отметины означают, что мы — твои люди, — сказал Дойл. — Это свидетельство того, что Богиня выбрала нас для тебя.

— Так это получится не со всеми? — уточнила я.

Он покачал головой.

— Только с теми, кто воистину предназначен быть твоим.

— Моим — в каком смысле?

Дойл нахмурился.

— Я не уверен в определении. Порой появляется воин — именно тогда, когда он нужен, — и дает тебе клятву. Иногда — пророчица... В любом случае это именно тот или те, кто нужен тебе для успеха, в чем бы он ни заключался.

— Знаки начинают собирать народ лишь в случае крайней необходимости, — заметил Рис.

— Но если знак появился, его не стереть, — сказал Готорн.

— Знаки королевы стерлись, — напомнила я.

— Об этом лучше не упоминать вслух, — сказал Рис. — За пределами этой комнаты — точно.

— Я с радостью дам обет принцессе, — заявил Адайр. Он положил шлем на прикроватный столик и принялся расстегивать латную перчатку. Холод пришел ему на помощь. Снимать и надевать доспехи легче, когда тебе помогают.

Я прижала ладонь к обнаженной руке Адайра, но ничего не произошло.

— Черт, — выразился Рис.

Дойл кивнул.

— Чтобы попасть в свиту Андаис, чтобы доказать свое право носить ее знак, нам приходилось драться.

— Не думаю, что право носить знак Мерри можно заслужить дракой, — сказал Холод.

— А это важно — отметить его именно сегодня? — спросил Гален.

— Королева вскоре заберет Мерри, чтобы говорить с Таранисом, — напомнил Холод.

— Мне будет спокойней, если мы убедимся хотя бы в одном. Если Мерри возляжет с Адайром и его кожа и после этого не примет ее знак, то, возможно, она призвала уже всех, кто нужен ей для победы. — Дойл подошел к другой руке Адайра, чтобы поскорее освободить его от доспехов. Холод, помедлив мгновение, присоединился к нему. Одну деталь за другой они снимали латы с Адайра, открывая тело и белье, которое не давало металлу натирать кожу.

Адайр в изумлении переводил взгляд с Дойла на Холода и наконец спросил:

— Вы надо мной смеетесь?

— Нет, — сказал Дойл, вместе с Холодом трудясь над скреплявшими кирасу шнурами. Двое мужчин дружно вытряхнули Адайра из большей части узорных лат. На боку у него еще красовалась повязка: Хафвин поберегла силы и не стала полностью залечивать его рану.

— Я не слишком легко делюсь Мередит, — пробурчал Холод, снимая с Адайра остатки

брони и берясь за окровавленную и прорезанную поддевку. — Но вдруг нам не хватит в битве одного сильного воина? — Он тряхнул головой, так что его волосы сверкнули серебром в неярком свете. — Я не позволю себе из ревности поставить в опасность ее жизнь или жизнь моих братьев.

Холод посмотрел на еще кровоточащую рану у себя на руке.

— Мередит — богиня плодородия среди прочего, и именно здесь лежат корни ее силы. Драка не принесет тебе ее знак.

Они с Дойлом одновременно отступили, дав Адайру самостоятельно освободиться от оставшегося белья.

— Заслужи милость леди, если сумеешь, — сказал Холод, и в его голосе почти не различалась злость. Он очень старался.

Адайр бросил последний отчаянный взгляд на Дойла.

— А что, если знак и тогда не появится?

— В любом случае ты прервешь свой долгий пост и допьяна напьешься нашей госпожой. Потому что она — наша госпожа. Будет ли она и твоей госпожой — еще неизвестно.

С этими словами он сделал шаг назад, как и Холод с другой стороны. Гален и Никка убрались из постели. Никка улыбнулся:

— Это большая постель, но в первый раз нужно быть либо с тем, с кем хочешь ее делить, либо только вдвоем.

Тут я заметила, что Бидди с нами не было. Я открыла рот, чтобы спросить, где она, но Адайр уже стоял у кровати. Обнаженный. Наверное, он разделся, пока я смотрела на Никку.

Я уже видела его обнаженным, и совсем недавно. Королева позаботилась, чтобы он вышел мне навстречу без единой нитки на теле, не считая оружия. Андаис никогда не отличалась тонкостью в намеках, а она хотела, чтобы я переспала с возможно большим числом растительных богов. Не знаю, о чем она думала — что голыми мы быстрее перейдем к делу или что вид его наготы меня возбудит? Сейчас он был так же красив, как и тогда. Я думала увидеть в его глазах желание или хотя бы нетерпение, но он смотрел в пол и никакого вожеления не выказывал.

Я дотянулась до его руки. Он никак не отреагировал, не сжал мою руку, но и свою не отдернул.

— Что случилось, Адайр? — спросила я.

— Я очень долго не был с женщиной, — ответил он и снова опустил взгляд.

— Она будет очень нежной, если тебе это нужно, — сказал Никка от подножия кровати.

— Или не будет, — чуть усмехнулся Дойл.

— Она будет такой, как тебе нужно, — объяснил Холод. — В этом ее магия.

— Часть ее сущности, я бы сказал, — добавил Дойл.

Адайр озадаченно на них посмотрел:

— Что же она такое?

— Она — плодородие земли, — ответил Дойл.

— Она обладает руками крови и плоти, — возразил Готорн, — это темные силы!

— Да ну тебя, Боярышня^[24]! — поморщился Рис. — Кровь и плоть давали силу злкам столько же времени, если не дольше, чем секс.

— Не зови меня так, — сказал Готорн.

Рис пожал плечами.

— Ладно. В общем, в ней соединяются силы обоих дворов.

— Богиня сочла нужным разделить между дворами власть над разными проявлениями плодородия, — возразил Готорн.

— Что Богиня пожелала разделить, она же может и объединить, — ответил Дойл.

Я сжала руку Адайра. Он повернулся, бросив на меня испуганный взгляд, и снова уставился в пол.

— Я не причиню тебе вреда, обещаю.

Он ответил, не поднимая глаз:

— Я скорее боюсь повредить тебе.

Холод расхохотался.

Все вокруг повернулись к нему. Он встряхнул головой.

— Помнишь, что я сказал тебе в первую ночь? — спросил он меня.

Я улыбнулась и кивнула:

— И что было потом, тоже помню.

— Ты не причинишь ей вреда, Адайр. Разве ты не видел, что вытворяли в коридоре они с Мистралем?

Адайр облизнул губы и стрельнул в меня еще одним взглядом.

— У вас первый раз тоже был при зрителях?

— А, — сказал Холод, и лицо его стало почти умиленным.

Дойл облек его мысли в слова.

— Мы все были на твоём месте. Веками не прикасаться к женщине... Каждый из нас сомневался, не забыл ли он, как доставлять удовольствие кому бы то ни было, в том числе и себе самому. — Он хлопнул Адайра по плечу. — Не скажу, что с практикой мы не усовершенствовались, но в первый раз мы все тоже справились, и ты сможешь.

— Мне кажется, ему хочется поменьше зрителей, — сказала я.

— Кому ты предложишь остаться? — спросил Дойл.

— Решите вы с Адайром.

Адайр наградил меня удивленным взглядом.

— Ты позволишь мне решать, кому остаться и кому уйти?

— Большинство из присутствующих — мои друзья и любовники, но с тобой они в других отношениях. А удовольствие должен получить ты.

— Я хочу, чтобы и ты получила удовольствие.

Я улыбнулась.

— Я тоже. Я имела в виду, я не раз уже наслаждалась так, как того хотела. Я хотела бы, чтобы этой ночью ты наслаждался так, как тебе хочется. — Я села прямей, оторвавшись от бортика кровати. — Как ты меня хочешь? Что ты хочешь сделать со мной? Какое желание или фантазия больше всего тебя донимают? О чем ты больше всего тосковал?

Он наконец посмотрел на меня по-настоящему, не просто бросил взгляд искоса. Его глаза блестели, и не от магии.

— Обо всем.

Он отвернулся, чтобы я не видела его слез.

— Все — это крупная заявка, — сказала я, — а нас вот-вот позовет королева.

Его плечи ссутулились, будто я его ударила.

Я сжала его ладонь и мягко потянула его к постели.

— Заявка крупная, но я сделаю все, что сумею.

Он повернулся ко мне, в глазах отражалось недоверие. Он просто не верил, что я говорю правду. Он не верил, что я не причиню ему боли, что не посмеюсь над ним, что удовлетворю ту часть его личности, над которой так долго измывалась Андаис.

Я встала на колени и притянула его к себе, взяв за плечи.

— Поцелуй меня, пожалуйста.

— Пожалуйста, — повторил он и поднял ко мне глаза, блестящие от слез, но злые. — Ты говоришь "пожалуйста". В чем здесь подвох?

— Я говорю "пожалуйста", чтобы ты знал, что это не приказ. Я прошу поцеловать меня, потому что хочу, чтобы ты меня поцеловал, но только если и ты этого хочешь.

Он оглянулся на остальных мужчин:

— Она понимает, что это для нас значит, когда нас просят?

Большинство присутствующих кивнули.

— Понимает, — сказал Дойл.

— Потому она это и говорит, — добавил Никка. — Она чувствует, что нам нужно.

Адайр опять посмотрел на меня.

— Чего ты от меня хочешь?

— Только то, что ты хочешь дать.

Он потянулся ко мне, всхлипнув, но стоило нашим губам соприкоснуться, и всю неуверенность будто рукой сняло. Его губы мяли мне рот, пальцы впивались в предплечья. Он забрался на постель и заставил меня лечь на спину, лег на меня сверху и обнаружил, как и большинство стражей, что он для меня слишком высок. Тело его потяжелело от желания.

Адайр нависал надо мной, прикладывая массу усилий, чтобы нигде меня не коснуться. Я вспомнила, что вчера, когда мы встретились впервые, его магия ответила моей. Что даже от относительной близости, когда я была полностью одета, его и моя магия содрогнулись одновременно. Сейчас же он словно был куском льда. Нет, руки у него были теплыми, и сам он был не менее жив, чем любой мужчина, но его магия будто была спрятана за семью замками.

Я обвела его взглядом, всю его кожу цвета солнца, пробивающегося сквозь листву, — того чудесного золотистого оттенка, какого людям не добиться никаким загаром. Поцелованный солнцем — так это зовется у сидхе, и так оно и есть. Взгляд вернулся к лицу, к тройным краскам его глаз. Внутреннее кольцо из расплавленного золота, потом круг бледно-желтого солнечного света и последний, самый широкий, — оранжево-красный, как лепестки настурции. Каштановые волосы были острижены так коротко, что лицо его казалось более обнаженным, чем тело, словно вместе с волосами королева отняла у него нечто более существенное.

Глядя ему в глаза, я спросила:

— Ты закрываешь от меня свою магию. Почему?

— Мы едва коснулись друг друга, и вода снова наполнила исцеляющий источник. Что случится, если мы позволим себе большее?

Я смотрела в его лицо, в его глаза и видела... страх. Не трусость, но боязнь неизвестности и еще что-то. Страх того рода, какой испытываешь, находясь на гребне волны, — страх, смешанный с восторгом. Ты хочешь броситься вниз вместе с ней, хочешь отдаться на ее волю, но искушение не уничтожает страх. Уменьшает, может быть, но не избавляет от него совсем.

— Не хотелось бы заострять на этом внимание, — сказал Рис, — но королева может

прислать вызов в любой момент.

— Не раньше, чем она покончит с лордом Гвеннином, — заметил Холод.

Мы обернулись к нему.

— Я встретил одну из служанок королевы по пути из кухни. Королева и Иезекииль проявили к Гвеннину особое внимание.

— Бедный мерзавец, — вздохнул Рис.

Даже помня, что именно он наложил заклинание на меня и Бидди, воспользовавшись долей смертной крови, текущей в наших жилах, я не могла не согласиться с Рисом. Одно дело — обычная пытка, другое — забавы королевы, а получить максимум внимания и от королевы, и от ее личного палача — это выводило боль на совершенно новый уровень. На такой, о котором я и думать не хотела.

— Но вы получаете в результате немного больше времени, — продолжил Холод, — вот что я хотел сказать.

Я взглянула на Адайра:

— Опусти свои щиты, лорд дубравы. Дай своей магии воззвать к моей, и пусть свет и тени запляшут по стенам.

Что-то похожее на боль мелькнуло в его глазах. Он прошептал так тихо, что, думаю, его не расслышал никто, кроме меня:

— Я боюсь.

Я не спросила, чего он боится, чтобы не дать другим мужчинам понять его слова, ведь он этого явно не хотел.

— Поцелуй меня, Адайр, просто поцелуй.

— С тобой это не будет просто поцелуем, — прошептал он. Я улыбнулась.

— Хочешь, чтобы я предложила это Иви или Готорну? Он опустил голову, едва не коснувшись макушкой моей груди.

— Нет! — почти выкрикнул он и поднял на меня глаза, и в этих глазах светились решительность, злость, гордость — все, что обычно в них было. — Нет, — повторил он — и снял щиты.

Его магия дрожала надо мной, трепетала над моей обнаженной плотью. Я содрогалась от малейшего прикосновения его силы, а ведь она еще и не проявилась толком — он всего лишь перестал ее экранировать. Я едва сумела выговорить:

— Почему я так странно реагирую на твою магию?

Он держался надо мной, опираясь на руки и пальцы ног. Ему пришлось дважды сглотнуть, чтобы суметь выговорить:

— Наша магия сходна.

— Подобное притягивается к подобному, — прошептала я.

— Я — та сила, что заставляет семя вырываться из его темницы и тянуться к солнцу.

Он начал опускаться, как в очень замедленном сеансе отжиманий, будто проталкиваясь сквозь слои энергии, и наши ауры вспыхнули двумя отдельными огнями. Я видела их в уме — тем зрением, которое никак не связано со зрительными нервами, зато очень сильно связано со снами и грезами. Он выдохнул сквозь эту энергию:

— А ты — земля, что принимает семя.

— Нет, — прошептала я, — земля — это Аматеон.

— Он — плуг, а не земля, — возразил Адайр.

Я качнула головой, вздрогнув от нового взвихрения его магии. Наши ауры, самая внешняя оболочка нашей магии, столкнулись — и две половинки соединились в целое.

— Аматеон — магия земли, оживляющая семя. Ты — солнечное тепло, зовущее семя на свет. Аматеон — повелитель неглубокой темноты, что хранит семя в его темной колыбели, пока ты его не позовешь. — Слова принадлежали мне, и голос исходил из моих уст, но теперь я умела распознавать отзвук Богини.

Сила Адайра так полыхнула, что мы оба зажмурились, как будто воображаемое пламя было самым настоящим. Моя сила вспыхнула в ответ — белое сияние в дополнение к его золотому жару.

Когда сияние померкло настолько, что снова стало видно лицо стража, глаза у него целиком светились ярко-желтым, словно магия поглотила другие цвета. Под его кожей будто зажгли огромную золотую свечу, и свет ее широкой полосой сиял в середине его тела, оставляя в относительной тени внешние края.

Моя кожа светилась так, словно во мне возшла полная луна. Но лунный свет — лишь отражение солнечного. Мое сияние стало ярче, отражая силу Адайра. Его сила словно питала мою.

Его губы почти касались моих, когда он прошептал:

— Если я — сила, что проращивает семена, а Аматеон — почва, что их хранит, то что же — ты, Мередит? Что ты такое?

— Я — жизнь, заключенная в семенах, Адайр. Я расту, я питаю свой народ, я умираю и возрождаюсь. Я возрастаю и уменьшаюсь. Я изливаю свет и прячусь во тьме, Я была всегда и всегда буду.

— Богиня, — прошептал он. — Дану.

Наши губы встретились, и его дыхание теплым вихрем ворвалось в меня. Я словно вдохнула самую его сущность, его магию.

Он оторвался от моих губ, и магия протянулась меж нами — теплая, густая, сладкая. Он

шепнул в эту теплую силу:

— Мередит...

Я чувствовала, как его тело опускается на мое.

— Мередит, — снова произнес он.

Он придвинулся ко мне, и я раскрылась ему навстречу.

— Мередит!

Он шептал мое имя, и оно жаром отдавалось по коже, пока мощный изгиб его тела искал путь в меня.

Мы соединились. Магия будто замерла на миг, будто задержал дыхание сказочный великан. Мы лежали на постели в интимнейшем из объятий, соединенные, как это только доступно мужчине и женщине, и это было как возвращение домой. Словно я целую жизнь ждала, пока этот мужчина обнимет меня, пока его тело войдет в мое. И то же ощущение чуда я видела у него на лице.

Сияние от центра его тела начало распространяться в стороны. Магия нарастала, великан был готов выдохнуть, и я уже не могла различить, что было плотью и что — магией.

И мир сместился.

Сквозь сияние белого и золотого света, которым стали наша магия и наши тела, я увидела воздвигающуюся вокруг нас темную равнину. Мы уже не были в спальне королевы. Дойл, Рис и Холод поднялись с земли и встали, глядя на нас. У меня мелькнула мысль о том, куда это ситхен нас перебросил, но большей части моего существа до этого не было дела. Мне не было дела ни до чего, кроме ощущения Адайра в моем теле. Наша магия расплескала тьму, разбила ее на свет и пляшущие тени, сила по-прежнему пульсировала и росла, пока мне не показалось, что моя кожа уже не в силах ее вместить. Что я растворюсь и стану светом. Я прокричала свое наслаждение в огни и тени нашей любви, но до конца еще было далеко.

Я чувствовала, как мои ногти рвут кожу Адайра, видела, как его тело истекает золотой кровью, будто солнечным светом.

Почва подо мной начала поддаваться, я будто проваливалась в нее, как это случилось с Аматеоном. Земля вспучилась и на миг будто вскипела, как вода, заливая мое тело мягкой теплой волной, и эта волна захлестнула меня всю, и Адайру пришлось пробиваться сквозь нее, загоня глубоко внутрь меня эту теплую будто кровь воду. Из теплой влага возникли руки. Руки и тело прижимались ко мне, следуя за потоком жидкости. Мускулы, кожа, тело — цельное и настоящее — сформировались подо мной. Я поняла, кто это, еще до того, как Аматеон поднял голову, встретившись со мной взглядом цветочных глаз. Он был во мне еще до того, как окончательно обрел материальность. Он был внутри, как и Адайр, и они делили меня.

Я опять закричала, на этот раз от удовольствия и боли одновременно. Они вдвоем были почти слишком для меня.

Адайр приподнялся на руках, а ладони Аматеона нашли мои груди.

Они наконец вошли в общий ритм и теперь словно слились воедино. Я открыла рот, чтобы крикнуть, чтобы сказать, что я больше не вынесу, и неожиданно меня захватил оргазм, обратив боль в наслаждение, невыносимое — в нужное. Моя плоть содрогнулась, и я ощутила их совместную дрожь, и новый оргазм заставил меня кричать. Их крики вторили моим.

Несколько мгновений мы бессильно лежали в объятиях друг друга. Сияние наше

слабело. Адайр свалился на меня, и я чувствовала, как колотится сердце Аматеона у меня под спиной. Лежать между ними было чудесно, но едва я об этом подумала, мое тело напомнило мне, что как только эндорфины окончательно прекратят действовать, будет больно — потому что сейчас боль была едва ощутима.

Я набрала воздуха, чтобы попросить их сдвинуться, но в этот момент тишину нарушил другой голос.

— Bravo, Мередит!

Она захлопала в ладоши, и вместе с ней захлопали и другие, потому что, когда королева аплодирует, свита делает то же самое.

Эндорфины испарились, будто их не было. Я невольно застонала. Черт, наверняка я вся в ссадинах.

— Мередит, — сказала она, — я и не знала, что ты на такое способна.

И она засмеялась собственным словам и еще продолжала смеяться, когда Адайр приподнялся достаточно, чтобы я ее разглядела.

Тело Андаис блестело в неярком свете, блестело от свежей и не такой уж свежей крови. Кровь покрывала ее с ног до головы. Длинные волосы липли к телу, пропитанные кровью и более густыми субстанциями.

Рис помог мне подняться, и я освободилась от Аматеона с Адайром. Он держал меня в объятиях, и я была этому рада, потому что вряд ли смогла бы стоять на ногах. Холод и Дойл стояли рядом с нами, не то чтобы защищая нас от королевы, но близко к этому.

— Мы искали тебя, племянница. Похоже, полицейские твои нам все-таки не были нужны.

— Что случилось? — спросила я севшим голосом.

— Наш убийца признался, Мередит, и криминалисты для этого не потребовались.

Она наклонилась почти до земли и выпрямилась, подняв руку; из руки к чему-то на земле тянулась толстая веревка. Я увидела все глазами до того, как мой мозг сумел это осознать. У ее ног, свернутое калачиком, лежало тело — настолько окровавленное и истерзанное, что я не могла даже определить, мужчина это или женщина.

Андаис потянула за веревку, и человек завопил. В руке у нее была не веревка. Она держала его внутренности.

— Слышишь меня, Мередит? Пытка добыла ответ на твою загадку раньше, чем полиция сумела хотя бы обработать свои так называемые улики. — Она еще раз дернула рукой, исторгнув жуткий крик из глотки мужчины. То есть это почти наверняка был мужчина.

Я прижалась к груди Риса и попыталась придать лицу самое безразличное выражение, на какое была способна. Совсем не показать испуг все равно не удалось бы — слишком уж жутким было зрелище. Чуть ли не самым жутким, что я видела, и полностью скрыть свои чувства даже надеяться не стоило. Я попыталась все же овладеть собой, не сумела и не могла уже понять, стоит ли об этом беспокоиться. Иногда Андаис злило, если ее труды не ценили по достоинству. Получать удовольствие от пыток я никогда не могла, так что мне оставалось лишь показывать ей, насколько жуткими и кошмарными я считаю ее таланты.

Она рассмеялась низким горловым смехом.

— Такая мина, Мередит! Ты находишь судьбу Гвеннина ужасной?

Я кивнула, плотнее прижимаясь к Рису. Его руки напряглись.

— Да, тетя, я считаю ее ужасной.

— Но мы получили результат, не станешь спорить?

Я бы могла... Но предпочла высказаться не впрямую.

— Если ты говоришь, что это Гвеннин, я поверю тебе, но вообще-то я бы его не узнала.

— О, это он. — Она посмотрела на тело у своих ног и сжала руку покрепче. Гвеннин застонал, но стон ее не удовлетворил. Она дернула сильнее, снова заставив его завопить. Это ей понравилось.

— Он сказал, почему он убил Беатриче? — Я не стала высказывать подозрение, что любой на его месте признался бы в чем угодно, от убийства Кеннеди до грабежа и разорения Рима, лишь бы прекратить мучения. Никто не смог бы выдержать того, что она с ним сотворила.

— Она разделила с ним постель, но потом отвергла ни с того ни с сего.

— Он убил Беатриче за то, что она отказалась быть его любовницей? — Я очень старалась не выразить голосом своего недоверия.

Андаис потянула за внутренности резко и быстро, вырвав из его глотки еще один крик.

— Скажи ей то же, что и мне, — велела она.

Он откашлялся и сплюнул кровью. Наконец он сумел заговорить. Голос был таким же измученным, как и его тело, сорванным от крика.

— Я не думал, что она умрет. Она же бессмертная, она — фейри. Я не воспользовался сталью или холодным железом. Удар не должен был быть смертельным. — Он снова закашлялся и начал оседать на землю, но Андаис потянула за кишки, и он попытался сохранить равновесие, опираясь на руку — с начисто содранной кожей.

Когда он слегка пришел в себя, я спросила:

— Ты ударил ее ножом в спину, потому что она не хотела больше быть твоей возлюбленной?

— Она была только развлечением, не возлюбленной.

— Развлечением? — переспросила я. — Потому что малые фейри не могут быть возлюбленными?

— Да, — сказал он этим своим сорванным голосом.

Странно, но мне уже не было жаль его так, как мгновение назад. То, что с ним сделали, было по-прежнему ужасно, и никто не заслуживал такого, но...

— Если она для тебя ничего не значила, то почему ее пренебрежение подвигло тебя к убийству?

— Я не собирался ее убивать. — Его голос пресекся — не от слез, просто от страданий, которые ему причиняла Андаис.

— Но если она была только игрушкой, ты мог найти десяток таких же. Множество малых фейри прыгнули бы в постель лорда-сидхе по первому знаку.

На бесформенном лице, где только в очертании скул сохранился намек на прежнего Гвеннина, не отразилось никаких эмоций. Андаис отняла у него мимику вместе с кожей и плотью. Но в голосе что-то прозвучало.

— Они не были бы Беатриче.

И в этом было все дело. Он любил ее как мог, а она его отвергла. Он не хотел убивать ее, только ранить — как она ранила его. Он ударил ее в сердце, как она ударила его. Ему неоткуда было знать, что фейри стали такими уязвимыми, что клинок — даже не из стали или холодного железа — ее убьет.

— А человек? — спросила я. — Зачем было убивать его?

— Он все видел, — сказал Гвеннин.

Я с силой выдохнула и прижалась к Рису. Я ничего так не хотела, как зажмуриться покрепче и не смотреть на это все. Но я смотрела. Если бы я была уверена на сто процентов, что смогу держаться на ногах самостоятельно, я бы сказала Рису отпустить меня, но свалиться в грязь — значило бы утратить и тот невеликий авторитет, который у меня все же имелся.

— Я бы хотела дождаться подтверждения от человеческой полиции и науки, просто в дополнение. На пресс-конференции все прозвучит лучше, если полиция сможет подтвердить наши слова.

— Пресс-конференция? Он умрет не позже завтрашней ночи.

— Тетя Андаис, он убил репортера-человека. Если мы не продемонстрируем его прессе сравнительно целым и невредимым, это подорвет всю репутацию, которую ты нам создавала долгими десятилетиями.

Она довольно громко вздохнула.

— В твоих словах есть резон, Мередит. Он понадобится прессе, и в лучшем состоянии, чем теперь. — Она улыбнулась, глядя на Гвеннина. — До чего жалко трогать исцеляющую магию на завтрашний труп.

Спорить было не с чем, но я заметила все же:

— Нам нельзя показывать его людям в таком виде.

— Думаешь, людей это расстроит?

— Это подтвердит все, что о нас говорят благие.

— Ты вся в грязи, я — в крови, не так уж мы отличаемся, — хмыкнула она.

Я посмотрела на свою руку, сжимавшую белую рубашку Риса, и признала ее правоту. Я вся была перемазана густой темной грязью. Амагеон был черным от грязи точно так же, как королева — красной от крови. Волосы липли к его телу по всей длине. Когда он исчез, волосы у него едва доходили до плеч, теперь они достигали по меньшей мере до икр.

Адайр был не так грязен, он лежал сверху. Но его волосы тоже спадали каштановыми волнами вдоль лица, а не топорщились коротким ежиком. Кудри еще не касались широких

плеч, но это было только начало.

Я повертела головой и убедилась, что мои собственные волосы, прилипшие к спине и плечам, тоже стали длинней. Они спадали теперь заметно ниже плеч.

— Ты черт знает во что превратила вход в мой тронный зал, Мередит.

— Прощу прощения, тетя Андаис, это не нарочно. — Мой голос звучал почти спокойно. Я попыталась не смотреть на огрызки от мужчины, что она держала на поводке из его собственных кишок, но было одинаково трудно и отвести взгляд в сторону, и не отводить. Я все же смотрела, потому что никак не могла соотнести гордого, высокого, высокомерного и красивого Гвеннина с этой лишенной кожи и большей части плоти фигурой у ее ног. Даже зная, что это он, я не могла его узнать. Она его уничтожила.

Кто угодно, кто угодно признался бы во всем, что она потребовала, лишь бы прекратить такую боль. Я не верила в полученное ею "признание", но не осмеливалась сказать об этом вслух. Она была абсолютно довольна собой. После хорошей и удачной пытки она была так счастлива, как это только было ей доступно. Наверное, всем нужно хобби.

— Там, где состоялся ваш милый тройничок, теперь бьет источник, — сообщила она.

Рис чуть передвинулся, чтобы я смогла это увидеть: и правда, земля вспучилась, и сквозь нее пробился родничок. Вода разлилась шире, отыскивая русло для маленького ручья, а может, впадину для озерца. Понадобится время, чтобы вода нашла себе путь и решила, как она захочет изменить облик земли. Пожелает ли она стать глубоким спокойным озером или быстрым потоком. Разумеется, парочка скал, на которых могла бы дробиться и играть вода, тоже не помешали бы.

Мне не стоило об этом думать. Единственное мое оправдание — в том, что я пыталась смотреть куда угодно, думать о чем угодно, только не об этом жалком огрызке, оставшемся от лорда сидхе.

Земля вздрогнула, как кожа лошади, когда на нее садится муха. Сквозь грязь и сочащуюся воду на глазах поднимались скалы.

— Кажется, ситхен оживает, — сказала Андаис, но голос у нее был совсем не такой радостный, как можно было ждать. — Думаю, глубокий зеркальный пруд в пару тому, что уже есть, был бы очень к месту. Как ты находишь, Мередит?

Я не знала, что сказать, потому что согласиться — значило бы соврать, а не согласиться было бы недипломатично. Она сощурила глаза и спросила:

— Ты не согласна, племянница?

— Не знаю, как сказать, тетя Андаис...

— Скажи правду, — предложила она голосом, ясно говорившим, что правда ей ни к чему, ей нужно согласие.

— Твои слова говорят одно, а тон — другое, и мне остается гадать, повиноваться ли твоим словам или твоему гневу.

Она рассмеялась, и, похоже, искренне.

— Ох, Мередит, у тебя не только волос прибавилось, но и дипломатии.

Потом ее глаза опять сузились, и она потребовала:

— Скажи правду, племянница: считаешь ли ты, что источник нужен для нового пруда?

Я облизнула губы и бросила взгляд на Дойла, пытаюсь попросить совета, что говорить. Андаис заорала:

— Не смей на него смотреть! Хочешь стать королевой, так думай сама. Отвечай!

— Нет, я не считаю, что здесь будет пруд.

— А что тогда здесь будет, племянница?

Руки Риса напряглись в знак предупреждения, хоть оно и не было мне нужно. Я видела злость Андаис, но она не оставила мне выхода. Если я солгу, говорил мне внутренний голос, я предаю саму магию, что объединяет землю и воду. Я не могла солгать, но королева не хотела слышать правду, что бы она ни говорила.

Она двинулась к нам, волоча за собой Гвеннина, и он завопил, тщетно ее моля и цепляясь за грунт переломанными пальцами.

— Что ты сделаешь из этого источника, Мередит? Веселенькую бормочущую речушку?

— Да, — сказала я. — Да, это было бы неплохо.

Земля опять вздрогнула и на этот раз расступилась, создавая русло. Земля сформировала речные берега, и скалы выросли из дна, чтобы вода струилась и пела между ними.

Королева подошла к пруду и фонтану, встала рядом с камнем, снабженным цепями в ожидании новых жертв.

— Я хочу, чтобы по берегам твоей речушки был регулярный парк.

Я чуть не ответила согласием, но она выставила вперед окровавленную ладонь.

— Нет, Мередит, не соглашайся, не подумав. Скажи что-нибудь, но сперва реши, чего ты хочешь. Убедись, что ты хочешь именно такого окружения для своего веселого потока.

Я посмотрела на Адайра и Аматеона:

— Вы помогли его создать, что вы посоветуете?

— Мередит, — поморщилась королева, — нельзя делиться властью, если хочешь править.

— Не только моя сила возродила эту землю и создала источник. Мы сделали это втроем. Почему бы им не помочь и теперь?

Она не нашлась с ответом и просто нахмурилась. Даже под маской из засохшей крови я видела ее недоумение.

Двое мужчин смотрели то на меня, то на нее. Рис замер в неподвижности, словно вздохнуть боялся.

— Ответьте ей, лорд дубравы и человек земли! — велела Андаис.

— Красивый луг, — сказал Аматеон. — Поляна с высокой травой и цветами. Богатый чернозем, на котором может вырасти все, что пожелаешь.

Адайр кивнул.

— Залитый солнцем луг — да, это было бы хорошо.

Я улыбнулась им — не могла с собой справиться.

— Да, красивый луг с цветами и травами, чтобы солнце его освещало и ласкала луна.

Черную землю пробили зеленые ростки. Они не превратились тут же в цветущие растения, но застелили землю, и зал вдруг наполнился весенним ароматом, ароматом свежей густой зелени. Земля была просто усеяна крошечными листочками. После всего сегодняшнего я даже не удивилась. Потолок исчез, и над головами вдруг оказался не камень, а почти неразличимое туманное небо. В голубой дымке светился и изливал тепло золотистый шар: в новом небе взошло солнце. Когда-то я слышала предание о том, что под землей нам светили луна и солнце, но никогда такого не видела и не надеялась увидеть.

Андаис уставилась на солнечный шар.

— Ты права, похоже. Вы создали это место втроем, и все три силы должны были проявиться. Но вот что запомни, Мередит. Ситхен теперь ожил, и он станет отвечать и на другую магию, помимо твоей. Будь осторожна с силами, которые пробуждаешь в других,

потому что не все они подойдут к твоим благим вкусам.

— Я — неблагая сидхе, тетя Андаис.

— Посмотрим, Мередит, посмотрим.

Она окинула меня взглядом, потом осмотрела себя. Кажется, она успела забыть, что держит в руке внутренности Гвеннина.

— Нам нужно привести себя в порядок. А потом повидаться с королем и разрешить очередную загадку.

— Какую загадку, тетя Андаис? — спросила я.

— Почему Таранис рискнул вызвать войну между нашими дворами из-за явного вранья? Почему его люди напали на моих из-за лжи какой-то благой шлюшки?

— Не знаю, тетя, — сказала я.

— И я не знаю, но узнаю, Мередит. Мы узнаем. — Она выпустила наконец внутренности Гвеннина и шагнула ко мне. Она была выше Риса минимум на шесть дюймов^[25], а сейчас, покрытая кровью, казалась еще выше... а может, просто страшнее.

— Поцелуй свою тетю, Мередит.

Я чуть не спросила зачем, но одумалась. Поступок ее был отчасти продиктован жестокостью, но кроме того, всякий, к кому я сегодня прикасалась, что-то приобретал. Может, то, что я к ней прикасаться не хотела, придавало всему в ее глазах особое очарование.

— Конечно, тетя Андаис, — сказала я почти спокойно.

— Тебя не тошнит при мысли дотронуться до меня вот сейчас?

Опасный вопрос.

— Ты пугаешь меня, тетя, сказать что-то другое было бы ложью.

— Тогда поцелуй меня, племянница, и дай мне ощутить вкус страха на этих алых благих губах.

Я крепче сжала руку Риса, как ребенок, ищущий защиты от ночных страхов. Она наклонилась к нагл, и я подняла лицо ей навстречу, боясь не повиноваться.

Королева прижалась ко мне губами, но ей этого было мало. Она сгребла мои волосы на затылке и ворвалась в меня языком. Она целовала меня так жестко, что мне оставалось либо открыть рот, либо поранить губы собственными зубами. Я открыла рот и ощутила вкус ее губ, ее языка и сладко-соленый, приторный вкус крови Гвеннина. Она пила его кровь, и ее рот был ею просто пропитан.

Кровь — одна из самых драгоценных жидкостей. Это сама жизнь, это великий дар, если его дают добровольно, но сейчас это не было добровольно. У Гвеннина кровь отняли, отняли насильно самую его суть.

Я вцепилась ногтями в руку Риса, борясь с тошнотой, не смея проявить отвращение. Я заставляла себя дышать, заставляла глотать, не вытошнить все, что во мне было, прямо на Королеву Воздуха и Тьмы.

Андаис отвалилась от поцелуя, рассыпая глазами искры. Она просто сияла.

— Тебе это совсем не понравилось, правда же?

Я глубоко, очень глубоко вдохнула. Меня не вытошнит. Мне нельзя. Я не могла представить, что она сделает, если это случится, а Гвеннин у ее ног очень живо напоминал мне, на что она способна. Сам вкус в моем рту напоминал мне об этом, и я постаралась не заострять внимание на этом вкусе. Я справилась и с дыханием, и с желудком, но с лицом, я знала, мне справиться не удалось. Ничего не могла поделать.

Она засмеялась: отрывистый, свирепый, радостный звук, похожий на крик сокола.

— Наверное, прежде чем отречься от трона, я потребую от тебя провести со мной ночь.

Ты настолько человек, настолько благая! Тебе не понравится, что я с тобой сделаю.

— Если бы мне это понравилось, зачем бы тебе это делать? — сказала я, в голосе злость явно преобладала над страхом. Затормозить я не успела.

Она покачала головой едва ли не с грустью.

— Ну вот опять, Мередит. Со словами все в порядке, а тон говорит: отымай саму себя и свою лошадь в придачу.

Я посмотрела ей в глаза и на этот раз не пыталась ничего скрыть. Ей нравилась моя ненависть. Она будет счастлива, принудив меня спать с ней, в том числе к тому, что я ненавижу ее, а она ненавидит меня.

— Скажи, что думаешь, Мередит. Скажи своей дражайшей тетушке те слова, которые подойдут к этой злобе в благих глазках, — В ее мурлыкающем голосе перемешались воедино злость, соблазнение и обещание боли.

Рис сжал меня крепче, все тело его напряглось. Я сказала:

— Мы ненавидим друг друга, дражайшая тетушка, и всегда ненавидели.

— А что ты думаешь о том, что я затащу тебя себе в постель?

— Что мне следует занять твой трон как можно скорее.

В толпе послышались потрясенные вздохи. Андаис расхохоталась.

— Ты угрожаешь мне?

— Нет. Когда я держала в руках умирающего Галена, я думала, что это слишком высокая цена за любой трон. Я и сейчас так думаю, но спасибо тебе, дорогая тетя, за напоминание, что я либо стану королевой, либо умру.

— Оказаться в моей постели — это еще не смерть, Мередит.

— Иногда, дорогая тетя, смерть души страшнее, чем смерть тела.

— Хочешь сказать, что, если я тебя заставлю, я убью твою душу? — Она опять рассмеялась.

— Это убьет что-то во мне, и ты, несомненно, получишь от этого удовольствие.

— Да, — согласилась она. — Получу.

Я ощутила запах роз — нежный, тонкий запах. Андаис оглянулась по сторонам.

— Что это пахнет?

— Цветы, — сказала я.

— Здесь нет цветов.

Я посмотрела прямо в покрытое засохшей кровью лицо.

— Будут.

Единственное слово обладало весом и силой.

— Розы — хрупки, Мередит. Они не растут в саду без присмотра садовников.

— Диким розам присмотр не нужен, — сказал Дойл.

Королева повернулась к нему.

— Что это ты лепечешь, Мрак?

— Разве ты не чувствуешь, моя королева? Это запах не садовых роз, это пахнет шиповник, дикая роза, а ей не нужны ни грядки, ни садовники. Скорее напротив, ее почти невозможно вырвать и уничтожить, если она пустила корни.

— Не подозревала, что ты интересуешься садоводством, Мрак.

— Эта роза создаст сад для себя сама, где бы ни выросла.

Она уставилась на него, вглядываясь в бесстрастное лицо, словно увидела что-то, что я не могла прочесть.

— Осторожней, Мрак, не влюбись в розу, у нее есть шипы.

— Да, — согласился он, — всегда нужно помнить о шипах, когда собираешься сорвать розу.

— И ты поранишь меня своими шипами, Мрак?

— Зачем розе шипы, если они не ранят?

— Это угроза? — спросила она.

— Что, если часть души, которую ты украдешь у Мередит, это та самая часть, что взывает к ситхену? Что, если часть ее радости, которую ты убьешь, это та часть, к которой обращается Богиня? Неужели ты уничтожишь все, что едва проснулось, ради темного позыва?

— Я здесь королева, Мрак!

— Твой брат Эссус тебя любил, — сказал Дойл.

Это напоминание прозвучало странно даже на мой слух. Королева нахмурилась.

— Почему ты заговорил о моем брате?

— А почему Эссус не стал королем? — спросил Дойл все тем же невыразительным голосом.

— Он отказался от трона.

— Неправда.

Королева облизнула губы.

— Он не захотел убивать меня ради трона.

— Эссус слишком тебя любил, — сказал Дойл. Андаис снова повернулась ко мне.

— А его дочь меня терпеть не может. Это ты хотел сказать, Мрак?

— Мередит, дочь Эссуса, не любит тебя, Андаис, Королева Воздуха и Тьмы.

Она прищурилась.

— Ты мне угрожаешь!

— Я говорю, что тех, кто желал видеть Эссуса на твоём троне, остановила его любовь к тебе. Теперь же между тобой и опасностью не стоит ничья любовь.

Я бы очень хотела получше видеть ее лицо, но кровь почти все скрывала.

— Значит, ты служил мне лишь по обязанности, Мрак.

— Нет, моя королева, не по обязанности.

— Но сейчас ты меня не любишь.

— Нет, — сказал он. — Эту часть меня ты убила уже давно.

— А если я скажу, что Мередит никогда не получит мой трон, никогда не станет королевой, что ты скажешь на это?

— Что мы уйдем, все, кто пожелает, и найдем место изгнания в Западных землях.

— Ты не можешь говорить это всерьез!

— Я серьезен в каждом слове, Андаис, Королева Воздуха и Тьмы. Я всегда говорил всерьез, обращаясь к тебе.

Он не сдержал тихий звук, вырвавшийся из груди. На щеке блеснула слеза.

— Я не... — Она осеклась и начала снова: — Я не знала.

— Ты меня не замечала, — сказал он, и голос уже был ровным.

— Но ты всегда был рядом со мной.

— И все же ты меня не видела.

— А она тебя видит, Мрак? Она тебя видит по-настоящему?

Он кивнул:

— Да, она меня видит. Она видит нас всех.

Несколько мгновений они глядели друг другу в глаза, и она отвернулась первой.

— Иди — и забирай с собой свою розу вместе с ее шипами. Все, все убирайтесь!

Ей не нужно было просить дважды. Рис понес меня к двери через весь зал. Я была почти уверена, что могла бы идти сама, но быть в его объятиях — это было именно то, что мне нужно. Я уцепилась руками за его шею и смотрела на тетушку поверх его широких плеч.

Придворные из ее свиты какое-то время колебались, не уверенные, что приказ относится и к ним. Она закричала:

— Вон, вон! Все уходите, все!

Они быстро попятились. Даже Гвеннин попытался уползти. Андаис наступила на длинные спутанные ленты его внутренностей, и ее голос взвился в злобном визге:

— Нет, Гвеннин, не ты.

Мы добежали до дверей, открыли их и закрыли за собой, прежде чем первый жуткий крик прорезал воздух. Если б я могла забрать Гвеннина с собой, я бы это сделала. Потому что я никого не хотела бы оставить на милость королевы.

Дойл вдруг отставил нас с Рисом себе за спину. Секундой позже и я услышала: кто-то бежал. Сюда бежала группа людей. У Адайра и Аматеона оружия не было, так что они заслонили меня живым щитом. Мне пришлось ждать за спинами мужчин, которых я больше не хотела ставить между собой и опасностью. Надо будет поскорее завести стражей, которых я не так сильно любила бы. Я услышала голос Галена: "Где Мерри?" Аматеон с Адайром чуть не попадали от облегчения. Мне хотелось рассмеяться, или заплакать, или просто растолкать всех в стороны, чтобы открыть себе обзор. Но мы послушно ждали, пока Дойл разрешит нам сдвинуться с места.

Сперва разошлись в стороны люди, образовавшие первый барьер защиты, и только потом Аматеон и Адайр встали по бокам от меня. К нам шли Гален и все прочие, оставшиеся в спальне. Дойл заверял их, что со мной все в порядке.

Гален прорвался сквозь толпу, развел руки, чтоб обнять меня, и остановился, расхохотавшись.

— Чем вы тут занимались, люди? В грязи играли?

Мы трое обменялись взглядами.

— Точно, — кивнул Адайр. — Грязью был Аматеон.

Гален несколько растерялся.

— После, — сказала я. Среди стражей я заметила свежевылеченное лицо: Онилвин. — Давно он с вами?

Гален без труда понял, о ком я.

— Он появился, когда мы бежали искать тебя.

— Почему вы не сказали нам, что происходит? — спросил Иви. — Мы бы схватились за вас, прежде чем Мерри так внезапно исчезла.

— Времени не было, — сказал Дойл.

— Мы сами едва успели до них дотянуться, — добавил Холод.

Рис спросил:

— Как вы узнали, где мы?

Китто вышел из-за спин стражей. В руке он держал обнаженный меч. Он поднял вверх

руку с нарисованной бабочкой:

— Я шел за ней.

— А мы шли за Китто, — сказал Гален и притянул меня к себе, извозившись в грязи.

— Могу ли я подойти ближе, принцесса? — спросил Онилвин.

Я попыталась отыскать в его лице презрение или ненависть, но он старался сохранить спокойствие и преуспел в этом.

— Да, можешь.

Другие мужчины образовали для него своего рода коридор. Гален обнимал меня одной рукой, крепко прижимая к боку. Аматеон и Адайр заняли свои посты по бокам от нас; даже измазанные в грязи и безоружные, они выглядели настоящими воинами. Когда-то я считала Аматеона и Онилвина друзьями, но сейчас расстановка сил была вполне очевидна. Мои стражи были моими, и они не были уверены, что Онилвин принадлежит к их числу.

Он упал на колени передо мной.

— Я слышал сотню слухов, принцесса Мередит. Если хоть половина из них правдива, мне остается лишь молить о прощении и просить принять мою службу.

— А как же с принцем Келом? — спросила я. — Что ты сделаешь, когда он выйдет на свободу и потребует тебя обратно?

— Я давал клятву королеве, но не ему.

— Ему ты отдал свою дружбу, Онилвин.

— У принца Кела нет друзей, только приспешники и партнеры по постели.

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь отыскать в них ложь, но не нашла.

— Не верю я в такую перемену, Онилвин.

— Что мне сделать, чтобы доказать свою искренность?

Я подумала и ничего не придумала. Высокий жуткий крик раздался из-за дверей. Те, кто не знал о судьбе Гвеннина, вздрогнули или повернулись к дверям. Онилвин побледнел.

— Кто там? — прошептал он.

Я объяснила:

— Гвеннин был ее союзником...

— Уже нет, — сказал Дойл. — Теперь он только мясо.

Онилвин опустил голову, а когда поднял ее снова, в глазах у него различалось что-то, очень похожее на боль.

— Кел не раз говорил о времени, когда он займет место своей матери. Он собирался занять ее место во всех смыслах этого слова, принцесса. Он бредил тем, чтобы все придворные дамы стали его игрушками. Его фантазии были темнее, чем только можно вообразить, принцесса Мередит. Он грезил о тебе, принцесса. Он говорил, что раз уж его матери так приспичило видеть тебя беременной, то это его семя наполнит твое чрево.

Последнюю фразу он произнес хриплым от ужаса голосом, не зная, как я отреагирую на такие слова.

— Планы моего кузена в отношении меня мне известны.

Онилвин явно удивился.

— Кто...

— Друг, — сказала я. Еще прежде, чем Дойл закончил отрицательный жест, предупреждавший меня не выдавать гвардейцев Кела. Я верила этому новому, вроде бы искреннему Онилвину не больше, чем сам Дойл.

— Я хотел бы быть тебе другом, принцесса.

— Ты просто хочешь секса, — довольно враждебно бросил Гален.

— Как и все мы, но я теперь предлагаю ей свою подлинную верность.

— А что ты предлагал ей раньше? — спросил Аматеон.

— Я был шпионом Кела, как и ты.

— Я поддерживал его притязания на трон. Шпионом я не был.

Онилвин пожал плечами:

— Называй это как хочешь. Но я пришел сюда из-за обещания секса и для того, чтобы быть глазами и ушами Кела.

— А теперь? — спросила я.

— Я буду чем ты захочешь.

— Тебе надо почаще заезжать сковородкой ему по физиономии, — сказал Рис, — похоже, ему это нравится.

Еще один крик разорвал воздух. И следом — беспомощные рыдания.

— Уйдем отсюда, — предложил Дойл. — До того, как она насытится своей игрушкой и станет искать новую.

Мы все пошли за ним по коридору. Онилвин не поднялся с колен, и мы так и оставили его торчать у дверей. Я подумала, что сделает королева, если выглянет и обнаружит его в такой позе? Что-нибудь жуткое, без сомнения.

Он смотрел на меня отчаянными глазами. Будто в шкуру Онилвина затолкали кого-то другого.

— Идем, Онилвин, я не оставлю тебя у дверей, словно подарок от тайного друга.

Он робко улыбнулся и заторопился за нами. Мне не нравилась такая перемена в его мыслях. Слишком уж резкая. Но может, он просто был прихлебателем по призванию и, как все хорошие лизоблюды, умел распознать сильного. Если он поменял сторону, то только потому, что ожидал приобрести в результате больше веса при дворе. Именно этого добиваются прихлебатели. Сколько из них в ближайшие недели покинет Кела и прибьется ко мне? И сколько будут выжидать, не принимая ничью сторону, пока не поймут, кто же останется на ногах в конце дистанции?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Yule (Йоль, Юле) — один из главных праздников годового цикла у кельтов, отмечал день зимнего солнцестояния (22 декабря). Позднее преобразован церковью в рождественский сочельник.

Sidhe (сидхе, силы, ши) — в мире Мерри высшие фейри; в ирландской мифологии и фольклоре — обитатели нижнего мира (холмов, называвшихся "ситхен"). Сиды отличались от людей прежде всего владением магическим искусством, а не собственно "божественностью".

Брауни — одна из разновидностей низших фэйри. Наиболее близки по духу русским домовым или барабашкам. Маленькие (около трех футов ростом) человечки с коричневой кожей и в коричневых лохмотьях, любят проказничать в доме или помогают вести хозяйство, если обходиться с ними с достаточной почтительностью и ставить для них блюдечко молока. В брауни верили в Шотландии, как в равнинной, так и в горной, и в северной и восточной Англии. В западных графствах работу брауни иногда выполняют пикси, хотя в остальном они заметно отличаются.

около 168 см.

Шалфей — эльф-крошка, бывший возлюбленный королевы фей-крошек Нисевин, отправленный ею к Мерри в качестве посредника.

Баринтус — другое имя Мананнана Сына Моря, самого известного из морских богов в ирландской традиции. Он был богом не всего океана, но преимущественно акватории вблизи острова Мэн. По некоторым преданиям — хранитель Благословенных Островов и Грааля. В "Жизнеописании Мерлина" он уносит раненого короля Артура вместе с пророком Мерлином и бардом Талиесином в иной мир на лечение.

127 см.

Толпа (Воинство) неприкаянных мертвецов. Самые ужасные из магических существ в представлениях шотландских горцев. По некоторым представлениям, они летают в тучах и в ненастные ночи разыгрывают сражения в воздухе, как люди — на земле. Эти духи убивают кошек, собак, овец и коров не знающими промаха стрелами. Люди не в силах противостоять их зову. Люди убивают и калечат по приказу духов, а те в уплату втоптывают их в грязь и топят в болотах и озерах. Слуа и фейри в мифах различают: фейри ходят по земле и появляются на закате, в сумерках, а слуа летают по воздуху и показываются только после наступления ночи, в особенности около полуночи.

Прототипом принца Эссуса является Езус (Esus), один из трех верховных богов древних кельтов — наряду с Таранисом и Тевтом. Предполагается, что ему приносили человеческие жертвы, причем жертву вешали на дереве и, возможно, наносили удары, чтобы человек истекал кровью. Считается, что этот бог олицетворял смерть как избавление от старого и отжившего.

Фейри в западных графствах Англии: Сомерсет, Девон, Корнуолл. По обычным представлениям, невысокие (к примеру, дюймов 18 — около полуметра). Любят запутать прохожего, завести в незнакомые места. В Сомерсете они одевались исключительно в зеленое.

Сокращение от "хобгоблин". В них верили в разных частях Британии; это дружелюбные людям малые фэйри.

ОКОЛО 90 СМ.

Ivy в переводе с английского — "плющ".

примерно 183 см.

Героиня кельтской (валлийской) мифологии. Имя в переводе означает "цветолика", "лицо как цветок". Мифический герой Ллу (Llew) был обречен матерью, Ариакрод, не иметь имени, оружия и жены, рожденной женщиной. Два первых запрета он разными путями обошел, а для "соблюдения" третьего его дядя Гвидион (Gwydion) и двоюродный дед Мат (Math) создали ему "цветочную невесту" из цветов, бутонов и девяти различных элементов. Невесту выдали за Ллу, не спросив ее мнения, и она вскоре влюбилась в случайно встреченного охотника, Грону Пайбера (Gronw Pebr), и подговорила его убить ее мужа. Она вызнала, как можно убить Ллу (в чем-то это близко к истории Самсона и Далилы): она привязала его за волосы к столбикам кровати. Убийство удалось, но Ллу был воскрешен Гвидионом, гнался за Грону и догнал. Грону Пайбер взмолился о пощаде, и ему разрешили заслониться от Ллу самым большим камнем, какой он мог удержать. Копье Ллу пробило насквозь и камень, и человека. Гвидион наказал Блодайвет, превратив ее в сову.

ОКОЛО 173 см.

В валлийских мифах одна из собак Дикой охоты, предводителем которой считался Гвин (или Гвидион) ап Нудд, легендарный герой.

Ренпугоуал (англ.) — народное название мяты болотной.

около 25 см.

Падуб и Ясень — полукровки гоблины-сидхе. Я знаю, что мне нужно точно договориться, какого рода секс я им позволю. Чего еще мне нужно опасаться с их стороны?

У Л. Гамильтон крупные злобные фейри, выше человеческого роста, подчиняются царю гоблинов Курагу.

Кельтский бог врачевания, повелевал собаками и мог превращаться в собаку. Ассоциировался с римским Нептуном, а также с солнечным божеством Нуддом (Nudd или Lludd) и с мифическим героем Нуадой Серебряной Рукой (Nuada или Nuadu of the Silver Hand).

Верховная богиня в пантеоне кельтских божеств; мать богов, предок Tuatha De Danann, позднее преобразившихся в Daoine Sidhe, ирландских эльфов. Tuatha De Danann дословно означает "племя богов, чья мать — Дану". Прерогатива Дану — "дар фей", то есть музыкальные способности.

Готорн (Hawthorne) — боярышник (англ.).

около 15 см.